

Марина Ефиминюк

С ПРИВЕТОМ
ИЗ ДРУГОГО МИРА!

Annotation

В старом замке возле озера мертвых жил-поживал темный колдун. Тихо и спокойно, почти никого не трогал, пока старый король не приказал ему жениться. В пятый раз. И быть этой сказке самой печальной историей о несчастном браке, ведь добровольно никто не пойдет к алтарю с воплощением зла... Но в жены ему досталась я, случайная гостья из другого мира. Я планирую жить в его замке долго и счастливо. С большим комфортом! Даже если колдун категорически против.

- [Марина Ефиминюк](#)
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [ГЛАВА 1. С пробуждением!](#)
    - [ГЛАВА 2. В смысле, принца не будет?](#)
    - [ФОСТЕН МЕЙН](#)
    - [ГЛАВА 3. Замок синей бороды](#)
    - [ГЛАВА 4. Соседи по договору.](#)
    - [ГЛАВА 5. Кастинг на роль служанки](#)
    - [ФОСТЕН МЕЙН](#)
    - [ГЛАВА 6. Свекровь из ада](#)
    - [ГЛАВА 7. Лучше чума, чем незваные гости!](#)
    - [ФОСТЕН МЕЙН](#)
    - [ГЛАВА 8. Цена в базарный день](#)
    - [ГЛАВА 9. Трудности укрощения единорогов и строптивых мужей](#)
    - [ФОСТЕН МЕЙН](#)
    - [ГЛАВА 10. Битва зла с добром](#)
    - [ФОСТЕН МЕЙН](#)
    - [ГЛАВА 11. Леди Мария Мейн](#)
    - [ЭПИЛОГ. С приветом из другого мира](#)
-

Марина Ефиминюк
С приветом из другого мира!

ПРОЛОГ

Фостен Мейн следил, как приехавшие с королевским советником стражи, пыхтя и прея, вчетвером затаскивают в кабинет огромный прикрытый тканью портрет. Тот уперся в притолоку и застрял. Носильщики в страхе обернулись к хозяину замка. Злить темного мага, способного испепелить одним взглядом, они боялись.

– Дальше, – сухо велел Фостен.

Сдержанный приказ произвел эффект магического пинка. Стражи старательно поднажали, портрет перестал цепляться за дверной проем. Тряпка собиралась гармошкой, постепенно оголяя богатую золотую раму и темный холст. В конечном итоге жалко повисла, зацепившись за уголок.

Картину прислонили к стене, едва не задев светильник. С другого конца кабинета на Фостена смотрела светловолосая девица, его будущая жена. В голубых глазах – бедно с интеллектом, зато в низком вырезе платья неожиданно богато тем, что леди показывали в вырезках. Возможно, художник увлекся во время работы или решил заказчице польстить.

– Ивонна Артисс. Хороша? – Королевский советник окончательно сорвал ткань и показным жестом отбросил на пол. – Его величество лично выбирал. Родственники девицы в восторге.

В народе ходили слухи, что четырежды вдовец Фостен Мейн своих жен пожирал. Нашелся же идиот, готовый отдать дочь на съедение колдуну! С другой стороны, старый сводник с мнением внучатого племянника или его будущей родни не считался.

– Она приемная дочь? – в недоумении вскинул бровь Фостен.

– Обижаешь, чистая аристократическая кровь! На три поколения ни одного конюха! – возмутился советник. – Воспитана, вышколена и невинна, как душа младенца.

Собственно, как и предыдущие супруги колдуна. Других у королевских свах не водилось.

– Невинность королевский звездочет просчитал? – с иронией уточнил он.

Пропустив злой сарказм мимо ушей, советник торжественно вытащил из внутреннего кармана свернутый трубкой королевский указ и собрался громко, с выражением зачитать.

– Уймись, – отказался счастливый вдовец в пятый раз слушать приказ скоренько жениться от назойливого родственника. Все равно, как показывал опыт, в тексте менялись исключительно имя и возраст невесты.

– Держи! – Столичный гость пересек кабинет и протянул Фостену лист с гербовой печатью.

– Оставь себе, – отказался забирать он.

Бумагу советник пристроил на неприбранный письменный стол и придавил сверху шкатулкой, чтобы не снесло сквозняком. Из-под крышки угрожающе потек черный дым. Магические артефакты не любили, когда их трогали чужаки.

– Свадьба в следующем месяце в семейной часовне Артиссов, – объявил советник. – В указе все написано. Поздравляю, дружище! Счастливого брака и здорового приплода. Может, теперь повезет.

Жаль, что в реальности тяжелыми взглядами невозможно ни испепелить, ни проклясть. Продолжать магический род Фостен не планировал, чем неимоверно удручал троюродного венценосного деда.

Его величество, возможно, успокоился бы на бастарде, однако имелась загвоздка. У мужчин из рода Мейн отпрыски появлялись лишь в законном браке. Без вариантов. Больше века назад королева Милдрет навела ядреное заклятье на гулящих сыновей. Неожиданно зловредная магия расплзлась по ветвистому семейному древу и перекинулась на потомков. Никто не сумел побороть.

Фостена это устраивало. Детей он видел только в кошмарных снах, а уж кошмары у него были затейливые. Но едва темному магу исполнилось тридцать, король начал его женить. Грозил отобрать родовой замок с землями и настойчиво женил. Каждую весну новая невеста. За четыре раза не успокоился, предпринял пятую попытку. Юбилейную!

На следующий день огромный портрет попытались вытащить из кабинета. До дверного проема не донесли. Дворецкому Вернону прострелило плечо, секретарю Хэллавину отбило ногу углом рамы.

– Что делать, хозяин? – простонали калеки в два голоса.

Стараясь справиться с раздражением, Фостен потер переносицу и проскрипел:

– Оставляйте.

– Мы его прикроем, – пообещал позеленевший от боли дворецкий и скрюченный пошел искать, чем прикрыть ясный лик будущей хозяйки замка.

Почти две декады Ивонна Артисс взирала на Фостена с портрета, так ничем и не прикрытая. В конечном итоге он затянул холст черной магической вуалью. На следующий день в завесе внезапно появились две дырки, а в них – томные глаза будущей супруги. Она словно издевалась и продолжала следить за женихом, вызывая в нем приступы раздражения.

В одно мрачное, как настроение Фостена, утро секретарь пришел на завтрак с постной миной. Трапезы в замке в принципе никому не приносили удовольствия. Повар готовил не просто отвратительно, а чудовищно, но заменить его было попросту нечем.

– Господин Мейн, – со скорбным видом проговорил Хэллавин, – у меня дурные вести.

– Говори, – согласился он, втайне надеясь, что повар Тобольд все-таки сжалился и свалил из замка.

– Ваша невеста ушла из жизни.

– Да неужели? – протянул Фостен, с большим интересом посмотрев на помощника.

– Представляете, какая недолговечная оказалась девица? – вздохнул тот. – Самоустранилась и выбыла из подготовки к свадьбе. Жениться не придется! Отправить ее родителям письмо с соболезнованиями?

– Пусть вернут свадебные дары, – буркнул дворецкий Вернон, ставя на стол фарфоровую супницу с кашей.

Никого не смущало несоответствие посуды с наполнением. После четырех жен в замке вообще было туго с приличным фарфором. Фостен искренне недоумевал, почему женщины помешаны на тарелках и чашках, но, отбывая в лучшую жизнь, каждая прихватывала сервиз.

– Отправь похоронный венок. Напиши, чтобы свадебные дары не возвращали, – отдал он распоряжения и потребовал: – И портрет уберите из кабинета!

– Из уважения к покойной следует провести с ней еще четыре декады, пока душа не покинула наш мир, – припомнил дворецкий вообще все религиозные традиции двуединого бога, хотя никогда не страдал набожностью. Лишь бы не вытаскивать.

Фостен выразительно кашлянул. Слуги разом сникли, хмуро переглянулись и днем выволокли портрет в коридор. Потом у дворецкого прострелило поясницу, секретарю прищемило другую ногу. Только повар Тобольд не пострадал. Во время перевалки картины он управлял процессом и успел отскочить, когда тяжелая бандура снова сорвалась на пол.

Через седмицу Хэллавин втянулся в кабинет бочком. Он сцепил руки в замок, опустил голову и, изображая глубокую скорбь человека, вынужденного каждый день проверять почтовый артефакт, объявил:

– Господин Мейн, у меня опять дурные вести.

Фостен поднял глаза от шкатулки, которую ковырял с самого утра, а та беспрерывно кололась черной магией и чадила. Секретарь мялся.

– Дед умер? – тихо подсказал маг.

– Ваша невеста воскресла, – выдавил Хэллавин. – Сегодня написали из дома Артиссов. Девица здорова, счастлива и мечтает выйти замуж. Свадьба будет.

– Они ее воскресили или откачали?

– В письме не уточняется. Мне очень жаль, но придется жениться... И что делать теперь с портретом? – Секретарь шумно сглотнул. – Занести обратно?

– Не надо, – сухо отказался Фостен лицезреть голубые глаза ожившей невесты.

– Наверное, нам следует подготовить женскую половину замка, – тихонечко предложил Хэллавин. – Нанять в городе служанок?

– Зачем? – Он невесело усмехнулся. – Эта девица все равно здесь ненадолго...

ГЛАВА 1. С пробуждением!

– Отмучилась сердечная, – заключил скорбный женский голос, и кто-то рядом надрывно завыл.

Святая наивность, честное слово. Какой там отмучилась? Я в процессе!

Голова взрывалась от боли. Ни пошевелиться, ни глубоко вздохнуть. Ладно, я не амбициозная: достаточно просто приподнять веки, чтобы с укором посмотреть на плакальщиц. Зачем так вопить, будто действительно кто-то умер?

– Помоги нам двуединый! – пронзительно прорыдали почти мне в ухо.

Всегда считала себя стальным прутком, металлической скобой, чугунным мостом... Ну вы поняли. Впервые в жизни меня победили. И это была мигрень! Сознание схлопнулось, словно кто-то повернул невидимый рубильник.

Проснувшись я поздним вечером от заунывного пения мобильного телефона. Не помню, что меня заставило изменить мелодию будильника, но звучал он отвратительно. Еще и лицо оказалось прикрыто платочком! Совсем крышей двинулась.

Сдернув лоскут, я с наслаждением вздохнула полной грудью и потянулась всем затекшим телом. Мелодия оборвалась. В воцарившейся тишине кто-то громко охнул. Остатки сна слетели мгновенно. В панике я подскочила на кровати и оцепенела. Вернее, сначала изумилась, а потом оцепенела.

Ведь действительно двинулась! Крышей. Полностью.

Незнакомая просторная комната походила на музейный зал, а кровать со столбиками и балдахином напоминала экспонат. Вокруг горело столько свечей, что в глазах рябило. В изножье стояли люди в черных одеждах, совершенно непохожие на охрану...

– Здравствуйте, – оторопело поздоровалась я чужим, незнакомым голосом.

Рядом кто-то подозрительно крикнул, словно собрался отправиться на тот свет. Возле кровати обнаружился полуобморочный

священник. Прижимая к груди томик с писанием, он остолбенел с открытым ртом.

– Вы пастор в этой секте? – тихо, чтобы не пугаться собственного голоса, спросила у него. – Святой отец, давайте разойдемся по хорошему. Обещаю, что не стану вызывать полицию...

– На каком языке она говорит? – заговорили тихонечко сектанты.

Стало очевидным, что я их понимаю, а они меня – нет.

– На русском. С рождения. Но могу еще по-английски, – самым доверительным тоном объяснила я и прикинула, куда бежать. Вообще, получалось, что только под одеяло.

– Да что же вы все стоите? Дочь пробудилась! – отмерла светловолосая женщина и дернулась к кровати.

– Не приближайтесь, леди Артисс! – внезапно сильным и властным голосом выкрикнул священник, заставив ее затормозить, а меня вздрогнуть. – Она демон! Я ее упокою и закончим прощание!

Он решительно сунул мне под нос захлопнутый томик. Хорошо, не шлепнул по голове. После умопомрачительного приступа мигрени я действительно превратилась бы в демона.

– Изыди, злой дух, из тела молодой госпожи! – провыл святой отец. – Тело госпожи, упокойся. Во имя двуединого!

Возникла странная пауза. Люди затаили дыхание. Может, ждали, что у меня, как в ужастиках, из ушей повалит черный дым и злой дух покинет тело. В полном шоке я разглядывала на обложке книги золотистую загогулину. Веко дергалось.

– Мы в дурдоме, да?

– Засни обратно, – тихонечко сцедил священник. – Сейчас же!

– Честное слово, святой отец, и рада бы, но уже выпалась.

Пальцем я отодвинула книгу от своего лица. Пастор закатил глаза и все-таки отправился в путешествие по глубоким слоям подсознания, с грохотом рухнув на пол. Мне тоже захотелось обратно в обморок, ведь я увидела собственную руку. И не узнала. Маленькая, холеная, с тонкими пальцами она словно принадлежала другому человеку. Где крошечная татуировка клевера над мизинцем? Куда делся шикарный маникюр за неприличные деньги, оставленные в салоне всего два дня назад?!

– Боже, – охнула я и прижала эту чужую руку к груди.

Тут меня ждало новое потрясение, потому как у меня обнаружилась... собственно, грудь. В смысле, нормальная, которую можно разглядеть под одеждой. И это было крайне, просто чудовищно неправильно! Женственными формами я похвастаться не могла, даже когда не влезала в любимые джинсы.

После самоустранения борца с нечистью зрительный зал прорвало. Люди галдели. Пастору никто не торопился помочь, а сам он в себя не приходил. Может, от стыда притворялся.

Кто-то выбрался в коридор и надрывно заорал, что молодая госпожа воскресла. Теперь она совсем живая! От потрясения я пропустила тот момент, когда до кровати добралась женщина, назвавшая меня дочерью, и обняла до хруста в ребрах.

– Так и чувствовала, что ты проснешься! Сутки пролежала тихая, как будто двуединому душу отдала! – причитала она. – Какое счастье, Ивонна!

Незнакомое имя гроыхнуло выстрелом. Внезапно звуки отдалились, сердце заколотилось. Перед мысленным взором со стремительной скоростью замелькали незнакомые лица, места и предметы. В голове словно показывали несуразный фильм, наспех слепленный из нарезок разных роликов. Заговорили голоса, зазвучали обрывки разговоров... Щелк! И мельтешение оборвалось. Вновь нахлынул шум музейного переполоха.

– Мне нехорошо, – выдавила я.

Видимо, женщина начала понимать мою речь.

– Приляг, – проворковала она, подкладывая мне под спину подушку. – Ты, верно, совсем испугана.

Вы о чем? В вашем дурдоме так зазорно, что испугаться некогда.

– Зачем ты снова уложила дочь на траурное ложе? – прогудел мужчина с аккуратной бородкой. – Зовите слуг! Отведите Ивонну в ее покой!

– Маша, – тихо проговорила я и потерла ноющие виски.

– Что?

– Меня зовут Маша.

– Ивонна... – Женщина поменялась в лице. – Ты забыла свое имя? Ты что-нибудь помнишь?

Мы встретились глазами и по спине пробежал холодок. Именно в этот момент я остро осознала, что каким-то нелепым образом

задремала в такси по дороге домой, а проснулась в чужом теле, черт знает где. И только что профукала все оставленные бывшей хозяйкой этого тела воспоминания.

Подняться с кровати мне помогли двое слуг в серых ливреях, у обоих тряслись руки. Похоже, от суеверного страха. Держали за локотки крепко, хотя я твердо стояла на ногах и обратно в обморок не собиралась. Ледяной пол студил босые ступни, но предложить обувь воскресшей хозяйской дочери никто не сподобился, а попросить не рискнула. Вдруг они здесь не в курсе, что такое домашние тапочки.

Тихой процессией мы прошли по анфиладе просторных комнат. Сначала вели меня, позади шелестели скорбящие родственники. Складывалось идиотское впечатление, будто невинную деву провожают на жертвенный алтарь.

Слегка пришибленная я украдкой осматривалась вокруг. Обстановка напоминала декорации к исторической киноленте: мебель, предметы интерьера, ткани на стенах вместо обоев. Под стеклянными колпаками в светильниках излучали приглушенный, теплый свет круглые лампочки.

Похоже, меня перетащило в прошлое! Понять бы в какую страну... С другой стороны, эта информация вообще ничего не меняет. В истории я разбиралась приблизительно, как пятиклассник – в высшей математике.

В тишине забили высокие напольные часы. Внезапно с первым гулким ударом лампочки во всех светильниках разлетелись на мелкие фрагменты. Всполошенными мотыльками осколки ударились в стеклянные колпаки и снова слиплись в шар.

А может, я попала не в прошлое... В таком случае, куда?!

На удивительный курьез никто не обратил внимания, и я почти себя убедила, что от шока совсем потекла чердаком, но рано поставила диагноз. Едва меня привели в светлую девичью спальню, замершая возле расправленной кровати горничная выронила из рук томик писания. Книга ударилась уголком о столик с лампой, и круглый ночник на длинной ножке взорвался. По стенам и по потолку затанцевали мозаичные тени. Светящиеся мушки ударились о невидимый купол и, замерев на мгновение, резко стянулись обратно.

– Простите, господин Артисс! – с круглыми от страха глазами пролепетала служанка и нырнула за книгой.

– Пошла вон, – сквозь зубы ссудил отец Ивонны.

Прижав писание к груди, девушка низко опустила голову и рванула к раскрытой двери. Народ разошелся, давая ей выйти.

На кровать со светлым балдахином меня препроводили со всеми почестями. В смысле, подвели под локотки и заставили лечь, хотя я уже налегала до пенсии. Хорошо, что перед вторым заходом успела размяться прогулкой по огромному дому. Пришлось молча изображать болезную.

Мать Ивонны присела на краешек постели и крепко стиснула мою руку.

– Что-нибудь хочешь? – прокурлыкала она.

Я покачала головой. Хотелось остаться одной, осмотреться и пораскинуть воистину кипящими мозгами, но похоронная процессия по-прежнему толпилась в комнате. Все чего-то ждали. Возможно, что воскресшая хозяйская дочь передумает оставаться живой и ее снова придется отпевать. Святого отца, правда, не доставало. Никак он все еще остро переживал поражение в битве с демоном.

– За лекарем уже отправили, – проговорила она, поправляя одеяло. – Он вот-вот будет.

Едва мать Ивонны презентовала появление семейного эскулапа, в комнату энергичной походкой вошел невысокий мужчина с черным саквояжем в руках. Казалось, он только и ждал, когда торжественно объявят его коронный выход.

– Доброй ночи, господа, – проговорил врач и кивнул отцу Ивонны: – Господин Артисс.

Перешептывания прекратились. При виде меня у доктора поползли на лоб брови.

– Господин лекарь! – Мать Ивонны соскочила с кровати. – Наша дочь выздоровела. Вы сказали, что мы должны вызвать священника и молиться. Помогло!

– Поразительно... – пробормотал ошеломленный врач, видимо, тоже не ожидавший подобного сногшибательного эффекта от присутствия борца с нечистью. – Я вас осмотрю, юная леди.

Зрительный зал наконец разогнали. Отец Ивонны вышел. В спальне стало очень тихо. Врач раскрыл саквояж и вытащил деревянную трубку, матушку современного стетоскопа.

– Ивонна, как вы себя чувствуете?

– Живой и здоровой, – отозвалась я.

И немножко сошедшей с ума. Не знаю, правда, можно ли свихнуться, но не совсем.

Доктор недоуменно моргнул и с вопросом повернулся к леди Артисс.

– После пробуждения дочь еще немного не в себе, – поспешила пояснить она.

– И немудрено после седмицы горячки, – понятливо поохал врач.

Осмотр проходил недолго – рубашку скидывать не пришлось. Доктор посуетился, послушал сердцебиение через многослойную кружевную сорочку, пощупал пульс, заглянул в глаза и резюмировал, что я полностью и бесповоротно жива.

– Господин лекарь, но возникла одна деликатная проблема, – нервно теребя в руках носовой платок, прошептала мать Ивонны. – Дочь ничего не помнит и никого не узнает.

Он перевел на меня внимательный взгляд. Я только дернула плечом. Фальшивая амнезия мне была на руку и снимала кучу неловких вопросов.

– Да что же вы хотите от девочки? – охнул он. – От переживаний она ослабла и едва не зачахла! Теперь Ивонна старается себя оградить от причины своей болезни. Вашей дочери, леди Артисс, надо больше отдыхать. Память непременно восстановится! Вы же знаете, какие впечатлительные юные девушки.

Доктор, вы в курсе, что теория не выдерживает никакой критики?

Вдруг он украдкой мне подмигнул, давая понять, что ни на секунду не поверил в сказку о потерянной памяти. Хотела бы я знать, что за страшная новость подкосила Ивонну и довела до отпевания. Ведь должна быть причина, почему мы поменялись телами!

Некоторое время врач перебирал содержимое чемоданчика: вытаскивал продолговатые флаконы из темного стекла, встряхивал и проверял на свет. Лекарства вспыхивали вихрями мелких блесков и затухали.

– Общеукрепляющее, – пояснил он, передавая матери Ивонны флакон. – С магической искрой. Поможет встать на ноги быстрее обычных эликсиров.

– Благодарю за заботу, – не моргнув глазом, ответила та.

Он что, упомянул *магию*? Даже мысленно это слово прозвучало смешным и нелепым. Чувствуя себя оглушенной, я повернула голову и присмотрелась к круглому необычному светильнику на прикроватном столике. Шар ярко горел, но жара от поверхности не исходило...

– Ивонна, я провожу господина лекаря в гостиную и вернусь, – голос леди Артисс вернул меня в реальность. – Пока вызову твою горничную.

Она пристроила на комод флакон и подняла серебряный колокольчик. Пришлось ее поспешно остановить:

– Не нужно горничную! Я сильно устала и хочу подремать.

Женщина замаялась, явно не желая оставлять дочь в одиночестве.

– Господин лекарь... – я запнулась, с трудом проглотив слово «доктор», – посоветовал больше отдыхать.

Тот согласно кивнул и леди сдалась.

– Ирис будет в коридоре, – напоследок объявила она, назвав имя горничной. – Если почувствуешь дурноту, сразу зови. Отдыхай, моя хорошая. Я скоро вернусь.

В дверях она произнесла «погаснуть». Светильники на стенах одним разом потухли, словно кто-то нажал на выключатель. Осталась гореть необычная лампа-сфера, но и та начала постепенно тускнеть, пока не затеплилась приглушенным, необременяющим светом. Комната погрузилась в полумрак.

На всякий случай подождав еще с минуту, я встала с кровати и на цыпочках подобралась к туалетному столику с закрытыми полированными створками. Видимо, их сомкнули, когда хозяйку спальни готовили к погребению.

– Ну давай познакомимся, Ивонна Артисс.

Решительным движением я раскрыла боковины и уставилась на глухую деревянную стенку. Зеркал внутри не было.

– Так... – Чувствуя себя полной дурой, я приказала: – Отражение! Удивилась бы, сработай команда.

– Включись! Черт... Проявись!

Вторая попытка с треском провалилась.

Постепенно зверея и теряя надежду, я перебрала десяток всевозможных слов. Один раз в сердцах крепко выругалась. Ладно, не один. Все равно не помогло. Раздраженно цыкнув, уперла руки в бока

и с большой враждебностью посмотрела на глухие створки. Может, перепутала учебную парту с туалетным столиком и зря напрягаюсь?

– Свет мой зеркальце, короче, портрета не будет, – сседила сквозь зубы.

На деревянной поверхности, как в телевизоре, вдруг появился портрет. Правда, не женский, а мужской. От удивления я едва не присвистнула и с интересом изучила незнакомца. Внешность у него была необычная: резкие и даже хищные черты лица, сжатые губы, широкие скулы, очень светлые глаза и ни грамма слащавости, несмотря на длинные волосы платинового оттенка.

Внизу портрета была подпись черными летящими буквами. Они оказались знакомыми. Похоже, умение читать на местном языке мне досталось от Ивонны. Жаль, воспоминания не задержались.

Чтобы в потемках разобрать надпись, я склонилась к изображению и оперлась ладонями о крышку столика. По краям створок вспыхнули мелкие огоньки, превратив туалетный столик в гримерный. Мужик мгновенно исчез. Перед носом появилось бледное женское лицо с вытаращенными глазами.

– Твою ж мать!

В суеверном страхе я отпрянула от зеркала и, запнувшись о пуфик, со всего маху приземлилась на мягкое сидение. По зеркальной поверхности проплыли розовые цветочки. Из отражения на меня смотрела обалдевшая блондинка с волосами, сколотыми на голове короной. В перекошенной физиономии ни кровинки, в голубых глазах, отражающих яркий свет, глубокий шок. Прижав руку к стучащему с перепуга сердцу, я глубоко вздохнула и внимательно посмотрела на свое чужое отражение.

Полная чушь! С Ивонной Артисс у нас не имелось вообще ничего общего. Мы не совпадали ни в масти, ни в возрасте, ни в телосложении. Я была старше минимум лет на шесть, красила волосы в сложный темный оттенок и назвать меня красивой не поворачивался язык даже у ныне покойной бабули...

Стоило признаться самой себе и прекратить обманываться. Непостижимым образом я попала в мир, где существует магия. Она зажигает лампы, проявляет зеркала и переселяет женщин двадцати восьми лет от роду в тела юных стремительно угасающих от болезни девушек. Страшная штука, хочу вам сказать!

– Ивонна, – совсем как сумасшедшая проговорила я своему отражению, – давай меняться обратно. Мне у тебя здесь не нравится и завтра до зарезу надо в офис!

В универе соседка по общежитской комнате частенько говорила, что в любой непонятной ситуации надо ложиться спать. Может, поэтому до конца учебы она не дотянула, а мне в дипломный год пришлось жить с шептунной первокурсницей. Я предпочитала не прятать голову в подушку, а энергично разбиралась с проблемами. Но кто бы подумал, что в экстремальной ситуации действительно придется взять на вооружение спорный совет.

Полная мрачной решимости я вернулась в кровать и, поерзав, изобразила позу покойницы. Вспомнила про платочек на лице. Его утащила мадам Артисс. Пришлось натянуть на голову одеяло и мужественно засыпать.

Сон, естественно, не шел. Под одеялом оказалось душно, а под лопаткой чесалось. Выбравшись обратно к свежему воздуху, я плюнула на идентичность позы и перевернулась на бок. Внезапно вспомнила о работе и неподъемном плане продаж на этот месяц. Расхотелось не только спать, но и просто лежать.

Немыслимое количество времени спустя – по ощущениям полжизни, – в тишине раскрылась дверь и прошелестели легкие шаги.

– Ивонна, ты уже заснула? – прошептала леди Артисс, приблизившись к кровати. – Спи, сердце мое...

Она поправила одеяло, ласково потрогала мне лоб прохладной рукой и быстро вышла.

Вскоре я сдалась. Приспичило поесть и по естественной нужде. Сначала острая необходимость, потом возвращение в родной мир! Никогда еще выражение «решать проблемы по мере поступления» не было настолько актуальным.

За единственной дверью обнаружилась маленькая гардеробная, но никаких удобств. Зато разжилась розовыми атласными туфлями, похожими на балетки, и назначила их домашними тапочками. Иначе завтра утром Ивонна пробудится не только в своем теле, но и в соплях.

Расширять ареал обитания я вообще не планировала, но пришлось просить помощь друга и выглянуть в коридор. Тот оказался уныло пуст. Потрескивали ночники, висела на стене печальная картина. И никого. Единственный зритель, которого мне пообещали, покинул зал.

Мысленно выругавшись, я вышла из комнаты, осмотрелась и пошла по коридору в поисках заветного закутка. Проверила парочку дверей, но те оказались надежно заперты. Возможно, изнутри. Совершенно идиотское положение! Клянусь, жизнь меня к такому не готовила.

Коридор вильнул. Я завернула за угол и нос к носу столкнулась с горничной. Взвизгнув, она отпрянула, зажмурилась и начала что-то неразборчиво бормотать. Похоже, молилась. На голове скособочился белый чепец, напоминающий панамку с воланом, вылезли рыжие кудри. На побледневшем лице ярко обозначились веснушки.

Скрестив руки на груди, я дождалась, когда девушка закончит и откроет сначала один глаз, потом другой.

– Не исчезла, – заключила она и снова закрыла глаза, планируя пойти на второй круг.

– Стоп! – резко произнесла я.

– А? – вытаращилась она. – Ты нечисть или молодая госпожа?

– Мне перекреститься?

– Чего?

– Можешь меня ущипнуть, – согласилась я на акт физического вандализма, хотя суеверные страхи местных горничных прямо сейчас были не самой острой моей проблемой.

– Да как же ущипнуть молодую госпожу? – с сомнением протянула она, но тут же осторожно переспросила: – Правда можно?

Я протянула руку.

– Действуй, Ирис.

– Да я вам и так верю, – пробормотала она, смутившись, и поправила чепец, ставший похожим на блин с воланом и оттопыренным под тканью пучком. – Только я Раиса. Две седмицы как пришла служить в дом. Позвать вашу горничную?

– Не надо! – откровенно ужаснулась я, представив, как несчастную Ирис выколупывают из какого-нибудь чулана, куда она спряталась после моего пробуждения, и силой волокут обслуживать молодую госпожу. – Ты просто скажи, где здесь уборная, и разойдемся.

– Ах! – Раиса всплеснула руками. – А в людской шептались, что вы проснулись и ничегошеньки не помните. Думала, что врут. Вы идите к себе, я сейчас вазу принесу.

Перед мысленным взором возник длинный сосуд с узким горлышком и двумя поминальными гвоздичками.

– Цветочную? – недоуменно уточнила я.

– Ночную.

– Боже! – Я содрогнулась. – Не надо ничего нести! Уборной в доме нет?

– Есть, конечно. Ваш батюшка очень богатый человек...

– Тогда не будем медлить, – перебив ее, я решительно указала рукой направление. – Идем! Посмотрим на это чудесное место.

– В другую сторону, – подсказала она.

– Прекрасно, идем в другую сторону! – развернувшись на пятках, скомандовала я.

«Заветный закуток» в доме Артиссов оказался по размеру больше, чем кухня в моей ипотечной квартире. На больших окнах висели плотные занавески. Удобства стыдливо прятались за деревянной ширмой, от привычных они мало чем отличались. Холод, правда, стоял, как в садовом сарайчике, а из крана в глубокую каменную раковину текла ледяная вода. Зато бодрило во всех отношениях.

Раиса поджидала меня под дверью и немедленно вызвалась проводить обратно. На самом деле очень кстати. В воображении я уже заблудилась в огромном особняке и оказалась возле траурного ложа, так сказать, возвращаться обратно в свой родной мир со старта.

– Молодая госпожа, может, еще что-нибудь хочешь? – попростому, отбросив официоз, спросила горничная, когда мы добрались до спальни.

– Поесть было бы неплохо, – задумчиво протянула я. На голодный желудок совсем не засыпалось.

– Ой, это я быстренько! – Она подхватила юбку одной рукой, придержала чепец другой и спорой трусцой понеслась по коридору. – Хозяйка, отдыхай! Сейчас вернусь!

Горничная исчезла в недрах дома минут на двадцать. Я успела получше разглядеть себя, в смысле, Ивонну в зеркале. Случайно обнаружила, что ящик под крышкой столика выдвигается от прикосновения, и лучше сразу отступить, чтобы резко не врезался в живот... Грохот стоял, как будто стол ломали. На шум никто не прискакал и даже Раиса с ужином.

Грешным делом, я уже решила, что она успела собрать вещи и с чемоданом сбежать из дома с демоном, но раздался громкий стук. Дверь приоткрылась. Пятясь, горничная с подносом в руках протиснулась в спальню. На нем стояла тарелка, прикрытая серебряным колпаком, пузатый чайник и чашка на блюдце. Все это отчаянно позвякивало.

– Все твое самое любимое, молодая госпожа, – уверила она, ставя поднос на маленький круглый столик.

Было искренне любопытно, что едят люди в другом мире. Я уселась на изящный стул, уложила на колени салфетку (чтобы по всем правилам) и подняла серебряный колпак. При виде еды желудок выдал сиротливую трель... На тарелке лежали горки мелко нашинкованной капусты, морковки и нарезанное ломтиками яблоко. И все. Больше ничего не принесли, только конструктор витаминного салата.

– Мое любимое? – скептически уточнила я, подняв взгляд к разгумянному лицу Раисы.

– Когда я пришла в дом, мне строго-настрого сказали, что молодая хозяйка ест мало и только травку. Ты смотришь за фигурой.

– На завтрак тоже травку? – уточнила я.

– Травяной чай с сухариком и никакого кофея!

На завтрак я, понятно, оставаться не планировала, но радовало, что магический мир не лишен кофейного счастья.

– А на обед?

– Супчик, – с готовностью подсказала Раиса.

– С сухариком хотя бы?

– Жиденький.

Ни в коем случае не критикую и не лезу в чужой монастырь со своим уставом, но, Ивонна, ты вегетарианка или перманентно сидишь на диете? Не еда, а подножный корм. Ей-богу, новое прочтение правил здорового питания!

– Я сбрызнула постным маслом, – тихонечко призналась Раиса. – Без масла совсем грустно капустой хрустеть.

– Да и с маслом тоже не очень весело, – пробормотала я себе под нос и отослала горничную из спальни: – Спасибо, Раиса. Отдыхай.

– Вкусной трапезы, молодая госпожа, и счастливой ночи, – пожелала она.

– Надеюсь, счастливым будет утро, – вздохнула я и взяла столовые приборы. К счастью, ни нож, ни вилка от привычных ничем не отличались.

Овощи в другом мире пахли... овощами, как в детстве с бабулиного огорода, но после диетического салатика есть хотелось ничуть не меньше, чем до него. Прозрачный чай, правда, оказался сущей гадостью и пах соломой. В общем, с голодом Ивонне предстояло разбираться самостоятельно, а я сделала все, что смогла. Улеглась в кровать, закрыла глаза и настырно начала считать баранов. На второй сотне, как ни странно, мне действительно удалось заснуть.

Проснувшись в той же кровати и уставившись на светлый балдахин над головой. В тишине шипел магический светильник, тикали часы. Пока семья Артисс спала, у меня было время принять печальную правду: Ивонны с нами больше нет. Мы не поменялись телами, она тихо ушла, не пережив болезни, осталась только я.

Если отмести истерику и хорошо подумать, в новой жизни у меня внезапно появились богатые родители, горничные, волшебное зеркало с портретом красивого мужика. И никакой ипотеки на тридцать лет! Считаю, в сказку попала. Осталось понять, кто в этой сказке Баба Яга. Или злой колдун.

Пару дней я смирялась с объективной реальностью, обживалась и знакомилась с семьей Артиссов. У Ивонны имелся младший брат Эзра в самом расцвете пубертата. Леди Артисс была строга, но справедлива. Хозяина дома побаивались все и даже магические лампы. Когда этот высокий мужчина с тяжелым взглядом по вечерам читал ежедневный «Вестник», огни переставали мигать.

К слову сказать, кое-какие знания о новом мире я почерпнула не только из болтовни Раисы, но из этого самого новостного журнала. Выяснила, что «Рейванд» – это не ругательство, как мне показалось сначала, а название королевства. Прочитала про деревню Гайрюк, затопленную во время паводка, наткнулась на некролог с именем Ивонны Артисс и решительно закончила с изучением матчасти.

«Вестник» пришлось спрятать. Ивонна увлекалась исключительно модными каталогами, и шокировать ее матушку внезапно изменившимися вкусами не хотелось. Она и так от радости схватила за сердце, когда я отказалась от голодовки и попросила принести на завтрак не сухарик, а глазунью из трех яиц.

Рыжеволосая болтушка Раиса, заменившая уволенную Ирис, собирала меня на завтрак. Магической щеткой она расчесывала и одновременно сушила густую влажную шевелюру. Процесс был муторный. К чужой внешности, как и к новому имени, я привыкала с трудом, старалась лишний раз не посмотретья в зеркало и читала вчерашний «Вестник».

– Придумали же, – пробормотала Раиса себе под нос, оглаживая щеткой почти высушенные волосы, – отдать такую красоту замуж...

Я резко подняла голову. В отражении горничная смущенно втягивала губы и прижимала щетку к груди. Чепец скособочился, на побледневшем лице выступили веснушки, а в глазах появилась паника.

– Меня выдают замуж? – проговорила я. – Когда?

Вот и наступил в волшебной сказке пресловутый «вот это поворот»!

– Леди Артисс строго-настрого велела молчать, – простонала Раи. – Ты столько рыдала, что заболела и слегла.

– Почему? – Я закрыла новостной журнал. – Жених старый, кривой, косой? Чем он мне не понравился? У него ипотека на тридцать лет, деревянная нога и карета в кредит?

– Он черный маг, – чуть склонившись, прошептала она и многозначительно изогнула рыжие брови.

Возникла странная пауза. У меня вырвался громкий издевательский смешок.

– И всего-то?

– Госпожа, он живет в страшном замке! Там даже лягушки не приживаются! Ой! – Раи снова осеклась. – Я не должна тебе этого рассказывать. Принести нюхательные соли?

– Зачем?

– Помирать от горя не собираешься?

– Бог с тобой, я три дня как воскресла, – хмыкнула в ответ. – Скажи, все ли я правильно поняла: жених богат и у него свой замок?

– Он колдун! – зловещим голосом напомнила она главный, по ее мнению, недостаток будущего мужа.

– Давай будем справедливыми, – поморщилась я, – у всех свои тараканы. Просто у некоторых они крупнее. Как далеко от столицы его замок?

– На другом конце королевства рядом с мертвым озером.

– Еще и озеро! – восхитилась я. – Мы с женихом знакомы?

– В людской судачили, что вы никогда не встречались. Хозяину король лично приказал отдать тебя в жены колдуну.

Какая превосходная новость! Впервые с момента пробуждения вижу свет в конце темного тоннеля и чувствую прилив позитива. Выйти замуж и уехать из дома Артиссов туда, где меня никто не знает и не догадается, что тело Ивонны заняла женщина из другого мира, хороший план.

Родители уже поняли, что их старшая дочь не похожа на себя. Об этом шептались слуги. А тут подвернулся целый жених! С деньгами и собственным замком с видом на озеро. Искать не пришлось. Сами вручили, как новые туфли.

– Раиса, ты знаешь его имя?

– Да кто ж не знает это исчадие бездны? – Она запальчиво взмахнула щеткой, и по заговоренным щетинкам пробежали золотистые искорки магии. – Он единственный во всем Рейванде темный колдун! Фостен Мейн!

Я поднялась, пристроила «Вестник» на пуфик и торжественно приказала зеркалу:

– Портрет!

Ничего не произошло.

– Покажи портрет! – снова скомандовала я.

– Госпожа, ты чего пытаешься сделать? – тихонечко спросила Раиса, глядя на меня через отражение, как на малахольную.

– Помолчи полминуты! – проворчала я, пытаюсь вспомнить, что говорила в первую ночь, и щелкнула пальцами: – Точно! Свет мой зеркальце, покажи портрет.

Понятия не имею, что за блажь случилась у волшебного артефакта, и почему он не отзывался на другие команды. Зеркальная поверхность немедленно исчезла. Появились две глухие деревянные створки, а в центре большой портрет светловолосого мужчины с ледяными почти прозрачными глазами и хищными чертами лица. В утреннем ярком свете было несложно прочесть надпись «Фостен Мейн».

– А вот и злой колдун нашелся, – с улыбкой протянула я, складывая руки на груди.

Приятно познакомиться, мой пропуск в светлое будущее.

– Помоги двуликий, какое видное вселенское зло... – на выдохе пробормотала Раи, но тут же быстро закрыла глаза и два раза обвела вокруг лица указательным пальцем. В общем, перекрестилась по местному обычаю. – Хозяйка, а еще какой-нибудь портрет есть? Мы должны рассмотреть зло в натуральном виде! Здесь его зарисовали!

– Не знаю, – призналась я и попросила зеркало: – Свет мой зеркальце, покажи другой портрет.

Внезапно изображение поменялось. На новом портрете полураздетый Фостен Мейн натягивал белую рубашку. Казалось, его сфотографировали в движении и немедленно отправили нам: голова опущена, белые волосы собраны в пучок, но пара прядей спадала на лицо. Торс был шикарным! Широкие, крепкие плечи, идеальный фигурный пресс. Под расстегнутый пояс на брюках спускались косые мышцы. Вокруг превосходной спортивной фигуры летали алые магические мушки.

– О мой бог! – разделяя слова, произнесла я.

Может, в этом мире перед женитьбой принято показывать, что называется, товар лицом и сразу обозначать достоинства? Интересно, Фостену Мейну тоже присылали похожий портрет Ивонны?

– Срам какой! – Вспыхнув, Раиса прикрыла глаза ладошкой, но немедленно растопырила пальцы. Видимо, сквозь них смотреть на привлекательное зло было не стыдно.

В ошарашенной тишине раздался деликатный стук в дверь. Мы с горничной единодушно вздрогнули. Я поспешно хлопнула ладонью по крышке туалетного столика, но портрет никуда не исчез. По-прежнему радовал глаз полуобнаженным мужчиной и подводил нас с горничной под монастырь.

В коридоре опустили ручку и толкнули дверь. В панике я шлепнула по столику двумя руками. Зеркало вернулось на место и продемонстрировало две перекошенные физиономии. От облегчения, что не попались, мы с Раисой едва не прилегли на пол.

Леди Артисс вошла в спальню.

– Светлого утра, госпожа! – скромно потупив взор в пол, горничная немедленно сделала кривоватый книксен.

Хозяйка дома сдержанно кивнула и обратилась ко мне, отчего-то избегая смотреть в глаза:

– Ивонна, ты еще не собралась? Отец хочет поговорить с тобой перед завтраком. Спустись в его кабинет... А это что?

Я решила, что за спиной снова появился Фостен Мейн во всей мужской харизме. Однако леди Артисс указала на новостной журнал, лежащий на пуфике.

– Ты читаешь «Вестник»? – спросила она таким тоном, словно ее дочь почитывала журнал для взрослых со всем тем, что сейчас нам любезно демонстрировало зеркало. Только совсем без одежды.

– Нет, – поспешно уверила я с видом наивной дурочки, – просто картинки разглядываю.

Она обеспокоенно нахмурилась, но промолчала и с излишней резкостью шикнула на горничную, чтобы та не стояла столбом, а помогла молодой госпоже одеться. Справиться с изуверным процессом самостоятельно нормальная девушка, привыкшая к брючным костюмам, не сумела бы при всем желании. Да я в жизни столько одежды за раз не надевала! Даже в морозы.

Перед выходом я повесила на шею серебряный кулон с нюхательной солью, похожий на цветок с крышкой. По словам горничной, до болезни Ивонна с ним не расставалась. Приходилось соответствовать.

Раиса проводила меня к кабинету. Только я занесла кулак, чтобы постучаться, как из-за плотно закрытой двери громыхнул гневный оклик главы семьи:

– Катарина!

Впервые за эти дни он назвал супругу по имени.

– Дейвид, я умоляю! – воскликнула леди Артисс. – Повремени! Она только приходит в себя после болезни...

Глянув на служанку, я отослала ее кивком головы. Та опечаленно вздохнула, поправила чепец и понуро посеменила по коридору. Кажется, даже девичья спина излучала искреннее разочарование.

Между тем голоса стали тише, а после деликатного, предупредительного стука в дверь смолкли совсем. Мне позволили войти. Кабинет оказался просторным и по-мужски строгим. В пахнущем табаком и чернилами воздухе стусилилось напряжение.

Отец Ивонны сидел за массивным письменным столом и пальцами выбивал по крышке раздраженную дробь. Его супруга пристроилась на самом краешке неудобного кожаного кресла, словно

наделавший ошибок секретарь перед грозным начальником, и нервно теребила носовой платок.

– Светлого утра, – поздоровалась я. – Вы меня просили зайти?

– Присядь, – отрывисто приказал хозяин дома.

Я молча пристроилась на соседний с леди Артисс стул.

– Память по-прежнему не вернулась? – с нажимом спросил отец Ивонны.

– Мне жаль, – коротко ответила я, спокойно принимая пристальный взгляд, потом опомнилась и опустила голову, демонстрируя, как сильно раскаиваюсь в неудобном для всех (кроме меня, само собой) беспамятстве. – Простите...

Откровенно сказать, я понятия не имела, как обращаться к чете Артиссов. Звать отцом и матерью совершенно посторонних людей не поворачивался язык. Пусть отношения с настоящими родителями у нас были прохладные и мы почти не общались, но они по-прежнему живы-здоровы. Оба счастливы, каждый в своей семье.

– Ты помолвлена, Ивонна, – в тишине произнес господин Артисс. – Жених – представитель выдающейся магической ветви. В нем течет королевская кровь.

С ума сойти, мой билет в светлое будущее, да ты не просто какой-то завалящий колдун, а почти принц!

– Как его зовут? – стараясь не демонстрировать заинтересованности, ровным голосом спросила я.

– Фостен Мейн.

– Вы выбрали мне жениха?

– Его величество, – проговорил отец Ивонны. – Мы еще не объявляли, что ты выздоровела, но слухи уже расползлись по городу. Я обязан отправить весть в замок Рокнест. Если господин Мейн все еще заинтересован в свадьбе, то тебя ждет брачный обряд.

– Хорошо, – невозмутимо кивнула я.

– Хорошо? – недоверчиво повторила леди Артисс. – Что ты имеешь в виду?

– Я выйду замуж.

Кабинет накрыло ошеломленное молчание. Родители Ивонны уставились на меня в таком изумлении, словно я ногой открыла дверь, рванула на груди платье и заявила, что перенеслась из другого мира. В общем, как будто они узнали правду.

– Мы с твоей матерью безмерно благодарны за оказанную честь стать частью монаршей семьи, – на тот случай, если спокойная, как чугунный мост, дочь сейчас опомнится и закатит истерику, добавил отец Ивонны. – Надеюсь, ты тоже будешь благодарна.

– Я очень благодарна, – уверила его. – Когда должна состояться свадьба?

– По договоренности через декаду, – вымолвила леди Артисс таким голосом, словно собралась отправиться в обморок. – Мы можем повременить. Отложить на месяц...

– Не стоит, – отказалась я. – Если, конечно, у господина Мейна не изменились планы.

Какое неприятное слово «если»! Не хотелось бы, чтобы мой почти настоящий принц в последний момент решил сбежать с подводной лодки. Я видела его без рубашки. Мне все нравится. Но особенно сильно – замок с озером.

Из кабинета главы семьи мы с леди Артисс выходили в гробовой тишине. Едва за нашими спинами закрылась дверь, как она пробормотала под нос что-то о подвенечном платье, которое надо вытащить из сундука, покачнулась и оперлась рукой о стену.

– Аккуратно! – скомандовала я, подхватывая ее под локоть.

Все-таки какие нежные женщины в этом новом мире! Чуть что, сразу теряют сознание. Дочь не захотела замуж – в обморок, захотела – туда же.

– Нюхательные соли, – выдохнула леди, зеленея на глазах.

– Точно! – Цепляясь за волосы застежкой, я кое-как стащила кулон с «нашатырем», развинтила крышку и сунула под нос болезной.

Та нюхнула и резко пришла в себя.

– Лучше?

– Ничем не пахнет, – абсолютно нормальным голосом, забыв, что собиралась растянуться на ковровой дорожке, оповестила она.

– В каком смысле?

Я принялась к кулону и, чувствуя себя большой дурой, вытряхнула на ладонь содержимое. Из крошечного сосуда упала пара мутно-зеленоватых капель с мерцающими магическими блесками.

– Это какое-то снадобье? – зачем-то спросила леди Артисс.

– Вопрос на сто очков, – на автомате ответила я, мгновенно поняла, что снова вышла из образа и покосилась на мать Ивонны. Она

быстро отвела взгляд.

В большой новый мир, в смысле, на улицу меня не выпустили. Леди Артисс сказала, что я еще слаба. В каком месте, правда, не уточнила. Подозреваю, она боялась, что дочь все-таки придет в себя и, едва ощутив запах свободы, даст деру от брака с колдуном. Потом с сыскными собаками не разыщешь. После завтрака пришлось довольствоваться прогулкой по саду в гордом одиночестве.

Я кружила по выметенным дорожкам, мысленно гадала, что за хитрое средство прятала Ивонна в подвеске для нюхательной соли. Очевидно, хозяйская дочь не желала, чтобы о нем узнали окружающие. В первую очередь – родители. Невольно я сунула руку в карман пальто за мобильником – посмотреть в интернете, что за странное лекарство, – замерла на мгновение... и чертыхнулась.

Еще на прошлой неделе страшно хотелось устроить тотальный детокс от мобильного телефона, интернета, рабочего чата. Получите – распишитесь, Мария Александровна. Ей-богу, следует точнее загадывать желания, иначе вселенная чутко промахнется и как меня отключит от сети. Навечно. Никакой работы, ежедневника со списком горящих дел и переутомления. Со вздохом я отправилась обходить сад по второму кругу и наслаждаться теплой погодой. Читать Ивонна не любила, журналы с местной модой сидели в печенке у меня. Других развлечений не было.

После прогулки я обнаружила в комнате портняжный манекен с роскошным свадебным платьем, отделанным серебряной вышивкой, прозрачными мелкими камушками (подозреваю, не стекляшками) и тончайшим кружевом. По всей видимости, появление наряда намекало, что Фостен Мейн не отказался от брачных планов. Поди только гадает: откачали невесту или воскресили.

Расстегивая на ходу пальто, я зашла в гардеробную и едва не перекрестилась, наткнувшись на Раису. Горничная вскочила с низкой табуретки и, опустив голову, принялась помогать мне с верхней одеждой. Внезапно раздался громкий всхлип.

– Ты плачешь? – Я удивленно оглянулась. – Тебя кто-то обидел?

Она быстро вытерла глаза краем белого передника и выпалила:

– Госпожа, тебя все-таки выдают замуж за проклятого колдуна!

– «Проклятый» – это фигура речи или он действительно проклят? – стараясь сдержать смех, уточнила я. – Разница

принципиальная.

– Чего? – Горничная хлопнула заплаканными глазами.

– Проехали.

– Это ты уедешь, хозяйка! – Она шмыгнула носом. – В замок на краю света.

– Господи, да как на курорт.

– И родишь ему ребенка!

Пф! Испугала льва ботинком. В прошлом мире с отношениями у меня не складывалось. Почему-то мужчинам очень не нравилось, что из-за работы я отменяла два свидания из трех. Но на первое-то всегда являлась! Просто после того, как опоздаешь на свидание на полчаса, странно фантазировать об общих детях.

– Я буду хорошей матерью, – уверила я. – И дети у нас выйдут красивые.

– Но у него все жены умирают до того, как станут матерями! – яростно шикнула Раиса.

Так и знала, что эту бочку меда обязательно разбавят ложкой дегтя!

– Много жен? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Пять штук! – Она растопырила пальцы, демонстрируя количество жен, потом резко большой палец загнула. – В смысле, четыре. Ты пятая.

– Почему прозвучало так, будто ты меня уже похоронила? – возмутилась я. – Рая, меня ни ипотека не прикончила, ни странный недуг. Я почти бессмертная.

– Правда?! – вытаращилась горничная.

– Нет, конечно.

– Вот и я сказала в людской, что молодая госпожа совсем умом тронулась, раз хочет выйти за проклятого черного колдуна...

– Умом тронулась? – Многозначительно изогнула я брови и скрестила руки на груди.

– Простите, госпожа Ивонна, – резко перейдя на официоз, покаялась горничная и сделала неумелый книксен. – Темный лик попутал. Заговорила.

– Ага, – хмыкнула я и спросила: – Поедешь со мной?

– Куда? – встрепенулась она. – Сейчас?

– В замок Рокнест, – подсказала я.

– К колдуну?! – испугалась горничная, едва не выронив пальто. – Госпожа, у меня в деревне осталась мама с младшими сестрами. Я их единственная кормилица...

– Какое тебе здесь платят жалование? – перебила я.

– Шесть варьатов в декаду! – не задумываясь, заявила она.

В местных расценках и деньгах я еще не разбиралась, но в разделе объявлений на последней странице «Вестника» за шесть варьатов в месяц предлагали арендовать «милый двухэтажный домик с ухоженным садом».

– А если я спрошу у леди Артисс? – уточнила я, не сумев превозмочь себя и назвать леди матерью.

– Шестидесят ирматов, – слегка устыдившись обмана, призналась горничная в скромном заработке. Если не ошибаюсь, то в десять раз меньше названного. – Но ваши родители – щедрые люди! Жалование больше, чем в других домах. Немножко, конечно...

– Я буду платить десять варьатов в месяц, – предложила ей, прикинув, что внушительная сумма должна подогреть мотивацию.

– Двенадцать за опасную службу! – немедленно принялась торговаться Рая. – И будете называть меня не Раиса, а Раи.

– Восемь и ты можешь хоть имя сменить.

– Согласна! – выпалила она.

– Прекрасно.

Я вышла из гардеробной.

– Подожди, хозяйка, – опомнилась горничная, – ты сказала: восемь?

– И ты согласилась, – отозвалась я, с трудом проглотив улыбку. – Обещаю ежеквартальные премии.

– Я ничего не поняла, но ты уже пообещала! – проворчала она.

После объявления, что свадьба по-прежнему планируется, настроение в доме резко изменилось. Особняк забурлил. Накануне венчания жених планировал посетить родителей Ивонны с официальным визитом, и леди Артисс затеяла генеральную уборку всего дома. Слуги перетирали фамильное серебро, перемывали фарфор и три раза перестирывали портьеры, хотя будущий зять даже не планировал оставаться на ночь.

В одно прекрасное солнечное утро я спустилась к завтраку и обнаружила, что компанию Артиссов разбавил симпатичный молодой

человек с непослушными пшеничным кудрями. Ради справедливости, торчащие вихры он компенсировал строгим серым костюмом.

– Светлого утра, – поздоровалась я, усаживаясь на обычное место, как раз напротив гостя.

– Госпожа Ивонна, рад вас видеть в добром здравии! – произнес он, не спуская с меня ярко-синих глаз.

– Благодарю, – медленно проговорила я и с вопросом посмотрела на родителей Ивонны.

– Мы попросили господина Райта вернуться к занятиям, у твоего брата скоро экзамены в королевскую среднюю школу, – пояснила леди Артисс, тщательно выбирая слова, чтобы гость не догадался о беспамятстве старшей дочери.

Учителя вернули в дом на редкость не вовремя. Последние дни я чудесно развлекалась учебником по окружающему миру, забористой смесью географии, истории и законов магии. Половину слов не понимала и, ощущая себя почти академиком, сверяла с толковым словарем. Теперь книги придется вернуть в классную комнату и снова подышать от скуки.

Хотелось отправить с этой важной миссией Раису, но горничная собирала одежду Ивонны. Чистила платья, аккуратно упаковывала в сундуки и перекладывала травяными мешочками от моли. В учебный кабинет, находящийся в другом крыле, я отправилась сама.

Комната была просторной и светлой. Стояли учительский стол и самая обычная парта. На одной стене висела грифельная доска, на ней до сих пор была написана дата последнего занятия. На другой стене – большая карта магического мира.

Когда я увидела ее впервые, зависла на четверть часа. Вроде смотришь на знакомый с детства рисунок, но со странным чувством понимаешь, что он совершенно другой. Небольших материков, разделенных водой, было значительно больше, каждый с причудливым названием. Три раза перечитала. И пересчитала.

Стоило пристроить книги обратно на учительский стол, как в классную комнату вошел репетитор. Обнаружив меня, он на мгновение замер, воровато выглянул в коридор и ни с того ни с сего повернул ключ в замке.

Мы оказались заперты от внешнего мира.

ГЛАВА 2. В смысле, принца не будет?

– Господин Райт? – с вопросом обратилась к нему, пытаясь разобраться, что происходит.

– Твой брат у господина Артисса. У нас всего десять минут.

В два счета он пересек разделяющее нас расстояние и с отчаяньем сгреб меня в охапку. Откровенно обалдев, я тыкалась подбородком в плечо этого абсолютно незнакомого молодого мужчины и пыталась сделать глоток воздуха.

– Прости, любовь моя! – горячо зашептал он, крепко стискивая меня в объятиях. – Мне так жаль, что я раньше не мог прийти.

– Послушай... – крикнула я.

– Да? – выдохнул он.

– Мне нечем дышать.

– Ты, верно, все еще слаба? – Он перестал стискивать меня поперек тела и просто сжал плечи. – Господин доктор сказал, что ты проснулась раньше срока и сейчас притворяешься, что страдаешь беспамятством. Увы, любовь моя, он отказался помогать нам дальше... Еще Ирис внезапно рассчитали! Я не знал, как с тобой связаться, и сходил с ума. Какое счастье, что твои родители вновь пригласили меня в дом!

От волнения на его лице горели алые пятна. В синих глазах светилось беспокойство глубоко влюбленного парня. Я слушала лихорадочное бормотание и мечтала отходить его томиком шекспировских сонетов. Или хотя бы толстеньким и тяжеленьким учебником по окружающему миру.

– Не будем отчаиваться! – прошептал учитель, мягко оглаживая мой подбородок пальцами. – Мы обязательно придумаем новый план...

– Да я от старого еще не очень отошла, – с иронией ответила я, отводя его руку от своего лица. – Послушайте, господин Райт, через три дня я выхожу замуж.

– Еще есть время! – горячо уверил он.

– Ты не понял. – Стараясь унять раздражение, я перевела дыхание – Через три дня я выйду замуж за Фостена Мейна. Может, не в очень

твердой памяти, но в трезвом рассудке. По собственному желанию! Нас с тобой больше ничего не связывает. Конец большой любви.

– Почему? – искренне не поверил он своим ушам.

– Может, потому что я отравилась подозрительной гадостью и вернулась с того света? – не выдержала я.

– Молю, прости меня за эту ужасную затею! Я не знал, что все так обернется! – В его глазах внезапно блеснули слезы, и он попытался бухнуться на колени.

– Нет-нет, господин Райт, не надо протирать пол брюками! – поспешно остановила его я.

Падать на колени он действительно передумал и патетично заявил:

– Ивонна, моя единственная любовь, клянусь, я что-нибудь придумаю! Мы будем вместе.

– Ромео, тебе слуховую трубку подарить? – не выдержала я, и он изумленно хлопнул глазами. – Я выбрала красивого богатого темного мага с собственным замком. Извини, парень, но ты проигрываешь ему по всем фронтам. Теперь я достаточно четко донесла свою позицию?

– Понимаю, – прошептал он. – Я прекрасно понимаю, почему ты говоришь эти ужасные вещи! Ты снова защищаешь меня от колдуна. Но больше не надо. Теперь моя очередь защищать нас с тобой!

– Боже... – пробормотала я. – Послушай, как тебя зовут?

– В каком смысле? – не понял он. Даже интонация поменялась, а физиономия слегка вытянулась.

– Да в прямом! Как тебя зовут, господин Райт? Я не притворяюсь беспамятной, а действительно потеряла память. Для меня ты совершенно чужой человек. Так как тебя зовут, парень?

– Сойер, – недоверчиво рассматривая меня, произнес он.

– Прекрасно. – Я уперла руки в бока и кивнула: – Давай расстанемся, Сойер. С этой минуты нас ничего не связывает.

– А? – Он выглядел совершенно обалдевшим.

– Удачи и всего наилучшего, господин Райт. – Обойдя его по дуге, я направилась к двери.

Очевидно, в этом мире Шекспира и его знаменитых пьес попросту никогда не было. Иначе все знали бы, что самые печальные на свете истории, в которых девушка глотала подозрительную дрянь и надеялась изобразить смерть, чтобы избежать брака, хорошо не

заканчивались. Дохли все. поголовно. Измученный голодной диетой организм Ивонны гениальной задумки тоже не оценил...

– Все в порядке, Ивонна, – полетело мне в спину. – Будь со мной жестока! Я знаю, что ты хочешь защитить меня от гнева колдуна. Верь, я спасу тебя!

– Да елки-палки... – пробормотала я и повернула в замке ключ.

Прекрасно прожила бы в другом мире без чудесного знания, что Ивонна крутила роман с репетитором младшего брата, но многое встало на свои места: и странное лекарство в кулоне, и внезапная болезнь.

Вечером Раиса передала мне учебник по окружающему миру.

– Учитель просил отдать.

Очевидно, влюбленный Сойер пытался наладить переписку через новую горничную, раз прежнюю отправили в отставку, и активно напрашивался на воспитательную беседу.

– Верни в классную комнату и больше ничего от него не принимай, – строго, чтобы хотя бы Раиса прониклась серьезностью моих слов, велела я.

Перед приездом Фостена Мейна дом лихорадило. Сборами дочери ко встрече с будущим мужем леди Артисс управляла лично, по большей части пугая служанок, нежели их мотивируя. От ее резких приказов и ледяных взглядов съеживались кружева на платье, а у всех девушек начинались приступы неуклюжести. У Раи так сильно тряслись руки, что она три раза уронила черепаховый гребень для волос.

Корсет по приказу леди на мне затягивали не щадя, со всем желанием угодить строгой хозяйке. Мнение страдающей стороны, в смысле мое, по поводу обхвата талии вообще не учитывали. Если леди Артисс опасалась, что дочь неприятно поразит жениха признаками здорового аппетита и нежеланием хрустеть за обедом капустой, то она могла быть совершенно спокойна. Внутри теперь не помещался воздух, какая – бог мой, – еда?

– Подрумяньте Ивонне скулы, – властно приказала мать семейства. – От переживаний она такая бледненькая!

Бледность, леди Артисс, у меня случилась от кислородного голодания, а нервная система вообще ни при чем. По-прежнему крепка, как чугунный мост. Давайте просто приспустим корсет.

Однако, как и всегда, в присутствии матери Ивонны я предпочла прикусить язык и промолчать, чтобы очередной раз не выпячивать инаковость. А Раиса расстаралась: от души потерла мне щеки пуховкой с красными румянами...

Некоторое время в обалделом молчании мы разглядывали в зеркале румяную боярскую дочь. Было очевидно, что визажистом горничной никогда не стать.

— Красавица?.. — неуверенно, с вопросительной интонацией прошептала она.

Почему-то в голове прозвучала обидная детская дразнилка: «ты самая красивая, как коровка сивая».

— По-моему, мне идет аристократическая бледность, — медленно проговорила я.

— Не могу не согласиться, — кивнула леди Артисс и скомандовала: — Умываем молодую госпожу!

За приездом жениха я следила из окна гостиной на первом этаже. За занавеской не пряталась, но и лицом к стеклу, понятно, не припадала. Из-за тугого корсета я в принципе могла припасть разве что в обморок.

Ровно в оговоренное время напротив особняка Артиссов остановилась темная карета. Сначала из салона выбрался худосочный мужчина. Вероятно, помощник или личный секретарь. Следом спустился мой жених. В жизни он оказался выше, чем представлялся по портрету, черная одежда скрывала все то, что мне любезно продемонстрировало волшебное зеркало (потом еще проверяла, торс по-прежнему был чудо как хорош). Длинные белые волосы, сколотые на затылке, спускались по плечам.

Он словно почувствовал, что за ним следят, повернул голову и безошибочно взглядом нашел нужное окно. Стесняться не стала — все равно застучал, — и кивнула в знак приветствия. Даже на расстоянии было заметно, как у жениха изогнулась одна бровь. Для двух, видимо, удивление оказалось не настолько сильным. Никак не отреагировав на приветствие, он повернулся к родителям Ивонны, встречающим дорогого гостя на ступенях под бронзовой именной табличкой.

Знакомство с будущим зятем много времени не заняло. Все вместе они вошли в гостиную, и я вблизи смогла рассмотреть мой билет в светлое будущее и примериться к нему.

Фостен Мейн оказался выше меня на голову. Волосы вовсе не седые, как могло показаться на портрете, а натурального платинового оттенка. В светлых прозрачных глазах светилось легкое презрение ко всему, что он видел: к будущим родственникам, отдраенной до блеска гостиной, к семейному портрету на стене. К отмытой до скрипа невесте без капли косметики на лице – в том числе.

С мужчинами подобного типажа я встречалась по работе: от них всегда веяло властью и высокомерием. Про магию ничего не могу сказать. Может, какая-то особенная сила, заставляющая цепенеть все живое в радиусе трех метров, от него и исходила, но невооруженным глазом заметить ее было невозможно. В отличие от ламп, Фостен Мейн от движения не разлетался на фрагменты.

– Доброго дня, – проговорил он замечательным низким голосом человека, который ни разу в своей жизни этот самый голос не повышал. Таким не надо ни на кого орать, чтобы вокруг все работало, как швейцарские часы.

– Здравствуйте, господин Мейн.

По привычке я протянула ему руку для рукопожатия. Возникла секундная пауза. У жениха поползли на лоб брови, теперь обе. Я осознала чудовищность неловкости и руку резко подняла, практически ткнув ему в нос. Дескать, целуй!

Будущий муж противиться не стал. Одарил меня насмешливым взглядом и действительно легонько прижался губами к холодным пальцам.

– Приятно познакомиться, Ивонна, – произнес он.

– И мне.

– Слышал, вы почти нас оставили.

– Слышала, вы четырежды вдовец, – не осталась я в долгу.

Где-то на втором фоне тихо охнула мать Ивонны.

– Вам не соврали, – с иронией в глазах согласился он.

– Так вот, господин Мейн, не переживайте, я вас не оставлю, – с милой улыбкой уверила я. – Никогда. Обещаю.

Понятия не имею, почему мое заявление прозвучало как угроза.

– Ивонна мечтает стать хорошей супругой и в будущем заботливой матерью вашим детям, – поспешила перевести на язык аристократических гостиных леди Артисс.

Стало ясно, что будущий муж достаточно удивлен подозрительным энтузиазмом невесты. Возможно, с перебором. Пора мне и честь знать. В смысле, начать копировать Артиссов: избегать прямого взгляда и держаться от Фостена на уважительном расстоянии, словно он бьется электрическими разрядами.

Отец Ивонны пригласил гостя в кабинет – обсуждать брачные дела. Долговязый секретарь последовал за своим хозяином, но прежде смерил меня весьма подозрительным взглядом. Внешностью он напоминал живой носатый подсвечник из старого мультика про красавицу и чудовище. Конечно, если бы тот подсвечник был мизантропом.

Думала, что леди Артисс начнет меня распекать за плохие манеры, но воспитание, видимо, не позволило ругать беспамятную дочь. Тяжело вздохнув, она развернулась на каблуках и на ходу объявила:

– Мы должны продемонстрировать гостеприимство и твое умение позаботиться о гостях. Господин Мейн непременно заметит и высоко оценит. Распорядимся насчет кофе.

Желание накормить его вкусняшками мой будущий муж вообще не оценил. Он просто отказался от любых угощений. Наверное, к лучшему. Горничная, вкатившая в кабинет звенящую посудой тележку, тряслась от страха перед страшным колдуном, хотя тот просто сидел в кресле и не делал резких телодвижений. Один раз кашлянул в кулак, а с лица служанки сошли все краски.

Когда она наливала отцу Ивонны чай, узкий носик чайника звонко бился о фарфоровую чашку. В тишине тонкое звяканье звучало особенно громким и неуместным. Взгляд хозяина дома потяжелел, между густых бровей пролегла глубокая складка.

Остановив горничную едва заметным жестом, я тихо и коротко велела:

– Выйди.

Опустив голову, она сделала книксен и проворно выскочила из кабинета.

Когда я поставила на стол перед отцом Ивонны чашку с чаем, невольно заглянула в раскрытую папку. В ней лежало брачное соглашение, написанное вычурным почерком.

– Ивонна, хотите ознакомиться? – крутя в руках черную перьевую ручку, вдруг предложил Фостен.

– Что вы, господин Мейн! – скромно потупилась я. – Мужчины в таких делах разбираются лучше.

Поверить не могу, что пришлось произнести вслух эту отменную чушь!

– Вам неинтересно? – усмехнулся он.

– Полагаю, вы уже обо всем договорились с господином Артиссом.

Следовало назвать его папой, но язык не повернулся.

– Соглашение еще не подписано. Ваш отец будет не против, – с утвердительной интонацией объявил он.

Очевидно, что, приглашая меня присесть в знакомое неудобное кресло, отец Ивонны буквально наступил себе на горло. Однако темному магу, судя всему, никто ни в чем не отказывал.

– Это юридические бумаги, – вытаскивая из папки копию договора, высокомерно пояснил секретарь.

– Хотите сказать, что в них нет картинок? – с невинным видом уточнила я, принимая всего-то два жалких исписанных листика, и чуть не спросила, где остальное. Видимо, вторая страница и была остальным.

– Все в порядке? – любезно уточнил Фостен.

– Не знаю, – отозвалась я с улыбкой прелестной дурочки. – Я еще не начала читать.

Договор был краток и понятен, без особых хитрых условий, подписанных меленькими буковками в сносках. Пункт о том, что после кончины супруги ее приданое передается детям или возвращается отцу, тоже имелся. Сумму ежемесячного содержания вписать не забыли. Признаться, никогда не думала, что буду получать зарплату за замужество.

– У меня появился вопрос, – произнесла я, не поднимая взгляда от бумаг.

– Незнакомое слово? – уточнил Фостен.

– Сколько я буду получать на расходы через десять лет?

В кабинете воцарилась такая дивная тишина, что стало слышно, как в стекло бьется муха.

– Понимаете, здесь написана сумма содержания... – Я посмотрела на отца Ивонны. – Она будет как-то увеличиваться?

Как ни странно, он выглядел озадаченным.

– На сколько? – внезапно спросил Фостен.

– На двадцать в год, – уронила я.

– Варьятов? – тихо уточнил секретарь.

– Процентов, – поправила я. – Булавки и шпильки дорожают с немыслимой скоростью.

– Не дорожают, – буркнул секретарь.

– Покупаете женские булавки и шпильки? – небрежно уточнила я и бросила на него насмешливый взгляд.

Он внезапно насупился и поджал губы. Надо же, какой обидчивый!

– Господин Мейн, думаю, нас устроят три процента, – вступил в разговор отец Ивонны, видимо, ломавший голову, как бы себя не посрамить и интересы дочери учесть.

– Нет, три процента по сравнению с ничем, конечно, лучше, – я поерзала на стуле, – но двадцать мне нравятся больше.

– Договорились, – резковато проговорил мой будущий муж и, не сводя почти прозрачных глаз, протянул ручку: – Исправьте этот пункт.

И рада бы, но имелась проблема. Ивонна подарила мне возможность свободно изъясняться и читать, но писала я по-прежнему своим почерком, да еще нещадно путаясь. Внезапно выяснилось, что умение складывать буквы в слова не помогает чистописанию.

– Думаю, у вас лучше получится внести правки, – скромно улыбнулась я. – Вдруг я что-нибудь напутая?

– Например? – хмыкнул он и кивком приказал секретарю передать еще одну копию брачного соглашения.

– Напишу больше процентов, – предположила я.

Пряча усмешку, Фостен по-простому подвинулся к столу и начал быстро вносить исправления. Золотое перо легко скользило по бумаге.

– Проверьте, – закончив, кивнул он.

Документ удивительным образом преображался. Строчки пришли в движение, слова менялись местами: одни сдвигались, пробел занимали другие. Не хватало только характерного клацанья печатной машинки, но звуковое сопровождение я прекрасно додумала сама.

Теперь в спорном пункте мелким твердым почерком были вписаны проценты. Ровно двадцать.

– Все в порядке? – спросил он.

Я только дернула плечом.

Фостен поставил в конце договора подпись и закрыл ручку колпачком. На моей копии появился крупный витиеватый росчерк. Захочешь – не подделаешь.

С непроницаемым видом секретарь протянул хозяину небольшую черную шкатулку. Оказалось, что в ней хранилась печать. От оттиска, оставленного на бумаге, в разные стороны брызнул зеленоватый свет. Видимо, вещица была магическая, как и многое в этом новом, пока неизведанном для меня мире.

Обед прошел напряженно. Младшего Артисса с будущим родственником знакомить не планировали и запретили спускаться на первый этаж. Однако страшный колдун о мальчике не спросил.

Единственный за столом, кто действительно наслаждался трапезой, был секретарь. Ел он, не стесняясь хорошего аппетита, словно заправлялся на ближайший год и при смене блюд каждую фарфоровую тарелку провожал с печалью на худом носатом лице. Как от сердца этот фарфор отрывал.

– Красивый сервиз, – пробормотал он, случайно перехватив мой заинтересованный взгляд, и снова насупился, что, впрочем, ему никак не помешало слопать десерт.

Завидно стало! Повар сегодня особенно расстарался, но в меня из-за жесткого корсета, туго стянувшего ребра и бока, ни кусочка не лезло. Не знаю, зачем Ивонна голодала, если все равно нацепляла на себя это чудо принудительной диетологии.

Когда солнце начало садиться и сад окрасился в рыжий цвет, визит подошел к концу. Артиссы прощались с будущим зятем в просторном холле. Фостен Мейн провел в особняке несколько часов, но хозяева дома по-прежнему старались держаться от него на безопасном расстоянии. В этот раз я не сплеховала и, как послушная дочь, не отходила от леди Артисс.

– Проводите, Ивонна? – внезапно спросил гость, впери в меня внимательный взгляд.

Вообще-то, я уже набрала счет на целую лекцию о хорошем поведении скромных невест и несколько растерялась.

– Только накинь шаль, – с натянутой улыбкой разрешила леди Артисс и махнула рукой, приказывая слугам принести шаль.

Стало ясно, что мой ненаглядный жених не просто попрал, а плюнул в лицо всем правилам хорошего тона, когда попросил невесту довести его до кареты, но темному магу никто не смел перечить. Даже будущая теща.

Лакей открыл входную дверь, в холл ворвался поток прохладного апрельского воздуха. Вообще-то, захотелось надеть пальто, но я только поплотнее закуталась в поданную шаль. Мы вышли на улицу. Следом, поклонившись хозяевам дома, двинулся секретарь. Дверь, что характерно, закрывать не стали. Через открытый проем родители наблюдали за нами из холла. Все приличия были соблюдены.

По каменной дорожке мы неспешно направились к карете, ожидающей Фостена за раскрытыми коваными воротами. Секретарь с папкой в руках торжественно шагал за нами. Все в гробовом молчании. Проводы будущего мужа почему-то смехотворно напоминали похоронную процессию.

На полпути к воротам, когда из дома нас точно не могли слышать, Фостен остановился. Пришлось притормозить. Секретарь с печатью глубокой скорби на лице встал.

– Хэллавин, иди, – тихо приказал ему хозяин.

– Куда? – вежливо поинтересовался он, будто маршрутов у него имелось превеликое множество – выбирай, какой хочешь. – Ах, конечно!

Отвесив мне короткий кивок, он зачастил к экипажу.

– Интересное имя у вашего секретаря, – заметила я.

– Демоническое, – подсказал жених, с любопытством наблюдая за моей реакцией. – Он темный приспешник.

– Псевдоним сам выбирал?

– Приспешники носят имя, вписанное темной магией в договор. Хэллавин заключил со мной договор на тридцать лет и утратил право на собственное имя.

Господи, и здесь ипотека! Существует во вселенной хоть один мир, где не придумали этой адской поруки?

С откровенной жалостью я посмотрела на худого секретаря. Он энергично стряхивал с кожаной папки несуществующую пыль и по-прежнему напоминал подсвечник из мультика. В смысле, если бы тот

подсвечник сидел в черной депрессии, а не голосил веселые песенки и не объяснял красавице, как чудесно жить в замке у чудовища. Она просто не осознает своего огромного счастья.

Надеюсь, когда я перееду в Рокнест и спрошу, где находится столовая, Хэллавин не начнет петь в духе современных мюзиклов, а просто укажет пальцем, куда идти.

— А миньоны-то уже не те... — со вздохом пробормотала себе под нос, покачав головой, и обратилась к Фостену: — Он живет в замке?

— Да, — не сводя с меня внимательного взгляда, согласился жених. — Ивонна, ты ведь действительно не испытываешь никакого страха.

Он так лихо перескочил на панибратское обращение, что я только диву далась.

— А должна?

— Тебя отдают замуж за темного мага, — с усмешкой напомнил он.

— Ты о себе сейчас в третьем лице сказал? — с иронией уточнила я. — Вы, господин Мейн, первый темный маг, с которым я познакомилась. Покажете, чего мне надо бояться?

— В каком смысле? — совершенно искренне озадачился он.

— Поколдуй, — невозмутимо предложила я.

— Что? — со смешком уточнил он и сделал ко мне шаг, категорично нарушив принцип пионерского расстояния. Надеюсь, леди Артисс от такого внезапного сближения не схватила за сердце. — Ивонна, потвоему, я фокусник на рыночной площади? Если я *поколдую*, то красивый дом твоих родителей не выстоит.

— Ну ясно... — со вздохом протянула я, намекая, что как главное зло королевства он полностью провалился, и ободряюще похлопала его по плечу: — Честное слово, господин Мейн, вы произвели на меня впечатление и без колдовства.

— Чем?

— Пока только портретом. — Я с трудом сдержала ухмылку. — Вы чудесно выходите на портретах.

— Тогда встретимся в часовне, госпожа Артисс, — со странной улыбкой произнес он.

— Не опаздывайте, господин Мейн, — согласилась я.

Быстрым шагом будущий муж направился к открытым воротам. Оглянулся ли он на прощанье или просто уселся в экипаж, я не узнала.

– сразу вернулась в дом. Лакей закрыл дверь, и в холле воцарилась напряженная тишина. Мы с родителями Ивонны смотрели друг на друга.

– Хорошо, что вы сговорились, – наконец нарушила молчание леди Артисс и нервно покосилась на супруга, ожидая его резюме.

– Научи свою дочь не вмешиваться в разговоры мужчин, – сердито высказался он и измерил меня негодующим взглядом. – Женщина должна знать, когда следует молчать!

Гневной тучей он удалился в кабинет, по всей видимости, осыпав громом и молниями исправленное и подписанное соглашение. Возможно, шибанул дверью, но мы не услышали.

Душевный разговор с леди Артисс действительно не заставил себя ждать. Через пару часов она вызвала меня в свои покои. За окном смеркалось, и в уютной гостиной горели магические лампы. В высокой клетке щебетали канарейки. Хозяйка дома отложила пальцы с вышивкой в плетеную корзинку и нервно улыбнулась:

– Пришла? Нам надо обсудить... кое-что. – Она запнулась, словно испытывала крайнее замешательство, и отчего-то суетливо махнула рукой: – Присаживайся поскорее.

Сев на жесткий диван, я расправила домашнее платье и всеми силами изобразила внимание. Леди Артисс изящно откашлялась в кулачок, щеки у нее покраснели от конфуза.

– Ивонна, я видела, как ты прикоснулась к господину Мейну.

– Когда это? – возмутилась я и тут вспомнила, что во время обмена язвительными репликами потрепала его по плечу.

– Нет-нет, я тебя не ругаю! – поспешно уверила она. – Желание прикасаться к своему мужу совершенно нормально. Оно говорит, что ты готова ко всему, что происходит между супругами, когда в спальне гаснут магические лампы и опускается балдахин на кровати.

– Кхм.

Приплыли... В смысле, я доплыла и не захлебнулась. В двадцать восемь полных лет нарвалась на тот самый разговор о мужчинах. Видимо, нагнала карма. В прошлой-то жизни разбиралась сама, без инструктажа.

– Только не надо смущаться! – воскликнула леди Артисс, видимо, заметив, что дочь слегка озадачена. – Ты невинная девушка и пока ничего не знаешь об этой сакраментальной стороне брака, но лучше

услышать до замужества, как именно получаются дети! Я сама сильно сожалела, что моя дорогая матушка не решилась завести этот крайне важный разговор...

Леди не опустила до презренных пестиков и тычинок. Будь я настоящей Ивонной, вообще, не поняла бы, о чем идет речь. Так сказать, техническую сторону животрепещущего вопроса она ловко опустила, а сосредоточилась на объяснении, что юной девушке нечего бояться рядом с опытным мужчиной. Следует ему довериться и делать ровно то, что он велит. Без самодеятельности! Четко исполнять указания. В опытности вдовца Фостена Мейна никто не сомневался. За четыре брака он точно поднаторел в столь деликатных вещах.

Тут-то меня и пронзила острая мысль. Не понимаю, почему она не пришла мне в голову раньше... Насколько далеко зашли отношения Ивонны и репетитора? Возможно, в первую брачную ночь нас с мужем обоих ждал очень большой сюрприз. И какая же подлость, что теперь правду знал только Сойер!

– Господи боже, – пробормотала я, осознав, что придется обсудить с влюбленным учителем, как много Ивонна ему позволила, и потеряла переносицу: – Да за что?

– Дитя мое, все женщины проходят через это, но потом познают радость материнства! – воскликнула леди Артисс и, порывисто потянувшись, погладила меня по руке. – Возможно, тебя будут переполнять самые противоречивые чувства, особенно в первый раз. Наверняка захочется поплакать. Тогда выйди в ванную комнату и в тайне от мужа тихонечко поплачь.

– Почему я должна плакать? – искренне удивилась я оригинальному предложению.

– От потрясения, – рассудила леди Артисс. – Или от счастья.

– Что все закончилось? – осторожно уточнила у нее.

– Что скоро станешь матерью! Конечно, ты ей не сразу станешь, – уверила она, – но через некоторое время – непременно. Возможно, понадобится не одна особенная ночь с мужем...

Некоторое время мы разглядывали друг друга. Леди Артисс явно боялась, что у нее спросят, сколько именно ночей понадобится для счастливого материнства. Я была не настолько жестока, поэтому молчала.

– Кстати, я собрала тебе кое-какие книги. Очень полезные в семейной жизни! – Она поспешно подняла со столика два увесистых тома и переложила мне на колени. – Самоучители по управлению большим домом. Конечно, тебя готовили к замужеству, но ты немножко подзабыла уроки. В этих книгах все подробно рассказывается. В юности я ими зачитывалась! О том, что не стоит вмешиваться в дела мужчин, глава тоже есть.

Идея поплакать в ванной после первой брачной ночи, видимо, была взята не только из личного опыта, но и из этих сборников уникальных женских знаний. Как бы донести их до комнаты, не уронить и не проломить паркет «гранитом хозяйственной науки».

– Спасибо, – кивнула я, вообще-то, мысленно оценив желание матери позаботиться о дочери.

– Ну иди.

Она приветливо улыбнулась.

– Почитаю на ночь, – покрепче перехватывая тяжеленькие книги, пробормотала я и поднялась.

– Лучше ложись спать пораньше, – посоветовала она.

На следующее утро мои вещи отправляли в замок Рокнест. Слуги грузили тяжелые дорожные сундуки на подъехавшую к воротам подводу, а леди Артисс, как и всегда, железной рукой управляла процессом. Однако ни уничижительные взгляды, ни недовольные приказы не уберегали багаж: от тяжести слуги спотыкались, надрывались и роняли сундуки. Из строя по очереди выпали два лакея, придавившие ноги.

Пока хозяйка дома переключила пристальное внимание с дочери на приданое, я замыслила воспользоваться суматохой и вызвать Сойера на разговор. Во избежание драм в будущей семейной жизни. Кто знает, насколько у черных колдунов широкие взгляды на отношения до брака? Может, Фостен Мейн только изображает раскрепощенное зло, а сам заскорузлый, как кирзовый сапог.

На занятия с подопечным учитель приехал в самый разгар погрузки. И тут я снова ощутила острую тоску по мобильному телефону и возможности по-тихому обсудить деликатный вопрос в переписке. Связаться с человеком, находившимся всего-то через коридор, оказалось довольно проблематично. Роль мессенджера пришлось исполнять Раисе.

Она скоро вернулась из учебного кабинета и, воровато выглянув в коридор, плотно закрыла дверь.

– Принесла! – С самым таинственным видом горничная запустила руку в карман форменного платья и вытащила аккуратно сложенную записочку: – Он сказал, что на разговоры у него нет ни минуточки, и велел передать.

Я забрала листик и строго спросила:

– Смотрела?

– Как бы я посмела? – обиделась она. – Читать переписку госпожи запрещено!

Бросив на нее насмешливый взгляд, я развернула бумажку. На выданном из блокнота клочке была написана нечитабельная абракадабра из непонятных значков, крючков и палочек. Просто какая-то вырезка из прописи первоклассника, а не записка.

– Иностранный язык? – нахмурившись, пробормотала себе под нос.

– Отродясь такого не видела, – согласилась Раиса.

– Ты же не смотрела и не читала.

– Конечно, не читала, – поспешно согласилась она. – Как прочесть? Тут же ничегошеньки непонятно.

– В следующий раз оштрафую, – вкрадчиво пригрозила самым страшным: отъемом жалования.

– Обещаю, что в следующий раз ничего тебе не скажу! – клятвенно пообещала Раиса, с одухотворенным видом приложив ладонь к груди.

– Слева, – с иронией подсказала я, и она вопросительно изогнула брови. – Когда клянутся, прикладывают руку к сердцу.

Оставалось только покачать головой и вернуться к изучению записки. Покрутила, перевернула вверх тормашками. С какой стороны ни посмотри, смысл закорючек оставался тайной за семью печатями.

Может, у Сойера и Ивонны имелся собственный шифр, но я-то не в курсе их любовных дел. К сожалению! Не пришлось бы тратить время на секретные переписки.

– В общем, Раиса, – потеряла я терпение, – сходи к нему еще раз. Пусть напишет перевод или даст словарь. Мы тут до ночи будем отгадывать, что наш талантливый шифровальщик пытается сказать.

– Так и передать?

– Слово в слово, – велела я.

Она вернулась с пухлой книгой в кожаном переплете.

– Словарь? – уточнила я.

– Стихи, – пояснила она. – Сказал, что... Как там? Стихи способны ответить на все вопросы.

Поспорила бы с этим утверждением. На мой единственный вопрос был способен ответить только Сойер, но он загнул уголок на страничке со стихотворением «Полночный сад». Всего четыре строчки, похожие на глубокомысленное хокку.

– Ох! – наконец дошло до меня, что он таким поэтичным способом назначил позднее свидание в хозяйском саду.

– Все плохо? – уточнила Раиса.

– Переплюнь. – Я захлопнула книгу. – Поэзия действительно отвечает на все вопросы лучше домоводства.

– Госпожа, что ему передать? – шепотом спросила она.

– Ничего, почтовое отделение закрылось на обед.

– А плевать обязательно надо?

Я непонимающе посмотрела в конопатое симпатичное личико горничной, горящее готовностью выполнить любую прихоть сумасбродной госпожи.

– Ну ты велела... Нет, конечно, если очень надо, то я непременно! Просто иногда ты говоришь такие странные вещи, – проворчала она и поправила скособоченный чепец.

Таскаться по темному саду в середине ночи меня не прельщало, тем более что вставать предстояло на рассвете, но именно в это время предложил встретиться гений интрижек. С другой стороны, он знал толк в тайных свиданиях – дом к полуночи успокоился.

В черном плаще с широким капюшоном, позаимствованном у Раисы, я неслышно прошмыгнула по безлюдному особняку и тихонечко выскользнула в холодную ночь. Сад окутывала непролазная темнота.

Споткнувшись, я тихо выругалась. Хотелось верить, что поздняя вылазка не закончится вызовом семейного доктора. Понятно, что даже сломанная нога не затормозит меня по дороге к алтарю, но все-таки рассчитываю идти в светлое будущее горделивой походкой, без костылей.

Глаза постепенно привыкли к ночному мраку. Когда деревья спрятали от взгляда огромный дом, я остановилась, понятия не имея, где в потемках искать бывшего парня Ивонны. Внезапно показалось, что недалеко шевельнулась тень. От суеверного страха чуть инфаркт не заработала!

– Сойер? – позвала я.

Сад молчал, учитель тоже. Сидел где-то, как партизан, и не подавал голоса. Может, вообще не пришел.

Чувствуя себя большой дурой, я развернулась обратно к дому, но меня позвали по имени:

– Ивонна!

– Ты где? – наплевав на конспирацию, спросила я нормальным голосом.

Внезапно полуголые кусты затряслись, и из них на дорожку вывалился Сойер.

– Я ждал тебя в нашем обычном месте, – горячо прошептал он и попытался меня обнять.

– Погодите, господин Райт! – Я ловко отступила, не давая жадным рукам сомкнуться и поймать меня в тиски, словно мы играли в детские жмурки в темноте. – Давайте пропустим обнимашки.

– Ты права, не стоит терять время, – с жаром согласился он. – Пойдем, пока никто не заметил твоего исчезновения.

Если кто-нибудь заявится в комнату и не обнаружит меня в постели, всегда можно соврать, что от волнения я отправилась подышать свежим воздухом в сад. Все невесты очень внезапные!

– Поговорим прямо здесь, – отказалась я двигаться с места во избежание травм.

Коварные костыли, что называется, не дремлют!

– Прости! Я так счастлив, что ты решилась. Совсем не могу соображать!

– Давайте, господин Райт, выдохните, соберитесь и ответьте мне на один очень личный вопрос, – попыталась настроить учителя на серьезный разговор.

– Да! – с жаром выдохнул он.

– Что, да? Я еще ничего не спросила.

– Я безумно тебя люблю, Ивонна, и мечтаю навсегда связать наши жизни! Конечно, я согласен.

– Ты ничего не перепутал, парень? – вышла я из себя. – Никто не делает тебе предложение! Я без суток, как замужняя женщина. Перестань нести чушь и ответь: мы были близки?

– Ты меня так проверяешь? – мягко уточнил он и попытался погладить щеку.

– Я себя сейчас проверяю, – цыкнула я, снова отстраняясь.

– Мы были безумно близки, Ивонна! – уверил он. – Наши души...

– А физически? С душой как раз все ясно, – резковато перебила я. – Меня интересует именно интимная сторона наших отношений. У нас был... Мы делили брачное ложе?

– Мы с тобой? – недоверчиво переспросил он.

– Ты здесь третьего видишь? – сухо уточнила я. – Может, слышишь?

Внезапно из темноты проговорил незнакомый мужской голос:

– Сойер, вы что застряли? Давайте быстрее, пока нас не накрыли!

Обалдеть! Что здесь делает третий?

– Мы идем! – отозвался Сойер, резко вцепился в мою руку, как клещ, и с неожиданным проворством потащил в кусты. – Нам надо торопиться, любовь моя!

– Ты обалдел?! – возмутилась я, пытаюсь вырваться.

– Осторожнее, ты можешь упасть! – предупредил он, между тем пытаюсь заволочь меня в заросли. – Я увезу тебя из этого отвратительного дома!

– Да отличный дом! – Я упиралась, как могла, плащ трещал.

– Я обещал спасти тебя от колдуна и сдержу свое слово! – настаивал он. – Не сопротивляйся своему счастью!

– Да не надо меня спасать! И счастья такого тоже не надо!

Чувствуя, что проигрываю битву и сейчас меня так спасут, что родители Ивонны потом ни одними сыскными собаками не смогут разыскать, я извернулась. От всей души наступила сумасшедшему парню каблуком на ногу. Он крикнул и проскрипел:

– Осторожно, Ивонна. Ты можешь пораниться...

С головы слетел капюшон, волосы лезли в глаза. Ругаясь сквозь зубы, я дернулась и рванула в сторону. Сойер действительно не ожидал, что возлюбленная попытается спастись по направлению к отвратительному дому. Его пальцы скользнули по рукаву, а я начала терять равновесие. Ноги запутались в длинном плаще. С высоты роста

я рухнула на каменную дорожку и так сильно ударилась, что на мгновение от боли перестала дышать. В глазах потемнело.

– Прости, любовь моя! – услышала точно сквозь вату, прежде чем окончательно вырубилась.

Проблеск сознания, как ни странно, случился от удара. Видимо, сработало сомнительное правило, что клин вышибают клином. Нетвердыми руками меня пытались запихнуть в карету и случайно, но чувствительно приложили головой обо что-то твердое. Возможно, о дверцу.

– Ивонна, ты очнулась? – прохрипел Сойер, кажется, предсмертным сипом.

Осознав, что меня все еще активно избавляют от свадьбы с колдуном и есть надежда остановить спасательную операцию, я начала вырываться.

– Немедленно отпусти меня! – рявкнула тем самым командным голосом, от которого в офисе цепенели младшие менеджеры, принтер заедал бумагу, а компьютеры зависали.

– Ивонна, умоляю, не дрыгайся! – провыл учитель, в отличие от офисного принтера и компьютера, обделенный чувством самосохранения. – Я тебя уроню!

И ведь оказался человеком слова. Кто бы подумал? Сказал, что уронит, и действительно не удержал. Ослабевшие руки разжались. Под его скорбное оханье и пожелания быть осторожной я провалилась вниз. Удар затылком о ступеньку кареты отправил меня на очередной виток вязкого сна.

В себя я пришла от ощущения, что сильно замерзла, села на кровати и от резкой боли схватилась за голову. Под волосами обнаружилась знатная шишка. Странно, как сотрясение мозга во время похищения не заработала.

Обстановка в совершенно незнакомой комнате выглядела скромной, особенно по сравнению с роскошью особняка Артиссов. В углу с рогатины напольной вешалки на деревянных плечиках свисало белое кружевное платье, подозрительно напоминающее свадебное...

Несмотря на царящий холод, меня бросило в жар. В панике я проверила часы, тикающие на громоздком комоде. Время подступало к восьми утра, до венчания оставалось жалких три часа. Артиссы наверняка решили, будто дочь сбежала, и в панике прочесывали город.

А меня – черт побери – спасли! В неизвестном направлении. Врагу такой свистопляски не пожелаешь.

– Впаду в истерику после свадьбы, – подбодрила я себя и, путаясь в длинном подоле, скатилась с кровати.

Пол оказался ледяным. Из двух туфель нашлась только одна. Вторая исчезла. Никак сумела скрыться от похитителей. Пришлось остаться разутой, что совершенно не добавило оптимизма этим ранним сумасшедшим утром.

За дверью обнаружился узенький коридор и деревянная лестница, ведущая в просторную кухню с простой мебелью. На очаге кипятилась кастрюля, на большом кухонном столе лежала разложенная салфетка с нарезанным крупными ломтями хлебом. И никого!

– Сойер? – позвала я.

– Проснулась, невестка? – прозвучал смутно знакомый веселый голос.

Из чулана с глиняным горшком в руках бочком выбрался плечистый вихрастый здоровяк и широко улыбнулся, продемонстрировав жизнерадостную щербинку между передних зубов.

– Ты кто?

– Бростен, кузен твоего счастливого жениха. Будем знакомы, невестка. – Он подмигнул мне.

– А где сам счастливый жених? – уточнила я.

– Пошел в храм двуединого, поговорить со святым отцом.

– Исповедаться приспичило?

– Договориться о венчании, – хохотнул здоровяк. – Здешний святой отец никогда не отказывает обвенчать таких, как вы. И вопросов не задает. Я сам кузену Сойеру о нем рассказал. Ты рада?

– Да я в восторге, – сухо отозвалась я, невольно бросив взгляд на обшарпанную входную дверь.

Сбежать в неизвестном направлении было недальновидно. Заблужусь в сельской местности и превращусь вместо уважаемой госпожи Мейн, супруги известного колдуна с замком возле озера, в бродяжку без колдуна, замка и озера. От одной мысли о мытарствах в одной туфле и без копейки в кармане гасла яркая лампочка, освещающая светлое будущее.

– Далеко нам до города? – небрежно спросила у здоровяка.

– Часа два езды, – охотно поделился он. – Да ты не переживай, пока вас отыщут, успеете пожениться. Магический обряд не разорвать. На такое только темные маги способны.

– Такие, как Фостен Мейн? – с искренним любопытством поинтересовалась я.

– Не поминай колдуна всеу! – испугался здоровяк и обвел указательным пальцем вокруг лица. – Не знаешь, что ли, если его позвать по имени, то он придет?

Какие, право слово, наивные люди!

– Если бы, – с искренним сожалением вздохнула я.

– Невестка, ты пока собирайся, а я завтрак сварганю, – велел здоровяк и продемонстрировал в горшке крупные куриные яйца. – Все равно Сойеру ждать конца утренней службы.

– Не будем терять время на еду, – скомандовала я. – Запрягай лошадь.

– Торопишься выйти замуж? – развеселился он.

Ты себе представить не можешь насколько... Пока мы тут разговариваем, время тикает, а Фостен Мейн все ближе к часовне Артиссов.

– Хочу сюрприз твоему кузену сделать.

Полагаю, я была первая и единственная невеста на два мира, которая собиралась на собственное венчание, как солдат-срочник на построение. Да еще без зеркала и расчески! Проворно умывшись ледяной водой в тазике, я вслепую расчесала волосы пальцами и кое-как запихнулась в белое кружевное платье. Декольте у наряда невесты, буду честной, выглядело откровенным. Особенно если смотреть сверху.

– Ладно, двадцать минут позора и венчание закончится, – подтянув ткань повыше, пробормотала я и подхватила перекинутый через спинку деревянного стула плащ.

Оказалось, что запрягать лошадь – это не машину прогреть. Кузен Сойера копался, как будто мы никуда не опаздывали. В смысле, он-то не опаздывал, а я извелась, пока дождалась его возвращения в дом. Ходила туда-сюда по кухоньке, выглядывала в окошко. Единственное, что рассмотрела: деревенский двор с курами и утками.

Наконец здоровяк появился и с широченной улыбкой протянул:

– Невестка, да ты вон какая красавица!

– Еще бы этой красавице какую-нибудь обувь. – Приподняв подол, я продемонстрировала босые ноги в белых чулках.

– А ничего нет, – растерялся кузен Сойера.

– Да мне уже без разницы какую, – уверила я. – Хоть мужские ботинки.

Мы синхронно посмотрели на его потрепанные боты с отбитыми носами и старыми истертыми шнурками.

– Другие ботинки, – быстро уточнила я.

– Есть сапоги, – медленно произнес он. – Совсем новые. Три раза надеванные.

– Ну... сапоги лучше чулок.

Бростен отдавал сапоги с таким видом, словно отрывал от сердца. Ноги в них утонули, но зато голенище затягивалось шнуровкой. Подтянула, чтобы не потерять по дороге, насколько смогла.

– Как раз приедем к концу службы, – рассуждал здоровяк, пока я завязывала шнурки сначала на бантик, а потом еще на узел. – Вот Сойер обрадуется! Он обо всем договорится, а тут и красивая невеста пожалует.

– Мы не едем в храм, – объявила я, поднимаясь со стула и одергивая юбку.

– А куда ж? – вытаращился он.

Тут мы и подошли к самому тонкому месту моего коварного плана. Хотелось верить, что с парнем, не отягощенным чувствами к невесте, но страшно боящимся колдуна, хитрость сработает.

– Бро, мы едем спасти жизнь твоему кузену, – самым проникновенным тоном проговорила я. – Колдун меня уже разыскивает по всему королевству. Представляешь, что случится, когда найдет?

Здоровяк сошел с лица и шепотом спросил:

– Что?

– Всем будет очень плохо, – соврала я. – Сразу проклянет всех. А если он ворвется в храм, когда мы с Сойером будем жениться? Ух! Подумать страшно!

Тут меня подвело воображение и представить кровавую расправу, чтобы описать ее в красках, не удавалось, зато у кузена фантазия заработала на полную катушку.

– Всех одним взглядом умертвит? – подсказал он.

– Точно! – согласилась я. – Так и будет. Не жить твоему кузену, если я не приеду в семейную часовню к одиннадцати часам.

Было видно, что внутри у него боролись страх перед вселенским злом в мужском обличии и желание сделать Сойеру хорошо.

– Но он готов пожертвовать собой ради тебя! – внезапно заупрямился здоровяк, видимо, недостаточно напуганный, чтобы взять ноги в руки, подстегнуть лошадку и на скорости реактивного самолета домчать меня до города.

– А ты? – вкрадчиво уточнила я. – Думаешь, колдун только с твоим кузеном расправится? Вы вместе участвовали в похищении.

– Мы тебя не крали! – искренне возмутился Бростен. – Ты же сама просила тебя увезти!

Да неужели? Бежала за каретой и умоляла спрятать в деревне.

– Колдун об этом не знает.

– Ты же ему скажешь, что я ни при чем? Просто на стреме постоял и с возницей договорился.

– Думаешь, он поверит? – вкрадчиво уточнила я. – Всех порешит. Кроме меня, само собой. Жена-то ему нужна здоровенькая. Сойер тебя поймет и простит, а колдун – никогда.

– Но вы же это... любите друг друга.

– Разве могу я пожертвовать любимым и его родней? – стараясь подавить раздражение, с большим пафосом воскликнула я и для пущего эффекта потрясла руками.

В нерешительности здоровяк сопел и хмурился, что-то просчитывая в уме.

– Дождемся возвращения Сойера! – наконец решил он.

– Если я его увижу, то ни за что не уеду и обреку всех на гибель, – сдавленно произнесла я, изображая глубоко влюбленную женщину, вынужденную бросить обожаемого учителя, ради привлекательного мужика без денежных проблем, но зато без душевных привязанностей. – Ты представляешь, каково прощаться с любимым мужчиной и знать, что вовек его не увидишь? У меня и так сердце разрывается! Скоро лягу умирать.

– Тебе нельзя умирать! Подожди Сойера!

– Или колдуна... – многозначительно добавила я.

Бростен вздрогнул, три раза обвел пальцем вокруг лица, прикрыв глаза, и выпалил:

– Едем в часовню!

– По каретам! – скомандовала я, шустренько натягивая плащ, пока здоровяк не передумал. На случай возвращения учителя у меня имелся запасной план: прикинуться малахольной в церкви и устроить сцену, но учительский родственник умел расставлять приоритеты.

И вместо кареты меня ждала понурая лошадка, впряженная в старую телегу с деревянными колесами. В некотором смятении я осматривала транспорт и пыталась представить, на какой скорости мы будем мчаться к моему светлому будущему. Походило на то, что проще до города добежать, подхватив юбки. Обувь, правда, к спринту по пересеченной местности не располагала.

– Давай, невестка, садись! – хмурый здоровяк, забывший щербатую улыбку на кухне фермерского дома, протянул руку.

– Поднажми! – попросила у него, кое-как вскарабкавшись на лавочку. – А то до ночи не доберемся.

Мы выехали за ворота и впереди открылся вид на темные поля, кажется, убегающие за горизонт.

– Держись крепче! – велел Бростен и подхлестнул лошадку.

Телега катилась по сухой дороге, скрипела и подпрыгивала на кочках. Меня трясло и швыряло, приходилось держаться за лавку. В лицо лезли волосы, вокруг поднималась пыль и немедленно оседала на одежде. Было страшно, что на особенно глубокой колдобине ненадежный транспорт лишится колеса, а я – единственного шанса выйти замуж за принца.

– Ты знаешь, где часовня Артиссов? – вдруг спросил здоровяк.

– Понятия не имею, – сцедила я сквозь зубы. Уже один раз прикусила язык и старалась рот широко не открывать.

– В смысле?

– У добрых людей спросим. – Я похлопала его по плечу и проворно вцепилась в лавку, когда колесо провалилось в очередную рытвину. – Главное, доехать!

В мыслях я уже перебралась в замок Рокнест, выбросила ненавистные корсеты и наслаждалась жизнью, в которой не надо думать ни об очередном платеже за ипотеку, ни о строгих правилах аристократической семьи. Повесила в спальне новые занавески, отыскала библиотеку и на месяц нырнула в книжный запой...

Фостен Мейн, дождись меня у алтаря, я уже мчусь! Ладно, еду по колдобинам. Надеюсь, доберусь, не превратившись в сбитые сливки.

ФОСТЕН МЕЙН

Сквозь стеклянный купол часовни проникал солнечный свет. Воздух пах белыми цветами эфразии. Они считались символом женской чистоты и украшали алтарь. В брачной чаше масляно поблескивали густые магические чернила, на серебряном подносе лежали две кисти для свадебных меток.

Фостен женился четыре раза. На пятый – будущая супруга сбежала. В роли брошенного жениха ему выступать не приходилось, и он еще не разобрался: восхищен или обескуражен внезапным свадебным переполохом.

Ивонна Артисс в принципе оказалась с большим сюрпризом. В доме будущей родни он ожидал встретить томную девицу, как на портрете... Ничего подобного! Она смотрела прямо в глаза и явно была не знакома со словом «предрассудки». За семейным обедом Фостен случайно перехватил ее заинтересованный взгляд. Он мог поклясться, что в этот момент мысленно невеста его раздевала.

Еще вчера он был заинтригован, сегодня, стоя перед алтарем, хотел аплодировать. Казалось, Ивонна действительно горела выйти замуж за темного мага. Хитрая девица всех обвела вокруг пальца! Хотя ее родители восхищения лицедейским талантом дочери не разделяли. Старый венценосный сводник сначала похочет над женихом, а потом лишит семью сбежавшей невесты всего состояния. В назидание остальным.

– Господин Мейн, – голос Дейвида Артисса сочился с трудом подавленным гневом и звучал глухо, – мы с супругой приносим глубочайшие извинения. Понимаю, что поступок нашей дочери не имеет оправданий.

Фостен покосился на Катарину Артисс. Низко опустив светловолосую голову, она мяла в руках вышитый платок и, по всей видимости, задыхалась от позора.

– Мы возместим убытки... – начал было Дейвид, но осекся от душераздирающего скрипа.

Все оглянулись к высоким дверям часовни. Налегая на тяжелую створку двумя руками, в святилище пыталась войти невеста!

Извернувшись, Ивонна подперла преграду плечом и проворно влетела в узкий просвет.

– Здравствуйте! – громко поздоровалась она с обалдевшей публикой и тут же замахала руками в сторону нервной тетушки: – Нет-нет, леди! Не надо терять сознание. Невеста уже на месте. Я слегка припозднилась.

Подхватив подол, она открыла мужицкие сапоги и рванула к алтарю. Шокированную тишину наполнило нестройное цоканье подкованных каблучков, сменяемое шарканьем. В немом изумлении все следили за проходом без преувеличений вздыбленной невесты по святилищу. Фостен поймал себя на том, что впервые в жизни у него отвисла челюсть. Казалось, Ивонна добиралась до часовни по разбитым деревенским дорогам на открытой телеге.

– Светлого утра, – поздоровалась она с оцепеневшими родителями и принялась теребить завязки на плаще. – Какое счастье, что все еще в храме! Простите, я очень торопилась, но сегодня на дорогах страшные заторы.

Сам от себя не ожидая, Фостен протянул руку и дернул за ленту. Узел распутался.

– Благодарю, – невозмутимо произнесла Ивонна, выскользнула из плаща и протянула его матери.

– Ивонна, – едва шевеля губами, прошептала та и прижала поношенную тряпку к груди, – во что ты одета?

– Простите за неподобающий вид. – Та быстро огладила спутанные пыльные лохмы. – Но чем добрые люди поделились.

– Ты где была? – рыкнул отец с горящими бешенством глазами, и леди Артисс осторожно сжала его локоть, призывая не устраивать сцен на публике. Они и так все дружно оскандалились.

Ивонна открыла рот, но замерла на секунду, словно обдумывая ход в шахматной партии, и пролепетала жалобным голоском:

– Заблудилась.

Фостен подавился на вздохе. Дейвид Артисс поменялся в лице: гнев превратился в искреннее недоумение.

– В каком смысле?

– Вышла ночью подышать свежим воздухом и заблудилась в городе, – с самым честным видом выдала дочь страшную ересь и, изобразив покорность, тихонечко спросила: – Давайте начинать?

Пока святого отца возвращали из каморки за алтарем, она тихо проговорила:

– Господин Мейн, знаю, что просила вас не опаздывать, но вы хотя бы немного задержались?

– Нет, – только и сумел проронить он, буквально пораженный незамутненным бесстыдством будущей супруги.

– Очень зря, – вздохнула она. – Полагаю, стоять перед алтарем без невесты такое себе удовольствие. Сильно бодрит нервную систему. Но в свое оправдание хочу сказать, что я тоже нервничала. У меня вообще утро не задалось...

– Ивонна, признайся, – Фостен скривил губы в сардонической усмешке, – ты хотела сбежать. Что заставило тебя передумать? Ответственность за семью перевесила?

– Да бог с вами, уважаемый темный маг. – Она одарила его уничижительным взглядом. – Ночью меня похитили. Между прочим, от тебя спасали, только к утру отбилась. Самой стыдно за неловкую ложь, но не хотела, чтобы леди Артисс упала в обморок. К слову, ты в курсе, что перед твоим именем цепенеют люди?

– Конечно, – хмыкнул он.

Со знанием дела Ивонна цокнула языком.

– Все-таки репутация дороже любых денег.

Потом появился святой отец, увидел невесту, окаменел на секунду. По лицу прошла судорога. В священнике словно проснулось настойчивое желание изгнать из обоих молодоженов демонов. Откровенно сказать, начни он размахивать писанием, свадьба была бы сорвана. И внушающий ужас жених с невестой ему под стать оказались бы ни при чем.

Под конец вместо брачной метки молодая супруга поставила Фостену на руку кляксу. Ойкнула и замалевала хаотичными линиями. Получилось чернильное месиво. Однако пятно все равно вспыхнуло магическим светом. Высшие силы благословили пятый брак темного мага.

ГЛАВА 3. Замок синей бороды

Вечером третьего дня я стояла в холле замка Рокнест и с возрастающим недоумением рассматривала шеренгу из троих мужчин. Один усатый, невысокий и кругленький походил на заварочный чайник. Второй с симпатичной залысиной на маковке, одетый в серую униформу слуги, напоминал телосложением шкаф. Сердитым взглядом он исследовал пол, словно мы с Раисой затоптали дубовый массив грязными сапожищами. Зачем к ним присоседился секретарь было не особенно понятно, но встал подсвечником, и никто не возражал.

– Вернон наш дворецкий, – указал Фостен на слугу в униформе. – Распоряжается... Кхм...

– Всем, – ворчливо оповестил Вернон и обратился ко мне: – Ваши вещи прибыли в целости и сохранности. Дожидаются на женской половине замка.

– Тобольд у нас главный повар, – продолжил знакомство муж.

– И единственный! – Повар широко улыбнулся, внезапно мелькнув под усами золотым зубом. – Добро пожаловать!

– С Хэллавином ты уже знакома, – закончил Фостен.

– И все? – проронила я.

– Кого тебе еще надо? – как будто не понял он.

– Другие слуги?

– Все перед тобой. – На лице Фостена мелькнула улыбка, почти прозрачные глаза смотрели насмешливо.

– А горничные? – вкрадчиво уточнила я.

– Ты привезла свою. – Он кивнул в сторону Раисы.

Та прижимала к груди маленький дорожный сундучок и, задрав голову, с круглыми глазами рассматривала лепнину на потолке. Из гипсовой розетки со сложным орнаментом торчал крюк, а люстру повесить забыли.

– Располагайся. Вернон тебе покажет замок, – продолжил Фостен самым будничным тоном и, прощаясь, коротко кивнул.

– А ты куда?

– К себе, – пояснил он. – Из-за свадьбы накопилась масса дел.

– Ну да... Работа сама себя не поработает, – пробормотала я, следя за тем, как новоявленный муж начал подниматься по лестнице, ведущей, видимо, на мужскую половину замка.

Дорога до замка прошла... странно. За три дня пути мы сказали друг другу от силы два десятка слов. В топ вошли «светлого утра», «счастливой ночи» и «приятного аппетита». Просто путешествие в разных каретах и ночевки в отдельных комнатах светской беседы не предполагали.

Может, и к лучшему, что ехали фактически порознь, друг за другом. К вечеру первого дня я была способна разве что рычать, лаять и художественно рассказывать матом, как прекрасен апрельский пейзаж за окном. Даже бесстрашная Раиса забилась в угол сиденья и старалась не отсвечивать.

– Тихого вечера, – пожелал секретарь и дернул следом за хозяином.

– Ужин через час! – крикнул им вдогонку Тобольд и снова широко улыбнулся, когда обратился ко мне: – Хозяйка, приготовил праздничное рагу! Клянусь, ты никогда такого не едала.

На что дворецкий подавился и деликатно кашлянул в кулак. Подозреваю, что праздничное рагу он уже видел у себя в тарелке, пробовал на вкус и поперхнулся не набежавшей слюной, а воздухом.

– Хотите отдохнуть с дороги? – прогудел он в мою сторону. – Или же посмотрите замок?

– В карете отдохнули, – отозвалась я и бодренько развела руками. – Давайте, уважаемый Вернон, разомнемся!

Со стороны Рокнест, стоящий на каменном уступе над тихим озером, вызывал искренний восторг. Замок словно сошел с картинки из журнала о путешествиях: серые башни стремились к синему небу, к арочному въезду тянулся каменный мост, перекинутый над глубокой расщелиной, а само бескрайнее небо отражалось в спокойной озерной глади. И окрестности утопали в неземной тишине. Хотя не в тишине – в безмолвии, глубоком и несокрушимом. В нем грохот экипажей, казалось, разносился на многие километры... Внутри мой новый дом неожиданно оказался похож на расписной пряник.

С важным видом опытного экскурсовода, способного дать любую справку о замке, от момента закладки первого камня до минуты, когда пролетела последняя голодная моль, Вернон водил нас по

разноцветным комнатам. Синяя просторная гостиная, красная столовая с длинным полированным столом, бежевая музыкальная зала без единого инструмента, но с цветной козеткой.

Пыль на всех поверхностях и в углах лежала вековая. Не то чтобы я приглядывалась, просто в носу засвербело.

— Когда в замке в последний раз... — Не удержавшись, я звонко чихнула.

— Делали ремонт? — невозмутимо уточнил Вернон. — Два года назад третья супруга господина Мейна раскурочила... отремонтировала общие комнаты и женскую половину. Хотите продолжить славную традицию?

— Нет, благодарю. — Без преувеличений я вздрогнула, вспомнив беспрерывный ремонт в купленной квартире: мешки с цементом, поездки на рынок стройматериалов в выходные и прочие внезапные развлечения. — Еще одного ремонта я не вывезу. Хотела узнать, когда здесь последний раз убрались.

Дворецкий, черт побери, задумался! Даже на лбу собралась гармошка. Чуть не сказала, что правило «чисто не там, где убирают, а там, где не сорят» в замке давно перестало действовать. Странно, как они всем квартетом не хлюпают носом. Адаптировались, что ли?

— В прошлом году? — протянул он. — Точно! При четвертой госпоже Мейн.

— Заметно, — многозначительно посмотрела я на затоптанный ковер под ногами.

Напрочь проигнорировав намек на некоторую запущенность, Вернон указал на арку:

— Мужская половина.

— Показывайте, — скомандовала я.

— Зачем? — не понял он.

— Для эстетического удовольствия, — хмыкнула я.

Экскурсия по владениям моего мрачного мужа больше походила на инструктаж для спелеологов-любителей. Нас с Раисой, едва не обмирающей от страха, провели по широкому мрачному коридору с наглухо закрытыми дверьми.

— Здесь кладовая, — махнул рукой Вернон. — Хранятся черные артефакты. Заперта на замок. Не вскрывать ради собственной безопасности! Здесь гостиная...

И так дальше по списку комнат, куда ни в коем случае нельзя совать нос, если очень дорога жизнь. Со слов дворецкого мужская половина была нашпигована черными артефактами, темной магией и черт знает чем еще, отчего запросто могли отсохнуть руки, выпасть волосы и открыться дорога на тот свет.

– Где библиотека? – спросила я.

– Черные гримуары, – коротко пояснил Вернон. – Очень опасны и коварны.

Другими словами, дулю мне, а не книжечку на ночь. Ничего! Заведу собственную библиотеку и никого туда из мстительности не стану пускать.

– А что здесь? – указала я на тяжелую дубовую дверь как раз напротив прислоненной к стене и прикрытой простынкой картины.

– Кабинет господина Мейна. Вход...

– Я поняла, – перебила его. – Не переживайте, Вернон. Меня еще в детстве научили не совать пальцы в розетку. Где покои господина Мейна?

– Дальше по коридору, за поворотом, – пояснил он, явно жаждущий узнать, что такое «розетка», но спросить постеснявшийся.

– Туда тоже вход строжайше запрещен?

– Только с разрешения хозяина.

– Угу, – вздохнула я, одарив долгим взглядом тот самый поворот.

Далековато он спрятался. Сегодня нам предстояла первая брачная ночь, и я искренне верила, что мне не придется тащиться через весь замок в опочивальню к дорогому супругу. Он сам явится в мои покои сразу без рубашки.

По дороге на женскую половину замка Раиса сравнилась с дворецким. Тихо и боязливо, словно опасалась говорить во весь звонкий голос, хотя в громкости ее никто не ограничивал, она спросила:

– Вы говорили о третьей жене господина Мейна. Что с ней случилось?

Я состроила страшные глаза, намекая, что выяснять судьбу моих предшественниц несколько неуместно, но горничная уже настроилась. Если Раиса хотела узнать какую-нибудь дрянь, непременно до нее докапывалась, а потом душевно переживала.

– Была излишне любопытна, как вы, юная леди, – сухо бросил дворецкий и, подведя нас к лестнице, попрощался: – До встречи в столовой.

– Вернон, – остановила я, – повесьте таблички на двери, куда точно нельзя входить. Во избежание несчастных случаев.

– Конечно, хозяйка, – невозмутимо согласился он. – Как прикажете.

Женская половина отличалась цветочными орнаментами и светлыми тонами. Мило, отчаянно пыльно и откровенно запущено. В первый момент я ощутила себя так, словно попала в съемную квартиру. Вроде мебель на месте, но вокруг пусто и все чужое.

– Хозяйка, тебе все еще не страшно? – тихо спросила Раиса.

– Нет, – отозвалась я. – Просто не лезь в закрытые комнаты и не задавай дурацких вопросов.

В гостиной с большими окнами и замечательным видом на тихое прекрасное озеро стояла дюжина сундуков с приданым, отправленным из особняка Артиссов. Разобрать их никто не сподобился.

– Гостеприимство на пять звезд, – уперев руки в бока, покачала я головой.

– Да как же так? – с возмущением воскликнула Раиса, мигом вернув силу голоса. – Я одна за декаду не справлюсь!

– Разберешь вещи за три дня, получишь премию, – пообещала я и отправилась выяснять, в каком состоянии ванная комната и есть ли она вообще.

Очевидно, в моем светлом будущем придется энергично вкручивать лампочки, чтобы оно не превратилось в темный тоннель без света в конце. Но не время впадать в депрессию! Надо оглядеться и понять, сколько лампочек прикупить. Подумаешь, замок безлюден и не ухожен. Были бы квадратные метры, жильцы всегда найдутся. Люди, как вода, обязательно занимают свободное место.

Повод для радости отыскался быстро: с удобствами в замке было прекрасно, получше, чем у Артиссов. Ванна большая, из крана внезапно шла горячая вода. Может, к черному колдуну ее доставляли по трубам прямоком из адского котла, и дровишек подкидывал главный черт, но меня устраивало. Да и комнатка для горничной оказалась не каморкой без оконца и не скворечником в чердаке, а вполне приличной спальней в конце коридора.

К ужину в гостиной появился Вернон и застал нас с Раисой в большой озадаченности. Мы проверяли сундуки и пытались разыскать, куда было спрятано постельное белье, полотенца и «особенная» ночная сорочка из тонкого кружева, заказанная леди Артисс специально для первой брачной ночи. С большим пафосом дворецкий объявил, что стол накрыт и праздничное рагу стынет.

Перед выходом Раиса горячо помолилась двуединому, поцеловала медную подвеску в виде плоского разомкнутого кольца и хотела мне покрутить пальцем возле лица. Насилу отбилась и отослала ее на кухню, а сама отправилась в столовую.

За окном смеркалось, в коридорах замка зажглись огни. Красная столовая, озаренная магическим светом, приобрела почти комичную вычурность. Место хозяина во главе стола сиротливо пустовало. Зато с самым пресным видом сидел Хэллавин, одетый во все черное, словно пришел не на приветственный ужин, а на поминки. При моем появлении он вежливо поднялся и поздоровался:

– Тихого вечера. Ваше место в той стороне.

Я как раз пристраивалась на стул напротив самого секретаря, замерла на мгновение и все равно пристроилась.

– С каких пор?

– По традиции все супруги садились туда, – упрямо повторил он.

– По традиции все супруги делали ремонт в замке, – напомнила я и расправила салфетку. – Полагаете, стоит приобщиться?

Секретарь-подсвечник слегка поменялся в лице, на худой шее дернулся кадык. Решив, что сказал достаточно, он уселся за стол и перестал отсвечивать.

Тут я заметила, что абсолютно вся сервировка собрана из разных сервизов. На одной тарелке цветочек, на другой золотая каемочка, бокалы разной формы. Как домой попала! У меня тоже не было ни одной одинаковой тарелки, кружки и фужера.

Еду неожиданно принесли целой компанией. В столовой появились и дворецкий, и Раиса, и даже повар Тобольд. Последний принялся страстно рассказывать, сколько души и любви вложил в ужин, а еще самых свежих продуктов! Буквально только сегодня из соседнего городка привезли...

С невозмутимым видом Вернон пристроил на середку стола между двумя пустыми канделябрами супницу с нарисованной

тыковкой на боку, открыл крышку. В воздух потек дымок и запахло острыми специями. Он зачерпнул глубокой ложкой густую массу, цветом напоминающую переваренное домашнее карри, и попытался положить мне в тарелку. Масса прилипла к черпачку намертво.

Возникла неловкая пауза. Вернон тряхнул сильнее. Ни в какую. Он выразительно покосился на повара.

– Постучи по тарелке, – громким шепотом предложил усатый жизнерадостный шеф.

До постукиваний по фарфору дворецкий не опустил и тряхнул ложкой со всей силы. Жаркое сдалось и шлепнулось в тарелку неровным комом. Все выдохнули, что миссия закончилась победой, и ничего не отскочило на лиф моего домашнего платья.

– А господин Мейн нас не почтит? – поинтересовалась я, берясь за тяжелые серебряные приборы.

– Он еще не закончил дела, – пояснил Хэллавин и вместо рагу сам себе щедро положил в тарелку квадратики сыра и тоненькие лепестки ветчины.

– Приятного аппетита! – расплылся в улыбке повар. – Хэллавин, ты тоже ешь рагу!

– С дороги совсем нет аппетита, – отозвался тот и с оголодавшим видом принялся жевать сыр.

Я напряглась. Раиса отчаянно строила страшные глаза и мотала рыжей головой, словно умоляя меня не пробовать на вкус шедевр кулинарной мысли, но отступать было некуда. И незаметно скормить праздничное угощение некому, а обижать повара, только приехав в замок, не хотелось.

С первой вилки стало ясно, почему господин Мейн за ужином нас не почтил... Он спасался от рагу! Всегда считала, что способна переварить даже железные гвозди. Скажу больше, я частенько покупала шаурму в палатке возле метро и с удовольствием съедала без последствий для организма. Праздничное блюдо от шеф-повара Тобольда оказалось поистине феерией остроты. Вот уж он точно предсказал: я никогда ничего подобного не пробовала.

Ни один ресторанный критик не сумел бы догадаться, из чего оно приготовлено. Все забивали специи. Опознать их тоже не удалось. Видимо, некоторые вещи наш мир просто отторгал и не позволял проникнуть за его границы. Во избежание вымирания человечества.

– Вкусно? – с надеждой спросил Тобольд.

– Угу, – промычала я, не открывая рта, иначе грозила пыхнуть настоящим огнем.

Хорошо, что столовая была отделана в красном колере. Никто не заметил, что лицо у меня пылало.

– Я целый чан приготовил! – восторженно объявил повар. – Ешьте с удовольствием.

Боже, неужели это карма за все те вкусные блюда, которые я с большим аппетитом поглощала в доме у Артиссов?

– Вина? – по-светски предложил Вернон и продемонстрировал откупоренную бутылку. – Урожай года дракона. Лучший красный виноград. Цветочные нотки, послевкусие...

– Воды, – коротко просипела я и кашлянула в кулак.

Пока он перечислит все достоинства драконьего вина, недолго коньки отбросить или самовоспламениться. Десна и язык горели! Налитый стакан выхлебала мгновенно и сразу почувствовала себя полностью сытой. С милой улыбкой поблагодарила за вкусную трапезу, попрощалась с мужской половиной замкового общества и засобиралась к себе в покои.

– Вернон! – остановилась в дверях. – Бутылку вина отдайте и сырную тарелку.

– Зачем? – в два голоса возопили дворецкий с секретарем. Первый спрятал вино за спину, второй звонко уронил вилку, понимая, что без сыра его ждало только адское рагу. Ветчина уже закончилась.

– Гости придут.

Под ошеломленное молчание с деловитым видом я забрала добычу и, прихватив Раису, вернулась к себе. Дел было невпроворот! Следовало тщательно подготовиться к первой брачной ночи. И для начала хотя бы перестелить постель.

Перекусили мы прямо в гостиной. Горничная неожиданно вытащила из сундучка завернутые в салфетку булочки из придорожной кафешки, по-местному, «таверны», где мы обедали днем, я выставила на круглый стол тарелку с сырной нарезкой. Вином тоже не побрезговали и хлопнули за спокойное, пусть и не очень гостеприимное заселение в Рокнест. Раиса еще прихлебнула за то, чтобы ночью ее никто не съел. В общем, так увлеклись, что на блюде осталось всего-ничего сыра.

Горничная с тоской оглядела заметно поредевшие ломтики и тяжело вздохнула.

– Доедаем, – махнула я рукой. Три кусочка мужчины точно сыт не будет. Да и придет он вовсе не сыр трескать...

Окрестности замка окончательно погрузились в непроницаемую темноту, в окно начал заглядывать яркий рогатый месяц, а я была полностью готова к первой брачной ночи. Чистые простыни, найденные на дне сундука, вкусно пахли лавандой, тускло мерцал магический ночник. Спальню окутывал таинственный, интимный полумрак.

Лежа в кровати, я прислушивалась к шагам в гостиной. Ночной замок тихонечко скрипел, обиженно подвывал каминной пастью, ворчал в темноте. Настоящее колдовское логово!

Время шло. В отличие от Фостена. Глаза слипались, и сон побеждал. Надеясь его побороть, я сходила за томом домоводства, подаренным леди Артисс и ею же после свадьбы бережно упакованным в дорогу, подложила повыше подушку и принялась читать. На десятой странице случайно моргнула... и проснулась утром в обнимку с раскрытой книгой.

Первую брачную ночь я счастливо проспала. По всей видимости, муж не стал меня будить и тихонечко слинял на мужскую половину. Мог бы и остаться, пожелали бы друг другу светлого утрачка.

За завтраком, как и накануне за ужином, компанию мне составлял Хэллавин.

– Сидите, не вставайте, – махнула я рукой. – Не надо церемоний.

Хорошие манеры он явно демонстрировать не планировал, но с мрачной миной поблагодарил за милосердие и согласился, что утро необычное светлое. Хотя, глядя на него, было очевидно, что любой час суток у темного прислужника безнадежно депрессивный и темный, как черный кофе в кофейнике. Видимо, совсем достало беднягу тащить ипотечную лямку тридцатилетнего служения.

Вернон вошел в столовую с самым важным видом. Раиса, решительно отказавшаяся покрывать голову чепцом, вкатилла позвякивающую тележку с едой. На середину стола была поставлена знакомая супница с тыковкой на боку. Без преувеличений я дернула глазом.

– Вчерашнее рагу? – спросила сдавленным голосом.

– Злаковая каша, – объявил дворецкий и поднял фарфоровую крышку, с которой немедленно закапал конденсат. В воздухе завился дымок.

– Съедобная, – звонким голосом добавила Раиса и напрочь проигнорировала пронзительный взгляд Вернона.

Вообще, пережив первую ночь в замке, она убедилась, что ее не собираются приносить в жертву, поджаривать на адском костре или пугать привидениями, и заметно осмелела.

– А Фостен нас опять не почтит? – поинтересовалась я у мужчин.

– Хозяин уже покончил с завтраком и очень занят, – с пресным видом объявил Хэллавин.

Какой неуловимый, право слово, муж!

– А где он сейчас?

– У себя в кабинете, – кисло отозвался секретарь. – Если хотите с ним поговорить, то надо записаться на прием.

– Значит, запишите меня на время после завтрака. Буду первой в очереди.

– С чего вы так решили? – буркнул он.

– Метод дедукции, – издевательски хмыкнула я. – Что-то не видела в холле толпу взволнованных посетителей.

Видимо, тонко прочувствовав, что новая госпожа Мейн готова впасть в раздражение, Вернон отвлек мое внимание, плюхнув в глубокую тарелку кашу. От сероватого варева веяло смутными воспоминаниями о детском саде. Нам не позволяли вставать из-за стола, пока оставалась хотя бы одна чайная ложка еды.

– Не стоит ли нам нанять в помощники к Тобольду пару поварих? – вежливо поинтересовалась я, не обращая ни к кому конкретно.

– Попробуйте, – с непередаваемым высокомерием отозвался дворецкий.

На мужскую половину секретарь вел меня с большой неохотой, как вражеского лазутчика, шантажом заставившего верноподданного предать хозяина. Фостена мы нашли не в кабинете, а в коридоре. С самым задумчивым видом мой крайне занятой муж, никуда не торопясь, разглядывал на двери намалеванный углем крест.

– Светлого утра, – громко поздоровалась я, заставив его повернуться в нашу сторону.

– Ивонна, что вас привело сюда? – оторвавшись от созерцания творчества Вернона, со светской любезностью поинтересовался он.

– Нас сюда привел Хэллавин, – намекнула я, что на опасную территорию вошла с проводником и не планирую самоубиться о черные артефакты.

– Хозяин, я предупредил, что вы крайне заняты, но ваша супруга настаивала, – ловко вывернул тот.

– Вежливо попросила, – напомнила я.

– Кстати, ты в курсе, что за сакральные метки появились на всех дверях в коридоре? – перебил спор Фостен с дипломатичностью варвара и указал секретарю на угольный символ.

– Магия нанесла дурной знак.

– Хэллавин, у вас богатое воображение, – фыркнула я. – Кресты поставил Вернон. Я попросила пометить запрещенные комнаты. Ваш дворецкий оказался на редкость обязательным человеком. Он ведь человек?

Или хитрое исчадие ада, запутавшее доверчивую девушку?!

– С утра был, – хмыкнул Фостен. – Чем Вернон аргументировал запрет?

– Сказал, что у тебя вокруг напиханы смертельные артефакты, а я, знаешь ли, собираюсь жить в *нашем* замке долго и счастливо. Желательно, с комфортом.

Последнюю многозначительную фразу он вообще проигнорировал.

– Умно, – уважительно покачал головой муж и сразу стало ясно, что он говорил вовсе не обо мне, а о своем коварном дворецком.

– Возвращаясь, к вопросу комфорта, раз уж мы о нем заговорили...

– Заговорила ты, – напомнил он.

– Раз уж я заговорила о комфорте. Планирую нанять в замок слуг.

– Попробуй.

– Да вы с Верноном сговорились, что ли? – возмутилась я. – Не слышу в голосе оптимизма.

– В замок не хотят идти люди, – спокойно пояснил он.

– Так, может, платить надо лучше? – презрительно фыркнула я. – Мне даже горничную удалось сманить из дома Артиссов, а уж она-то молилась при упоминании твоего имени.

– Что ж, дерзай. – Прозрачные глаза Фостена смеялись. – Ты об этом хотела поговорить?

– Не только, – медленно протянула я.

– Иди, – кивнул муж секретарю, тонко почувствовав, что лишние уши нам не нужны.

«Лишние уши» не стали заморачиваться и просто спрятались в кабинет, на секунду продемонстрировав большое помещение со стрельчатыми окнами.

– Ночью я заснула...

– Хорошо выспалась? – иронично уточнил Фостен.

– Неплохо, – согласилась с ним и вкрадчиво уточнила: – Сегодня тебя ждать?

– Предпочту свою кровать, – хмыкнул он.

– Как скажешь, – мило улыбнулась я. – Хорошего дня, дорогой супруг. Говорят, вы очень занятой человек. Не перетруждайтесь.

– И вам удачи, леди Артисс.

– Леди Мейн, – поправила я. – Если вы вдруг подзабыли, то я теперь ношу королевскую фамилию.

– Тебе это нравится?

– Я в полном восторге.

Замолчав, мы смотрели глаза в глаза. Это была не игра в гляделки, а настоящее столкновение характеров, немая битва! Ни один не хотел разрывать зрительный контакт и проиграть. Чуть глаза, в общем, не сломали. Сдались одновременно: Фостен для вида потер переносицу, я просто поморгала.

– Кстати, в комнаты с крестом заходить можно? – спросила я, пытаясь взять его внезапностью.

– Нельзя, – немедленно запретил он, на внезапность не поддавшись.

– И в библиотеку?

– В библиотеке хранятся книги, а не модные журналы, – издевательски пояснил Фостен.

Да неужели?

– Хорошо, – с фальшивой покорностью согласилась я. – Но если ты не в курсе: когда леди скучает, в ней просыпается инстинкт гнездования, и леди начинает делать ремонт в доме. Но мы живем в замке...

– Займись вышиванием.

– Я не умею вышивать.

– Библиотека в твоём распоряжении, – немедленно сдался Фостен. – Проводи в ней столько времени, сколько хочешь.

Ну да, чем бы жена не тешилась, лишь бы с неутомимостью бульдозера не рушила несущие стены, не перестилала паркет и не меняла витражи в окнах. В идеале вообще делала вид, что вокруг лучший дизайнерский ремонт со времен зарождения интерьерного дизайна.

День прошёл плодотворно: я завела ежедневник, вместе с Раисой прошлась по залам и наметила фронт уборочных работ. Экскурсию по кухне Тобольд провел лично. Энергично жестикулируя, он заявил, что готовит – нет, творит! – исключительно по собственным рецептам. Придумывает и сразу воплощает в жизнь! Вечером пообещал «побаловать нас» олениной.

– А где вы до этого служили? – осторожно уточнила я.

– На морском судне. – Он сложил руки на опрятно-круглом животе и тяжело вздохнул. – Но мне запрещали творить! Никакой кулинарной свободы.

Я не нашлась, что сказать. Вроде неловко подрезать вдохновению крылья, но мы все дружно шагали по прямой дороге к язве желудка. Или к местному погосту. Может, поэтому Хэллавин всегда пребывал в дурном настроении: мало что продался в ипотеку на тридцать лет, еще и кормили в этой ипотеке паршиво. Никакой отдушины!

Напоследок Тобольд пообещал приготовить каких-нибудь вкусняшек. Понятия не имею, почему услышала в его обещании реальную угрозу. Запомнив, где морозильная кладовая, в которой держали продукты, как в холодильнике, мы с Раисой отправились исследовать прачечную, гладильную и прочие опустевшие без слуг помещения.

До библиотеки, находящейся в боковой башне, тоже добрались. Совершенно очарованная я рассматривала отделанный дубом зал с верхней галереей, к которой вела надежная лестница с перилами. Одни книжные шкафы оказались открытыми, другие – закрытыми на ключ. По всей видимости, тома в них хранились магические и трогать их не следовало. Стены были отделаны кожаными обоями с тиснениями. Возле большого камина уютно стояли кресла для чтения.

На столе лежала стопка чистой бумаги, красовался письменный набор и массивная шкатулка с пульсирующим алым камнем на резной крышке.

— Руки! — рявкнула я Раисе командным голосом, когда та потянулась, чтобы потрогать кристалл.

— Прости, хозяйка! — Она резко одернула руку и обвела указательным пальцем вокруг лица. — Темный лик попутал.

Красотой мы восхищались недолго. Видимо, наслышанный об инспекции замка в двери вломился Хэллавин и испоганил момент. Оказалось, он считал библиотеку своей вотчиной и новость, что теперь книжные уголья придется делить с новой хозяйкой, встретил с постной миной. Я предложила ему составить расписание посещений. Мина из постной превратилась в кислую. Зато сразу стало ясно, отчего предприимчивый дворецкий наврал, что вход сюда строго воспрещен. Не хотел теснить приятеля. Секретаря-то он знал много лет, а меня без году одни сутки.

За ужином нас все-таки почтил Фостен собственной персоной, а ближе к ночи, когда жители замка закрылись в комнатах, я приняла душистую ванну, нарядилась в кружевную сорочку и отправилась к нему. Раз приглашал, пусть встречает!

В широком коридоре на мужской половине предусмотрительно горели ночники. Пусть неярко, но точно не заплутаешь. Дверь в покои оказалась гостеприимно приоткрыта — стучаться не пришлось.

— Фостен? — Я тихонечко вошла и огляделась.

Мой супруг действительно подготовился к первой брачной ночи. Сразу видно, что мужик знающий! Просторная спальня утопала в интимном полумраке. Единственным источником света служил горящий камин, хотя в жилых помещениях замка всегда сохранялась комфортная температура. Видимо, не без помощи магии. На столике стояли хрустальный графин с напитком и два бокала. Огромная высокая кровать с балдахином оказалась предусмотрительно расправленной. Не хватало одного: мужа.

Решила не тянуть время и сразу улечься, но меня поджидало внезапное препятствие! Ивонна была невысокого роста, а поднять ногу в довольно узком кружевном ансамбле и вскарабкаться на кровать, не удалось. Я честно попыталась, но все равно пришлось задрать подол и

брать штурмом супружеское ложе поистине королевского размера и вширь, и в высоту.

– Господи, а если с такой ночью упасть? – под нос проворчала я. – Костей не соберешь!

Только умостила на жестком матрасе и на корточках поползла к подушкам в изголовье, как в тишине раздалось сдержанное покашливание. Замерев, как воришка, застрявший в форточке, я повернула голову. Фостен во всем мужском великолепии, в смысле, в одних черных пижамных штанах, стоял посреди спальни.

И в этой, прямо сказать, неудобной позиции и при скудном освещении я разглядела, что портрет в волшебном зеркале нагло соврал. Вживую мой муж выглядел лучше! Торс и плечи атлета, крепкие мышцы на руках. Белые волосы собраны на затылке в пучок и короткие пряди привлекательно свисали возле лица.

И – черт возьми! – самый сексуальный из всех мне известных мужчин, уперев красивые руки в поджарые бока, следил за моими отнюдь не эротичными ковыряниями с выражением глубочайшей озадаченности. Происходящее начинало откровенно напрягать...

– Привет? – пробормотала я и, быстренько сев, кое-как натянула подол на голые колени. – Я уже здесь.

– Вижу, – кивнул он.

– У нас первая брачная ночь, – осторожно напомнила я. – Ты сказал, что предпочитаешь спать в своей кровати. Я тебя услышала и пришла.

Кажется, даже на расстоянии и в потемках я смогла рассмотреть циничную усмешку, мелькнувшую на его губах.

– Ты когда стала послушной?

– Мама сказала: ты покажешь, что надо делать! – сама от себя не ожидая, заявила я. – Маму надо слушаться!

– Маму? – как будто недоверчиво переспросил он.

– Да! Моя мать – леди Артисс. Она сказала, что ты опытный и все знаешь. Когда дело касается брачного долга, никакой отсебятины! – с умным видом несла я страшную чушь, внезапно потеряв талант к импровизации. – Надо точно следовать инструкциям мужа. Вот! Инструктируй. Я вся во внимании. Если надо, то показывай.

Вообще, испытывать смущение мне было несвойственно, но сейчас стало просто нечеловечески неловко. Странно, если бы, Фостен

одним движением сдернул с себя штаны и бросился к кровати, но чего он стоит, как статуя? Перед тобой привлекательная женщина. Действуй!

– А если мы простим друг другу все долги? – внезапно предложил он.

– В каком смысле? – не поняла я и уточнила для ясности: – У нас ничего не будет?

Он начал медленно приближаться, встал в изножье кровати.

– Отчего же? – Фостен улыбнулся, но почти прозрачные глаза казались ледяными. – Вообще, этот разговор обычно происходил через седмицу после свадьбы, но ты, похоже, уже готова. Я благодарен за то, что ты мне щедро предлагаешь, Ивонна, но давай не будем усложнять. Мы проведем ритуал и разрушим магию брачных меток. Ты будешь абсолютно свободна, моя дорогая нетронутая жена.

– Развод? – Я поперхнулась на вздохе. – Побойтесь бога, господин Мейн, мы только поженились!

– Поэтому придется подождать хотя бы месяц, – невозмутимо пояснил он.

– А если мне и так неплохо?

– Ты хочешь оставаться замужем за темным магом?

– Да, меня вообще все устраивает. С виду ты абсолютно нормальный!

От спорного комплимента у Фостена изогнулась одна бровь, но с эмоциями он справился быстро и снова вернул непроницаемую мину. В самый раз для профессиональных переговорщиков и прожженных карточных мошенников.

– Ивонна, мне не нужна жена даже для постели. Я не испытываю недостатка в женщинах. Но следовать приказам короля обязан, – проговорил он. – Ты получишь свободу, деньги, новое имя. Сможешь жить, как захочешь, где захочешь и с кем захочешь. Похоже, мое предложение лучше твоего. Что скажешь?

Что сижу, как дура, в кровати и просто вижу, как из моих рук умыкают хороший замок с красивым озером! Я не готова уйти из безопасного убежища в чужой мир, о котором вообще ничего не знаю. Пусть и с самой щедрой компенсацией. Жизнь-то дороже, а комфортная жизнь вообще бесценна.

– И сколько из четверых твоих жен согласились убрать брачные метки? – сухо спросила я.

– Четверо.

Выходит, Фостен Мейн вовсе не черный вдовец и не «синяя борода». Просто так удачно четыре раза развелся, что никто в королевстве Рейванд (и сам король) не догадывались, как их лихо обманули.

– Они меняли внешность с помощью магии? – спросила я, на долю секунды допустив, что, возможно, еще сумею увидеть в зеркале собственное отражение, а не Ивонны.

– Темная магия не милосердна, Ивонна, – едва заметно улыбнулся он. – Большая жестокость просить женщину отказаться от отражения в зеркале.

– А ты предлагал?

– Конечно. – В его глазах появилась насмешка. – Трое из моих бывших жен были влюблены и хотели создать семьи. Одна была влюблена в себя.

– И как они сейчас живут?

– Полагаю, что счастливо.

– Полагаешь? – хмыкнула я.

– Мы не поддерживаем связь, и я не слежу за их судьбой. – Он обошел кровать и протянул раскрытую ладонь. – Помочь тебе спуститься?

Ага, хорошо полежали, пора и честь знать.

Молча подтянувшись к краю кровати, я сжала его руку и аккуратно, но без грациозности, какой отродясь не обладала, слезла на пол. Одернула длинный подол, пошарила ногами домашние туфли и влезла в них, примяв задники.

Фостен указал мне в кресло. Пока я усаживалась, с невозмутимым видом он плеснул в бокалы вино, отдал один мне и развернулся.

– Ты куда? – насторожилась я.

– Оденусь.

– Нет-нет, – помахала я рукой. – Оставайся как есть. Ты меня ни капли не смущаешь.

Обнаженного тела Фостен тоже не особенно стеснялся. Не сводя с меня пристального взгляда, словно считывал эмоции, он протянул свой бокал.

– Отпразднуем радостное событие.

Что для темного мага – праздник, то для женщины из другого мира – траур. Кто бы подумал, что он предложит по-тихому разъехаться? Запасного плана у меня не было. Мысли разбегались в разные стороны. Глубоко вздохнув, я изобразила улыбку (подозреваю, крайне нервную) и чокнулась с бокалом Фостена. Хрусталь красиво звякнул. В голове отдалось тревожным колоколом.

По вкусу вино оказалось похожим на хороший виски. По крепости тоже. Как раз для дурных новостей.

– Крепкое? – хмыкнул почти бывший муж.

– Самое то для сегодняшнего праздника, – уважительно кивнула я.

– Куда ты хочешь переселиться? – оживленно, словно наш развод – дело решенное, спросил он. – Выбери любую область Рейванда. Может, хочешь уехать в Найри?

Только на карте посмотрю, где это уютное местечко находится.

– Я должна ответить сейчас?

– Подумай до утра и начнем поиск дома.

– Ты мне еще и жилье подберешь! – присвистнула я. – Ты оказывается такой заботливый, мой дорогой супруг.

– Почему я услышал в твоих словах иронию? – отозвался он.

– Потому что я действительно иронизирую. – Одним махом я опрокинула в себя остатки вина, выдохнула и поднялась. – На дорожку посидели. Пойду к себе.

Не моргнув глазом, я забрала со столика графин с напитком и покосилась на бокал Фостена:

– Тебе налить? Остальное заберу для серьезных раздумий.

Он не возражал против нахального грабежа, только смотрел с интересом.

– Надеюсь завтра встретить вас в добром здравии, милая супруга, – прокомментировал он. – Не увлекайтесь: варейское вино легко бьет в голову.

– Не бойтесь, господин Мейн, завтра моя голова будет по-прежнему при мне, – отозвалась я, но возле дверей все-таки не удержалась и спросила: – Кстати, в замке есть магический проход?

– Какого рода?

– Открываешь дверь и с другого конца королевства сразу попадаешь к спальне темного мага, – намекнула я, что романтическая

обстановка не осталась без внимания. – Хочу заранее знать, не встречу ли в коридоре лишнюю женщину.

– Не встретишь, – пообещал он, не подтверждая мою догадку, но и не опровергая существование такого прохода.

– Дверь помечена крестиком?

– Доброй ночи, Ивонна, – откровенно выставил он меня за ту дверь, которая крестом как раз помечена не была, но и без меток вход в нее теперь действительно оказался воспрещен.

Если подумать, не очень-то и хотелось.

– И вам *крайне* тихой ночи, дорогой супруг.

Я пообещала себе, что чуток понервничаю и пожалею себя, пока возвращаюсь в покои, но с истерикой не сложилось. Вдруг выяснилось, что варейское вино не только крепкое, но и коварное: голова кружилась, в теле образовалась приятная легкость. Во хмелю надо ловить момент и радоваться, никак не истерить! Вот завтра, когда наступит похмелье, можно страдать и наносить миру тяжелые моральные увечья. А темным магам, владельцам замов и красивых мертвых озер, совсем не моральные.

В середине освещенного коридора меня внезапно повело в сторону. Алкоголь выплеснулся из графина на пол и немножко на подол кружевной сорочки. Я схватилась рукой за раму картины, прислоненной к стене. Простыня начала слезать и постепенно открыла портрет Ивонны. С замазанной чем-то черным физиономией и двумя дырками для глаз!

– Вот теперь совсем обидно... – процедила я, разглядывая этот портрет банковского грабителя.

Видимо, от возмущения в голове сложился план, как прописаться в замке и не оказаться в Найри. Возможно, место и неплохое, но название мне категорически не нравилось.

В гостиной на женской половине по-прежнему царил бардак. Половина сундуков осталась не разобранными. Складывалось странное впечатление, что вещи из них пытались выползти на свободу: свисали рукава, торчали полотенца и вылезали длинные шелковые чулки всех цветов радуги. После поисков папки с чистой бумагой и шкатулки с письменным набором комната вообще погрузилась в хаос, но беспорядок, еще этим вечером бесивший невероятно, вдруг стал не самой большой моей проблемой.

Устроившись за столом, я размяла шею и начала строчить! Писала по-русски, быстрым и твердым почерком, не пытаюсь изображать местный диалект. На втором листе, когда ночь разменяла третий час, за спиной раздался inferнальный шорох.

Я резко оглянулась через плечо. За спиной привидением застыла растрепанная Рая в широкой ночной сорочке до самого пола. Клянусь, чуть инфаркт не поймала!

– Хозяйка, ты чего, завешание пишешь?

– Побольше подкрадывайся со спины и придется написать, – укоряюще проворчала в ответ. – Я готовлюсь к серьезным переговорам. От них зависит наша временная прописка в замке. Начнем с малого, потом до постоянной доберемся. Сейчас, главное, не спугнуть!

– Кого? – Горничная вдруг принялась нервно теребить завязки на вороте сорочки.

– Этого афериста.

– Которого из четверых? – осторожно уточнила она.

– Того, который умеет колдовать. Остальные, мне кажется, что-то подозревают...

– Ты о муже говоришь?

– Ага, муж... объелся груш, – сседила я одну из любимых бабулиных поговорок и посмотрела в исписанные листы.

– Хозяйка, груши вообще ни при чем, – ни с того ни с сего уверенно заявила Рая.

– В смысле?

– Твой муж за ужином объелся конины... оленины! Отнести ему целебных травок?

Объяснять Раисе, что ей была передана уникальная народная мудрость из другого мира, я посчитала лишним и мрачно усмехнулась:

– Отнеси, сердобольная наша. Травок. Для великодушия. Может, завтра другим человеком проснется.

Горничная поменялась в лице.

– Хозяйка, что ж выходит... он тебя обидел? Помоги двуединый! Этот проклятый колдун тебе что-то сделал?!

– Да что он мне сделает?

А мог бы! Сейчас лежала бы довольная под подтянутым мужским боком, а не придумывала план, как остаться замужней, пока нас не

разлучит смерть. Или другие убийственные форс-мажоры.

В голове снова прогрохотало слово «развод» и захотелось прихлебнуть вина.

– Ты, поди, еще плакала? – допытывалась жалостливая горничная.

– Раиса, с чего мне плакать? Я сама кого хочешь обижу, – назидательно проговорила я. – Потом догоню и еще раз обижу. Для профилактики рецидивов.

– Чего? – Она озадаченно моргнула.

– Слушай! – окончательно потеряв умную мысль, я с раздражением помассировала виски, но умная мысль не вернулась, а от нее, между прочим, зависела моя хорошая жизнь в новом мире. – Сделай милость, притворись до утра немой. А еще лучше спящей.

В офисе все знали: если Мария Александровна, грозно сведя брови, пристально смотрит в монитор и яростно барабанит по клавиатуре, как по печатной машинке, то лучше не лезть. Уничтожит и растопчет. Принтер со страху начнет плевать бумагой и ксерокс окочурится, придется техников вызывать. Просто Раиса прежде не встречалась с моим темным ликом.

– Хорошо, – покладисто согласилась она и указала на козетку, заваленную постельным бельем. – Я здесь подремлю.

– Не надо меня караулить и стоять над душой.

– Так я полежу!

– И лежать над душой не надо.

– Но тебе нельзя сейчас оставаться одной! – в отчаянье воскликнула она.

– Можно, – покачала я головой. – И нужно.

Последнее замечание Раиса открыто пропустила мимо ушей. С озабоченным видом, тихонечко напевая неясный мотивчик, начала перекладывать простыни с козетки в открытый сундук.

– Тишина в зале! – цыкнула я.

– Ага, – согласилась она и тихо замурлыкала под нос: – Тишина, в зале полная тишина...

После выразительного покашливания горничная наконец уgomонилась, скромно прилегла на козетку, спрятав ноги в длинном подоле. Когда я снова оглянулась через плечо, она уже сладко спала.

Утром, вместо завтрака приняв чашку горького кофе, я усадила Раису за чистописанье и разом почувствовала себя учителем младших

классов. Она пыхтела, закусывала кончик языка, шмыгала носом и беспрерывно портила бумагу. Дальше двух пунктов мы не добрались, а худенькая стопочка листиков почти закончилась. Надежда постепенно покидала женскую половину замка...

Поставив очередную кляксу, от отчаянья Раиса всплеснула руками и столкнула чернильницу на последние чистые страницы.

– Прости, хозяйка, – жалобно прошептала она и с опаской отложила перо, словно ожидала, что сейчас ей прилетит подзатыльник. – Зато я хорошо убираюсь.

Невольно в траурном молчании мы оглядели захламленную гостиную. Ночью я ударилась мизинцем об угол сундука и долго ругалась сквозь зубы.

– Сейчас начну хорошо убираться, – тихонечко пообещала Раиса.

Просить Хэллавина о помощи не хотелось, но выбора не осталось. Пришлось перебрать каталоги, бережно упакованные госпожой Артисс, найти тот, что перед свадьбой прислали из фарфоровой мастерской, и отправиться с подкупом к мужнину секретарю.

Библиотека оказалась пуста. В косых лучах, пробивавшихся сквозь пыльные окошки, плавала пыль. От солнца на корешках некоторых фолиантов светились надписи. Мерцание было заметно даже через стеклянные витрины книжных шкафов.

Через некоторое время, деликатно скрипнув, приоткрылась дверная створка и вошел Хэллавин.

– Светлого утра, – поздоровалась я.

Обнаружив новую госпожу Мейн, стоящую со вкрадчивой улыбкой главной злодейки страшной сказки, он молча юркнул обратно в коридор. Дал деру не иначе как от большой радости, что свиделись до обеда. Вернулся скоренько, уже в полной боевой готовности: натянул на расслабленное лицо кислую мину, прилизал волосы и застегнул все пуговицы на черном пиджаке.

– Светлого утра, – резковато произнес он. – Зашли с утра почитать?

– Зашли с утра к вам с личной просьбой, – объявила я. – Вчера господин Мейн предложил мне разъехаться.

– Уже? – вытаращился секретарь, но откашлялся в кулак и вернул невозмутимо-постный вид.

– Да у нас тут вообще все очень быстро происходит. Сама не поспеваю за новостями, – усмехнулась я. – Найдете полчаса?

– У меня много работы, – послал он меня почти прямым текстом, а сам уселся за письменный стол и решительно выдвинул ящик.

– Я принесла взятку.

– Ваш муж мне прекрасно платит.

– Да бросьте, Хэллавин, – хмыкнула я, – вы темный приспешник в ипотеке на тридцать лет. Поди, творите злодейские дела за еду.

– Я получаю моральное удовлетворение! – оскорбился он.

– От злодеяний? – развеселилась я.

– От службы. Она опасна и трудна!

– Согласна, перебирать бумажки в библиотеке очень опасно. За тридцать лет можно такой радикулит заработать, что в старости не разогнешься. Поверьте, я сама через это проходила. – Приблизившись к столу, вкрадчивым движением я положила перед секретарем каталог с разноцветными рисунками фарфоровой посуды. – Вам ведь нравится фарфор? Сможете заказать себе любой сервиз.

Он шумно сглотнул, на шее дернулся кадык.

– И что я должен сделать?

– Помогите переписать документ для моего мужа. Нам предстоит важный разговор. Хочу быть во всеоружии.

– Сервиз на тридцать персон! – вдруг выдвинул требование секретарь.

– Вы весь Рейванд решили из этих тарелок накормить? – слегка опешила я. – На шесть!

– На двенадцать! – заспорил он.

– Ладно, – вздохнула я и специально потянулась к каталогу. – Сама перепишу. Просто у меня почерк неразборчивый...

– Хорошо, страшная вы женщина! – Хэллавин выдернул разноцветный буклет из-под моих пальцев. – На шесть, но ни персоной меньше! И не пытайтесь заявить на него права, когда будете уезжать в лучшую жизнь!

– Зачем мне ваши тарелки? – не поняла я.

– Каждая – буквально каждая! – новая хозяйка после ритуала обязательно увозила из замка или мебель, или посуду, а хозяин... – в его голосе прозвучала смесь отчаянья и возмущения, – позволял им разворовывать... кхм... хозяйство.

– Я не претендую на ваш сервис, – самым доверительным тоном уверила его. – В идеале мне вообще не придется отсюда уезжать.

Мы встретились глазами. Хэллавин вопросительно изогнул брови, я заговорщицки кивнула, мол, дело говорю.

– Приступим? – предложила ему.

После первого пункта, написанного знакомым вычурным почерком, секретарь поднял голову и бросил на меня говорящий лучших любых слов взгляд. Я кивнула, молчаливо уверяя, что он не ослышался, и продолжила диктовать. Однако пристроилась сбоку, чтобы видеть, не пытается ли хитрый приспешник злодейски изменить текст по своему усмотрению.

– Госпожа Мейн, – прослушав третий пункт, отложил он перьевую ручку и ослабил узел галстука, – вы уверены?

– Уверена.

– Хозяин меня проклянет, – вздохнул он, вновь берясь за перо и обмакивая его в чернила.

– Мало вы себя цените, – покачала я головой. – Ему не нужен новый приспешник.

– Конечно, я ведь очень хороший секретарь, – вздохнул Хэллавин. – И грамотный.

– В смысле, Фостен наверняка пожалеет времени на обучение нового приспешника. Вы уже знаете все его закидоны, он к вам привык. Проще будет вас не проклинать, а понять и простить.

Секретарь скорчил кислую мину, пожевал губами и буркнул:

– Диктуйте.

На шестом пункте, где рассматривался крайне важный вопрос интимных и прочих отношений, у него снова сдали нервы.

– Пишите, господин Хэллавин. – Я ободряюще похлопала его по плечу. – Пишите!

– Называйте меня Хэлл, – вымученно промычал он. – После такого документа, мы почти близкие люди.

Пока дописал, успел покрыться испариной и красными пятнами, растрепать прилизанные волосы, засунуть галстук в карман пиджака и окончательно увериться, что сегодняшним солнечным утречком мы все встретимся с двуединым богом. Кто-то познакомится со светлым ликом, а приспешнику мирового зла скорее всего придется кланяться темному. Такая себе перспектива.

– Благодарю, – с довольной улыбкой просматривая бумаги, произнесла я. – Как думаете, где искать вашего хозяина?

– В кабинете, – вздохнул он. – По утрам господин Мейн разбирается с корреспонденцией. Вас проводить?

– Что вы! Сама дойду. С чистой душой выбирайте сервиз. – Я махнула рукой, давая добро на приступ транжирства. – Вчера я выяснила, что в замке безопасно, если не пытаться вскрывать запертые на замок двери. Обещаю ничего не вскрывать. Кстати, папочку посолиднее дайте...

Широкий коридор на мужской половине по-прежнему пестрел сочными крестами. Портрет Ивонны снова завесили простынкой, а метки никто и не подумал стереть. В кабинет Фостена я постучала громко и начала ждать. Сначала царила тишина, потом муж с раздражением громко произнес, что можно входить. С места не сдвинулась. Дождалась, когда опустится ручка, и он лично откроет.

– Светлого утра, – с безмятежной улыбкой поздоровалась я и шагнула внутрь. – Спасибо, что подержал мне дверь.

– Кхм... – подвинувшись, глубокомысленно прокомментировал Фостен.

Кабинет выглядел неприветливым, неуютным и сумрачным, несмотря на два больших окна. Казалось, свет с трудом пробивался в помещение. На глухих дверцах закрытых шкафов тревожным алым цветом светились вырезанные символы, и без меток-крестов было очевидно, что соваться в шкафы не следовало. Одна стена, затянутая в кожаные обои с тиснением, оказалась абсолютно пустой, словно раньше возле нее стояла большая картина. По всей видимости, злосчастный портрет Ивонны Артисс.

– Смотрю, ты источаешь энергию, – хмыкнул Фостен.

– И готова продолжить наш вчерашний разговор, – заявила я.

Он указал на невысокое кожаное кресло напротив массивного письменного стола и неожиданно запер дверь на ключ. Видимо, не хотел, чтобы нам помешали.

Усевшись, как можно удобнее, в смысле, нормально, а не на краешек сиденья, я пристроила на коленях черную папку и дождалась, пока муж займет место хозяина кабинета. Невольно взгляд зацепился на кинжал с костяной ручкой и длинным острым клинком, лежащий на бумагах. Видимо, Фостен вскрывал им письма, но, подозреваю, с

таким же успехом использовал для темных ритуалов. Или как колдуны творили черную магию? Продемонстрировать ведь отказался.

– Выбрала место, где хочешь жить? – спросил он и начал складывать письма.

– В Рокнесте, – ответила я.

– Прекрасный выбор, – машинально похвалил Фостен.

– Абсолютно с тобой согласна.

Он замер на мгновение, поднял голову и вперил в меня острый взгляд.

– Ты сказала: Рокнест?

– Полагаю, теперь ты меня слышишь, – с издевательской улыбкой заключила я и, приподняв папку, привычно сложила ногу на ногу. – Начнем разговор?

Усмехнувшись, Фостен откинулся в кресле, уперся локтями в подлокотники и сложил пальцы домиком.

– Я весь во внимании, госпожа Мейн.

В светлых глазах действительно светился интерес.

– Правильно ли я понимаю ситуацию? – тщательно подбирая слова, заговорила я. – Как только мы разведемся, и для светского мира ты снова станешь вдовцом, твой дорогой дед дождетсся конца траура и в следующем году найдет очередную невесту. Сколько раз ты собираешься жениться?

– Пока королю не надоест? – с ироничной улыбкой ответил он вопросом на вопрос.

– А если ему не надоест, то в конечном итоге король стар и тоже смертен, – копируя его насмешливый тон, заключила я. – Но пока он с нами и женит внуков, каждой новой супруге ты будешь предлагать свободу и щедрые отступные. Все верно?

– Я могу себе это позволить, – протянул Фостен.

– Не спорю, – я подняла ладони в располагающем жесте, – но ты решил обеспечить жильем и счастливой жизнью всех незамужних аристократок королевства? Очевидно, если раз за разом делать одни и те же шаги, получишь тот же самый результат. У меня появилась отличное решение вашей проблемы, господин Мейн! И оно сильно облегчит вам жизнь.

– Продолжай, – медленно кивнул он, поглядывая на меня из-под ресниц.

– Я готова остаться в замке и изображать твою жену, – объявила я с таким видом, словно делала ему огромное одолжение. – Будем жить как добрые соседи, а при острой необходимости разыгрывать нежно влюбленных супругов. И когда ты овдоеешь, станешь так искренне горевать по обожаемой пятой жене, что даже у короля не повернется язык заговорить о новой женитьбе. Что скажешь?

– Неожиданное предложение, – резюмировал он после паузы, за которую у меня успели вспотеть ладони.

– Зато оно явно лучше твоего.

– И как долго ты предлагаешь изображать крепкую семью?

– Три года, – не моргнув глазом, объявила я.

Фостен буравил меня пристальным взглядом, словно пытался угадать мысли и понять, на чем его пытаются наколоть.

– Зачем тебе это, Ивонна? – наконец прямолинейно спросил он.

И вдруг стало ясно, что задвинуть речь про гуманизм и сочувствие к измученным женитьбами темным магам с дурной репутацией не удастся.

– Буду честной...

– Пожалуйста, – кивнул он.

– Я вышла замуж не за тебя, Фостен, а за твой замок у озера.

Воцарилось дивное молчание. Согласна, чтобы переварить правду, иногда нужно время.

– Это многое объясняет, – наконец насмешливо проговорил он.

Поднявшись, я протянула ему увесистую папку.

– Здесь соглашение о добрососедских отношениях. Ради справедливости я постаралась учесть твои интересы тоже.

С самым серьезным видом Фостен забрал папку, раскрыл и вытащил три худеньких листочка, исписанных Хэллавином.

– Знакомый почерк, – прокомментировал он, очевидно, не принимая всерьез происходящее.

– Твой секретарь продался мне за сервис, – довольно улыбнулась я и попыталась закончить переговоры. – Не надо решать немедленно, спешки нет. Возьми паузу и хорошенько обдумай...

– Сядь, – вкрадчиво приказал он, перебив меня полуслове.

– Ладно. – Без споров я опустила обратно в кресло и расправила на коленях юбку. – Можно и без пауз.

Кабинет погрузился в тишину. Фостен внимательно читал и, сам того не замечая, неслышно постукивал по крышке стола. Из-под пальцев вылетал заметный невооруженным глазом темный дымок. Увидеть проявление той самой магии, которая заставляла людей цепенеть, оказалось странным. С виду мужик и мужик, а пальцы-то у него дымятся! С другой стороны, хорошо, что дым идет не из ушей. От восхищения моим умением составлять соглашения.

Потускневшая брачная метка на мужниной руке напоминала бесформенную кляксу. Вроде как невеста перед алтарем запуталась, чисто по-женски психанула и все замалевала черным. В принципе, приблизительно так и произошло, но я не психовала, а не смогла скопировать знак. Вышло художественное пятно.

Невольно посмотрела на свою аккуратную метку, похожую на сложный китайский иероглиф. Ну извините! Китайский наше величество не изучало и в магических мирах раньше замуж не выходило. Предупредили бы заранее, что придется заниматься каллиграфией, потренировалась бы, а так... что вышло. Но новобрачная очень старалась!

– У меня вопрос, – вымолвил Фостен, глянув в последнюю страницу.

– Я слушаю.

– В каком пункте учтены мои интересы?

Он приподнял брови, ожидая ответа.

– Ну как же? – изобразила я удивление. – В третьем пункте написано, что я полностью беру на себя заботу о замке. Обязуюсь следить за порядком, управлять прислугой и вести домашнее хозяйство.

– Еще в третьем пункте написано, что деньги на содержание замка должны выделяться каждое первое число месяца, а на личные расходы хозяйки замка каждое пятое и двадцатое число.

– А что тебя удивляет? – развела я руками. – Хозяйственный взнос, потом аванс, дальше основная сумма моего содержания.

– С ежегодным повышением.

– Ты подписал его в брачном соглашении.

– Жалование слугам платится отдельно, – напомнил Фостен.

– Ты готов платить каждой аристократке в королевстве за развод, а на жене и слугах хочешь экономить? – почти возмутилась я.

Мы встретились глазами. Он вздохнул и снова посмотрел в бумагу.

– Пункт шестой, – прочитал он. – Мы оба имеем право на личную жизнь, но исключительно вне замка. Иначе штраф.

– Не хочу однажды завтракать с незнакомой женщиной из твоей спальни, – спокойно пояснила я.

– Но почему штраф написан только для меня? – сухо спросил он. – А если ты приведешь мужчину?

– Я не планирую заниматься личной жизнью, пока живу в Рокнесте.

– Еще тут указан штраф, если я попытаюсь тебя соблазнить. А если меня захочешь соблазнить ты?

– С чего бы? – презрительно фыркнула я. – У меня нет привычки приставать к мужчинам.

– Неужели? – Он изобразил удивленную улыбку, беспардонно намекнув на вчерашнюю осаду мужской спальни.

– Откуда мне было знать, что ты заранее простил все брачные долги? Предупреждать надо, я бы не слонялась ночью по замку, – зароптала я. – Лучше обрати внимание на седьмой пункт, где обязуешься не применять ко мне темную магию.

– Обратил, – согласился Фостен.

– Он важный! Прочти внимательно.

– По слогам? – хмыкнул он.

– И два раза!

– Тут есть вещь куда интереснее, в самом низу страницы. – Он потряхнул листами. – Мелким шрифтом и со звездочкой.

– Заметил, да? – кисло пробормотала я.

Внезапно в воздухе между нами вспыхнула красная точка. Она запорхала и в пустоте, словно из-под острого кончика перьевой ручки, начали проявляться светящиеся буквы. Наконец строчка возникла полностью.

– В случае, если супруги не объявили о разрыве соглашения за шесть месяцев, то оно само собой продлевается на один год, – с выражением продекламировал Фостен.

– Кхм... – Я кашлянула и пояснила: – Обычный пункт в договорах.

– А почему так мелко накарябан? Как только Хэллавин глаза не сломал.

– Потому что не самый важный.

Между нами воцарилось молчание. От надписи, горящей в воздухе, внезапно начали падать крупные черные капли, словно плавился воск или стекала горячая смола. Они соприкасались с поверхностью стола и исчезали.

Фостен щелкнул пальцами. Строчка погасла, как отключенная от розетки гирлянда, и в воздухе за клубился сизый дымок.

– Ивонна, и ты хочешь, чтобы я подписал это соглашение?

– Да, – кивнула я.

ГЛАВА 4. Соседи по договору

Фостен выдержал многозначительную и нервирующую паузу. Выразительно посмотрел на соглашение, потом на меня. Изображая невозмутимость мертвого озера, я вопросительно изогнула брови.

Мы походили на лучших мошенников волшебного мира, которые пытались обмишурить друг друга. Очевидно, что в ближайшую бесконечность предложения лучше он не получит, а я не успею придумать еще один запасной план.

Не сводя с меня прозрачно-светлых глаз, муж раскрутил перьевую ручку и со сведенными у переносицы бровями начал вдумчиво перечитывать соглашение. Он что-то черкал, дописывал и наконец передал соглашение мне. Тщательно следя за лицом, я забрала бумаги.

Штрафы стали обоюдными. Пункт мелкими буквами оказался аккуратно перечеркнут твердой, стремительной линией и уже знакомым почерком было подписано, что по истечении трех лет я должна свалить в иной мир. В смысле, развестись по обоюдному согласию, притвориться совсем мертвой и отправиться в лучшую жизнь куда-нибудь подальше от замка Рокнест.

– Устраивает? – уточнил Фостен.

– Вполне, – с нарочитым равнодушием дернула я плечом.

Внезапно, как и во время встречи в доме Артиссов, строчки на бумаге пришли в движение. Зачеркнутые слова вспыхивали и исчезали, добавленные передвигались на их место. Соглашение о совместном пользовании одним замком превратилось пусть и не в стройный, но документ.

– Подписывай. – Фостен протянул мне ручку, внезапно перехватив инициативу в переговорах.

Пристроив бумаги на краешек стола, я прикоснулась пером к листу и резким росчерком изобразила запутанную каляку-маляку. Никак не прокомментировав детскую каракулю, размашисто и уверенно, Фостен поставил заковыристую подпись.

– У меня еще вопрос, – проговорил он.

– Да? – с трудом сдерживая торжествующую улыбку, уточнила я.

– А где *твой* экземпляр?

– В смысле? В папке! – возмутилась я. – Откопируй себе и храни, где хочешь.

Внезапно он так и поступил! Достал из ящичка чистые листы. По очереди приложил их к страницам соглашения и щелкнул пальцами. От бумаги в воздух вдруг вырвалось облако черного дыма, и я едва не подпрыгнула на стуле. В закрытых шкафах что-то подозрительно заскреблось, словно это нечто, спрятанное подальше от чужих глаз, почувствовало, как хозяин кабинета понемножечку колдует.

Развевая дым ладонью, с невозмутимым видом Фостен собрал страницы с откопированным текстом и любезно протянул мне.

Ты мой хороший магический ксерокс! Не на ту напал.

– Мне оригинал! – потребовала у него.

Прижимая к груди тяжелую кожаную папку с оригиналом соглашения, я вышла из кабинета и наконец с довольной улыбкой перевела дыхание. Удалось! У меня было целых три года в запасе, чтобы обжиться в новом мире, понять его законы и решить, чем именно я хочу заниматься.

Для начала понеслась к Хэллаину с благой вестью, что собираюсь отправиться в ближайший город и нанять слуг. Секретаря нашла в растрепанных чувствах. Он пытался выбрать из двух сервисов тот самый. Особенный!

– Черный или белый? – колебался он, туда-сюда переворачивая страницу каталога.

– Черный, – сходу выбрала я.

– Но белый с золотой каемочкой! – воскликнул секретарь.

– Зато черный – brutальный.

Хэллавин посмотрел на меня очень подозрительно, словно его заковыристо обругали.

– Мужской, – быстро исправилась я.

– Как прошли переговоры? – спросил он, отодвигая каталог от носа и разглядывая рисунок с черными тарелками на расстоянии вытянутой руки.

– Чудесно. Я с вами надолго.

Брошюра едва не выпала из его рук.

– Как вы убедили хозяина поставить подпись под соглашением? – Секретарь указал на папку.

– Ваш хозяин не смог отказаться от дельного предложения, – улыбнулась я. – Расскажите, где нам найти слуг.

– Можно позвать людей из соседнего городка, – начал он, – но я не питал бы на вашем месте больших надежд. О хозяине ходит множество нехороших слухов. Его боятся.

– И он получает искреннее удовольствие, кошмаря народ, – прокомментировала я. – Как мне попасть в город? Займусь наймом лично.

– Не выйдет, – предрек секретарь.

– Вы еще не поняли? Хэлл, я умею быть очаровательной.

– Да? – скептически уточнил он и измерил меня таким недоверчивым взглядом, словно пытался понять, где именно спрятано хваленое очарование.

– И убедительной, – добавила я.

Оказалось, что выбраться из уединенного замка можно было или с подводой, два раза в неделю привозившей свежие продукты, или милостью Хэллавина. В смысле, он накануне отправлял заказ извозчику и утром в замок приезжал наемный экипаж. В общем, такси на минималках. Я попросила вызвать карету и все-таки полюбопытствовала, почему в замке пустует конюшня.

– Предпоследняя госпожа Мейн уехала на единственной карете с двумя лошадьми, – скорбно поделился он. – Отличные лошади! Как вспомню, сердце кровью обливается.

За ужином сердце обливалось кровью уже у меня. Накануне нашему несменяемому шеф-повару приснился рецепт сказочного блюда. Едва пробудившись, он бросился воплощать его в жизнь на радость всем жителям замка. При виде еды у меня от этой самой «радости» задергалось нижнее левое веко. В глубоких фарфоровых тарелках в подозрительном зеленом соусе плавали комки теста, отдаленно напоминающие то ли клецки, то ли ленивые вареники.

– Своей красотой и энергией хозяйка вдохновляет меня на кулинарные эксперименты! – с широкой улыбкой, задорно подсвечивая золотым зубом, объявил Тобольд.

Сомученники по ужину, Фостен с Хэллавином, оторвались от созерцания мучных кочек, утопающих в зеленой гуще, и вперились в меня укоряющим взглядом. Захотелось попросить их сделать лица чуток попроще. Я вовсе не муза, а такая же жертва кулинарного

беспредела! Проснулась полчаса назад от голода, счастливо проспав обед, а в столовой меня поджидал Тобольд с шедевром.

– Не надо на меня смотреть, как на ведьму. Вдохновение – вещь непредсказуемая, – немедленно открестилась я от ответственности и великой чести.

Главное, чтобы Тобольд не начал называть блюда моим именем, тогда уже не отговоришься...

– Пробуйте, госпожа Мейн, – подбодрил Тобольд. – Это блюдо названо в вашу честь! «Ивонна в лигурийском соусе».

Не понимаю, почему я не вдохновляю мужчин на что-то хорошее? Да хоть бы на испытанную утром кашу «дружба»!

– Неожиданное решение, – пробормотала себе под нос и обратилась к Фостену: – Дорогой муж, как я могу начать есть первой, сидя с вами за одним столом?

– Дражайшая супруга, – с фальшивой улыбкой вымолвил он, – у вас голодные глаза.

– Они не голодные, а загадочные!

– Я не могу отобрать возможность первой испробовать еду, названную в вашу честь, – отказался он.

– А давайте уступим очередь Хэллавину? – предложила я.

Мы с Фостеном одновременно обратились к секретарю. Тот украдкой тянулся серебряной вилкой к блюду с сырной нарезкой, замер и посмотрел на нас испуганным взором.

– Хорошая идея, – с поразительной легкостью согласился муж принести в жертву своего приспешника.

«За что, хозяин?» – кричали темные глаза Хэлла.

Повар следил за нашим словесным пинг-понгом с большим недоумением. Улыбка сходила с жизнерадостного сытого лица.

– Господин Хэллавин, – с самым серьезным видом обратилась я. – Вы сегодня мне так помогли! Я просто обязана вас от всей души отблагодарить. Пробуйте первым этот шедевр от нашего Тобольда.

– А где Вернон? – вдруг спросил секретарь и затравленно принялся озираться вокруг, словно дворецкий прятался за занавеской или в черном зёве холодного камина.

– Отправился в винный погребок и пока не вернулся, – растерянно пояснил повар, вообще не понимая, что происходит за нашим большим и почти безлюдным столом.

Очевидно, дворецкий спрятался за полками с винными бутылками и ждал, когда мы без его участия испробуем невиданный изыск.

– Там же такая крутая лестница! – воскликнул секретарь, внезапно проявив вообще нехарактерное человеколюбие. – А если он оступился, сломал ногу и не может выбраться к нам? Пойду проверю!

Проворство, с каким Хэлл дал деру из столовой, поражало воображение. «Ивонна в каком-то там соусе» постепенно остывала и превращалась в «Ивонну, застрявшую в тине». На поверхности уже плавала тонкая пленка.

– А где Раиса? – спросила я. – Она ужинала?

Может, действительно ее пора спасать? Заодно самой спастись...

– Ваша горничная сказала, что с сегодняшнего дня решила худеть, – вздохнул Тобольд. – И ушла, ничего не поев. Госпожа Мейн, скажите ей, что она отощает! Молоденькие девушки дурнеют, когда ничего не едят.

Какое коварство!

– Вообще, я тоже не стала бы нагружать желудок на ночь...

– Хоть кусочек откушайте! – внезапно взмолился Тобольд.

– Ну разве что кусочек. – Я все-таки взяла вилку, выудила клецку из остывшего соуса и обратилась к Фостену: – Вы тоже, супруг, не побрезгуйте.

Всегда говорила, что надо выбирать правильные слова! Фостену невольно пришлось взяться за вилку. Мы синхронно сунули в рот мучные комки и принялись жевать. На вкус «Ивонна» оказалась несоленой, несладкой и вообще никакой. Просто пресный кусок вареного теста, обмазанный травами. Понятно, что не каша «дружба», но и не фирменное праздничное рагу.

– И как? – рассматривая нас, как родных детей, умильно уплетающих за обе щеки сырники, с надеждой спросил Тобольд.

– Сытно, – коротко резюмировал Фостен и отложил вилку. – Я останавлиюсь.

– Дорогой муж, не надо останавливаться! Ешьте досыта! – выразительно изогнув брови, намекнула я, что не позволю оставить меня одну во время пытки едой.

– Вы тоже, госпожа Мейн, – отозвался он.

– Мне, в отличие от вас, уважаемый супруг, надо следить за фигурой, – улыбнулась я. – Иначе корсет будет жать.

– Ты не носишь корсеты.

– Какой ты внимательный, – буркнула я.

Подначивая друг друга, мы проглотили еще по паре кусочков. Насладившись занимательным зрелищем того, как хозяева жуют кулинарный шедевр, с самым довольным видом Тобольд протянул:

– Я вас оставлю. Приятного аппетита!

Когда за ним тихонечко закрылась дверь, я немедленно положила вилку в тарелку, утопив острые зубцы. Фостен, скривившись от непритворного отвращения, сделал глубокий глоток вина, видимо, проталкивая внутрь последний комок.

– Кто-то должен ему сказать, что существуют кулинарные книги, – вздохнула я, бросая на стол салфетку.

– Обычно он готовит съедобно, но ты его действительно вдохновляешь, – насмешливо прокомментировал Фостен.

– Дай угадаю, хорошего повара вместе с каретой и лошадьми увезла твоя последняя жена?

– Сам ушел, – хмыкнул он.

– Почему?

– Потому что, в отличие от моей нынешней супруги, повар не выходил замуж за мой замок, – с насмешкой прокомментировал Фостен и отсалютовал бокалом: – За брачные соглашения.

Вот уж не думала, что его заденет правда!

Прощались мы между тем по-соседски: вежливо раскланялись и пожелали друг другу хорошего вечера. Вернее, его остатка, который я провела за разбором одного из сундуков с мелочами, чем едва не довела Раису до слез. Она причитала, что негоже госпоже выполнять работу служанки.

В конечном итоге я согласилась на чай с печеньем и, пока горничная унеслась на кухню, открыла книгу по домоводству. Как назло, попалась глава о приемах на много персон. Не щадя сидящих на диетах читательниц, автор во всех подробностях рассказывал о вариантах меню для банкета и увлеченно живописал, насколько изящны на вкус песочные корзиночки с паштетом из гусиной печени. Сразу видно, что работал на голодный желудок!

А Раиса с чаем все не шла... Закрыв книгу, я отправилась на кухню разыскивать горничную и, возможно, кастрюльку «Ивонны в

соусе». Если подумать, моя бабуля когда-то была права: не бывает невкусной еды, есть недостаточно голодные люди.

Горничная вовсе не потерялась в замке, а металась возле большой плиты с шестью темными дырчатыми блинами, чем-то отдаленно напоминающими конфорки.

– Окаянный очаг не загорается! – всплеснула она руками.

– А где Тобольд? – не поняла я, куда делся повар.

– Давно ушел к себе, – пожаловалась Раиса. – Придется его разбудить. Как очаг-то зажечь? Тут нет окошка для щепок.

Видимо, в замке колдуна кухонная «техника» была магической.

– Не надо нам Тобольда! – скомандовала я, вдруг почуяв редкий шанс нормально поесть и не обидеть ранимого кулинарного творца. – Что же мы какую-то плиту не укротим?

С королевским видом полностью уверенной в себе женщины, умеющей готовить борщ, котлеты и шесть видов завтраков из куриных яиц, я подошла к горничной.

– Повелевайте, – проникшись моим величием умелой кухарки, уступила она место возле плиты.

– Раиса, мой муж колдун. Что это значит? – начала я.

– Что он быстро справится с огнем, если мы устроим пожар?

– В замке все действует на силе магии, – пояснила я и строго скомандовала конфоркам: – Огонь!

Плита по-прежнему стояла холодная и безответная, недоуменно таранилась на нас шестью круглыми «глазами» с мелкими дырочками и не торопилась дарить животворящий огонь.

– Пламя, – предприняла я очередную безуспешную попытку.

– По-моему, очаг вас не слушается, – подсказала Раиса. – Пойду все-таки за Тобольдом...

– Ты бутерброд с яичком хочешь? – быстро спросила я.

– Хочу! – немедленно воскликнула горничная. – Двуетиный знает, как сильно хочу. А что такое бутерброд?

– Зажжем плиту и узнаешь, – буркнула я и приказала: – Зажгись!

Плита молчала.

– Вспыхни! – рявкнула я, теряя терпение.

Внезапно внутри очага что-то ухнуло и из мелких дырочек в воздух вылетели снопы искр. Схватившись друг за друга, мы с горничной отскочили от плюющегося кухонного монстра.

– Двуетдиньй помоги, – пробормотала испуганная Раиса.

– Он нам уже помогает, Раи. Мы на правильном пути! – обрадовалась я, справившись с недостойным истинной кухарки испугом.

– Путь ведет нас к пожару, – заупрямилась она, демонстрируя возмутительный пессимизм. – Мы не нравимся этому колдовскому очагу, хозяйка.

– Просто надо правильное слово сказать, – заключила я и тут же ласково проворковала: – Свет мой, огонь, зажгись!

Ласковое слово на магическую «варочную панель», в отличие от замечательного зеркала, транслирующего занимательные портреты моего мужа, не подействовало.

– Дай хоть слабого огня, – теряя надежду съесть на ночь вкусняшку, попросила я.

В плите снова что-то загудело, и вдруг из конфорок вырвались мелкие слабые язычки желтоватого пламени. Некоторое время они трепетали от сквозняка, но в итоге превратились в остроконечные крошечные пики.

– Хозяйка, – восторженно прошептала Раиса. – Ты настоящая колдунья!

– Ага, есть захочешь, не только колдовать начнешь.

Для надежности я проверила, как увеличить силу пламени, запалить только одну конфорку из шести и полностью потушить плиту. Когда принцип работы магического оборудования стал понятен, отправилась в морозильную кладовую за продуктами, а Раису попросила отмыть плоскую сковородку. Днище выглядело так, словно на ней полгода стряпали и ни разу не пытались поскрести щеткой.

Готовили мы слаженно, словно всю жизнь вместе стояли у кухонной плиты. Со сковородой сноровисто управлялась горничная, я порезала помидор с сыром и быстро собрала бутерброды. Подсушенный до золотистого цвета хлебец, кругляш помидора, листик зеленого салата, тонкая пластинка сыра, а наверх лопаткой аккуратно выложила поджаренное до идеальной глазуньи куриное яйцо.

– Это и есть бутерброд? – зачарованно спросила Раиса, разглядывая аппетитную еду.

– Вообще, я готовила их на завтрак... – Я осеклась, осознав, что снова наговорила лишнего, и подвинула горничной тарелку с ее

порцией: – Приятного аппетита. Ешь, пока не остыло.

– Хозяйка, не беспокойся: я унесу твой секрет в могилу, – произнесла она.

– Секрет, что я умею готовить?

– Ты не молодая госпожа Ивонна.

Еда пошла не то в горло. Пара глотков воды помогла справиться с приступом кашля. Не то чтобы после отъезда из дома Артиссов я пыталась изображать из себя дочь местных аристократов, но все равно не ждала признания в лоб. Ей-богу, как пыльным мешком по голове получила!

– И кто я, по-твоему? Демон?

– Ты вообще не из наших мест. Нездешняя, – заговорщицким шепотом, ответила она. – Я почти сразу догадалась. Ты похожа на Ивонну, но ты не она. В доме господина Артисса я еще сомневалась, а теперь совсем уверена. Ты говоришь странные вещи и ведешь себя, не как молодая госпожа. Замуж вдруг за колдуна захотела и совсем не боишься жить в его замке.

– Ты тоже не боишься, – заметила я.

– Это я сейчас не боюсь, когда знаю, что здесь нет привидений...

В кухне резко погас свет, оставив нас в кромешной темноте. Раиса, мигом отринув смелость, со страху прижалась ко мне. Было видно, как в черном до слепоты пространстве все-еще светится красным раскаленная конфорка. Из глубины коридора донесся пугающий инфернальный шелест.

– Привидение! – пискнула Раиса и прижалась лбом к ему плечу.

– Тихо, – цыкнула я, прислушиваясь к замку.

В тишине кто-то громко кашлянул. Шелестящий звук стал отчетливее и больше всего он напоминал шарканье домашними тапочками.

Похоже, наше привидение носило имя звезды сегодняшнего вечера Тобольда. И он решил глубокой ночью проведать кухню. Может, захотел перед сном сковородки пересчитать?

Сначала появился жиденький свет, а потом в дверном проеме, в противовес моему предположению, выросла мощная фигура дворецкого с накинутым на плечи клетчатым пледом. В руках Вернон держал маленький квадратный фонарь с пульсирующим ярким шариком.

- Кто здесь? – резко вымолвил незванный гость.
- Госпожа Мейн, – сдержанно отозвалась я.
- Воскресла?! – страшным голосом охнул Вернон.
- Да я и не помирала.

Тут до него, по всей видимости, дошло, что в кухне живые люди, а не возвращенные из иного мира. Вернон поднял фонарь повыше, осветив лысину со вздыбленными жиденькими прядками по краям, и подслеповато сощурился.

– Доброй ночи, господин Вернон, – поздоровалась я и приказала кухонным лампам зажечься.

Послушалась пара светильников на стене, самых мелких и тусклых. Да и те разгорались неохотно, словно делали большое одолжение. Потрескивали и мигали, как старые лампы накаливания.

– Что у нас происходит со светом? – не поняла я.

– После полуночи в хозяйственных помещениях почти всегда гаснет свет, – пояснил дворецкий. – Замок пустует, зачем нам много света?

– Экономите на хозяйской магии? – хмыкнула я.

Вернон предпочел ироничное замечание проглотить и повел носом:

– Мне кажется, в кухне пахнет чем-то съедобным.

Он шустренько подошел к разделочному столу и с откровенным интересом пригляделся к яичному бутерброду.

– Мы решили позавтракать, – пояснила я.

– Сейчас ночь, – заметил он.

– У нас очень ранний завтрак. Хотите подкрепиться?

Раиса вкрадчивым движением забрала свою порцию и чуток отошла, чтобы не делиться с конкурентом. Со звоном я подхватила тарелку из стоящей на столе деревянной сушки и переложила один бутерброд дворецкому.

– Угощайтесь, господин Вернон.

– Я просто пришел попить водички, – пробормотал он, пристраивая на стол горящий фонарь, – но раз вы настаиваете...

– Мы не настаиваем, – ревниво заспорила Раиса.

– Негоже отказывается, если хозяйка предлагает разделить трапезу, – нравоучительно пояснил он, забирая тарелку. – Это вы готовили, юная леди?

Раиса едва не брякнула, что готовила новоявленная леди Мейн, но я успела чувствительно отдавить ей ногу домашней туфлей.

– Точно я, – промычала она. – По рецепту госпожи.

– Даже так? – восхитился Вернон и, приняхавшись к яйцу, шумно сглотнул слюну.

– Люблю почитать на ночь поваренные книги, – на ходу сочинила я.

Втроем мы так увлеклись ночным банкетом, что вторжение в кухню ее властелина уже не заметили.

– Вы что, едите?! – прогрохотал изумленный возглас Тобольда, буквально накрывшего нас на месте преступления. У меня изо рта едва не выпал кусок.

В полосатой пижаме и с сеточкой на голове он застыл в позе глубоко оскорбленного предательством человека. Одну руку поставил на мясистый бок, а вторую протягивал к нам, требуя ответа на риторический вопрос. Видимо, мысль, что кто-то действительно пировал без его прямого участия, была прямиком в печень.

Я проглотила кусок, не пережевывая, в точности, как удав, и на ходу сочинила ложь, вообще не выдерживающую никакой критики.

– Мы пришли водички попить, а потом вдруг начали есть. Правда, господин Вернон?

Я повернулась к дворецкому, надеясь отыскать в нем союзника, но этот самый союзник технично слинял. Непонятно, откуда в человеке такое проворство, коварство и страсть к предательству? Вроде только стоял в плече и с тарелкой в руках, как исчез, словно сквозь каменный пол провалился.

– Господин Тобольд, мы все за собой уберем! – протараторила Раиса. – Двуетным клянусь, отскребу все сковородки!

– Чего? – Повар внезапно поменялся в лице, ринулся к плите и с испуганным вздохом схватился за голову: – Вы взяли сковородку великого Клода Салазара?!

– Простите, мы не знали, что она ценная.

– Ценная?! – Тобольд поперхнулся словами, с грохотом схватил остывающую сковороду со следами затвердевающего сливочного масла и потряс ею в нашу сторону. – Она абсолютно бесценная! В ней хранились остатки еды, которую великий Клод готовил на королевской кухне.

Какое счастье, что Раиса ее хорошенько поскребла прежде, чем мы начали жарить глазунью!

– Тобольд, давайте я вам куплю другую сковородку с едой от Клода Салазара? – предложила я.

– Он уже не готовит! – всхлипнул повар. – Великого Клода больше нет с нами.

– Но посуда-то со следами пригорелой картошки наверняка еще где-нибудь сохранилась.

Возникла странная пауза. Повар смотрел на меня, как на классового врага.

– Госпожа Мейн, с этой минутой я отказываюсь для вас готовить! – трагическим шепотом объявил он и указал сковородой на Раису: – Пусть вам готовит эта дочь варваров!

Устроив большой переполох, Тобольд прихватил с собой бесценную сковороду и с гордым видом удалился из кухни. Некоторое время мы с Раисой смотрели в черный дверной проем.

– Теперь надо понять, как с ним помириться, – вздохнула я.

– Да зачем вам с ним мириться? – воскликнула Раиса.

– Молодая леди, знаете, кто самый страшный человек в любом замке? – прозвучал голос Вернона, словно выступившего из темноты, но самом деле выползшего из морозильной кладовой, где он позорно переживал скандал, поглощая «яблоко раздора». В смысле, бутерброд с яичком и вполне приличной для весны помидоринкой.

– Кто? – не поняла девушка.

– Повар! – пояснил Вернон, ставя пустую тарелку на стол. – Его нельзя обижать. Он может невзначай сварить в вашем супе носки или плюнуть в кофе.

– Какая гадость, – скривилась Раиса и посмотрела на четвертушку недоеденного бутерброда. – Даже есть расхотелось.

– В таком случае, позвольте я вам помогу, – с невозмутимым видом, словно вовсе не оставил нас двоих в эпицентре скандала, предложил Вернон. – Выбрасывать вкусную еду – губительное расточительство.

– Вам было не стыдно отдать нас на растерзание Тобольду? – укорила я.

– Госпожа Мейн, вы мне искренне нравитесь, – проговорил он, – но иногда каждый должен быть сам за себя. Вопрос выживания.

– Ладно, вы тут шли на водопой, – кивнула я. – Кран в той стороне. Мы сами доедим наш ранний завтрак. Вы же понимаете? Вопрос выживания. Тобольд отказался готовить, когда еще мне удастся нормально поесть?

Из плохо освещенной кухни мы из принципа уходили с тарелкой с обгрызенным бутербродом. Широкий коридор утонул во мраке, но лампы отказались зажигаться и после третьего строгого приказа. Пожалела, что из тех же принципов не отжала у дворецкого фонарь.

До покоев так и не добралась. Отправила Раису спать, а сама рванула в библиотеку. Внутри бурлила энергия! Я придумала, как помириться с поваром, а заодно, если очень повезет, заставить его готовить по нормальным рецептам, а не по увиденным во сне.

В книжное царство я ворвалась с громким приказом «свет». Внутри горел торшер, и он немедленно погас, как будто лопнула лампочка. Из густой темноты донеслось сдержанное покашливание. От страха бросило в жар! Откровенно говоря, не ожидаешь кого-то встретить в середине ночи в библиотеке пустого замка. Действительно недолго уверовать в привидения и злых духов.

– Зажечься, – прозвучал сдержанный голос Фостена.

Послушный светильник вспыхнул заново, озарив пространство уютным, мягким светом. В расслабленной позе муж восседал в кресле перед незажженным камином. В руках он держал заложенный пальцем закрытый томик. На столике обнаружился поднос с закусками и графином вина. Возможно, тем самым, который походил на виски. В общем, необходимости проникать в кухню под покровом темной ночи и заедать голод куском буженины прямо в холодильной кладовой у хозяина Рокнеста не было.

– Прости, не ожидала на кого-то здесь наткнуться, – извинилась я за внезапный световой кризис. – Пируешь в одиночестве?

– Читаю в тишине, – невозмутимо поправил он, словно в безлюдном замке было не найти тихого места. – Что тебя привело в библиотеку?

– Не поверишь, но книги, – призналась я. – Здесь где-то есть книги с рецептами?

– В верхних шкафах хранятся фолианты Луизы Мейн. – Он сощурился. – Ты решила почитать на ночь?

– Поссорились с Тобольдом, и он отказался готовить.

– Поэтому ты решила научиться готовить сама, – с иронией заключил Фостен.

– Не издевайтесь, господин Мейн.

– Да я тебе завидую, – хмыкнул он. – Как вы поссорились в это время?

– Ну не один ты любишь поесть среди ночи, – намекнула ему на банкет в одиночестве. – У нашего повара хранится... хранилась сковорода со священными пригорелостями. Мы с Раисой ее отмыли и пожарили яичницу. Тобольд оскорбился. Хочу ему подарить поваренную книгу. Ты же сможешь ее заколдовать?

– Решила проклясть повара? – Фостен чуток поменялся в лице и позу из расслабленной в напряженную тоже поменял, в смысле, опустил закинутую на колено ногу. – Ивонна, да ты страшная женщина!

– По-моему, это ты страшный человек! – возмутилась я. – Не в курсе, что нормальные люди после ссоры не проклинаят, а пытаются помириться? Создадим для Тобольда, так сказать, новую священную сковородку.

– Решила превратить книгу в сковородку? – озадачился он, явно не поняв гениального плана. – Зачем тебе магия? Просто закажи похожую. Тобольд продается даже за новый ковшик.

– Это было образное выражение. – Я покачала головой, намекая, что товарищ маг, похоже, безнадобен. – Просто хочу, чтобы ты поменял надписи на обложке, как умеешь. Ему нужна книга рецептов от Клода Салазара. Давай наколдуем! У нас же темная магия бесплатная.

– С чего ты решила, что она бесплатная? – поинтересовался он.

Я опешила от намека на товарно-денежные отношения.

– Вообще-то, с жены брать оплату за магию – некрасиво. Это как переложить деньги из правого кармана в левый.

– У нас, если я правильно помню, соглашение.

– А если правильно помню я, то мы по-прежнему в официальном браке! – возмутилась я. – Не пытайтесь, господин Мейн, нажиться на своей семье. Глядишь, из поваренной книги Тобольд еще знаний почерпнет.

– Я понял, – протянул Фостен. – Ты наивно веришь в чудеса.

Не опустившись до ответа на ехидное замечание, а то недолго до платной магии доспориться, с независимым видом я начала подниматься по деревянной лестнице в галерею.

– Справа или слева? – не оборачиваясь, спросила у Фостена.

– Второй шкаф справа.

Я повернулась в нужном направлении.

– Справа от меня, – донеслось снизу.

– Черт, – буркнула себе под нос.

Тихо ворча, я подошла к нужному шкафу и раскрыла стеклянные дверцы. Пахнуло затхлостью старых книг и, как оглашенная, вылетела моль. Видимо, не чаяла остаться в живых и вырваться на свободу прежде, чем начнет точить бумагу вместо шерстяных варежек.

Подождав, не вылетит ли следом за молью какая-нибудь внезапная гадость, я внимательно рассмотрела стоящие томики и не нашла ни одного корешка с названием. Пришлось вытаскивать наобум. На черной кожаной обложке был начертан полу-истертый знак. Видимо, колдовской.

На поверку книга с желтоватыми рыхлыми страницами оказалась рукописной и отдаленно напоминала блокноты с рецептами моей бабули. Интернетом она пользоваться так и не научилась, записывала услышанные от подружек рецепты аккуратненьким круглым почерком в тетрадки. У меня в шкафу до сих пор хранится целая стопка этих рукописных сборников. В смысле, хранилась. Сейчас даже я не хранюсь в старой квартире и в прежнем мире.

С интересом я полистала книгу и вчиталась в рецепт...

– Фостен, – знатно озадачившись, обратилась к мужу, – ты когда-нибудь пробовал жаркое с бледной поганкой?

– Нет, – отозвался он.

Логично, иначе не выжил бы.

– Просто продукты очень странные, – пояснила я.

– Потому что это не еда, а колдовское зелье, – донеслось сдержанное пояснение.

Немедленно захлопнув поваренную книгу начинающего маньяка, я сунула ее на полку и вытащила другую. Бледных поганок в ней уже не было, но зато предлагалось перед готовкой принести жертву, какую именно, к счастью, не уточнялось.

– А кем была Луиза Мейн? – спросила я, глянув на Фостена через перила.

– Отборной ведьмой, – отозвался он, по-прежнему делая вид, что читает. Надеюсь, не сборник с проклятиями.

– Ага, заметно, – охотно согласилась я.

– И моей матерью.

– Серьезно? Как-то неловко стало, – призналась я. – Не хотела оскорблять твою матушку.

– Она тебя не слышит, – заметил он.

– А может?

Фостен обернулся и посмотрел в мою сторону.

– Сейчас ее дух успокоен.

– Сейчас? – насторожилась я, невольно оглядывая просторную библиотеку в поисках inferнального создания с черными провалами вместо глаз и раззявленной пастью. – Хочешь сказать, что моя свекровь в любой момент может появиться? Как часто она возникает?

– После каждой женитьбы.

– Она не в курсе, что невесток не надо выставлять из замка? Ты и сам с этим неплохо справляешься.

Мы обменялись фальшивыми улыбками.

– Моя матушка появляется, чтобы благословить брак.

– Чудесно, – заключила я. – Другими словами, есть реальный шанс с ней познакомиться.

– Вряд ли.

– Как-то не очень уверенно прозвучало...

Я современный человек и вовсе не суеверная, но, черт возьми, внезапно вокруг нарисовался веселый бестиарий! Не хочется проснуться какой-нибудь лунной ночью от ледяного дыхания прямо в физиономию, открыть глаза и, как в фильме ужасов, обнаружить парящую над кроватью свекровь. Не люблю острые ощущения.

Между тем Фостен отложил книгу, поднялся и спросил:

– Тебе помочь?

– А у тебя есть предположения, где стоят поварские книги, которые не писала бы твоя мать?

В третьем часу ночи, когда я уже свернула челюсть от зевоты, а содержимое шкафов в галерее переместилось с полок на пол и стояло неровными пирамидами, мы отыскивали поваренную книгу! В

географических атласах. Возможно, ее туда запихнули под темой «кухни народов волшебного мира».

– Смотри-ка! – восхитилась я, рассматривая сделанные чернилами и чуть расплывшиеся от времени рисунки. – Как здесь много всего! На год хватит готовить и ни разу не повторить.

– Я на твоём месте не был бы так оптимистичен, – отозвался Фостен, который, между прочим, не столько спасение от язвы желудка нам искал, сколько себе подбирал чтение на ночь. – Если Тобольд ее примет, то просто спрячет в дальний угол.

– Готова поспорить, что она станет его настольной книгой, – возразила я, закрывая объемный том с красивым орнаментом на обложке.

– На что? – бросив на меня быстрый взгляд, вкрадчиво спросил Фостен. – На что ты хочешь поспорить, Ивонна?

– Вообще-то, не хочу... На услугу! – немедленно сориентировалась я и, зажав книгу под мышкой, протянула руку.

– Договорились.

Он ответил на рукопожатие. Внезапно побледневшие брачные метки на внешней стороне кисти вспыхнули золотистым свечением, а кожу в этом месте заметно закололо.

– Это что было?

– Темная магия, – хмыкнул он. – Чтобы ты наверняка выполнила условие сделки.

– По договору ты не имеешь права использовать на мне магические штучки, – скривилась я.

– Значит, выпиши мне штраф.

– Не сомневайся! И ты напрасно не даешь нам с Тобольдом шанса, – заметила я. – Но твоя самоуверенность мне нравится.

– Приятно слышать.

– Да, а мне всегда приятно наблюдать, как у снобов потом вытягивается лицо, – с ехидной улыбкой ответила я и протянула книгу: – Заколдуешь?

Фостен забрал книгу и начал спускаться по лестнице вниз. Сомкнув створки разоренного шкафа, я заторопилась следом. Когда он положил том на стол и раскрыл, меня все-таки прорвало.

– Постарайся покачественнее заколдовать, чтобы надпись к надписи, – принялась раздавать указания. – Тобольд должен поверить,

что книга написана Клодом Салазаром. В таком деле нельзя допустить небрежность.

– Я понял.

– Не подумай, что я на тебя давяю!

– Нет, ты пытаешься меня учить колдовать, – заметил он, заставив меня проглотить еще десяток замечаний, и протянул чистый лист: – Напиши имя... Как его там?

– Клод Салазар. Понятия не имею, как оно пишется, – замялась я.

– Тогда у тебя проблема.

– Ладно! – Состроив оскорбленный вид, я забрала лист и вытащила из письменного набора перьевую ручку. – Сейчас что-нибудь изобразим.

– Не надо что-нибудь, надо имя, – сдержанно поправил он.

– Ты всегда придираешься к словам? – буркнула я и, бросив на мужа недовольный взгляд, квадратными буквами четко вывела имя известного повара. – Разборчиво вышло?

– Более чем, – с иронией согласился он, забирая лист.

Фостен прикрыл глаза, прижал пальцы к раскрытой странице и замер. Черты его лица застроились, губы сжались до узкой линии. Тело напряглось, словно он пытался удержать или притянуть невероятную тяжесть. В ожидании мастер-класса по классической темной магии, я прикусила язык и затаила дыхание.

Внезапно рукописные строки в книге, оставляя на листе прилипшие к бумаге запятые, точки и мелкие рисунки стеклись к пальцам, словно к магниту. Через мгновение они разлетелись обратно, занимая прежние места. И все закончилось.

Молниеносная магия! Я толком насладиться не успела.

Фостен резко открыл глаза. Казалось, что их затянуло черной глянцевои пленкой: ни белков, ни зрачков. Увидеть такое в реальной жизни, а не в фильме, оказалось жутковатым. Он моргнул, отчего этот странный эффект прошел, и размял напряженные плечи. Не знаю, как мне хватило силы воли не перекреститься.

Между тем поварская книга начала трансформироваться. Надписи ожили. Длинные усы вензелей пришли в движение: расползались и закручивались. Кривоватые рисунки становились четче. Почерк, явно принадлежащий женской руке, терял округлую элегантность и

приобретал по-мужски сердитую угловатость. Наконец движение закончилось. Книга заснула.

– Проверяйте, госпожа Мейн, – проговорил Фостен неожиданно осипшим голосом и, поморщившись, кашлянул в кулак.

– Уверен, что можно? – уточнила я.

Он сделал приглашающий жест рукой, чтобы не мешкала и не боялась. Однако стоило прикоснуться к вместилищу поварских знаний, как страница, заставив меня отшатнуться, выплюнула в лицо сноп черного дыма. Я звонко чихнула, помахала перед носом ладонью и одарила дражайшего супруга выразительным взглядом. Впрочем, больше источник наших вкусных будущих трапез не артачился.

На титульном листе обнаружилось имя Клода Салазара, а для реалистичности стоял год. Насколько, по версии Фостена, книга стара, я уточнять не стала. Подразумевалось, что Ивонна разбиралась в летоисчислении и без наводящих вопросов.

– Все в порядке? – любезно уточнил муж.

– Превосходно! – воскликнула я. – Вы большой молодец, господин Мейн!

– Ивонна... – хмыкнул он, складывая руки на груди.

– А?

– Ты меня сейчас похвалила?

– Ну...

– Как малое дитя?

– Господи, умеешь же ты перевернуть! – проворчала в ответ.

На следующее утро я осторожно проверила книгу, но та по-прежнему выглядела так, словно была написана известным поваром, а не слеплена на коленке из магии и моей настойчивости. Раиса тем временем расставляла на столе нехитрый завтрак и искренне возмущалась, что Тобольд всячески чинил препятствия для готовки. Он попрятал сковородки, кастрюли и даже куда-то убрал ковшик!

– Оставил погнутую миску! – наябедничала она и с интересом посмотрела на книгу. – Что это, хозяйка?

– Надеюсь, наш пропуск в мир здорового питания.

Повар встретил меня неласково, что, конечно, не удивляло, но поражало, какие у нас все в замке собрались нежные. Кроме моего мужа, понятно. Его, похоже, вообще ничем не прошибешь.

– Доброе утро, господин Тобольд, – распевно поздоровалась я.

Он шинковал зелень и сдержанно поздоровался, продолжая стучать поварским ножом по разделочной доске, хотя уже дошел до кончиков стеблей. Короткие объяснения, что меня съела совесть за испорченную священную сковороду, повар выслушал с пресной миной.

– Поэтому я попросила леди Артисс прислать специально для вас книгу рецептов, написанную Клодом Салазаром.

Тобольд прекратил выстукивать желобок в деревянной доске. Завладев его вниманием, вкрадчивым движением я пристроила сверток на кухонный прилавок.

– Примите в качестве извинений.

– Поварская книга великого Клода для меня? – с волнением уточнил он, совершенно не смутившись молниеносной доставкой книги из далекой столицы в забытый богом замок, и принялся обтирать руки о фартук.

– Единственная в своем роде.

Всегда любила людей, умеющих без жеманства поменять гнев на милость. Повар шустренько развернул сверток и при виде обложки прижал пухлые руки к груди.

– Что? – напряглась я.

– Книга! – в восхищении выдохнул он.

– Она самая. В ней много разных рецептов, – согласилась я. – Откройте.

При виде имени на титульном лице с усатого улыбающегося лица улыбка-то сползла, а само лицо заметно вытянулось.

– Все в порядке? – осторожно уточнила я и покосилась на страницу. Все надписи, по-прежнему наглухо заколдованные, были на месте.

– Имя! – выдохнул Тобольд и ткнул дрожащим пальцем в строчку. – Я понял, что всю жизнь неправильно писал имя великого Клода!

Черт возьми! Так и знала, что правило «как слышу, так и напишу» не сработает.

– И год! – простонал он с болью в голосе.

– А с ним что не так? – охнула я.

– Это последняя книга Клода! В этот страшный год его не стало!

– Но наследие по-прежнему с нами, – пробормотала я, мысленно ругнувшись, и помахала перед горящим лицом ладонью. – Жарко тут у вас в кухне.

В общем, пока он не нашел каких-нибудь еще преступных несоответствий, я сбежала, хотя повар едва не бросился вдогонку, чтобы на радостях предложить завтрак и накормить все еще не очень здоровой и невкусной едой по рецептам собственного сочинения. Через полчаса приехал вызванный накануне возница. Мы с Раисой отправились в соседний городок.

После суетливой ночи почти весь путь я проспала. Как съехали с каменного моста, так и вырубилась. Проснулась, когда экипаж остановился. Открыла глаза и, спросонья шаря рукой в поисках своей бездонной кожаной сумки, промычала:

– Приехали?

– Да, хозяйка, – согласилась горничная. – Что ты ищешь?

– Сумку.

– Так вот же она. – Раиса и указала на замшевый мешочек на завязках, болтавшийся у меня на запястье.

В него не помещалось ничего, кроме горсти монет, маленького складного зеркальца и носового платка. Никакого тебе телефона, зарядки, косметички, мятных конфеток, копии паспорта, сделанной три года назад, и еще кучи крайне необходимых девушке мелочей. Да и в новом мире почти ничего из того, что я каждый день таскала с собой, не пригодилось бы. Пришлось просто растереть лицо ладонями и пригладить скелетные на затылке волосы.

Дверь кареты открылась и в салон хлынул прохладный воздух. Выбравшись на вымощенную серым камнем оживленную улицу, я с интересом огляделась вокруг. Здания в городке были невысокими, в два этажа, с двускатными черепичными крышами и гордо торчащими каминными трубами. Магазины ссорились в оригинальности вывесок, но на каждой в солнечном свете поблескивал одинаковый сложный узор, вероятно, магический.

Возница остановился напротив входа с латунной табличкой конторы, помогающей с наймом прислуги, но для надежности я вытащила из кармана визитку. На тонкой невесомой пластине из позолоченного металла на одной стороне был выбит тот же символ,

что и на магазинных вывесках. Сверившись с адресом, я кивнула Раисе:

– Нам сюда.

Мадам Вайри идеально вписывалась в строгий интерьер собственного кабинета. Да буквально практически сливалась с ним! По виду такая же строгая, в закрытом темном платье-футляре и с идеально уложенными седыми волосами.

При нашем появлении, она поднялась из-за стола, изобразила радужную улыбку и просканировала нас с Раисой оценивающим взглядом. После приветствий усадила обеих на диван и, устроившись в кресле, заявила, дескать, необычайно удивлена, что леди Мейн решила приехать лично.

– Значит, вас интересует найм прислуги в замок? – закончила она вопросом.

В этот момент в дверь тихонечко поскреблись, появилась секретарь с подносом. Мадам сделала быстрый жест рукой, и девушка, неслышно прошмыгнув в кабинет, расставила на квадратном столике чашки с бледным чайком.

– И это ваша... – Хозяйка конторы выразительно посмотрела на Раису, смущенно притулившуюся на краешек дивана.

– Ассистентка, – подсказала я и скомандовала: – Раи, достань мой ежедневник.

На свет появился маленький черный блокнотик, куда я записала список слуг. Честно сказать, без полезных книг по домоводству вряд ли разобралась бы.

– Я хочу нанять прислугу с проживанием, – начала было я, но мадам вдруг так глубокомысленно улыбнулась тонкими губами, что невольно вырвался вопрос: – Вы что-то хотели сказать?

– Леди Мейн, вы позволите мне откровенность?

Да куда ж я денусь-то?

– Не стесняйтесь, – согласилась я, хотя было очевидно, что в этом кабинете смущается только Раиса.

– Много лет о замке Рокнест ходят нехорошие разговоры. Слуги в нем не задерживаются. – Она вздохнула с фальшивым сожалением. – В последние месяцы мне удавалось найти разве что пару женщин на несколько часов.

– Хотите сказать, что люди боятся моего мужа? – с милой улыбкой прямо спросила я.

– Ваш муж – исключительно благородный человек! Боятся вещей, которые происходят в замке, – мягко поправила она.

– Понимаю, – кивнула я, не позволяя себе раздражаться, – дурная слава и все такое. Другими словами, вы нам не поможет.

– Что вы! – махнула она рукой. – Я с большим удовольствием подберу для вас помощниц, скажем, на следующую седмицу. Это, конечно, будет недешево, но сами понимаете...

– Вообще-то, нет.

– Леди Мейн, вы юны и пока неопытны. Естественно, что вы видите мир в радужных красках.

А по полям моего волшебного мира скачут розовые единороги.

– Вы просто меня не знаете, – с иронией отозвалась я и закрыла ежедневник. – Буду рада, если пришлете помощниц по хозяйству.

Очевидно, официальным путем, через агентство по найму, людей в замок с дурной славой не найдешь. Попрощались мы вежливо и с улыбками. Мне еще раз пообещали прислать женщин для уборки, я снова поблагодарила и ретировалась.

Мы вышли на ступеньки. Дверь с латунной табличкой закрылась за нашими спинами с жалобным скрипом, словно умоляла не оставлять ее с неприятной мадам и забрать с собой в замок.

– Хозяйка, что же теперь делать? – тихо и будто испуганно спросила Раиса, когда я обзревала вокруг себя городок.

После темной, давящей атмосферы кабинета, отчего-то напоминающей атмосферу в конторе с ритуальными услугами, солнце показалось ослепительным, а улица жизнерадостной и очень шумной. Возница с индифферентным видом сидел на козлах и читал газету.

– Будем выдавливать из лимонов лимонад, – бодро решила я.

– Чего? – не поняла Раиса.

С деловитым видом я подошла к вознице и покашляла, привлекая к себе внимание.

– Леди, уже закончили? – удивился он.

Признаться, у мадам мы пробыли не больше пятнадцати минут, даже чайку на дорожку не попили. Репутация ей наша, видите ли, не нравится! Потом еще локти будет кусать, что упустила шанс наладить связи с замком Рокнест.

– Господин, можно посмотреть вашу газету? – Я показала на тонкие типографские листы в его руках и ободряюще кивнула, когда он, замаявшись, протянул их в мою сторону. – Благодарю.

На последней полосе под колонкой с советами «добрым домохозяйкам» и рубрикой с «душевными историями от читателей», как и в столичном «Вестнике», печатали всевозможные рекламные объявления. Адрес, где их принимают, тоже был указан. И заметка от мадам Вайри, готовой незамедлительно подобрать работу всем желающим, тоже имелась.

– Отвезите нас по этому адресу, – попросила я возницу.

Вообще, думала, что «выдавливает лимоны» буду в редакции газеты, но оказалось, что рекламные объявления принимали в полуподвальной конторке с окнами на уровне тротуара. За заваленном бумагами обшарпанным столом сидел писарь с натянутыми до локтей нарукавниками. Сощурившись через толстые стекла очков, заунывным голосом он выдал расценки на объявления.

Разложив перед ним газетный лист, я указала пальцем:

– Мне нужно крупное объявление, чтобы сразу бросалось в глаза.

– Агентство мадам Вайри выкупило место до следующего года, – пояснил он, линейкой отгораживая занятый кусочек полосы.

– Чудесно. На место мадам Вайри я не претендую, – улыбнулась я и мстительно добавила: – Мы будем оттенять друг друга.

До конца года подавать объявление о поиске людей в замок Рокнест не имело никакого смысла, разве что из вредности мадам глаза помозолить, но десять-то дней оплатила. Правда, два раза запуталась, пока перебирала варьяты и ирматы. С нежностью вспомнила оставшиеся в прошлой жизни пластиковые карты. Но испытание монетами прошла!

Писарь поплевал на пальцы, вытащил из стопки чистый лист и скомандовал:

– Диктуйте, леди.

– Раиса, – царственным жестом я протянула руку к горничной, мнущейся в сторонке, как бедная родственница, – достань ежедневник...

На обратной дороге она задумчиво молчала, изредка вздыхала и о чем-то напряженно размышляла. В окне проплыли нарядные улочки городка, остался позади храм двуединого, увенчанный шпилем с

разомкнутым кольцом, потянулись покрытые зеленым пушком холмы и едва-едва оперившиеся деревья у обочин.

– Хозяйка, я теперь твоя ассистентка? – не удержалась Раиса.

– Ты получила повышение, – отозвалась я.

– А можно мне снова стать личной горничной? – спросила она и, загибая пальцы, принялась перечислять пункты из объявления: – Достойное жалование, каждые полгода две свободные седмицы с содержанием, бесплатная знахарская помощь и магическая защита от сильнейшего мага королевства. Хочу быть в прислугах.

– У тебя достойное жалование, – слегка ошалело напомнила я. – Даже с перебором, давай будем честными.

– Я его еще не получаю, – внезапно заспорила она, видимо, преисполнившись смелости от внезапного карьерного роста.

– Но ты месяца не отслужила, – заметила я.

Она снова печально вздохнула и спросила:

– А если я ассистентка, то можно сундуки не разбирать?

– Нет.

Наше скорое возвращение в замок никто не прокомментировал. Ожидала, что за обеденным столом, когда мы ждали очередного шедевра от нашего вдохновенного кулинара, Фостен непременно съехидничает, но он вполне буднично уточнил:

– Поговорила с агентством по найму?

– Я пошла другим путем, – не вдаваясь в подробности, чопорно отозвалась я.

По Хэллавину было заметно, что ему-то подробности как раз интересны, но дверь в столовую открылась и Вернон с торжественной миной лично ввез тележку с обедом. Не произнося ни слова, он водрузил в центр стола знакомую тревожную супницу с тыковкой и поднял крышку. Вверх взвился ароматный дымок. Вокруг распространился неземной запах наваристой куриной лапши.

Дворецкий взял паузу, чтобы насладиться видом хозяев, абсолютно ошарашенных тем, что еда действительно пахнет едой. И, похоже, вкусной.

– Что это? – тихо проговорил Хэлл и, шумно сглотнув слюну, приподнялся на стуле, чтобы заглянуть внутрь фарфоровой посуды.

– Это магия, – ответила я и бросила в сторону Фостена красноречивый взгляд.

– Мы должны дожить до ужина, – заметил он, намекая, что спор еще в силе.

– На ужин Тобольд запекает утку, – дрожащим от восторга голосом проговорил Вернон.

– Господин Мейн, кажется, вы задолжали мне услугу, – с елеинной улыбкой заключила я и рявкнула командирским тоном офисной начальницы: – Приведите в порядок мой портрет и поставьте его в гостиной на самое видное место! Окажите любезность.

– Конечно, дорогая супруга, – невозмутимо согласился он.

Вернон с Хэллом обеспокоенно переглянулись.

– Опять таскать портрет? – уточнил дворецкий.

– Как можно объявлять такие ужасные новости, когда у нас только-только жизнь начала налаживаться? – пробормотал Хэллавин.

ГЛАВА 5. Кастинг на роль служанки

Новые люди в замок не торопились, а проживающие внезапно сделались неуловимыми, как индейцы в густых лесах Амазонки. Хотя у нас даже лесами не пахло. Разве что возле библиотечной башни вперемешку рос десяток хвойных и садовых деревьев. С гордостью, словно когда-то лично выкапывал ямки для саженцев, Вернон назвал это, с позволения сказать, скудное скопление громкими словами «домашний парк». Да еще предупредил, что в нем легко заблудиться!

После памятного обеда дворецкий и секретарь начали от меня прятаться. Три дня мы играли в кошки-мышки. Застать их в одном помещении оказалось невозможно – они разделились, чтобы не перетаскивать портрет. Пока одного поймаешь, другой уже исчезнет. Видимо, в нашем «домашнем парке».

Утром четвертого дня, когда я почти решила написать в контору по найму и напомнить об обещанных помощницах, Фостен попросил меня зайти в кабинет. С самым будничным видом он продемонстрировал массивный сундучок с окованными уголками и с крышкой, украшенной причудливой резьбой.

– Денежная шкатулка, – пояснил он. – Деньги на расходы будут напрямую передавать из расчетного двора.

Другими словами, мне вручили личный банкомат.

– А чеки денежная шкатулка выдает?

– Прости? – с вежливой улыбкой уточнил он.

– Ничего, просто пошутила, – махнула я рукой и попыталась приподнять крышку. – Она не открывается без кодового слова?

– Именно поэтому я тебя и позвал, – спокойно продолжил Фостен. – Ты должна ее заклисть.

– Как понимаю, заклисть – это не обругать.

– Кровью, – невозмутимо ответил муж.

– В каком плане?

– В прямом. Надо проколоть палец и приложить его к отпечатку. –

Он сначала указал на выемку в самом центре крышки, а потом протянул мне раскрытую ладонь.

– Зачем ты тянешь руки? – с деревянной улыбкой уточнила я.

– Помогу. – Фостен продемонстрировал знакомый ритуальный кинжал, который, между прочим, использовал для резки бумаги и бог знает для чего еще. – Не бойся, будет не больно.

– Ты когда в последний раз мыл этот нож? – уточнила я, невольно пряча руки за спину. – Не хочу отдать богу душу от заражения крови. Я недавно чуть не померла, мне не понравилось.

– Доверься мне, Ивонна, – уговаривал он.

– Ты просишь меня довериться колдуну с ножом в руках, – заметила я.

– Уверяю порез ритуальным кинжалом не несет угрозы. Ты ничего не почувствуешь, – уламывал он меня, как ребенка.

– Со стороны ты выглядишь жутко.

– Ивонна, ты хочешь, чтобы артефакт слушался только тебя? – вспыхнул он. – Если да, то давай руку. Или сама проколи палец!

– Господи, зачем орать? – пробормотала я и протянула указательный палец.

Тот предательски трясся. Да что там греха таить, я вся чуток тряслась.

– Умница, – усмехнулся муж, мягко сжимая мою руку.

– Подожди, господин Мейн! Хочу знать наверняка: твои бывшие жены действительно живы? Может, они померли от столбняка? – резко выпалила я, наблюдая, как Фостен примеряется этим своим угрожающим обоюдоострым кинжалом к моему тонкому пальчику. – Разве не надо чем-нибудь обеззаразить? Дай хоть руки помою!

Кожу внезапно защипало. На подушечке пальца появился тончайший разрез. Проглотить сочное ругательство удалось лишь нечеловеческим усилием воли.

– Все, – с мягкой улыбкой объявил муж и кивнул на шкатулку: – Прикладывай.

– Варварство какое-то, – проворчала я и с недовольной миной приложила палец к выемке.

Внезапно желобки резьбы на крышке ларца вспыхнули алым всполохом, а внутри шкатулки что-то защелкало. Сцепленный металлический орнамент пришел в движение, и крышка сама собой приоткрылась.

– Пользуйся, – прокомментировал Фостен.

– Благодарю, – проворчала я и, проверив палец, сунула его в рот, чтобы остановить кровь. Ни зеленки, ни йода все равно не светило.

Фостен наблюдал за самолечением со странным выражением. Пристальный взгляд сфокусировался на моих губах.

– Что? – не поняла я.

Тут дверь приоткрылась и в кабинет прошмыгнул Хэллавин с пачкой писем в руках. Возникшее напряжение, явственно сгустившееся в воздухе, мгновенно схлынуло.

– Я принес утреннюю корреспонденцию, – объявил он, замерев на пороге и явно почувствовав, что зашел не вовремя.

– Оставь на столе и помоги госпоже Мейн отнести в покои шкатулку, – сухо приказал секретарю муж, ловко выпроваживая нас обоих восвояси.

Я вышла из кабинета первой. Злосчастный портрет поджидал меня как раз напротив кабинета. Стоял прислоненный стене, скрытый простынкой и никем не передвинутый в гостиную. Из чистого упрямства я сдернула покров и внезапно обнаружила, что черная вуаль с дырками для глаз исчезла. С картины на меня томным взглядом смотрела юная хорошенькая аристократка в светлом платье.

Не подозревая, что в коридоре наткнется на леди Мейн, жаждущую переселить портрет, к хозяйской спальне с беспечным видом шагал Вернон. Обнаружив меня, крайне проворно для человека его комплекции, дворецкий развернулся и той же беззаботной поступью направился в обратную сторону.

– Стоять! – сдержанно скомандовала я, скрестив руки на груди.

Он притормозил, оглянулся и расплылся в фальшивой улыбке:

– Да я просто забыл в столовой... Кхм...

– И теперь замятовали, что забыли?

– Как-то из головы вылетело.

– Надо вернуться сюда, чтобы вспомнить, – подсказала я. – Проверенный способ.

– Вспомнил! – Он погрозил пальцем то ли мне, не купившейся на нескладную ложь, то ли дырявой памяти. – Канделябр!

– Канделябром, как понимаю, вы от меня собрались отбиваться? – вежливо уточнила я.

Тут за спиной открылась дверь и в коридор выбрался Хэлл с денежным ларем в руках. Глядя на то, как он напрягался, складывалось

впечатление, что бедняге вручили не пустую магическую шкатулку, а железный сейф.

– Смотрите-ка! – воскликнула с фальшивой радостью я. – Какая неожиданная встреча! Мы все свободны и стоим рядом с портретом. Удачный момент, чтобы перенести его в гостиную! Не считаете, господа?

– Я занят, – заявил Вернон.

– Чем?

– Поиском канделябра!

– Подождет, – уверила я. – Канделябр от вас, господин Вернон, совершенно точно никуда не убежит.

– А у меня руки заняты, – в свою очередь высказался Хэлл.

– Ничего, дорогой Хэллавин, давайте подержу, – воскликнула я, забрала из его рук шкатулку и, крикнув, едва не выронила себе на ногу.

Тяжесть оказалась внушительная, словно в денежный ларец прямиком из банка передали пяток золотых слитков. Я чуток его встряхнула, чтобы удостовериться, что внутри пусто.

Привлеченный громкими дебатами из кабинета показался и сам хозяин замка. Не понимаю, почему хваленая темная магия еще не заставила Фостена, начисто продувшего спор, лично прибить гвоздик к стене и повесить портрет юной супруги на стену в холостяцкой спальне. Возникало смутное подозрение, что в спорах заклятия работали только в одну сторону, и это не сторона колдуна.

– Что у вас происходит? – спросил он, обведя нашу компанию вопросительным взглядом.

– Мы занимаемся портретом, – немедленно сориентировалась я и пихнула тяжелый ларец ему в руки. – Отнесешь шкатулку ко мне в покои?

Не дожидаясь фирменного ледяного взгляда от хозяина, темный приспешник с дворецким шустро занялись громоздкой картиной.

– Поставим в гостиной, – потребовала я. – Хочу, чтобы слуги знали хозяйку в лицо.

– Да мы и так знаем, – уверил Вернон. – Уже запомнили.

– Господин Вернон, не с вашей памятью делать громкие заявления. Вы в потемках перепутали меня с покойной Луизой Мейн.

– Хозяин, давайте вернем портрет вашей супруги в кабинет? – не сдвинув этот самый портрет ни на миллиметр, бодренько предложил

Хэлл.

– На то место, где он стоял прежде, – без мук совести заложил Вернон, что портрет оказался в коридоре не случайно, а по воле хозяина.

– Я просил перенести портрет в гостиную еще три дня назад. – От зловещей вкрадчивости, пропитавшей голос Фостена, спор мигом утих. – Несите. Хэллавин, потом не забудь поставить шкатулку в покоях госпожи Мейн.

Секретарь с дворецким хмуро переглянулись, приподняли портрет и, не произнося ни слова, потащили по коридору. Молчали они, правда, недолго. Едва хозяин перестал наблюдать и скрылся за дверью, грузчики принялись душевно собачиться.

– Да что ж он такой тяжелый? – жаловался Вернон, цедя слова сквозь сжатые от натуги зубы.

– Давай передохнем, – простонал секретарь. – У нас еще две лестницы впереди!

С грохотом они опустили портрет на пол, не преодолев половины коридора. Передохнули, окинули на меня ненавидящими взглядами и снова перенесли на пару шагов. Я помалкивала и держала ценные советы при себе, хотя очень хотелось высказаться. Пока они с чувством роняли картину, от рамы отскочила золотая завитушка, оставив после себя заметную червоточинку.

Кое-как мы доскреблись до невысокой, но довольно крутой лестницы, ведущей в замковый холл. Ругаясь на чем свет стоит и выражения выбирая весьма условно, они принялись спускать портрет по ступенькам.

– Держи крепче! – хрипел Хэлл, осторожно перебирая ногами.

Тут Вернон странно дернулся и, крикнув, замер.

– Все... – тихо объявил он.

– Что? – не поняла я.

– Поясницу прострелило, – зеленая на глазах, сдавленно выдохнул дворецкий и выпустил раму из рук.

Хэллавин честно попытался остановить скольжение громадины, но та набрала скорость. Грозась погрести секретаря под собой, она поехала вниз. Бедняга только успел отскочить, когда с оглушительным грохотом портрет слетел в холл, хлопнулся на пол и от удара лишился

рамы. В разные стороны брызнули щепы. Воцарилась ошарашенная тишина.

В воздухе кружило облако пыли, а нарисованная Ивонна все тем же томным взглядом теперь смотрела на потолок.

– Не донесли, – прокомментировала я, складывая руки на груди.

– Мы можем заказать новый портрет, – внезапно проговорил Хэлл с неприсущим ему энтузиазмом. – Размером поменьше.

– Но этот все равно придется убрать.

– Простите, господа! – внезапно прозвучал в холле осторожный голос.

Мы с секретарем удивленно повернулись. Дворецкий тоже попытался посмотреть, но только болезненно охнул.

Возле закрытых входных дверей мялись две заметно испуганные женщины в соломенных шляпках. Возле их ног стояли маленькие дорожные сундучки. Кажется, неожиданные гости хотели подхватить эти самые сундучки и немедленно сбежать из страшного места, где с лестниц слетают огромные портреты.

– Светлого утра! – поздоровалась одна по виду чуть старше лет тридцати. – Нам бы поговорить с госпожой Мейн. Мы по поводу работы.

– Вас прислала мадам Вайри? – уточнила я.

– Мы по объявлению! – быстро проговорила незнакомка и продемонстрировала сложенный газетный листок. – В газете было написано, что в замок набирают прислугу. У нас и рекомендательные письма с собой!

– Чудесно, – улыбнулась я.

Да просто лучше не придумаешь, будем честны! В Рокнест приехали долгожданные горничные и с порога попали в эпицентр картинного апокалипсиса. Надеюсь, нам повезло, и они успели отпустить извозчика.

– Так где нам найти госпожу Мейн? – совсем осмелела будущая помощница по хозяйству.

– Вы с ней говорите, – обходя застывшего столбом Хэллавина, объявила я. – Проходите, дамы, не тушуйтесь. Считайте, что вы уже приняты!

Следующие дни в замок приезжали люди. Они текли тонким ручейком. Одни оставались, другие отправлялись восвояси. Встречал

народ огромный портрет новой госпожи Мейн, прислоненный к стене в холле... Не знаю, чем он пугал вновь прибывших, возможно, размерами, но некоторые отсеивались еще на пороге.

Рокнест начал постепенно оживать, чистил перышки и отряхивал мохнатый слой пыли. В залах и комнатах засияли окна и запахло свежестью, а не старым чердаком.

Фостен следил за изменениями с доброй долей скепсиса. Когда за ужином тележку с едой вкатил незнакомый лакей и принялся церемониально представляться, с опаской поглядывая на страшного темного мага с дурной славой, тот кивнул и любезно уточнил, когда слуга собирается сбежать. Ей-богу, чуть не швырнула в колдунскую физиономию салфеткой. Видно же, что человек храбрится на последние, а он ведет себя, как... Ну как злой колдун! На следующий день, что не удивляло, этот лакей действительно дал деру, не забыв получить полварьята за верную, но очень короткую службу.

Светлым майским утром через десять дней после выхода объявления Райса пыталась просушить мне волосы магической щеткой, но магию закоротило. Горничная щетку встряхнула, надеясь, что волшебные свойства вернуться, но ровным счетом ничего не добилась. Разве что ручка плюнула темным дымком, словно слабенький фен, отдавший душу электрическому богу.

– Господин Мейн починит, – убежденно заявила я.

– Сомневаюсь, – поцокала языком горничная. – Он же не подмастерье какой-то.

– Конечно, он профессиональный темный маг. Железобетонно починит.

Не успела я собрать влажные волосы в пучок, как в покоях возник Хэллавин.

– Хозяйка, – с оголтелым видом проговорил он, – вам стоит выйти в холл.

– Портрет уронили? – уточнила я.

– Люди приехали, – объявил он и добавил через паузу: – Толпой. С разными вещами!

– Какой еще толпой? – удивилась я, почему-то представив крестьянский люд с косами и вилами.

– Организованной! – выдохнул Хэлл. – И все ждут вас. Портрет, возможно, тоже уронят.

Портрет в холле стоял, как вкопанный. Уроненной оказалась моя челюсть. Я смотрела с лестницы на гудящую толпу людей, рокот которых было слышно еще из коридора, и пыталась вернуть дар речи.

– Откуда они? – пискнула Раи, из-за наших спин обозревающая столпотворение.

– Говорят, что со вчерашнего вчера собирались в городке, а потом извозчики всех одним махом привезли.

– У них там, похоже, день перевозчика случился, – пробормотала я. – Хэлл, экипажи отправили обратно?

– Вернон закрыл ворота и не дал сбежать, – тихонечко пробубнил он. – Мы решили, что людей привлекают открытые ворота. Он там еще бумажку привесил, что слуги больше не принимаются. Вдруг кто-нибудь еще попытается приехать?

– Это правильно, – кивнула я, мысленно благодаря бога, что десять дней подошли к концу и объявление больше не напечатают. – Очень хорошее решение, Хэлл. Где сам Вернон?

– Стережет у ворот, – заговорщицки объявил секретарь, давая понять, что больше ни один соискатель не проникнет в Рокнест.

Но, зная дворецкого, я посчитала, что он очередной раз слинял, боясь реакции хозяина на внезапную толпу, собравшуюся в тихом злодейском логове.

– А господин Мейн? – уточнила я.

– Пока не появлялся из своих покоев, – замаявшись, пробормотал секретарь.

– Ночью ушел через тайную дверь по важным делам и еще не вернулся? – проронила я.

Секретарь едва слышно уткнул. Вроде не сдал хозяина, но и не отрицал, что в замке где-то спрятан проход в большой мир.

– Повезло нам, – едва слышно выдохнула я. – Сколько мы можем принять людей?

Мы переглянулись. На лице Хэллавина, не обремененного жизнелюбием в обычные дни, а во время кризисов и вовсе впадавшего в хандру, нарисовалась паника. Он занимался всей замковой бухгалтерией, а теперь превратился в кадровика. Видимо, к бурному росту этих самых кадров, как подснежников в проталине, он не был готов морально.

– Трое! – отрезал он.

– У нас еще две свободные комнаты для прислуги, – заметила Раиса.

– Значит, трое и помощницу на кухню, – решила я, искренне опасаясь, что при виде толпы Тобольд вспомнит, как совсем недавно, корчась от душевных мук, кашеварил на корабле в огромных чанах рыбную похлебку, и сбежит. Между прочим, он только-только освоил ценный навык готовить по поваренной книге. У худого, как щепы, секретаря чутки округлились щеки.

Мы с Хэллавином спустились в холл. С самым деловым видом я встала перед взволнованными соискателями и кашлянула, пытаясь привлечь внимание. Рокот не утихал.

– Светлого утра, господа! – рявкнула я с начальственной выучкой.

Народ постепенно примолк и обратился в нашу с секретарем сторону. Все смотрели на меня, потом на портрет и снова на меня. Портрет сегодняшним светлым утром определенно выглядел лучше оригинала.

– Приветствую всех в замке Рокнест, – начала я официальным тоном. – Поднимите руку те, кто уже служил у магов.

К потолку взвились абсолютно все руки. Некоторые, особенно жаждущие получить место в замке, для надежности подняли две. Не верилось, что в Рейванде живет столько людей, обладающих сверхспособностями, и от них разом сбежала прислуга, чтобы служить у единственного в королевстве темного мага. Просто мир супергероев, ей-богу. План отсеять часть просителей провалился на взлете.

– Чудесно, – натянуто улыбнулась я. – Записывайтесь в очередь у господина Хэллавина и проходите на собеседование.

Народ загудел.

– На что? – переспросил вихрастый парень в рубахе и кожаных штанах у своего соседа.

– На отбор, – пояснила я.

– Так сюда не всех, что ли, принимают? – возмутился он, и самым первым отправился в карету дожидаться остальных.

В холле мигом воцарилась уважительная тишина. Люди с надеждой воззрились на Хэлла, словно именно он был их пропуском на службу к колдуну. На худой шее у темного приспешника дернулся выпирающий кадык. Видимо, он догадался, что с претензиями разбираться придется тоже ему.

Соискателей я решила принимать в гостиной. Уселась на диванчик, расправила юбку и царственным жестом приказала Раисе заводить первых жаждущих получить работу. Сначала появилась худенькая девушка в зеленой шляпке. Озираясь вокруг, она смущенно просеменила к указанному креслу и присела, скромно пристроив на коленях ридикюль.

– Здравствуйте, – улыбнулась я.

– А правда, что здесь есть призраки? – ни с того ни с сего спросила она, забыв представиться, и указала на потемневший портрет (возможно, даже не Мейна). – Он мне подмигнул!

– Вы боитесь призраков? – деловито уточнила я.

– До жути! – согласилась она и потерла ладонями плечи, словно прогоняла побежавшие мурашки.

– Что ж, в замке есть не только призраки, но и темные приспешники. К слову, вы с одним из них говорили, – согласилась я.

В общем, прекрасный оказался вопрос! Стоило поинтересоваться у людей, боятся ли она призраков и прочей inferнальной хтони, как народ сам себя отсеивал. Напрягаться не приходилось.

Ряды, так сказать, стремительно редели. Потом в гостиную с царственной осанкой и двумя корзинками, прикрытыми плетеными крышками, как большая тяжеловесная шхуна, всплыла высокая дама бальзаковского возраста в чепце с решительно накрахмаленным воланом.

– Я повариха. Называйте меня тетушка Вэлла, – представилась она, не дав мне слова сказать, и плюхнула корзинки на чайный столик.

У аристократической мебели, по всей видимости, появившейся в замке при одной из нежных супругов Фостена, истерично зашатались тоненькие ножки. Тетушка не обратила на это никакого внимания и начала величественно доставать круглые пироги, завернутые в льняные салфетки.

– С ревенем, с мясом, с рыбой... – принялась перечислять она, выстраивая шаткую пирамиду из еды.

Мы с Раисой смотрели на внезапное богатство. При демонстрации очередного пирога, я поймала себя на том, что сглотнула слюну. С тех пор, как бабули не стало, домашней выпечки мне есть не приходилось. Башня ностальгически пахла сладким дрожжевым тестом и детством.

– А вы призраков боитесь? – не сводя глаз с растущей пирамиды на столике, уточнила я.

– Да что мне призраки, леди Мейн, – хмыкнула повариха. – Я шесть лет на рынке коврижками торговала, таких упырей и вурдалаков видела, что мне теперь вообще ничего не страшно.

С трудом оторвав зачарованный взгляд от пирогов, я подняла голову, посмотрела на повариху и объяснила:

– Мы ищем помощницу на кухню к нашему повару. С ним будет сложно сладить. Он у нас чувствительный.

– Непременно сладим, – кивнула Вэлла с таким видом, что стало ясно, выбора у Тобольда не останется.

– Вы приняты, – кивнула я и махнула Раисе: – Покажи кухню и комнату.

Горничная и повариха, тихонечко переговариваясь, удалились. Случилась странная пауза. Прошло минут пять, но никто не заходил. На столике по-прежнему лежали пироги и манили вкусными ароматами. Я решила быстренько вкуснотищу убрать, а то недолго обнаружить себя отгрызающей кусок. Только принялась прятать богатства обратно в корзинки, как за спиной началась странная возня.

В большом недоумении я оглянулась и обнаружила четырех плечистых бородатых парней, одетых в одинаковые рубахи, вышитые жилеты и кожаные штаны. Они шустренько расчехляли кожухи и вытаскивали музыкальные инструменты.

– Вы кто? – удивленно спросила я, сжав в руках пирог.

– Хозяйка! – встряхнув скрипкой, блеснул ослепительной улыбкой один из них. – Мы ансамбль песни и пляски!

Без преувеличений: у меня поползли на лоб брови. Только бременских музыкантов нам в замке-то и не хватало. Видимо, Хэллавин был со мной солидарен и не пропустил бородатые таланты, а потому квартет выглядел запыхавшимся, словно проник в Рокнест через дыру в заборе и украдкой прошмыгнул на смотр.

– Парни, художественная самодеятельность нам не нужна, – честно призналась я.

– Подожди, хозяйка! – воскликнул скрипач. – Давай мы сначала тебе сыграем, а потом решишь!

Под моим изумленным взором они выстроились шеренгой да так бабахнули, что с пирогом в руках я плюхнулась на диван. Запиликала

скрипка, забил барабан, затянула визгливая труба и затрясся бубен – все одновременно.

Потеряв дар речи, я следила за исполнением невразумительного мотивчика. В виске стреляло, в ушах звенело. Внезапно ребята переглянулись и, не прерывая энергичной игры, принялись вытанцовывать! Каблуки выбивали дробь по начищенному накануне паркету.

Музыка резко оборвалась. Четыре ноги ударили подкованными остроносами сапогами в пол.

– Все! – дружным хором рявкнули они.

Я изумленно моргнула и машинально положила пирог на колени.

– Берешь, хозяйка? – На лице скрипача расцвела белозубая улыбка.

– Парни, вас что, из всех едален поперли? – ошарашенно спросила я. – Вы, конечно, играете громко, но музыканты нам действительно не нужны.

– Но мы можем и лучше, – уверил он.

– Лучше не надо, – отказалась я. – Правда! Никак не надо. У нас тут собеседование, а не прослушивание.

Скрипач снова переглянулся с товарищами. Я почувствовала неладное, когда они шустро отложили инструменты и, ритмично прищелкивая пальцами, принялись исполнять «а капеллу». Спетое мычание уносилось к высокому потолку.

Оставалось расслабиться и дожждаться, когда они вдоволь намычатся и свалят. Но без объявления войны все четверо принялись скидывать с себя жилетки. Я почувствовала, как у меня начинает вытягиваться лицо. Под дружное хоровое «тынц-тынц» они расшвыряли жилетки в разные стороны. Одна упала ко мне под ноги.

– Парни, стойте! – потребовала я. – Прекратите раздеваться!

Под бодрое «пара-па-пам», раскачивая бедрами, бородатые музыканты, похожие на дровосеков, сорвали с себя рубашки и оголили торсы.

– Черт возьми! – Окончательно потеряв контроль над ситуацией, я вскочила на ноги и уронила злосчастный пирог.

В танцевальном экстазе скрипач раскрутил рубаху над лохматой головой и запустил в случайном направлении. Ровно в этот момент, когда я в изумлении следила за траекторией полета и не могла даже

матом ругаться, в гостиную, едва не сорвав с петель дверь, ворвался мой дражайший супруг. Тряпка плюхнулась ему на голову, скрыв перекошенную от ярости физиономию.

– Черт, – только и сумела выдохнуть я, стараясь перебороть несвоевременный приступ хохота.

Фостен резко содрал хламиду и сжал ее в кулаке. На скулах ходили желваки, черты лица заострились, словно он собрался колдовать. Смеяться мне мигом расхотелось.

Бородачи замолкали вразнобой. Последний затих, получив от соседа тычок локтем в бок, непонимающе обернулся и визгливо охнул:

– Двумикий помоги!

Последовала звенящая тишина. Под гнетом тяжелого взгляда полуобнаженные музыканты сбились в кучку. Никогда не видела, чтобы рослые бородатые мужики пугались, как дети.

Муж молчал, играл желваками. Напряжение росло.

– Господин Мейн, – деловитым тоном произнесла я, чтобы хоть немного разбавить обстановку, – мы вас уже и не ждали.

– Вижу, – тихо отозвался он, продолжая разглядывать несчастных музыкантов. – Вы!

Парни дружно попятились. Внезапно воздух дрогнул. Под потолком закачалась люстра. Сверху посыпались хлопья пыли, а тишину наполнил тревожный звон хрустальных подвесок. Свет притух, словно за окнами собралась огромная грозовая туча, превратившая ясный день в грязноватые сумерки.

– Натянули шмотки! – Фостен швырнул рубаху в сторону скрипача.

Подхваченная потоком воздуха тряпка вмазалась в музыканта, заставив того испуганно подскочить на месте. Внезапно раскиданная по гостиной одежда с шелестом ринулась к полуголым мужикам. Думала, сейчас моргну, и те окажутся сами собой одетые. Моргнуть-то моргнула, а возле ног парней уже валялась огромная куча.

– Пошли вон, – в баритоне мужа появились незнакомые скрипучие интонации, как у настоящего киношного злодея, голос которого обработали в специальной программе, чтобы было пострашнее. А у нас в волшебном мире и без компьютеров жутенько!

Одеваться парни побоялись. Быстренько собрали вещи и рванули на выход. Выход, правда, перекрывала высокая плечистая фигура

очень злого, в прямом смысле слов, колдуна. Парни притормозили.

– Фостен, выпусти людей, – попросила я. – Они просто решили показать свой коронный номер.

В жизни не подумала бы, что здесь в ходу горячие шоу для взрослых и одно мне продемонстрируют прямо в гостиной.

– Дудки заберите, – вкрадчиво вымолвил он.

Скрипач, возглавлявший отступающий со сцены отряд песни и пляски, шумно сглотнул и кивнул:

– Уже забираем!

Понятия не имею, зачем он смотрел моему мужу в глаза.

– Сейчас, – подсказал тот.

– А скрипку тоже можно забрать, господин? – жалобно попросил музыкант-плясун эротических танцев.

Фостен, по всей видимости, скрипнул зубами.

– Парни, просто соберите все и идите, – с самыми располагающими и миролюбивыми интонациями мягко произнесла я.

Некоторое время они ковырялись, пытаясь одновременно не выронить одежду, подхватить инструменты и кожаных.

– Быстрее, – сцедил Фостен.

Ансамбль выскочил из гостиной. Только на пороге остался валяться выроненный скрипичный смычок. Полагаю, теперь они уверуют и начнут по воскресеньям петь в храмовом хоре, а на выступлениях в тавернах рассказывать страшные истории, как чудом выбрались живыми из зловещего замка темного мага.

– Смычок забыли! – крикнула я вдогонку.

Дверь сама собой захлопнулась с оглушительным грохотом. Странно, как не вывалилась ручка.

– Госпожа Мейн... – вперив в меня тяжелый взгляд, муж начал приближаться.

– Подожди! – Я выставила палец, призывая его повременить со скандалом, нырнула к полу за пирогом, а когда выпрямилась, Фостен каким-то непостижимым образом оказался всего в паре шагов.

Как кот, право слово! Только отвернешься, а тот с видом кровожадной пантеры, готовый загрызть заплутавшую овцу, уже неведомым образом успевает переместиться из другого конца комнаты.

– Что у вас тут происходит? – вкрадчивым тоном, пробирающим до мурашек, вымолвил он.

– Ты вообще или конкретно сейчас?

Фостен грозно нахмурился.

– Вообще, происходит отбор слуг, но случилось нелепое недоразумение, – быстро уверила я. – Они сами вдруг начали срывать одежды...

– А что *это*? – перебил он и выставил пустую ладонь.

– В каком смысле? – не поняла я. – Твоя рука. Линия жизни у тебя длинная и заметная.

Он издал странный звук, отдаленно похожий на едва слышное рычание.

– Не то? – осторожно попросила я подсказки. – Занозу посадил, что ли?

Ладонь задымилась. На ней постепенно выткался скомканный газетный лист.

– Ты подала объявление, – напомнил муж о том, что я и так знала.

– А как мне, по-твоему, надо было пригласить людей? – пошла я в глухую оборону.

– Комфортабельный замок с видом на спокойное озеро, – начал по памяти перечислять он все плюсы работы в Рокнесте и сделал ко мне шаг.

– Так ведь Рокнест прекрасен. – Я потеснилась. – И озеро красивое.

– Достойное жалование, – добавил Фостена, снова приблизившись.

От греха подальше, вернее, подальше от мужа, я отступила опять и уперлась ногами в край дивана. Отходить стало некуда.

– Но оно достойное!

– Бесплатная магическая защита от сильнейшего мага королевства?! – рявкнул он и сделал последний шаг, фактически стерев узкий зазор между нами. – И мужики голые пляшут!

С тихим оханьем я снова рухнула на диван и вцепилась в несчастный пирог, как в спасательный круг. Хорошо, он был завернут в салфетку. Стремительным и гибким движением Фостен склонился, упершись ладонями в жесткую спинку, и навис надо мной. Я же в эту самую спинку вжалась.

– Что тебя разозлило? – осторожно спросила у него. – Бесплатная магия или голые парни?

– Едва я появился в замке, ко мне пришли люди и потребовали защиты, – процедил он.

– Значит, пляски ни при чем? – уточнила я.

– Нельзя давать обещания, которые ты не можешь выполнить, Ивонна. Темная магия – не предмет для торга, а я не слугитель светлого лика двуединого, чтобы окружать королевских подданных заботой.

– Ага, – кивнула я. – Поняла. Настоящие злодеи людей не любят.

– Это все, что ты можешь сказать?

– Зато у нас теперь есть повариха, – попыталась я найти что-то положительное, способное слегка погасить мужнин гнев. – Хорошо печет. Хочешь попробовать?

Я приподняла пирог в салфетке. Вряд ли Фостен осознавал, что его глаза начали темнеть. Белки заволокло черной глянцевой пленкой...

– Пункт седьмой! – выпалила я, напомнив про соглашение. – Ты не можешь применять ко мне магию!

Он выдержал паузу, потом резко оттолкнулся от спинки и направился к выходу. Глядя на его напряженную спину, сразу становилось очевидным, что больше прислуги нанять не удастся. Уже работающую не распугал бы!

В коридор я выбралась с опаской, вооруженная брошенным музыкантами скрипичным смычком. Очередь из соискателей, тянувшаяся к дверям гостиной, исчезла. Невольно представлялось, что испуганные люди сначала пытались слиться с интерьером, а потом спешно покинули замок, как тонущий корабль.

Как и в гостиной, свет померк. В углах лежали глубокие тени и словно стремились заползти на стены. Изображения на картинах потемнели, хотя еще по утру краски выглядели яркими, словно полотна написали всего несколько лет назад. Температура воздуха и здесь резко упала.

Думала, что в холле обнаружу брошенные узелки и забытую ручную кладь, но вещей никто не оставил. От зябкой влажности и воцарившегося безмолвия захотелось поежиться. Огромный портрет Ивонны оказался затянут черной непроницаемой вуалью, и только наверху из двух дырочек, как издеваясь, с томной наивностью, мне самой неприсущей, смотрели два голубых глаза.

– Ха-ха, очень смешно, – проворчала я, разглядывая этот шедевр магического искусства.

– Госпожа Мейн? – прозвучал тихий, словно инфернальный голос.

От неожиданности сердце подскочило к горлу. Я резко развернулась, едва не выставив смычок, как рапиру. Оказалось, что не все соискатели покинули тонущий корабль, одна пара, похоже, муж с женой, осталась на палубе. В смысле, возле лестницы. Выглядели они скорее уставшими, нежели испуганными.

– Вам не хватило места в дилижансе? – уточнила я.

– Наш бывший хозяин поднимал мертвых людей, – пояснил мужчина, которого звали Фрейс. – Поверьте, ваш муж не может нас ничем напугать.

– И удивить тоже не может, – согласилась с ним супруга Этония.

Как выяснилось, они приехали в Рейванд всего неделю назад, а до того три года служили у мага. После женитьбы он показал им на дверь.

– Оставайтесь, – предложила я, возвращая женщине пачку рекомендательных писем на иностранном языке, которую все равно не могла изучить, хотя вид сделала исключительно умный. – Раиса покажет комнату. Осталось только найти Раису...

Но и бывалая команда замка Рокнест спряталась от хозяйского гнева! Супругов я заселяла лично. По ходу дела обнаружила, что парочка горничных уже энергично упаковывала вещи, а тетушка Вэлла вовсю налаживала отношения с Тобольдом. Они громко митинговали на кухне и были настолько увлечены, что пропустили магический кризис. Вообще не заметили, что замок в разгар солнечного майского дня погрузился в тревожные сумерки.

На полу в дверях женской половины тянулась широкая белая дорожка крупной соли. Приподняв подол платья, на цыпочках я перешагнула через линию и обнаружила похожую полосу в дверном проеме гостиной. Раиса с самым деятельным видом, сдувая с лица выпавшие из пучка рыжие кудряшки, сыпала соль из жестяной банки на пороге моей спальни.

– Страшно спрашивать, что ты делаешь? – складывая на груди руки, проговорила я.

Она резко вскинулась, прижала к себе банку и выпалила:

– Ставлю защиту от зла!

– Ты имеешь в виду мировое зло или какое-то конкретное? – уточнила я и втянула губы, чтобы подавить идиотскую улыбку.

Заметно же, что Рая не в себе: глаза блестят, знак двуединого бога снова категорично болтается поверх платья, а рыжие кудри торчат в разные стороны.

– Я видела твоего мужа, двуединый нам помощи. – Знакомым жестом она обвела пальцем вокруг лица, чего не делала уже много дней. – Глаза черные, лицо нечеловеческое, а тень...

– Что с тенью? – мягко уточнила я.

– Живая! – понизив голос до заговорщицкого шепота, поделила она. – Мечется туда-сюда. Вперед-назад и по кругу. Ужас как страшно! Хэллавин сказал, что им завладело первородное зло.

– И ты решила бороться с первородным злом, рассыпав соль, – скептически прокомментировала я. – Хорошо не сахар, иначе завелись бы муравьи. Фостен вспылil. С кем не бывает?

Вообще, думала, что муж непробиваемый, как каменная стена у неприступного форта, но – глядишь же! – внезапно коротнуло. С другой стороны, может, у него просто день с утра не заладился, а тут объявление в газете, нахальные просители и голые мужики в гостиной пляшут. Вот его и накрыло.

– Зря ты смеешься, хозяйка! – покачала она головой и, зажав почти опустевшую жестяную банку под мышкой, вытащила из оттопыренного кармана передника гирлянду из высушенных крупных чесночин. – Дай я на тебя надену оберег!

– Раиса, глубоко дыши. Вдох-выдох.

Я мягко подняла и опустила ладони. Служанка действительно набрала в грудь побольше воздуха и на выдохе проговорила:

– Но оберег возьми!

– Не глупи.

– Ну одну чесночинку! – взмолилась она. – Хоть зубчик разжуй!

– Господи, давай сюда свое ожерелье, – сдалась я, забирая бусы из чеснока. – Осиновым колом не надо запастись?

– Не надо! – энергично затрясла она головой. – Надо осиновой веткой! Моя бабушка говорила, а она в этих делах понимала. Машенька осиновой веткой, и все зло из дома уходит.

Здравый смысл подсказывал, что если я помашу осиновой веткой перед носом раздраженного мужа, то он действительно в два счета

избавится от зла. В смысле, выставит меня из замка и глазом не моргнет.

К вечеру скептицизма во мне поубавилась, а тревожности прибавилось. Рокнест стремительно остывал, словно в самый разгар весенних заморозков в замке вырубili отопление. Пришлось накинуть теплую шаль, натянуть шерстяные чулки и попросить развести огонь в камине. Я бы шубу надела, но это выглядело бы странным.

Со светом тоже происходила страшная чепуха. Он буквально отказался проникать через окна! Казалось, время в замке текло по-иному, нежели за его пределами. В небе еще не погасла закатная розовая дымка, но в комнатах сгустилась ночная темнота.

Как назло, магические светильники зажигались с натугой, трещали, как при перепаде напряжения, а к часам восьми, когда на улице еще было светло, перегорели все лампочки. Просто с хлопком разлетались на фрагменты и таяли. В женских покоях пришлось расставить канделябры со свечами. Я почувствовала себя так, словно попала во средневековый замок. И в нем царила полярная ночь!

– Пойду проверю, что происходит в общих залах, – сказала я Раисе, начиная подозревать, что муж просто решил устроить сеанс воспитания энергичной жены. Отключил на женской половине отопление и перерезал магические провода.

Ничего подобного! Весь замок был погружен в темноту. В красной столовой Вернон разжигал камин. На накрытом к ужину обеденном столе светила парочка трехрогих канделябров, а за окном спокойно засыпали тихие окрестности, окутанные вечерней полупрозрачной дымкой. В общем, обстановка казалась сюрреалистичной.

– И часто такое происходит? – уточнила я, нехотя признавая, что, пожалуй, не все слухи о моем муже всего лишь слухи.

– В последний раз в прошлом году случилось, – припомнил Верон и, держась за поясницу, распрямился.

В камине споро разгорался огонь. Вопреки всем законам физики, тени от язычков пламени, словно живые, растекались по всему обеденному залу и танцевали на стенах.

– Я поговорю с Фостеном, – решила я.

– Госпожа Мейн, поверьте моему опыту, темные дни безопаснее пережить подальше от хозяина, – отсоветовал он. – Лучше запритесь у себя в покоях и не отзываетесь на стук.

– Вернон, вы так зловеще говорите, что у меня волосы шевелятся, – призналась я. – Выставляете Фостена в очень странном свете.

– Он темный маг, госпожа Мейн. – Вернон обвел комнату рукой. – От темной магии пьянеет и превращается в монстра. Хозяин непременно придет за вами...

– Так, Вернон! – перебила я, почувствовав, как по спине действительно побежали мурашки, а волосы на затылке самым натуральным образом зашевелились. – Вынуждена опять задать один неприятный, но сакраментальный вопрос. Пожалуйста, только не лгите. Бывшие жены Фостена действительно живы и здоровы?

– Естественно, – высокомерно подтвердил он. – Они же его не злили.

– Справедливо, – кивнула я. – Полагаете, мне стоит обвешаться чесноком и завести осиновый кол?

– Вам, госпожа Мейн, – дворецкий окинул меня задумчивым взглядом, – не помешает.

– Чудесно, – пробормотала я, кутаясь в шаль и зачем-то проверяя не вырос ли за спиной дражайший супруг, обернувшийся каким-нибудь клыкастым вампиром или когтистым оборотнем. – Теперь вы меня по-настоящему напугали.

– Бойтесь, госпожа Мейн, – жутковато протянул он и вдруг, как ни в чем не бывало, добавил самым будничным тоном: – Ужинать будете?

– Да что-то расхотелось.

– Не стоит пропускать приемы пищи, – пожурил он. – Никто не знает, какая трапеза станет последней.

– Господи, вы для чего это сказали, ужасный человек? – возмутилась я и, подхватив со стола тяжелый канделябр, быстренько сбежала из столовой.

Однако ноги понесли через людские к выходу для прислуги, ведущему на задний двор и к тому самому «домашнему парку». Я решила добыть осиновую ветку.

Чем черт не шутит!

ФОСТЕН МЕЙН

Замок погрузился в темноту, тишину и холод. Во время срывов Фостен всегда поглощал до капли всю магию вокруг себя и жаждал хаоса. Или хотя бы безудержных плотских утех с раскованной женщиной, с которой можно не сдерживаться...

Утром он и не подозревал, что будет заканчивать день в магическом похмелье у открытого окна разгромленной библиотеки. Размеренно дышать, проветривать голову, как глупый отрок, и задаваться одним логичным вопросом. Не то чтобы прежде этот вопрос не приходил на ум, но не вставал так остро.

Он на ком женился?

Очевидно, Ивонна не вышла, а сбежала замуж подальше от дома Артиссов, туда, где никто не заметит ее странностей. Забываясь, она говорила незнакомые слова на чужеземном языке. Была цепким плющом, хитрой лисицей, проницательной ведьмой. Только во внешнем мире не разбиралась ни на унцию. Фостен начал думать, будто жена с большим приветом, расслабился и по мере сил просто получал удовольствие от сумасбродств, не пытаясь птице подрезать крылья.

И если бы не тяжелая ночь, проведенная в погоне по кладбищенской грязи за одержимой демоном дурой, не рыжий кретин в коридоре, ткнувший в лицо Фостену криво выдранный клочок газеты, не четверо полуголых фермеров, устроивших непотребные пляски в гостиной, он не сорвался бы и никогда не увидел, что прятала его жена.

Когда он прижал Ивонну к дивану, на долю секунды ее голубые глаза сделались карими.

– Да твою ж мать! – раздался с улицы ее возмущенный голос.

Слегка опешив (как-то не ожидаешь услышать матерящуюся благоверную посреди томного вечера), он высунулся в окно. В сгустившихся сумерках похожая на призрак Ивонна, уперев руки в бока, стояла перед серебристой авартонской елью.

По традиции семьи Мейн каждому рожденному в замке темному магу высаживали священное дерево. По размеру этого скорбного парка

легко угадывалось, что дар передавался из поколения в поколение: от отца к сыну, от дочери к матери. Как вспыхнул три столетия назад, ни разу не заглох.

– Стой спокойно! – Ивонна погрозила дереву пальцем. – Мне от тебя надо только одну ветку. Готова?

Она же в курсе, что дерево ей не ответит? Да или нет?

Фостен сложил руки на груди и начал наблюдать за дражайшей супругой. Та отбросила в траву шаль и напала на священную ель. Дерево, по всей видимости, дало отпор.

– Черт возьми! – взвыла Ивонна, пытаясь отодрать от ветки спутанные волосы. – Что ты колешься, как будто тебя налысо бреют?

С решительным видом она начала заворачивать волосы на макушке. У Фостена было подозрение, что светлый клочок остался на елочных иголках. Удивительно, как не остался весь скальп.

Ивонна размяла плечи и рванула в атаку. Раздался явственный хруст.

– Чудесно, враг почти повержен, – подбодрила она сама себя.

Задрав платье до колен, леди Мейн уперлась ногой в ствол и начала ветку тянуть, как будто пыталась выдрать зуб у мифического дракона.

– Дедка за репку, – пыхтела она, – бабка за дедку, внучка...

Взвизгнув, Ивонна с размаху уселась на пятую точку прямо в легкомысленном светлом платье с глубоким вырезом, в котором днем кинулась приплясывать с полуголыми фермерами. Или они были дровосеками? Когда Фостен ворвался в гостиную, она как раз вскочила с дивана, готовая броситься в групповые танцы. Он понятия не имел, почему его задел тот факт, что жена не смущается легкого разврата.

Бросив последний взгляд в окно, Фостен развернулся и беззвучным шагом в кромешной темноте отправился в покои Ивонны. На пороге женской половины была рассыпана соль.

Глядя на это безобразие, темный маг только глубоко вздохнул и перешагнул границу. Люди по-прежнему верили, что соль отпугивает зло. Он не удивится, если обнаружит утыканный иголками косяк на двери в спальню...

В гостиной горели свечи, пахло воском и теплым ароматом вишневых поленьев, горящих в камине. Рыжеволосая, кудрявая горничная жены с деятельным видом втыкала булавки в косяк.

– Господин Мейн?! – побелев в цвет простыней, воскликнула она и спрятала похожую на ежа игольницу за спину.

– Брысь отсюда, – вкрадчиво кивнул он.

Девушка опрометью бросилась из покоев в коридор. Раздались быстрые шаги, хлопнула дверь.

Фостен уверенно вошел в спальню, приблизился к туалетному столику, на котором мерцала оплавленная свеча в серебряном подсвечнике, и прикоснулся пальцами к зеркалу. По гладкой поверхности пробежала волна, на секунду исказив отражение комнаты и яркого огонька. Закончив колдовать, Фостен уселся в кресло, сложил ногу на ногу и начал дожидаться возвращения супруги.

Сегодня он собирался выяснить, кто проснулся вместо Ивонны Артисс, когда, заболев, та отдала двуетному душу.

Пятая леди Мейн не заставила себя долго ждать.

– Раиса, я добыла нам еловую ветку! – громко объявила она, аккуратно перепрыгивая через соль. – Слышишь? Ты где?

Ивонна заглянула в спальню, увидела Фостена в кресле и остолбенела. Взлохмаченная, в испачканной одежде и с царапиной на щеке она выглядела дикаркой. В руках была зажата облезлая еловая ветвь.

– Ты за мной пришел? Сожрать хочешь? – выпалила она, указав в него колючей хвойной лапой. – У нас здесь везде соль! Соль не работает, да? Просто продукт напрасно перевели?

– Может, стоило закрыться на ключ? – уточнил он, буравя жену пристальным взглядом.

Кто ты, Ивонна?

– Помогло бы? – быстро спросила она.

– Нет.

– У меня есть ветка! – Она действительно потрясла в его сторону еловой ветвью. – Или она тоже не спасает от первородного зла?

– От первородного зла не защищает ничего, кроме здравого смысла, – спокойно пояснил Фостен. – Кстати, почему еловая ветка?

– Осина в саду не растет, – ворчливо пояснила она. – Решила, что все равно хвойное.

– Сколько себя знаю, осина была лиственным деревом, – заметил Фостен.

– Да ты что! – Похоже, Ивонна по-настоящему смутилась и пробормотала себе под нос очередную странную фразу: – Господи! Ну конечно! Дрожать как осиновый лист... И ведь ничего не насторожило.

Со вздохом она потерла переносицу.

– Проходи, – пригласил он, словно жена вновь забралась в его спальню, а не наоборот. – Нам надо кое-что обсудить.

– Ты прав, – согласилась она. – Раз ты не превратился ни в вампира, ни в оборотня, мы сможем поговорить, как нормальные супруги. Без кровопролития...

Фостен уже не слышал ее странных речей. Пронзительным и внимательным взглядом он смотрел на заколдованное зеркало. В нем отражалась темноволосая женщина с алыми губами и карими глазами. Ухоженная, холеная, та самая: цепкая, хитрая и проницательная. Ее облик как нельзя лучше подходил характеру и повадкам.

Ивонна мимолетно скользнула взглядом по зеркалу, содрогнулась всем телом и резко развернулась. Ветка выпала из ослабевших рук. Словно погрузившись в транс, она остолбенела перед собственным отражением.

Поднявшись с кресла, Фостен приблизился к супруге. Безжалостное заколдованное зеркало показало то, что прятал внутри он: чудовище. Волосы цвета вороньего крыла и глаза, затянутые тьмой.

Он положил ладони на хрупкие плечи Ивонны, заставив ту вздрогнуть, и тихо произнес:

– Самое время рассказать, на ком я женат.

Они встретились глазами в отражении заклятого зеркала.

– Кто ты? – твердо спросил Фостен.

ГЛАВА 6. Свекровь из ада

В глубоком шоке я рассматривала знакомое отражение: резковатые черты, идеально выпрямленные в салоне волосы. Никогда не надеялась хотя бы еще раз увидеть себя в зеркале и почти испытывала благодарность к колдуну, внезапно подарившему такую возможность. Пусть для меня это и означало, что теперь в жизни все изменится.

Мы встретились взглядом в заколдованном зеркале. Глаза Фостена затянула беспросветная темнота, волосы, собранные в небрежный бублик на затылке, оказались иссиня-черными. Самое удивительное, что его инфернальная внешность не пугала и не отталкивала. Я всегда принимала людей такими, какие они есть: с особенностями и недостатками. И в мистическом отблеске свечей мы нелепо друг другу подходили.

Он ждал ответа, кто я. Неизбежный момент признаний настал.

— Я проснулась в теле Ивонны Артисс, когда ее отпевали, — спокойно произнесла я. — Сначала не поняла, что происходит, разобралась и приняла действительность. Никаких стадий принятия. На них не было времени. Поверь, я не демон, как сначала решили в доме Артиссов.

— Это я вижу, — согласился Фостен. Казалось, его ладони на моих плечах были такими горячими, что жар проникал через ткань платья. — Откуда ты?

— Из другого мира, — уронила я.

Уголок его рта дернулся в усмешке.

— Чужеземка?

— Тебя это не удивляет? — усмехнулась я, не понимая, почему, оказавшись в другом мире, сама по-прежнему удивляюсь этому факту. — В моем мире нет магии. Он отличается от вашего. Здесь как будто увязли в нашем прошлом.

— Сколько тебе лет? — продолжал он допрос.

— Двадцать восемь.

— И как твое настоящее имя, чужеземка? — наконец спросил Фостен.

– Мария Александровна Новикова, – не пытаясь сдержать улыбку и смакуя каждый звук собственного имени, назвалась я. Произнести его вслух оказалось большим наслаждением.

Возникла странная пауза.

– Кхм... – Фостен в отражении озадаченно поднял одну бровь.

Учитывая, что в зеркале он выглядел мрачным киношным вампиром, разве что длинных клыков не хватало, жест показался комичным. Словно чудовище смотрит на жертву и не понимает, с какой стороны подойти, чтобы ее вкусно съесть, а жертва все время болтает и отвлекает от размышлений.

– Что тебе не нравится? – искренне возмутилась я.

– У всех такие длинные имена?

– Маша.

Фостен отпустил мои плечи и теперь эту самую бровь почесал.

– И неблагозвучные, – выдал он.

Ранил в самое сердце! У самого, можно подумать, не имя, а симфония.

Я повернулась к нему лицом. Без магического зеркала муж выглядел обыкновенно: привлекательный мужчина чуть старше тридцати. Светлые глаза, платиновые волосы, двухдневная небритость. Под глазами лежали глубокие тени, словно он много дней спал по малу часов. Ничего демонического.

Тем удивительнее, что в заколдованном зеркале по-прежнему отражались другие мы. Казалось, сейчас эти люди заживут собственной жизнью и перестанут повторять наши движения.

– Мария, – сделала я очередную попытку и предложила: – Мэри?

– Я буду называть тебя Мэйри, – мягко предложил он.

Пусть называет, как душа желает, лишь бы сейчас не вспомнил, что женился не на залетной Марии Новиковой из другого мира, а на дочери местных аристократов, и не попросил меня с вещами на выход. Я так вещами и планами обросла, что категорически на выход не желаю! У меня уже слуги, между прочим, появились и приличный повар. Даже два.

– Мэйри, – казалось, Фостену нравится произносить это новое придуманное имя, куда как больше, чем имя Ивонна, – покажешь, где находится твой мир?

– Как понимаешь, я не могу ткнуть в него пальцем на карте.

– Полагаю, что можешь.

Фостен потянулся к зеркалу, чтобы, должно быть, погасить заклятие. Я невольно бросила последний взгляд на свое настоящее лицо, но по гладкой поверхности пробежала заметная невооруженным глазом волна, исказив отражение. Магия потухла и зеркало стало мутным, словно темное колдовство его сильно состарило.

– Идем, – позвал муж.

Озаряя путь горящими в канделябре свечами, мы двинулись в сторону его кабинета. В голову пришла почти безумная мысль, что сейчас Фостен приведет меня к той самой тайной двери. Прямо из темного Рокнеста мы шагнем в мир без магии, раскрашенный электрическими огнями, круглые сутки наполненный шумом... Однако мы просто зашли в двери кабинета. В темноте едва-едва, почти затухая, мерцали вырезанные на дверцах шкафов символы, отдаленно похожие на иероглифы. В этих магических сейфах скреблось, постанывало и шепталось неведомое зло.

Внутри нелогично вспыхнуло разочарование, что никаких волшебных переходов не предвидится ни сейчас, ни в обозримом будущем. И, скорее всего, вообще никогда.

Муж вручил мне канделябр и по-простому попросил:

– Посвети.

– Долго мы будем жить без света и тепла? – проворчала я, поднимая свечи повыше.

– Через пару дней магия вернется в замок, – отозвался он и раскрыл дверцы шкафа.

Я почти приготовилась, что изнутри выскочет бабайка, но на полках мирно лежали деревянные футляры. Фостен вытащил один, скомандовал мне сдвинуть на рабочем столе все лишнее и пристроил ящичек на освободившееся место. Громко щелкнули застежки. Под крышкой лежал большой соединенный четырьмя металлическими кольцами альбом размером в половину учебного ватмана.

На верхнем листе был нарисован и пронумерован единицей магический мир, ставший мне домом. Узнать многочисленные раздробленные материки оказалось легко. Я никогда не страдала плохой зрительной памятью, а уж на карту нового мира, висящую в учебном классе в доме Артиссов, налюбовалась от души.

– Зачем тебе знать, откуда я? – пристраивая канделябр на край стола, спросила у мужа.

– Любопытство, – признался он. – Маги, умеющие выходить из своего тела и путешествовать между мирами, уже давно не рождаются. От них остались только атласы и старые манускрипты. Не думал, что когда-нибудь встречу чужеземку.

– И женишься на ней, – добавила я исключительно ради профилактики, чтобы не забывал, что перед лицом его двуединого бога мы по-прежнему крепко-накрепко женаты. Пока развод или какой-нибудь другой апокалипсис не разлучат нас. В смысле, Фостена, меня и Рокнест.

– И женюсь на ней, – согласился он, пряча усмешку в глубине светлых глаз и в уголках губ.

С интересом я начала перелистывать большие страницы. Все карты рисовали чернилами от руки, но с такой точностью и педантичностью, что любо-дорого посмотреть. Название морей, океанов и количество континентов везде отличалось. Оставались одинаковыми форма материков, непременно вытянутая к югу, и стороны света.

Некоторое время тишину кабинета тревожили лишь потусторонние шорохи, доносившиеся из шкафов, и шелест листов. Бумага была старой, пористой, плохо скользила по кольцам. Казалось, что порвется от любого неосторожного движения.

– Много ты оставила в своем мире? – внезапно спросил муж.

– Много. Целую жизнь, – согласилась я и наконец наткнулась на знакомую с детства карту собственного мира. – Подожди, почему он тринадцатый? Что за несчастливый номер? Сколько вообще миров?

На самом деле, в альбоме оставались непроверенными только две страницы. Хорошо, на последнее место не поставили! Как-то стало обидно за малую родину.

– Твой мир отсталый, – пояснил Фостен.

– Сказал маг, сидящий в замке без света и тепла, как в лютном средневековье, – не осталась я в долгу. – У нас, чтобы ты знал, пещерный человек, цивилизация, мобильная связь и корабли бороздят безграничные просторы космоса!

Фостен снисходительно слушал запальчивую речь и смотрел, как я указываю пальцем в потолок, имея в виду бескрайнее небо над замком

Рокнест.

– Ладно, – пришлось померить пыл, – пока не бороздят просторы космоса, но скоро начнут. У нас давно на Марс собираются, а у вас тут Марс разве что ретроградным бывает. В смысле, Меркурий. Ну ты понял...

– Не понял, ты сказала слишком много иномирных слов, – заметил он.

– Извини, – вздохнула я. – Просто можно больше не притворяться местной, и я расслабилась.

– А ты притворялась? – с иронией уточнил он, давая понять, что аристократка из меня вышла неубедительная. – В твоём мире нет магии, поэтому его посчитали отсталым.

– Зато в моём мире есть электричество, – снова вступилась я за родной дом. – Очень полезная штука, между прочим. Ты у нас чихнул, а в замке свет закончился и отопление пропало. В следующий раз чихнешь, вообще крыша слетит. И все из-за вашей хваленой магии.

Для экспрессии я взмахнула руками, и в канделябре погасли две свечи из трех, а последняя затрепетала, грозя окунуть нас в полный мрак. В ответ, словно почувствовав, что света стало меньше, в шкафах заскреблились с удвоенным энтузиазмом.

Возникла пауза. Мы с Фостеном посмотрели друг на друга.

– Думаешь, я смогу вернуться? – спросила я.

– Нет. – Он не пытался юлить. – Тебе некуда возвращаться, Мэйри.

Очевидно, для моего мира Мария Новикова мертва. Я давно приняла этот факт и с первой минуты, когда обнаружила, что застряла, не питала надежд, но внутри все равно отчего-то сжалось.

– Умеешь ты быть честным, – пробормотала на выдохе. – Теперь, когда ты обо знаешь все, как мы поступим дальше?

– Сколько тебе надо времени, чтобы собрать вещи? – немедленно спросил он да с такой подозрительной охотой, что захотелось потушить последнюю свечу и устроить ему темную.

– Ты серьезно? Больше не считаешь идею изображать супругов хорошей?

– Идея неплоха, но в замке стало шумно... – Он многозначительно примолк.

– Между прочим, соглашение я подписывала собственной рукой, своей росписью, а не Ивонны Артисс! – не моргнув глазом, соврала я.

– И суетливо.

– Ладно, просто скажи свои условия, – сдалась я.

– С этого момента ты будешь приходить ко мне прежде, чем принимать решения.

– А если я просто захочу купить булавки?

– Решения, не связанные с покупками.

– А лошадь?

– Тебе хватит трех дней, чтобы собрать вещи? Скоро полнолуние, отличное время расторгнуть брак...

– Господин Мейн, вы же темный маг! Никогда не подумала бы, что опуститесь до шантажа, – с фальшивым неодобрением покачала я головой. – Ты же в курсе, что принимать общие решения – это признак крепкой и дружной семьи?

– Ну мы же женаты, – хмыкнул Фостен.

Мы скрепили соглашение рукопожатием. Долго смотрели глаза в глаза, на расцепляя пальцев, пока внезапно сама собой не погасла последняя свеча. Казалось, кто-то невидимый дунул на язычок пламени, кабинет погрузился в кромешную темноту. Инфернальные шорохи и шепотки стали еще громче.

– Почему в твоём кабинете так жутко? – прошептала я.

Сначала Фостен зажег один огонек, и по стенам расползлись кривые, вытянутые тени. Потом, сжав между пальцами фитиль, запалил другую свечу.

Пока мы добирались до женской половины замка, а идти одна по темным коридорам я наотрез отказалась, оплавленные свечи гасли три раза. Меня не покидало странное ощущение, будто из густого мрака за нами кто-то наблюдает.

В гостиной обнаружилось ночное собрание из подремывающего в кресле дворецкого, хмурого секретаря, как раз широко зевнувшего в кулак, и моей зареванной горничной. Разгоняя холодный воздух, она маячила туда-сюда. Огонь в камине почти погас, в зале сгущался тяжелый влажный холод, и ни одна сволочь не разворошила угли и не подкинула поленьев.

Внезапно дворецкий хрюкнул, клюнул воздух носом и пробудился.

– Доброй ночи, господин Вернон, – хмыкнула я, встав на пороге. – У вас тут поминки или вечеринка?

– Хозяйка! – страшным голосом простонала Раиса и громко всхлипнула. – Жива и здорова!

Оплавленные свечи залили пол восковыми кляксами. Скорбящие, явившиеся на женскую половину, разнесли соль от порога по всей гостиной. Нетронутый графин с варейским вином, когда-то утащенный из спальни Фостена, оказался не просто тронут, а выпит насухо, но по-прежнему стоял на подносе в центре стола.

– Вы пьяные, что ли? – протянула я.

– Служанка сказала, что господин Мейн пришел за вами, – печальным голосом пояснил Вернон и поерзал на диване.

– Мы о тебе очень сильно волновались! – принялась заступаться Раиса. – Даже господин Хэллавин очень переживал!

– Неужели? – Я бросила взгляд на секретаря.

Он как раз прикрыл рот кулаком и едва не сворачивал челюсть в очередном в сонном зевке. Сразу видно, что варейское вино добротной крепости самым положительным образом сказалось на его нервной системе.

– Вы еще не оплатили заказанный сервиз, – с индифферентным видом пояснил Хэлл. – На следующей седмице его должны доставить в замок.

– И вы дружно решили выпить за упокой моей души? – с иронией предположила я.

– За милосердие и здравомыслие господина Мейна в темные дни, – с пафосным видом объявил Вернон.

– Прозвучало так, будто вы тут не только пили, но и молились, – со смешком заметила я.

– Хозяйка, а что у тебя такое на лице? – вдруг присмотрелась Раиса, слегка сощурившись. – Ты ранена! Хозяин превращался в зверя?

– Я сейчас тоже превращусь в зверя, если вы дружно не прекратите нести чушь, – раздраженно проговорила я. – Безмерно благодарна за беспокойство, но давайте расходиться по комнатам. Мне кажется, господа, вы задержались на женской половине.

– Вы правы, леди Мейн, – согласился Вернон и, держась за поясицу, тяжело поднялся с дивана. – Только Тобольда заберем и

пойдем. Бедняга так заливался слезами, что пошел умыться в туалетную комнату и пока не вернулся.

В ванной повара не оказалось. В большом зеркале отражались трепетные огоньки свечей, в углах лежала глубокая темнота. В большой задумчивости мы с Раисой переглянулись.

– Куда он мог деться? – пробормотала я.

Внезапное исчезновение замкового шефа, помноженное на гадкое ощущение, будто за нами наблюдают старые стены, рождало весьма странные мысли. Казалось, Рокнест его поглотил.

– Может быть, в гардеробную случайно завернул или под кровать закатился? – предположила Раиса. – В потемках-то не грех заблудиться, а у нас тут вдруг все свечи погасли. Заново пришлось зажигать. Я быстренько проверю, может, горемычный закрылся в шкафу и выйти не может...

Внезапно со стороны глубокой широкой ванны, в которой было так приятно поваляться, взбив розовую пену с густым запахом пачули и чего-нибудь еще типично мужского, типа, цветка апельсина, донесся странный звук. Нечто среднее между кряканьем и слабым рыком.

– Вы слышали? – остановила я бравую троицу.

– Монстр на озере завыл? – шепотом уточнил Вернон.

– А в озере живет монстр?! – охнула Раиса, прижав к груди сжатые кулачки.

– До сегодняшнего вечера не было, – пробурчал Хэллавин, но одним ухом в сторону окна внезапно повернулся, словно именно этим ухом лучше слышал.

В холодной тишине потек сладкий довольный храп. С трудом воздержавшись от емкого словца, я приблизилась к медной ванне. На дне, положив под голову поварской колпак, а под щеки сложенные ладони, вдохновенно храпел потерянный повар. Сверху он был прикрыт еловой ветвью. Видимо, спасался от первородного зла.

– У меня только один вопрос... – уперев руки в бока, повернулась я к сбившейся в кучку троице.

– Мы скорбели! – немедленно принялся защищаться Вернон.

– Я провела в кабинете господина Мейна меньше получаса, – сседила я, – как за это время вы умудрились доскорбеться до моей ванны?!

– Мы искренне и отчаянно скорбели! – пробормотал дворецкий.

– А еще Тобольд плохо переносит крепкие напитки, – пояснил Хэллавин. – Наследие корабельной жизни. У него сразу начинается морская болезнь. Обычно он воздерживается, а тут так расстроился, что начал скорбеть энергично и залпом.

– Так... – Я выдохнула и вдруг снова почувствовала себя начальником, попавшим на корпоратив, где абсолютно все менеджеры по продажам пошли в страшный разнос. – Вытащить его из ванны, отнести... отвести в комнату и разойтись. Узнаю, что вы решили отпраздновать мое счастливое возвращение – всех оштрафую!

– Я не получаю жалование, – нахально напомнил Хэлл, намекнув, что ему любая денежная угроза нипочем.

– Приедет сервиз, выдам половину тарелок! – пригрозила я.

Из ванны повар вытаскиваться решительно не желал и отмахивался от нас, как от нечисти, еловой веткой. Приводили в чувство холодной водой, полившейя прямиком на голову из душевой лейки, и именем Фостена Мейна. Было подозрение, что именно упоминание моего страшного в гневе мужа заставило Тобольда шевелиться. Могу поклясться, когда он переваливался через бортик, за спиной раздалось inferнальное хихиканье, словно колдун за нами наблюдал.

– Светлый лик двуединого! Хозяйка, ты совсем живая! – признав меня, воскликнул повар.

– И недовольная, что ты полез спать в ее ванну. Тебе на полу, что ли, не лежалось? – проворчал Вернон. – Давай, друг мой, опирайся на плечо Хэллавина и пойдем.

– Почему я один его потащу? – сцедил Хэлл, совершенно не вдохновившись ролью грузчика.

– У меня сорвана поясница, – пояснил дворецкий, помогая хмельному приятелю повиснуть на секретаре.

– Но плечи-то у вас, господин Вернон, не сорваны, – проворчал тот, потихонечку продвигаясь с поваром в сторону выхода.

– А где моя еловая ветвь? – внезапно воскликнул Тобольд и попытался потянуться за еловой ветвью в моих руках, чтобы отобрать трофейную пугалку для нечисти.

– Зачем тебе этот колючий веник? – проворчал дворецкий.

– Вместо осины! – захныкал он, нехотя шаркая нетвердыми ногами к дверям. – Они же обе хвойные.

В этом дурдоме радовало одно: не только я сегодня талантливый ботаник.

Наконец все скорбящие покинули покои. Я привела себя в порядок, расправила кровать и специальным колпачком потушила все свечи кроме той, что осталась гореть возле испорченного зеркала. Чувствуя себя почти сумасшедшей, я пристроила еловую ветку на соседнюю подушку и залезла под одеяло.

Разбудило меня неприятное ощущение чужого присутствия. Казалось, что в лицо веяло ледяным сквозняком. Я резко открыла глаза. В темноте надо мной парило полупрозрачное привидение со скорченной мордой и черными провалами вместо глаз. Мы фактически терлись носами и было не очень понятно: оно хотело меня напугать, придушить или просто рассматривало с экстремально близкого расстояния.

Всегда считала, что у меня железные нервы, но магический мир даже из хладнокровного человека делает буйного психа. Сознание помутилось от ужаса. Истерично взвизгнув, я схватила с подушки еловую ветку и с размаху ударила призрака.

Инфернальная дрянь развеялась дымом. Злой сквозняк взлохматил занавески, пронесся по комнате и затушил единственную свечу. Не запомнила, как скатилась с кровати, но внезапно обнаружила, что стою посреди комнаты и, тяжело дыша, вытягиваю вперед ветку, как рапиру. Иголки чувствительно впивались в ладонь.

– Все в порядке, – пробормотала я себе под нос, – просто приснилось.

За спиной прозвучало тоненькое хихиканье. Ледяное дыхание обдало шею и в ухо шепнули:

– Чужая...

Я не шарахнулась в сторону, а скорее отпрыгнула, намереваясь дать деру из спальни, и врезалась коленом в деревянный угол тяжелого пуфика. Резкая боль прошила все тело. Ветка выпала из рук. Ощущение было такое, будто колено сломано напрочь. Теперь почернеет, распухнет и, наверное, отвалится вместе с ногой.

Паника мгновенно сменилась яростью.

– Да какого черта ты задула свечу, потусторонняя тварь?! – рыкнула я, плохо осознавая, что воплю на агрессивную хтонь.

Ни ледящего кровь хихиканья, ни бесовского шепотка в ответ не прозвучало. Подозреваю, на эту хтонь никогда не орали дурными словами. Она опешила от нового опыта и потеряла дар речи.

Боль медленно отпускала. Тихо поскуливая, я осторожно согнула колено, а потом присела на устроивший дерзкую засаду пуфик. Дрожащими руками (уже не поручусь: от нервов или от ярости) я открыла шкатулку с длинными спичками, чиркнула по шероховатой поверхности внутри крышки и подняла огонек к свече... Из испорченного зеркала на меня смотрела страшная рожа из фильма ужасов.

– Да твою ж мать! – рявкнула я, дернувшись всем телом.

Спичка в отличие от свечки оказалась надежной и не погасла ни от благородного мата, ни от резкого движения.

И тут до меня дошло! Никак животворящее ругательство прояснило мозг.

– Луиза Мейн? – вопросительно проговорила я.

Почудилось, что отражение в зеркале мигнуло, и вместо inferнальной хтони на мгновение появилась женщина с темными неживыми глазами, как на черно-белом дореволюционном снимке.

– Мама! – громко провыла я.

Кажется, из зеркала донесся странный звук. Не уверена, что призрак мог подавиться на вздохе. Они ведь не дышат.

– Да как же я вас не признала-то?! Простите, что назвала тварью. Чудесно выглядите! Вы к нам надолго?

Она мигом исчезла. Оскорбилась, что ли? Поди, никто не смел называть матерью свекровь из рода Мейн, сумевшую обмануть смерть.

Пальцы обожгло. Я не заметила, как пламя съело тоненький спичечный стебелек, и поспешно потрясла спичку, загасив ее. Тут же схватилась за новую и запалила свечу.

– Мама, вы где? – Подняв подсвечник выше, я осторожно встала с пуфика и огляделась. – Вы по окрестностям замка не соскучились? Может, вам окошко открыть? Летите на улицу! Погода нынче ночью чудесная.

– Какая я тебе мать? – донесся из гостиной скрипучий, пробирающий до мурашек голос, а секундой позже в лицо ударил сквозняк.

Свеча погасла. Комната погрузилась в темноту.

– Госпожа Мейн, прекратите меня пугать! Иначе вашему сыну пожалуюсь! – рявкнула я.

Кому расскажешь, что с призраком свекрови ругалась, точно посчитают сумасшедшей. Даже в магическом мире посчитают и вызовут лекарей, чтобы подлечили мне голову в местном дурдоме.

– Вот прямо сейчас Фостена и приведу! – пригрозила я, доставая из шкатулки очередную спичку. – Пусть он с вами разбирается. Мне бабуля говорила, что со свекровью надо дружить. Но вы, прости господи, свекровь из ада!

Огонек от спички вцепился в кончик прогоревшего фитиля, и на оплавленной свече вытянулась рыжая пика пламени. Тусклый свет не мог распугать мрачные тени, но заставил их отступить на два шага.

На границе тьмы стояла Луиза Мейн.

– Да черт возьми, я заикой останусь! – выругалась я. – Нельзя без внезапностей?

Призрак был похож на высокую женщину со старинного черно-белого снимка и вызывал желание помолиться, а потом с миром уйти в обморок. Так и поступила бы, но времени повалиться без сознания не было. Если не я, то кто отселит свекровь с моей половины замка к ее обожаемому сыну?

– Ты не похожа на других его женщин, чужачка, – прошелестела она.

Голос смолк, а бесцветные губы продолжали шевелиться, словно наложенный звук, как в испорченном видео, чуток опережал картинку.

– Вы просто недостаточно энергично благословляли их на долгую жизнь с вашим сыном, – проворчала я. – Поверьте, кто угодно после встречи с вами будет выглядеть не огонь. Я вообще скоро поседею. Проведайте Фостена. Он искренне обрадуется встретить любимую мать.

– Только живые входят в покои темного мага, – проскрипел потусторонний голос.

– Да неужели? – протянула я. – Доставить вас к нему в комнату?

– Готова уступить мне тело, чужачка? – В мгновение ока она оказалась нос к носу со мной. – Дашь примерить?

– Имейте совесть, мама, – резковато отказалась я. – Мне и самой в этом теле уютно. Но есть идея! Уверена, вам понравится...

Если бы привидения умели демонстрировать эмоции, то при виде декоративного заварочного чайника, доставшегося мне от одной из предшественниц, Луиза Мейн явила бы собой воплощенное возмущение. Между прочим, посудину я обтерла о ночную сорочку и вытряхнула какую-то шелуху. Сервис как в пятизвездочном отеле!

– Вот и карета подоспела! Забирайтесь, мама. – С улыбкой я поставила пузатенький, носатенький чайник на стол. – Конечно, там пыльно, но и ехать в нем недолго.

Призрак исчез. Я осторожно огляделась, опасаясь обнаружить его за спиной. Вдруг хитрость не сработала? Луиза озверевает и попытается засунуть в чайник меня саму.

– Мама, вы уже там?

Посудина в ответ затряслась.

– Ага, прекрасно. Я вас крышечкой прикрою, чтобы по дороге не выпали.

Плюхнув со звоном крышку на чайник, я схватила со стола оставленный Хеллавином носовой платочек с вышитыми инициалами.

– Еще дырочку платочком заткну, – ласково проговорила призраку. – Вдруг вы чихнете и вылетите из носика?

А потом взбеситесь и снова начнете вести себя, как последняя паршивая хтонь, а не призрак благородной ведьмы.

Поспешно запихнув платок, я почувствовала, как напряженные мышцы расслабляются. Уперевшись ладонями в край стола, опустила голову и перевела дыхание.

– Мы трогаемся, – предупредила Луизу и, взявшись за чайник, крикнула.

С призраком внутри он стал таким тяжелым, как целый самовар чая. Кто бы знал, что бестелесные духи обладают реальным весом.

– Мама, не хочу вас обидеть, но что вы едите на том свете? Завязывайте с темной магией, – проскрипела я, прижимая переноску для призрака к животу. – Клянусь, в последний раз такую тяжесть я таскала в спортивном зале. И это был блин от штанги!

Разбудить Раису, чтобы та верным оруженосцем несла канделябр, не удалось. Она открыла глаза, села на кровати, как робот, и легла обратно, не приходя в сознание. Никакого прока! Варейское вино, принятое во время скорбного собрания, подействовало лучше любого снотворного.

Держать свечку в одной руке, а в другой нести нашу увесистую маменьку, я не сумела. Едва не выронила чайник на лестнице в холле и сдалась. Подсвечник остался на широких перилах, а я входила на мужскую половину в темноте, разбавленной сизым лунным светом. Седые лучи сочились из единственного окна в самом конце коридора.

В отличие от женской половины, где жизнь в полярную ночь была бодрым ключом, у супруга царили раздражающая тишь и бесящая благодать. Ей-богу, из чувства справедливости выпустила бы беспокойную маменьку из чайника. Почему только я страдаю? Пусть ненаглядный сын лично ее вылавливает. Однако от вредительства останавливала уверенность, что Луиза немедленно вернется в мою спальню и продолжит чудить.

В двери мужниных покоев я постучалась ногой, ответа не дождалась и локтем кое-как опустила ручку. В спальне тлел камин, в канделябре, облепленном стекшим воском, догорали свечи.

Уложив руки за голову, Фостен спал на высокой кровати королевских размеров. Одеяло сползло до пояса, открыв замечательный торс. Видимо, темным магам замковый холод был нипочем. Постояла бы полюбовалась, но сейчас не до эстетического наслаждения красотами недоступного ни в каком виде мужского тела.

– Господин Мейн, вставайте! – громко позвала я и подставила отбитую коленку, чтобы чайник с моей ненаглядной свекровью не выпал из дрожащих от напряжения рук. – Фостен, боже! Возьми свою мать и сделай с ней что-нибудь! Она чертовски тяжелая.

До тяжеленькой матери «заботливому» сыну не было никакого дела. Признаков сознания и пробуждения Фостен не подал. Вообще, сегодняшней ночью у всех жителей замка Рокнест удивительно крепкий сон, и только я исполняю бойкую цыганочку. В темноте и в паре с призрачной свекровушкой.

Пришлось ее, закрытую в переноске платочком и крышечкой, пристроить на стол возле графина с вином и снова атаковать мужа. Я забралась на кровать и потрясла его за плечо:

– Фостен, проснись же!

Секундой позже он сделал резкий выпад: схватил меня за запястье и дернул на себя. Ойкнуть не успела, как уткнулась носом в крепкую мужнину грудь, а сверху меня категорично придавило тяжеленькой ладонью.

– Спи, – промычал он.

– А мне дают? – извиваясь ужом, возмутилась я.

– Не елозь, беспокойная, – сонно пробормотал тот, – я хочу выспаться.

– Да зашибись! – разозлилась я. – А мне хотелось таскать по замку твою мать?!

– Ты невероятно горячая, когда сквернословишь, но давай сегодня спать, – прошептал он и ловко повернулся, подминая меня под себя.

В мгновение ока я оказалась прижата к матрацу, придавлена поперек ребер сильной рукой. Волосы лезли в лицо, дышать было нечем.

– Фостен... – сцедила я.

Сверху бедра припечатало тяжелой ногой. Если подумать, дома я точно так же обнимала большого плюшевого гуся, которого на работе подарили девчонки из секретариата. Они долго хихикали, что спать в одиночестве женщине под тридцать запрещено законом и всучили на день рождения игрушку в человеческий рост. Когда я везла ее в такси, водитель смотрел на меня через зеркало и ухмылялся. Полагаю, вид у нас с гусем был унылый.

– Господин Мейн, лежать под вашим боком очень уютно, но ваша матушка сейчас с нами. – Изловчившись, я пихнула острым локтем ему в ребра. – Немедленно проснись! Ты должен ее утихомирить.

– Мэйри? – Фостен очнулся резко, словно в один момент включился. – Что ты делаешь в моей кровати?

– Насчитываю штрафы! – съязвила я. – По нашему соглашению, ты мне уже должен кучу денег. Убери ногу, если не хочешь разориться!

Он откатился. Дышать сразу стало легче, подвижность вернулась. Повозившись, я села и недовольно заправила за уши взлохмаченные волосы.

Муж растер лицо ладонями, видимо, пытаясь привести в порядок мысли и проговорил:

– Так, давай с самого начала. Ты сказала, что моя мать снова объявилась?

– Именно! Говори потише, – перешла я на шепот, – она нас слышит. Луиза возникла в женских покоях и вела себя, как чокнутая барабашка. Позволь сказать одну вещь. Если она таким образом благословляла всех твоих жен, тогда мне понятно, почему они

утаскивали сервизы и лошадей. Это моральная компенсация за общение со свекровью!

– Она в твоих покаях?

– Нет, она на твоём столе. – Я кивнула на маленький столик.

Возникла странная пауза. Фостен недоверчиво смотрел на пузатенький чайник. Со стороны казалось, будто тот выплевывал из носика платок.

– Луиза в чайнике? – с расстановкой произнес он.

– Ну извини, – развела я руками. – Погребальной урны у меня под рукой не оказалось. Что смогла найти, в том и принесла. Еле дотащила, между прочим. Это вообще нормально, что призрак весит, как чугунный мост?

– Как ты сумела засунуть ее в чайник?

– Силой убеждения.

– Поверить не могу, – пробормотал он себе под нос и поспешно скатился с кровати. – Луиза Мейн полезла в чайник, как паршивый джинн?

– Паршивым джином она станет, если ты ее к этому чайнику привяжешь, – заметила я, с интересом рассматривая широкую красивую спину мужа, узкую талию и длинные ноги, скрытые черными штанами.

– Постой! – Резко обернулся Фостен. – Что ты сказала?

– Да я много что сказала, – заметила я.

Впервые с момента знакомства муж одарил меня чарующей улыбкой, внезапно смягчившей черты лица. Тот факт, что он умел улыбаться, показался ошеломительным.

– Умница, Мэйри.

– Спасибо, конечно, – протянула я, – меня впервые хвалят за болтливость.

Между тем он приблизился к столу. Носовой платок внезапно затрепыхался, как реющее на ветру знамя. По всей видимости, Луиза пыталась его выковырять из дырочки, но не добилась успеха. Фостен обхватил чайник ладонями и начал что-то бормотать под нос.

Пока я неловко слезла с кровати, искала домашние туфли и скакала на одной ноге, пытаясь поправить замятый задник, все было кончено. Он поднял крышку, и призрачная свекровь злым смерчем вырвалась наружу. С леденящим кровь завыванием она взмыла к

потолку и... застряла на середине пути. Дернулась, пытаюсь освободиться, но полупрозрачный хвост крепко-накрепко сидел в чайнике, как приколотенный к днищу гвоздями. Сын действительно превратил ее джинна.

Сложив руки на груди, некоторое время Фостен наблюдал, как матушка беснуется, пытаюсь освободиться. Следить за ее безуспешными попытками сбежать из чайника было жутковато.

– Негодный мальчишка! – в ярости прокрипел призрак. – Как ты посмел?

– Не скажу, что я рад вас снова видеть, мама. Но раз вам не спится в родовом склепе, то посидите в чайнике. Предупредите, когда будете готовы вернуться к отцу, – спокойно проговорил Фостен и вернул крышку на место.

Луиза исчезла.

– И где находится родовой склеп? – подозревая неладное, спросила я.

– В подземелье под замком.

– Ага. – Я обтерла ледяные от холода ладони о ночную сорочку. – И много еще родственников захотят благословить нас на счастливый брак?

– Остальные оказались достаточно мудрыми, чтобы не оживать.

– Хорошая новость. – Я указала в его сторону пальцем. – Вообще лучшая за сегодняшнюю ночь! И раз свою мать ты утихомирил, а других Мейнов не предвидится, то...

– Да? – уточнил он.

– У тебя есть варейское вино? Что-то нервишки начинают шалить.

С полуулыбкой на устах Фостен галантным жестом указал на кресло возле столика. Невольно мне вспомнилась первая брачная ночь, когда он предложил отметить развод.

– Просто с собой хочу забрать, – пояснила я и, аккуратно обойдя его по дуге, забрала графин. – Спокойной ночи, Фостен. Пойду к себе.

– Но ты уже здесь, – вдруг уронил он, бросив на меня прошивающий взгляд.

– И что?

– В замке сегодня холодно. Оставайся, Мэйри.

– Ты забыл? Совместные ночевки в наше соглашение не входят, – намекнула я, что предложение о брачной ночи имело ограниченный

срок, и он уже прошел. – Но должна сказать, что твоему умению переобуваться в полете можно только позавидовать. Не ты ли предложил мне собрать вещи?

Вопрос остался без ответа. Пауза была пропитана сарказмом невысказанных слов.

– Ладно, – не настаивая, очень буднично согласился Фостен. – Я тебя провожу.

– Нет-нет. Ты меня сегодня уже провожал. Это плохая примета. Точно до утра будем туда-сюда ходить. – Я подняла единственный канделябр с почти прогоревшими свечами. – После явления твоей матушки мне уже ничего не страшно.

И потом всю дорогу до женских покоев я пыталась справиться с буйными фантазиями. В голову лезли странные мысли, чем именно можно заниматься в темных залах замка Рокнест, пока все жители спят, а единственный призрак уже заточен в чайник. Признаться, я даже холода не чувствовала. Более того, чуток согрелась.

Следующий день в замке выдался тяжелым. Устроившие скорбную сходку страдали похмельем и не смели поднять взгляд. Тетушка Вэлла откармливала их острой рыбьей похлебкой. Я просто не выпалась и пребывала в самом поганом настроении. Остаток ночи мне снилось жаркое непотребство с мужем в главной роли, проснулась разбитая. Руки ныли, голова нещадно болела, да еще першило в горле. Очевидно, Ивонна Артисс была не приспособлена к жизни в холодном замке.

Что случилось с Фостеном осталось тайной, но на завтраке он сидел с таким видом, словно хотел огреть темной магией любого, кто подаст голос. Возможно, тоже мучился похмельем после магического срыва. Или же угрызениями совести, что само по себе очень сомнительное утверждение.

Перед самым обедом тишину притихших замковых коридоров разрезал вопль Хэллавина. От его короткого, но пронзительного крика слуги едва не выронили тяжелый зеркальный столик, который спускали с чердака взамен испорченного темным колдовством. Катастрофа едва не случилась на входе в библиотечную башню, и все с большой опаской посмотрели через темную арку на винтовую лестницу.

– Несите в покои. Раиса покажет, куда ставить, – скомандовала я, а сама поднялась в библиотеку.

Уютный зал с галереей был разгромлен. Шкафы стояли открытыми, сброшенные с полок фолианты валялись где ни попадя. Бумаги и письма рассыпались по полу. Посреди бардака стоял Хэллавин. Свет по-прежнему с трудом проникал сквозь окна, воздух казался седым и хмурым, словно внутри Рокнеста царила дурная погода. Обстановка выглядела фантасмагоричной.

– Почему библиотека? – с болью в голосе обратился ко мне секретарь и погрозил маленьким коричневым конвертом, запечатанным сургучом. – Почему хозяин не отправился в родовой склеп?

– Задайте этот вопрос Фостену. В любом случае, я полночи таскала по замку чайник с ожившей Луизой Мейн, – кивнула я.

– Она пробудилась? – У Хэлла вытянулось лицо, и он быстренько огляделся вокруг, словно опасался обнаружить мою ненаглядную свекровь на фоне окна.

– Не пугайтесь, из чайника Луиза не выберется, – уверила я. – Она наказана.

– Пришлете мне в помощь горничных? – попросил секретарь.

– Хэллавин, вы вчера так искренне скорбели...

– В общем, не пришлете, – буркнул он.

– Лучшее лекарство от похмелья – физический труд, – с умным видом изрекла я. – Но помогу дружеским советом, как не состариться на службе у Фостена. Вам сколько еще выплачивать долг по ипотеке?

– Госпожа Мейн, я все время стесняюсь спросить, что такое «ипотека». Какое-то проклятье?

– Натуральное проклятье. Длится долго, вытягивает все жилы, – согласилась я. – Тридцать лет в кабале у расчетного дома. Сколько вам еще служить?

С серьезным видом Хэллавин принялся изучать внутреннюю сторону запястья: водил по нему пальцем и считал. Губы беззвучно шевелились.

– Вы на руке зарубки, что ли, делаете? – любопытствовала я.

Он продемонстрировал рисунок, состоящий из ровных рядов черных точек. Нескольких не хватало.

– Появились после подписания договора. Осталось всего-ничего. Двадцать два года.

– Тогда поделюсь уникальным знанием, как можно уменьшить срок по ипотечным выплатам. Делайте сразу большие взносы. Мне удалось скосить пять лет... – Я осеклась, понимая, что сильно разговорила. – В общем, вместо маленьких услуг, придумывайте большие дела.

– Но я не в состоянии творить зло в масштабах! – воскликнул он.

– Какое еще зло? – не поняла я. – Послушайте, Хэлл, не надо ни творить, ни вытворять, а то решите сколотить армию мертвецов и скажете, что я надоумила. Просто... наведите порядок в библиотеке. Предъявите потом Фостену. Учитывая разгром, вам месяц за сутки засчитается.

– Думаете?

– Вы ничего не теряете.

– Я тут здоровье потеряю, пока разберусь, – проворчал он, тоскливым взглядом обзрев творившийся беспорядок, и посмотрел на письмо в руке: – Кстати, это вам. Прислала мадам Вайри.

Нахмурившись, я забрала конверт и кое-как вскрыла – сургуч намертво прилип к бумаге. Хозяйка агентства по найму прислуги написала, что хочет завтра заглянуть в замок с визитом. Видимо, очень стало любопытно, как мы справились с наплывом работников без помощи профессионала. Или по округе уже поползли неприятные слухи, что в замке действительно творится чертовщина.

– Хэлл, а когда пришло письмо? – уточнила я.

– Со вчерашнего дня лежало в почтовой шкатулке, – признался он. – Но в замок сначала приехали люди, а потом хозяин взбесился. Я не проверил корреспонденцию.

– Который сейчас час?

Выходило, что мадам, если она не страдала отсутствием пунктуальности, уже была где-то на подъезде к замку, а то и вовсе выгружалась из экипажа.

В холле мы появились одновременно. Я пыталась со скоростью горной лани преодолеть расстояние от библиотечной башни к общей гостиной, когда Вернон, утепленный душегрейкой прямо поверх форменного камзола, открыл для визитерши входную дверь.

Теплый воздух и солнечный свет хлынули в мрачный холл и внесли мадам. Одета она была по погоде, но не для наших холодов, и ее передернуло. Потом она увидела огромный затянутый черной непроницаемой вуалью портрет с двумя глазами в дырках и не сразу обнаружила меня на фоне inferнальной красоты.

– Леди Мейн! – воскликнула мадам, шустро перебирая ногами в мою сторону. – Как приятно, что вы встречаете меня лично!

Куда ж мне деваться с подводной лодки?

– Добро пожаловать в замок Рокнест, мадам Вайри. Не ожидала, что вы решите нас посетить.

– Хотела узнать, как вы поживаете, – изобразила она фальшивую улыбку. – Ну и составить вам компанию.

– Благодарю, – ответила я и попросила дворецкого, наблюдающего за странным обменом любезностей: – Вернон, пусть принесут в гостиную чай.

– Попросить разжечь камин? – любезно уточнил он.

– Не стоит, иначе станет очень душно. – Я поправила на плечах толстую шаль и была бы не против поправить чуток сползший шерстяной чулок. – Вы же знаете, я не выношу жару.

– Как скажете, леди Мейн, – понативно кивнул дворецкий.

Но мадам в гостиную не торопилась, чтобы там честь по чести промерзнуть и быстренько покинуть наш неуютный дом. Видимо, хотела проверить, насколько прекрасно можно жить в ледяном замке, где даже днем хотелось зажечь свечи.

– Какая у вас интересная картина.

– Господин Мейн поклонник современной живописи, – соврала я.

– И как называется это полотно? – слегка передернув плечами, подозреваю, чтобы согреться, спросила она.

– «Глаза на черном прямоугольнике», – с доброй долей иронии ответила ей.

По дороге она с любопытством рассматривала черные прямоугольники вместо картин, висящие на стенах. Если судить по их количеству, господин Мейн был не просто ценителем современной живописи, а истинным фанатом. Скупал без разбору все замалеванные черным полотна.

– Вы уже бывали в замке? – вежливо поинтересовалась я, заметив ее интерес.

– Пару лет назад. Помогала нанять штат прислуги, – пояснила она. – А это работы одного художника?

Я только мило улыбнулась и пригласила ее в гостиную. Окна здесь специально открыли, чтобы тепло с улицы немного развеяло влажный холод, поселившийся в помещении, но бестолку. Казалось, в оконных проемах стояла невидимая глазу преграда.

Мадам просканировала гостиную острым взглядом, восхитилась высокой напольной вазой, оставшейся от моих предшественниц. Подошла к узкому шкафчику, где когда-то, должно быть, стояли статуэтки, а до недавнего времени просто лежала пыль.

– Какая необычная керамика! – неожиданно восхитилась она.

Учитывая, что еще утром в нем не было ничего, даже пыли, исчезнувшей стараниями горничных, я сильно удивилась, но виду не показала. Оказалось, в шкафу за стеклянной дверцей среднюю полку единолично занимал знакомый чайник с моей ненаглядный свекровью. Понятия не имею, кто ее туда поселил и почему не спрятал подальше от глаз в наглухо закрытом сейфе в кабинете Фостена. А главное, как под весом Луизы шкафчик не развалился?

– Вы правы, – со смешком протянула я. – Этот ценный чайник – память о моей дорогой свекрови. Она всегда с нами.

Фостен появился как нельзя вовремя. Следом за чаем. Он галантно поздоровался с визитершей, устроился в кресле и некоторое время развлекал мадам беседой, поразив меня в самое сердце умением говорить ни о чем больше десяти минут.

– Господин Мейн, ваша супруга сказала, что вы увлекаетесь современной живописью, – заметила мадам. – Полотно в холле такое смелое! Эти прекрасные глаза на черном фоне!

Фостен посмотрел на меня с откровенным вопросом. Я многозначительно изогнула брови, дескать, не хотите ли вы, дорогой супруг, уже вернуть портрету нормальный вид?

– А я говорила, милый, что только истинные поклонники магического творчества оценят этот шедевр, – с ехидством прокомментировала комплимент.

– Мадам Вайри, картины старые, обстоятельства новые... – произнес дражайший муж и внезапно осекся.

Он смотрел на какого-то за нашими спинами. Взгляд потяжелел, лицо окаменело. В большом недоумении я обернулась. На пороге с

улыбкой стояла высокая темноволосая незнакомка в элегантном дорожном костюме.

– Ничего, что я без предупреждения? – проговорила она музыкальным голосом.

Мадам Вайри дернулась, резко повернула голову и, бледнея на глазах, пробормотала:

– Мертвая... воскресла...

Секундой позже она выпустила из рук чашку с блюдцем и, облившись остывшим чаем, завалилась прямым на меня. В тишине фарфор звонко разлетелся по паркету острыми осколками. В обалдении я держала потерявшую сознание гостью за плечи и ровным счетом ничего не понимала.

Похоже, единственная в холодном сумрачном зале.

ГЛАВА 7. Лучше чума, чем незваные гости!

Фостен не сводил глаз с незваной гостьи. Лицо казалось непроницаемым, но, судя по крепко сжатым губам, он пребывал в тихом бешенстве.

– Надо привести ее в чувство, – проговорила я, аккуратно отодвигая отключившуюся мадам Вайри к спинке дивана.

– Не сейчас, – в ледяном голосе мужа прозвучали властные интонации.

Спорить желания не возникло, но дама решила, что достаточно отдохнула от реального мира, и начала приходить в сознание: невнятно забормотала какую-то чепуху, приложила руку ко лбу.

Муж поднялся с кресла, приблизился к нам и, не глядя, положил ладонь на аккуратно уложенные седины мадам. Секундой позже она опять вырубилась. Ее рука безвольно упала на диван.

– Я писала, Фостен, но ты не ответил, – проговорила незнакомка.

– Мертвые не пишут писем, Вайолет, – ответил он.

– Иногда они воскресают. – Она нервно дернула уголком накрашенных ярко-алой помадой губ.

– А должны бы покоиться с миром.

Замечание прозвучало так веско, что даже меня пробрало. Очевидно, в Рокнест вернулась одна из моих предшественниц. Потрясающе!

– Кто тебя впустил? – спросил Фостен.

– Лакей. – Вайолет изобразила улыбку. – У тебя много новых слуг, они не знают меня в лицо.

– Много новых слуг у моей супруги, – поправил он.

Гостья перевела на меня цепкий взгляд, мгновенно оценила и, видимо, решила, что перед ней безобидное дитя.

– Да, я слышала о твоей очередной свадьбе... Вы и есть попытка номер пять? – обратилась она ко мне.

– Вы ошибаетесь, Вайолет, – с самой милой улыбкой, на какую была способна, когда сводит челюсть, опровергла я. – Больше никаких

попыток. Я единственная обожаемая супруга господина Мейна. А вы по счету какая будете?

Не знаю, кто из нас первой прикусила бы язык и отравилась собственным ядом, но появление всполошенного Вернона оборвало светский обмен гадостями. Для человека, страдающего радикулитом, дворецкий двигался довольно резво: заскочил в двери гостиной и остановился, как вкопанный.

– Хозяин, так вы уже в курсе, что третья леди Мейн приехала в Рокнест, темный лик двуединого нам помощи!

От прожигающего насквозь взгляда Фостена он, похоже, захотел изобразить возле лица божественный круг, занес руку, но вовремя остановился.

– Давно не виделись, Вернон, – поприветствовала Вайолет, пытаясь показать, что они были приятелями. – Вы ничуть не изменились.

Выражение на лице преданного слуги сделалось красноречивым. Удивительно, как по лбу не заскользила бегущая строка «и дальше бы век не видеться».

– Не хочу прерывать, господа, – вклинилась я. – Но пора привести гостью в сознание.

Несчастливая мадам Вайри, одурманенная магией, начала чутко наклоняться и выразительно посапывать. Еще чуть-чуть – устроится на нашем диванчике с ногами и сладко всхрапнет.

– Проводи Вайолет в кабинет, – приказал Фостен.

Дворецкий молча указал рукой на двери. Уверена, незваная гостья прекрасно знала дорогу, но без споров последовала за ним.

– Кстати, – вдруг оглянулась она, – леди Мейн, красивый чайник в витрине. Он был в моем приданом.

Наконец она убралась из гостиной. Фостен потер переносицу и выдержал паузу, возможно, медитативно перебирал в уме заклятия или просто считал до десяти, чтобы не превратить темные дни в замке в темный год.

В гробовом молчании он протянул руку к растрепанной голове мадам Вайри.

– Подожди момент, – остановила я его и, внезапно начиная раздражаться, поднялась с дивана. – Мы больше никого из твоих жен

не ждем? Может, твои бывшие слет в замке объявили, а мы-то и не в курсе?

– Лучше займитесь *своей* гостьей, леди Мейн, – отрезал он.

Я не всегда могла промолчать, но именно сейчас выдохнула и проглотила его грубость. Есть тонкий момент, когда действительно стоит притвориться глухой и немой. Очевидно, мужик и без моих ценных замечаний на пределе.

Фостен прикоснулся к мадам Вайри, но та не проснулась, только пробормотала себе под нос нечто невразумительное.

– Когда она придет в себя? – встревоженно спросила я у мужа.

– Дай пару минут и разбуди, – проинструктировал он. – Потом тихо выпроводи из замка.

Твердой поступью Фостен вышел из гостиной, оставив меня наедине с мадам. Приводить ее в чувство и убеждать, что в замке не творится никакой чертовщины и помершие супруги сами собой не воскресают.

– Мадам Вайри, – осторожно потрепала я ее по плечу, а когда она не отреагировала, громко рявкнула: – Мадам!

Та пробудилась, раскрыла глаза и, испуганно выпрямившись, прижала к груди руки. Пришлось с самым участливым видом соврать, что она ни с того ни с сего позеленела, пробормотала невнятную тарабарщину и потеряла сознание.

– Может, у вас сахар в крови понизился или давление упало? – попростому предположила я, тут же поняла, что и выдала кучу непонятностей. – В смысле, случилось учащенное сердцебиение? От холода свело затылок?

– А где господин Мейн? – Она опасливо огляделась, пытаясь в пустом зале отыскать темного колдуна, а заодно неведомую хтонь.

– Не захотел вас смущать. Давайте я попрошу горничных принести лекарство... отвар для ясности рассудка

Понятия не имею, существует ли такой, но чего-нибудь в чайник-то намешают. Я потянулась за колокольчиком, стоящим на столике, однако мадам вцепилась в мою руку ледяными пальцами и выпалила:

– Госпожа Мейн, вы должны знать и поберечься!

– Господь с вами, от чего?

– Я только что видела призрак третьей леди Мейн! – с чувством прошептала она. – Стояла прямо посреди вашей гостиной...

Мы встретились глазами. Признание повисло в воздухе.

– Неужели? – уронила я.

Видимо, испугавшись, что ее приняли за безумную, она отпустила меня. В растерянности посмотрела на разбитую чашку, мокрое пятно на платье и заключила:

– Очевидно, вы правы. Чего только не привидится.

– Скорее всего, у вас аллергия на наш чай, – улыбнулась я.

– Простите, что? – Гостья удивленно моргнула. И еще раз.

Я кашлянула и, стараясь замять неловкость, поспешно предложила:

– Может, хотите еще чаю?

К счастью, мадам уже ничего не хотела пить или есть в нашем замке, а только поскорее его покинуть. Выставлять насильно не пришлось. Возможно, у меня поднялось бы чуток настроение, что нежданная визитерша выгнала себя сама, однако на въездной площади обнаружилась дорогушая карета и пара отменных лошадей.

В лошадях я совсем не разбиралось, но логика подсказывала, что в шикарный экипаж вряд ли запрягают старых кляч. Сразу видно: бывшая леди Мейн не бедствовала. Но больше всего мне не понравился дорожный сундук, привязанный к крыше. Возникло смутное подозрение, что помершая жена моего мужа вознамерилась не просто воскреснуть, а задержаться в Рокнесте...

– Вы куда-то собираетесь? – уточнила мадам Вайри, ожидающая, когда ее извозчик развернется и подкатит карету ко входу.

– С господином Мейном надумали навестить моих родителей, – хотя это звучало абсолютной бессмыслицей, а мадам совала нос в чужие дела, ответила я.

– Когда же?

– Планировали выезжать сегодня днем.

Намек, что мадам прискакала с визитом не вовремя, повис в воздухе. Попрощалась она сухо и немедленно бросилась к карете, возница не успел толком остановиться.

После выдворения бесцеремонной гостьи в холле стало светлее, а на портрете Ивонны внезапно проявились белые балетки. Этаким черный прямоугольник с глазами и туфлями. Похоже, портрет превратился в мерило уровня магии в Рокнесте, как уличный градусник, подсказывающий температуру воздуха.

Я покосилась на лестницу, ведущую в мужнину половину замка. По ступенькам струилась едва заметная глазу полупрозрачно-темная дымка, недвусмысленно намекающая, что Фостен зол. Женщина во мне, застолбившая территорию, требовала немедленно заявиться в кабинет и лично выяснить, на кой черт прискакала помершая бывшая. Померла, так померла! Зачем являться и устраивать переполох в приличном обществе? Но здравый смысл подсказывал держаться подальше от эпицентра скандала. Я поступила разумно и убралась к себе в покои.

На женской половине тоже стало светлее и как будто немного теплее. Картины на стенах начали проясняться, через черную истонченную вуаль уже проклюнулись изображения. Гостиную успели убрать. На столе красовалась ваза с аккуратно обрезанными от сломанной еловой лапы веточками.

– Хозяйка, что же это делается? – Раиса бросилась мне навстречу, видимо, пылая желанием обсудить грандиозную новость. – Говорят, что бывшая жена хозяина воскресла!

– Она и не умирала, – сухо отозвалась я, категорически не желая мусолить самопроизвольное возрождение одной из моих предшественниц. – Столик поставили?

– И старый убрали на чердак, – уверила горничная, семена за мной следом в спальню.

Хорошо отмытый зеркальный столик с сомкнутыми створками занял место испорченного накануне трюмо.

– Только мы не смогли его раскрыть, – быстро пояснила она. – Может, какое-то слово надо знать?

– Сим-сим, откройся, – лягнула я, но внезапно створки дернулись и чуточку разошлись, образовав едва заметный зазор. – Смотри-ка, получилось!

Внутри прятались пустые деревянные стенки, как на волшебном трюмо в доме Артиссов. Правильную команду удалось подобрать только с пятого раза. На деревянной глади проступило зеркало. На боковинах появилось мое отражение, а в центре дрожали мелкие белые помехи и доносилось отчетливое шипение, словно в испорченном старом телевизоре с ламповым кинескопом.

– Ф-ффост-ттен... – прозвучало сквозь треск.

У меня поползли на лоб брови, а в голове вспыхнула интересная догадка.

– Раиса, – обернулась я к горничной, взирающей на магическое чудо с горящими от любопытства глазами. – Принеси что-нибудь поесть. Пообедаю сегодня у себя.

Смекнув, что ее тактично отсылают из покоев, та вздохнула, но без лишних разговоров отправилась добывать обед и, должно быть, последние сплетни.

– Не торопись и двери спальни прикрой, – бросила я ей вдогонку и, оставшись один на один с магическим артефактом, строго приказала зеркалу: – Прояснись.

По глади пробежали поперечные полосы, почти незаметное изображение пошло волнами, но четкости не приобрело. Недолго думая, я поступила ровно так, как делала бабуля в моем детстве, когда на старенький телевизор вдруг нападали помехи и мешали смотреть криминальный сериал: стукнула кулаком по столику.

Раскрытые створки задрожали, словно хотели схлопнуться. Расшатанный ящик для мелочей выдвинулся из-под крышки и раззявил пасть. Однако насилие над мебелью было оправданным! Зеркало моргнуло и прояснилось. Как я и предполагала, оно вело «прямую трансляцию» из кабинета.

Хотелось бы сказать, что воспитание не позволило мне следить и подслушивать за мужем с его бывшей, но оно позволило.

Фостен, сидящий за рабочим столом, выглядел равнодушно-отстраненным. Из взгляда исчезла злость, зато появился леденящий холод. Таким я видела его только однажды: в тот день он впервые приехал в особняк Артиссов и заметил меня в окне гостиной. Не мужчина, а жестяная банка.

Бесцеремонная захватчица чужих территорий сидела в пол-оборота на краешке кресла. Все, как предписывали хорошие манеры. Сразу видно: не переместилась из другого мира, а выросла в местной аристократической семье.

Она что-то прокаркала, в смысле, сказала, но до меня донеслось невнятное карканье, словно Вайолет сильно заикалась. Пришлось еще разочек ударить по крышке стола. Звук исправился, но оставался тихим. Жаль, здешние маги не придумали пульт к следящему артефакту, чтобы прибавить громкость.

– Ты всегда наслаждалась расточительностью, Вайолет, – спокойно говорил Фостен. – Я дал тебе достаточно, чтобы ты жила безбедно до самой старости. Стоило думать о будущем.

Выходит, у Вайолет закончились деньги, и она решила запустить руку в наш с Фостеном семейный бюджет.

– Именно поэтому я здесь, – нахально заявила бывшая. – Думаю о своем будущем.

– Мы заключили сделку. Я отпустил тебя в лучшую жизнь.

– И лучшая жизнь оказалась отнюдь недешевой. – Внезапно она кокетливо поправила волосы в идеальной прическе, и у меня свело от раздражения челюсть. – Полагаю, если его величество узнает, что твоя покойная жена жива и здорова, случится громкий скандал. Новый брак признают незаконным...

– Мы разорвали брачные клятвы, – напомнил Фостен, не поддаваясь на шантаж.

– По бумагам мы до сих пор женаты.

– По бумагам ты два года уже мертва, Вайолет. Я отправил твоей матери свидетельство о смерти в золотой рамке. Все, как ты просила.

– Представляешь, в каком она окажется шоке, если старшая дочь возникнет на пороге? – в голосе женщины слышалось торжество. – Просто сделай так, чтобы в моей денежной шкатулке никогда не заканчивались варьяты, Фостен. И пока она не обнаружит дно, никто по-прежнему не будет обо мне слышать. В том числе, ты и пятая леди Мейн.

Повисла долгая пауза. Откинувшись в кресле, из-под ресниц Фостен изучал бывшую.

Хотелось верить, что он не пойдет на поводу у вымогательницы. Одной уступишь, потом другие подтянутся. Страшно представить, если вдруг у нас на пороге по очереди начнут появляться остальные леди Мейн с детьми, мужьями и дорогими каретами, и требовать безлимитную кредитную карту на техобслуживание всего хозяйства.

– Я дам тебе денег столько, сколько ты хочешь, – внезапно согласился он, и у меня от возмущения отпала челюсть.

Да мы по миру пойдем!

– Господин Мейн, вы всегда были щедрым и мудрым мужчиной, – пропела Вайолет.

– Но у меня есть условие.

– Клянусь, больше ты меня не увидишь.

– Это и так понятно...

Одним гибким движением Фостен поднялся с кресла, обошел стол и присел на его край. Некоторое время он рассматривал бывшую жену. Сама того не замечая, она чуток отодвинулась в кресле, стараясь увеличить расстояние. Правильно, сделала. Мне очень не нравилось, что эти двое находились в преступной близости.

– Я вновь буду щедрым с тобой, Вайолет, и дам выбор, – наконец заговорил Фостен. – Ты уедешь отсюда с деньгами, но я заберу твои воспоминания. Ты полностью отдашь прошлое, привычки и имя. Или ты сейчас же уедешь из замка без денег, но в трезвом рассудке и с крепкой памятью. Начнешь вести скромную, тихую жизнь и постарайся мудро забыть, что когда-то мы были связаны брачной клятвой.

Внезапно я поймала себя на том, что охнула в унисон Вайолет.

– Ты сотрешь мне память, но дашь денег? – с ужасом выдохнула она и вжалась в спинку кресла, напрочь забыв, что следует сидеть на самом краешке, словно хочешь немедленно вскочить на ноги и танцевать нелепую польку.

– Верно.

– Фостен, ты не был таким...

– Каким?

– Чудовищем!

Усмехнувшись, он протянул руку, мягко взял ее за подбородок и посмотрел в глаза.

– Ты просто перепутала доброе отношение к тебе со слабостью.

Она дернула головой, высвобождаясь, и трясущейся рукой обтерла подбородок, словно прикосновение темного мага обожгло кожу.

– У меня есть время подумать?

– Нет. – Фостен выпрямился и, сунув руки в карманы, равнодушно посмотрел на нее сверху вниз. – Выбирай сейчас, что для тебя важнее. Деньги или память, Вайолет?

– Это не мое настоящее имя! – в ярости выпалила она. – Ты мне его придумал!

– Ты можешь от него отказаться и снова стать обеспеченной женщиной, – с насмешкой напомнил он.

У моего драгоценного мужа такое хобби: придумывать своим женам новые имена? Как-то неприятно узнать, что это не особый сервис для меня любимой.

– Ты прекрасно знаешь, что я никогда не соглашусь стереть себе память! – высказалась она.

– Щедрость всегда имеет цену. – Он смотрел почти ласково. – Я свою озвучил.

– Это бесчестно!

– Не тебе рассуждать о чести, госпожа Варити Эйстон.

Видимо, Фостен назвал ее настоящим именем. Женщина содрогнулась.

– И я все еще могу вернуться к матери, Фостен, – вновь попыталась шантажировать она.

– Ты, похоже, не услышала, что я тебе сказал, Варити? – Он не повел бровью. – Мертвые не пишут писем... И не говорят.

Спорное утверждение, если вспомнить мою свекровь, сидящую в чайнике. Только крышечка не позволяла ей явить себя миру и от души этот мир обругать. Вполне человеческим голосом.

Однако угроза прозвучала жутко. Кто угодно проникнется.

– Я хочу немедленно уехать! – Вайолет начала нервно натягивать на руки кружевные перчатки.

– Ты сделала правильный выбор, – согласно кивнул он. – Не торопись надевать перчатки. Мне нужны гарантии, что мы друг друга поняли.

– Я не позволю себя заклясть! – Она резко вскочила на ноги, уронив с коленей сумочку. – Никогда темная магия ко мне не прикоснется!

– Но я не спрашиваю разрешения, – спокойно заметил Фостен. – Твое слово больше ничего не стоит.

– Это низко.

– Низко являться сюда, расстраивать мою супругу и требовать денег, – возразил он.

Понятия не имею, как проходило колдовство. От магии зеркало снова начало сбывать и покрылось рябью. Пришлось хорошенько постучать по столу, чтобы досмотреть захватывающее кино, как темный маг с деликатностью мерзавца выставляет из замка бывшую жену, но на починку «телевизора» понадобилось некоторое время.

Когда изображение прояснилось, Вайолет уже не было. Фостен стоял посреди комнаты и, скрестив руки на груди, смотрел прямоком на меня. Просто заглядывал этим своим рентгеновским взором в печень!

– Леди Мейн, вы заметили, что в замок начала возвращаться магия? – с откровенной иронией спросил он и щелкнул пальцами.

Кабинет мужа мигом исчез. Зато появилось моя слегка обалдевшая физиономия.

– Черт побери...

Он словно ударил меня по лбу дверью, когда я вдохновенно подглядывала в замочную скважину. От неловкости хотелось проваливаться под паркет.

– Хозяйка! – Без стука в спальню ворвалась растрепанная Раиса и, прижав к груди руку, перевела дыхание. – Я спустилась в кухню за обедом, но там...

– Подрались и ничего не приготовили?

– Не подрались, но, кажется, скоро подерутся, – протараторила она и махнула рукой в сторону дверей. – Только не в кухне, а в гостиной. Тебя вызывают!

– Подожди трещать, совсем запутала! – призналась я. – Кто меня вызывает?

– Господин Вернон. – Горничная резко выдохнула. – Там воскресшая пытается забрать с собой чайник. Говорит, что он принадлежит ей, а господин секретарь не отдает.

– Да пусть забирает за ради бога! Зачем он ее останавливает? – Я развела руками. – Нам чужого не надо.

Какая удачная возможность переселить буйную свекровь к бывшей невестке! Идеальный, по-моему, вариант.

– Отправили за тобой. Вернон заявил, что без твоего разрешения из замка ничего нельзя забрать. Ты хозяйка и всем распоряжаешься.

– А господин Мейн не пожелал с этим разобраться?

Раиса зачем-то оглянулась через плечо, словно опасалась обнаружить грозного колдуна в гостиной.

– Кажется, они не хотят, чтобы скандал до него дошел.

– Ладно, пойдем распорядимся, – вздохнула я и выдвинулась из покоев, пока усилиями темных приспешников наша ожившая мама не прописалась на веки вечные в посудной горке.

Возле дверей гостиной собрался весь штат прислуги и с любопытством следил за скандалом. Тобольд был на месте, и новая кухарка его подпирала. Пришлось всех потеснить, а заодно шугануть. Слуги рассыпались в разные стороны, словно световой шар, потревоженный резким движением, но стоило переступить порог, как за моей спиной они снова сомкнулись.

Обстановка царила озверелая: Хэллавин закрывал собой шкаф, а жадная до чужого богатства дамочка громко вещала, что чайник достался ей от прабабушки. Она его дескать забыла, когда уезжала из замка, и оставлять в руках чужих людей семейную реликвию не намерена. Вернон с каменным лицом пытался выступать голосом разума, но, по всей видимости, безуспешно.

– Что за переполох? – громко спросила я, привлекая внимание.

– Хозяйка пожаловала, – оглянувшись, с неприятной усмешкой прокомментировала Вайолет (или как там ее зовут по-настоящему?). – Я хочу забрать свое. Этот чайник...

– Из вашего приданого, – подсказала я. – Помню, вы уже говорили. Забирайте.

– Что? В каком смысле? – в два голоса воскликнули Вернон с Хэллавином.

Секретарь выглядел так, будто ему плюнули в самую душу. Вернон одной рукой схватился за сердце, а другой начал шарить в кармане, точно пытался найти валидол и положить под язык. Народ в дверях удивленно загалдел. Пришлось пронзить их укоряющим взглядом и строго спросить:

– Вы еще здесь?

– Госпожа Мейн, не бережете вы хозяйские ценности! – в расстройстве рубанув рукой воздух, объявил Тобольд и с гордым видом исчез из дверей.

Остальные тоже не заставили повторять еще раз. Раиса кинулась следом за поваром, видимо, доказывать, что хозяйку надо кормить. Желательно, вкусно и сытно, чтобы она снова не попыталась отдать двуединому богу душу, как случилось в доме у родителей. Уверена, горничная непременно расскажет эту слезливую историю, доказывая, что я не глупая, а просто чуть-чуть блаженная.

– Но, Вайолет, предупреждаю сразу: чайник забираете с концами, – потребовала я. – Назад мы его не примем.

Она дернула уголком алых губ.

– С чего бы мне возвращать свое приданое?

– Леди Мейн, с вашего позволения... – вклинился Хэлл.

– С моего позволения чайник отправляется в карету к своей хозяйке, – перебила я. – Отнесите, пожалуйста, господин секретарь.

– Я сама вполне способна нести свою собственность, – фыркнула Вайолет.

– Лучше мы. Помогите леди, Хэллавин, – вежливо попросила я, и с мрачной миной он раскрыл створки. – Только осторожно. Вещь ценная и хрупкая. Не уроните.

Секретарь попытался поднять чайник с полки и, резко повернув голову, одарил меня откровенно изумленным взглядом. Я выразительно кивнула, требуя помалкивать и уже оттащить посудину в карету.

Хэлл кашлянул в кулак, потер переносицу, видимо, собираясь с моральными и физическими силами, и все-таки поднял мою ненаглядную свекровь.

– И крышку не сдвигайте, – вкрадчиво велела я.

По-прежнему озадаченный секретарь, вечно что-нибудь или кого-нибудь тягающий по замку, двинулся на выход. Вернон с исключительно скорбным видом пошагал следом, словно провожал чайник в последний путь. Только веночка не хватало или вазочки из моей гостиной с обрезанными еловыми прутиками.

– Прощайте, леди Мейн, – поправляя на руках тонкие кружевные перчатки, проговорила Вайолет, но вдруг сделала ко мне шаг и шепнула на ухо: – Беги от него! Он страшный человек...

– Он тебя напугал, что ли? – с иронией уточнила я.

Явно опешив, она отодвинулась. Мы встретились глазами.

– Ты не понимаешь, в какое место попала? – быстро проговорила она.

– Прекрасно понимаю, – улыбнулась я. – Но ты меня действительно заинтриговала. С чего бы мне убегать из комфортного замка?

– Он выставит тебя из этого замка ни с чем! – воскликнула она, видимо, не понимая, почему юная жена не пугается мрачных перспектив. – В точности, как меня! Я два года решалась сюда приехать, чтобы просить о помощи. И ничего не добилась!

– Ни с чем? – повторила я. – Даже чайник последний отобрал? А карета у тебя выглядит недешевой. Лошади тоже, к слову, хорошие. В чем подвох?

Вайолет чутко поменялась в лице. Уголок рта дернулся, и невольно стало заметно, что алая помада растеклась.

– В таком случае, счастливой жизни, леди Мейн, – сделав вид, будто нагнетает обстановку, но на самом деле не найдя ни одной гадости, чтобы достойно парировать, вымолвила она.

– Не сомневайся, наша с Фостеном жизнь будет не только счастливая, но очень долгая и комфортная, – ответила я с улыбкой. – Я тебя провожу.

Оказалось, дворецкий с секретарем ждали нас на лестнице в холле, словно не верили, что с чайником действительно придется попрощаться. Пристроив домик моей свекрови на широкие перила, Хэлл обтирал черным платком взмокший лоб.

Не глядя ни на кого, Вайолет поспешно спустилась с лестницы и только потом оглянулась:

– Господин Хэлавин, я тороплюсь.

– Темный лик двуединого, – процедил тот, поспешно убирая платок, – клянусь, это будет стоить хозяину двух месяцев служения!

– Тебе осталось немного донести, друг мой, – подбодрил его Вернон.

Он потянулся за чайником нетвердыми руками, видимо, желая его подвинуть к невольному носильщику, и неведомым образом сбил крышку. Со звяканьем та отлетела на каменный пол и рассыпалась на две разновеликие части.

– Прокляну! – яростно прокаркало изнутри, заставив нас троих отшатнуться.

Злая, как тысяча чертей, Луиза Мейн вырвалась на свободу. Из горлышка чайника повалил дым, серая полупрозрачная тень вознеслась к потолку и мгновенно оформилась в даму с перекошенным от ярости лицом. Она ринулась в сторону Вайолет, остолбеневшей аккурат в центре холла. Похоже, та обомлела от понимания, что едва не забрала из замка воинствующую маман.

Между тем длина хвоста, приколотенного ко дну чайничка, не позволила призраку добраться до бывшей невестки. Луиза дернулась, рыкнула и вытянула узловатый палец с кривым ногтем:

– Ты! Никогда мне не нравилась. Жадна до чужих денег! Свое прогуляла и нарисовалась в замке! Иди работать, лентяйка!

Неожиданно дельный совет! Я была с ним полностью согласна.

– А ты! – Луиза сделала резкий разворот и скользнула ко мне, остановившись в полуметре. – Заперла меня в чайник!

– Давайте будем справедливыми, мама, – развела я руками и краем глаза заметила, что дворецкий с секретарем смотрят на меня в откровенном ужасе. – Запирала не я, а ваш сын. Между прочим, вас разместили в уютном шкафу в гостиной, чтобы вы были в курсе всех последних новостей. Почему вы недовольны?

– Да ты меня пыталась отправить в чужой дом! Я даже при жизни из замка никуда не выезжала!

– По-моему, после смерти самое время начать путешествовать. Когда еще мир посмотреть? Живите полной и насыщенной впечатлениями жизнью! Кхм... – замялась я, понимая, что предлагать помершей свекрови жить полной жизнью было как минимум странно.

– Лучше бы внуков мне родила, – прошипел призрак. – Ни на что не годная чужеземка!

– Затякайте! – тихонечко скомандовала я.

Хэллавин плюхнул ладонь на горлышко. Призрак развеялся дымом и наступила тишина. Вылезти через узкий носик и предъявить претензии взбешенной свекрови, видимо, не позволял объем гордости. Мы ошарашенно смотрели на посудину. Она гудела, словно внутри нагревалась вода.

Замковая дверь хлопнула неожиданно и громко. Вайолет тишком улизнула из холла.

– Сбежала! – воскликнула я. – Заприте ворота и не дайте ей уехать! У нас еще есть шанс!

– Оставьте, леди Мейн, – загробным голосом проговорил опростоволосившийся Вернон. – Пусть едет с миром.

– Не надо с миром, надо с Луизой! – возмутилась я. – Вернон, как вы умудрились сорвать такой идеальный план?

– Вряд ли хозяин пришел бы в восторг, отправь мы его драгоценную матушку из замка, – заметил он. – Все к лучшему. Смотрите на вещи позитивно: вам достался антикварный чайничек из чужого приданого.

– Конечно, не вам же жить со скандальной свекровью, – проворчала я.

– Позвольте заметить, у меня не может быть свекрови по определению, – сумничал дворецкий.

– Счастливчик! Ваш хозяин, хочу заметить, сыновьими чувствами не обременен.

– Он очень уважительно относится к своей матери! – как будто оскорбился Вернон.

– И поэтому приколотил ее к чайнику.

Одновременно мы бросили взгляд на притихшую керамическую посудину, увенчанную рукой секретаря.

– Господа, сжальтесь и принесите новую крышку, – натянуто прошептал Хэллавин. – Конечно, я очень уважаю матушку нашего хозяина, но сейчас она меня кусает. Не знаю, сколько еще выдержу...

– Терпите, Хэлл, – вздохнула я, – сейчас что-нибудь раздобудем.

Найти удалось только глиняную крышку с восторженно торчащей из макушки петелькой. Когда ловким движением я прикрыла ею горлышко, внутри чайника злобно булькнуло.

Хэллавин потряс освобожденной рукой и пожаловался:

– Думал, прогрызет до кости.

Он продемонстрировал абсолютно чистую узкую ладонь.

– Вы преувеличиваете, господин секретарь, – поморщилась я. – Понесли обратно!

– В гостиную? – уточнил Вернон.

– В покои вашего хозяина, – скомандовала я. – Не понимаю, кто додумался Луизу поставить в гостиную.

– Боюсь, это моя вина, – покался он, что опростоволосился не один раз, а в принципе весь день творил чудесные дела. – Слуги убирались в спальне хозяина, хотели отнести чайник в кухню, но я им сказал поставить в витрину. Для интерьерной красоты. Никто не предупредил, что там отдыхает дух нашей прекрасной госпожи Луизы.

– Вы так ей льстите, что даже мне неловко, – хмыкнула я. – Берите.

– Я уже ее таскал и не дал вырваться наружу, – намекнул Хэллавин, что на сегодня работу грузчиком полностью завершил. – Ваш муж мне и так должен два месяца служения.

– Еще день добавьте и отнесите, – скомандовала я.

– Леди Мейн, буду откровенен. Я всегда считал, что призраки эфемерны, но ваша свекровь неподъемная, как мой долг перед хозяином, – тихо проговорил он.

– Вы просто ощущали вес ее тяжелого характера, – хмыкнула я. – Накиньте не один день, а парочку и берите.

Секретарь многозначительно посмотрел на дворецкого. Тот, как водится, немедленно схватился за поясницу и напомнил, словно об этом кто-то мог забыть:

– У меня радикулит. Я просто позову Фрейса. Он молод и будет покрепче нас.

– Ага, и крышечки не роняет в самый ответственный момент, – вздохнула я.

Фрейс действительно поднял чайник, не поведя бровью, и без особых усилий понес его на мужскую половину. Дверь в кабинет Фостена оказалась раскрытой нараспашку, словно он проветривал помещение от тяжелых духов своей бывшей. Прошмыгнуть в спальню мимо сквозного прохода в адское логово было невозможно, но я, безусловно, попыталась.

– Не смотрим в кабинет... – сцедила сквозь зубы, подгоняя лакея двигаться вперед.

Поезда, знаете ли, не останавливаются по требованию пассажиров.

– Леди Мейн, вы решили напоить меня чаем? – прозвучал сдержанный голос мужа.

Ну и мы в конечном итоге не поезд, а просто пытались прошмыгнуть мимо. Пришлось притормозить и одарить сидящего за столом мужа вежливой улыбкой.

– Мы возвращаем вашу маменьку обратно в комнату.

У Фостена изогнулась одна бровь.

– Откуда?

– Из гостиной. Вернее, из холла.

Муж кашлянул и молча жестом руки приказал нам внести родительницу в кабинет. Внутри по-прежнему царил полумрак, и это несоответствие с порядком посветлевшим и потеплевшим коридором категорично бросалось в глаза. Но надо отдать должное новому слуге, он даже не вздрогнул. С непроницаемым видом перешагнул через

порог, уточнил куда пристроить посудину и, водрузив на стол, вышел. Дверь плавно за ним закрылась без чьей-либо помощи.

Некоторое время Фостен смотрел на чайник с нелепой крышкой, превращавшей благородную керамику в гончарную поделку из китайских подвалов.

– Мне нужен контекст, – наконец заключил муж.

– Не нужен, – покачала я головой. – Ты совершенно точно не хочешь ничего знать.

– Теперь стало еще интереснее, – кивнул он.

– Вкратце: твоя бывшая жена пыталась похитить нашу дорогую матушку, но ей не удалось, – с самым честным видом ответила я.

Чайник подозрительно дернулся, а крышечка звякнула, что, конечно, не осталось без внимания Фостена.

– Ты сорвала похищение? – закончил он.

– Не я, – призналась ему. – Просто крышечка случайно съехала.

– У кого поехала крыша? – осторожно уточнил Фостен, видимо, подозревая, что человек со съехавшей крышей стоял сейчас перед ним.

– Сначала у чайника, а потом у твоей бывшей. В замке-то у всех нервы покрепче будут.

Муж нахмурился и выдержал паузу, словно пытался понять, где его накалывают.

– Мэйри, я правда пытаюсь... – он почесал бровь, – но все равно не понимаю.

– Откровенно говоря, я очень стараюсь, чтобы ты ничего не понял. Но для справки: если нашу маму увезут, ты расстроишься?

– Нет, не расстроюсь, – проговорил Фостен. – Я буду в гневе. Она заслужила покой в родовом склепе.

Судя по всему, Луиза заслуживала честно и страстно, неслась к покою в склепе впереди другой нечисти... И доскакала до чайника. Не знаю, поздравить ее или, обнявшись с посудиною, поплакать.

– Вот поэтому она по-прежнему живет с нами, – заключила я. – Если ты не против, то скажу Вернону, что пора накрывать на стол.

Дурак бы понял, что я пытаюсь шустренько сбежать из кабинета, пока мне не прилетел один очень щекотливый вопрос... Фостен позволил мне добраться до двери, видимо, поражаясь удивительной проворности.

– Ты спустила с чердака артефакторное зеркало? – полетело в спину.

Мысленно выругавшись, я изобразила улыбку и повернулась к нему.

– Раз ты первым заговорил об этом неловком инциденте, то, пожалуйста, исправь зеркало.

– Плохо связывает? – любезно уточнил он, в душе явно потешаясь, что на него слету пытаются спустить собак.

– Связывает прекрасно.

– Звук плохой?

– И слышно неплохо, – ответила я. – Меня не устраивает, что я не могу увидеть собственное отражение. Кто вообще убирает такие вещи на чердак? У меня чуть сердце не остановилось, когда в пустой спальне заговорили.

– Мне кажется, ты лукавишь, – с иронией заметил он, бросив на меня смеющийся взгляд.

– А я уверена, что вы, господин Мейн, пытаетесь отмахнуться от починки, – немедленно парировала я. – Странно приглашать мага со стороны, чтобы исправить трюмо, когда у меня свой маг живет в замке. Не согласен?

– Полностью согласен, – протянул он.

– В таком случае, идем, – кивнула я. – Преврати мое зеркало в обыкновенное. Хочу красить ресницы, не рискуя заработать душевную травму.

При виде трюмо у Фостена изогнулся уголок рта, а в глазах появилось странное выражение, словно он обрадовался старому знакомому.

– Надо же, действительно не развалилось, а столько лет прошло... – Он хмыкнул и пояснил: – Зеркало принадлежало Луизе. Ей нравилось наблюдать за отцовской половиной из покоев.

– Надеюсь, наша маменька не захочет поменять чайник на свое любимое зеркало, – проворчала я и махнула рукой: – Оно в твоём распоряжении. Расколдовывай!

Но некоторое время, сложив руки на груди, муж разглядывал зеркало. Казалось, он просто любовался своим отражением. Возможно, моим тоже – я стояла рядом, ожидая, что знаменитый и ужасный

колдун Фостен Мейн сейчас изобразит занимательный магический фокус.

– Чего ждем? – спросила у него. – Ностальгируешь или прикидываешь, как его разобрать?

– Зачем? – с искренним любопытством уточнил он.

– В моем мире ремонт часто начинают с того, что вещь окончательно ломают, – припомнила я, как в студенческом общежитии какой-нибудь электрический прибор сначала разбирали на винтики и пружинки, а потом собирали обратно. У мастеров-самоучек непременно оставались лишние детали, но вещь, как ни странно, начинала работать. Ненадолго, правда.

– Интересный подход.

– Меня тоже всегда удивлял, – согласилась я.

– Покажи кабинет, – приказал волшебному артефакту Фостен, не поднимая голоса.

Обе створки и центральное зеркало покрылось помехами, как экран испорченного телевизора. Раздалось характерное шипение, точно с крыши сорвали антенну и теперь не ловился ни один канал.

– Проясниться, – добавил муж.

И еще повторил пару раз, пытаясь добиться от зеркала четкой картинки.

– Мне пришлось по нему стучать, когда оно зашипело, – поделилась я ценным опытом и тут же заработала весьма красноречивый взгляд. – В смысле, я пыталась вернуть нормальное зеркало, а оно стало показывать твой кабинет.

– И?

– Пришлось ударить еще разок.

– Чтобы прибавить звук? – с иронией спросил Фостен.

– Чтобы прервать связь, – соврала я с такой укоряющей интонацией, что стало бы стыдно и жестяной кастрюле, но не моему мужу. Он продолжал смотреть с откровенной насмешкой. – Но ты прав: увеличилась громкость. Теперь ты знаешь, как все случилось, и сможешь его починить.

Без слов Фостен шарахнул кулаком по столику. Ящик выскочил из-под крышки, створки задрожали, изображение проявилось.

– Говорю же, способ «хорошенько шарахнуть» помогает во всех мирах, – вздохнула я, скромно сцепив пальцы в замок. – Главное на

дощечки его не разбирай. Мы с твоей матушкой очень расстроимся.

Фостен покосился на меня в молчаливом упреке.

– Молчу и не крикаю мастеру под руку, – немедленно отступила я.

Словно издеваясь, он перебрал все открытые залы замка и кухню, где повар страстно ругался с Вэллой, а та, не обращая внимания на усатого скандалиста, преспокойно месила тесто. На мужской спальне с большой кроватью изображение зависло. Очередной раз стучать по столику Фостен не пожелал и прижал к зеркалу ладонь. Гладкая поверхность сначала позеленела, а потом почернела.

– Я просила убрать связь, а не портить трюмо, – ворчливо прокомментировала я.

Муж посчитал ниже своего достоинства объяснять дремучей жене тонкости магических преобразений. Стоило ему убрать руку, как зеркало прояснилось.

– Оно больше не будет демонстрировать залы замка, – резюмировал Фостен.

– Благодарю, – кивнула я. – Ты так ловко управляешься с починкой магических артефактов...

– Ты хочешь, чтобы я еще что-то починил? – без экивоков спросил он.

– Как догадался?

– Внутренний голос подсказал.

– Ну раз ты настаиваешь... – Я моментально метнулась к комоду, выдвинула ящик и полезла за шкатулкой.

– Я не настаиваю, – заметил Фостен.

– Но тебе уже некуда деваться, – отозвалась я и, подняв крышку, продемонстрировала ему испорченную щетку с почерневшей на кончике деревянной ручкой. – Она сушила волосы, а потом чуть меня не спалила.

– Просто закажи новую, – немедленно предложил муж.

– Так и сделала бы, но я понятия не имею, где ее заказать.

– Попроси Хэллавина, он подскажет.

– Пока мастер сделает новую, я три месяца буду ходить с мокрой головой. Учитывая, какой холод может внезапно наступить в нашем замке...

Фостен молча забрал шкатулку, захлопнул крышку и смотался из моих покоев с такой проворностью, словно за ним гнались и пытались

заставить починить даже те вещи, которые ремонта не требовали. По-моему, очень по-мужски.

Через пару дней стало понятно, что с ремонтом расчески не заладилось, или муж к нему не приступил. За обедом я все-таки не удержалась и осторожно попыталась выяснить судьбу артефакта. Получила туманный ответ, что дело движется, но в какую именно сторону, к воскрешению или окончательному умерщвлению, Фостен умолчал. У меня возникло подозрение, что щетка – не жилец, но надежда наконец нормально высушить волосы еще теплилась.

За ужином муж не появился. Хотелось верить, что вдохновенно вырезал на моей щетке новые магические иероглифы, чтобы она работала лучше самого дорогого фена. Именно об этом я сказала дворецкому с секретарем, когда не обнаружила хозяина замка во главе стола.

– Господин Мейн – маг обширных знаний с золотыми руками! – внезапно с большим пафосом принялся защищать хозяина Вернон.

Я покосилась на Хэлла, с преувеличенным интересом разрезавшего на ломтики мясной пирог, и надежда на ремонт начала помирать в адских корчах.

– Хэллавин не даст соврать, – продолжил доказывать дворецкий, – хозяин отлично разбирается в артефактах. Починит вашу щетку на годы! До самой старости прослужит! Огненную шкатулку, помнится, ковырял, ковырял...

– Угу, ковырял, – едва слышно выдохнул секретарь.

– И доковырял, – резюмировала я.

– Починил! – возмутился Вернон. – Сжигала письма лучше любого камина.

– Почему вы сказали в прошедшем времени? – насторожилась я.

– Воспламенилась и сгорела, – пояснил Хэллавин, не обращая внимания, что его закадычный приятель весьма выразительно покашлял. – Ползамка зачатило.

– Это победа, – с трудом сдержав смешок, прокомментировала я. – Но искренне верю, что щетка будет служить еще моим внукам и перейдет по наследству правнукам.

– Хозяин не планировал заводить внуков, – вдруг забеспокоился Вернон, переглянувшись с секретарем.

– Внуков не заводят, Вернон, – хмыкнула я. – Они же не мыши. Но при чем тут ваш хозяин? Я говорила о своих.

Но после ужина решила все-таки выяснять напрямую у мастера с золотыми руками, когда эти руки сотворят чудо с остро необходимым любой женщине артефактом. Сначала заглянула в кабинет, но тот оказался пуст, потом постучалась в покои. Не дождавшись ответа, я осторожно приоткрыла дверь и громко позвала:

– Фостен, ты здесь?

Очевидно, в спальне его тоже не было. Вокруг царил тишина, тускло горели ночники. На столике вместо графина со стаканами лежала салфетка с разложенными частями от знакомой щетки. Решив не стесняться, я вошла и залюбовалась делом золотых рук мага с самыми обширными знаниями.

Деревянный корпус щетки окончательно почернел, щетина сгорела, лежала закопченная пластинка с выемками. Видимо, темные камушки, горкой сложенные тут же, муж аккуратно выковырял. Возможно, ритуальным кинжалом. Сразу видно, что честно пытался починить, но что-то пошло не по плану. Как с огненной шкатулкой.

– Спасибо, что сгорела не у меня в волосах, – пробормотала я, но едва отвернулась от столика, как остолбенела.

На стене, прямиком на каменной кадке, светился прямоугольный экран. В нем была видна моя спальня. Раиса закончила расправлять кровать и начала приближаться, пока не сделалась совсем крупной, словно через магическое окно хотела проникнуть в комнату Фостена. Нахмурившись, внезапно она поскребла ногтем черную точку, которую я приняла за искажение в изображении, и с обеспокоенным видом принялась вытирать экран уголком передника. Похоже, чистила капли... на зеркале.

Экран провисел несколько минут и погас, не оставив на стене ни следа.

Не знаю, что в действительности произошло: нарочно или случайно, но темный маг обширных знаний настроил прямое вещание из моей комнаты в свои покои и как-то подзабыл об этом предупредить.

– Ладно, – сложив руки на груди, усмехнулась я каменной кладке, – ты сам напросился, Фостен.

ФОСТЕН МЕЙН

Фостен ощутил себя глубоко женатым человеком в тот момент, когда с искренним сочувствием в глазах поздним вечером столичный артефактор без споров отдал ему чужую готовую щетку для волос.

Впрочем, нет. Сначала Фостен почувствовал себя болваном. Трясущийся от страха мастер блеял, дескать, щетки сложные в исполнении, заказ занимает не меньше четырех декад, и самому страшному в королевстве магу пришлось по-простому объяснить:

– Я пытался починить щетку жены и спалил.

После этого откровенного признания, что и темный маг может попасть впросак, артефактор молча принес из мастерской готовый заказ какой-то леди из столичного полусвета. Щетка оказалась розового цвета, а рунические символы – золотого. В общем, что называется, дорого и богато.

– Другой просто нет, – с сожалением вздохнул артефактор, внезапно проникшись к темному магу мужской солидарностью, и похлопал его по плечу: – Крепитесь, друг мой. В семейной жизни случаются темные дни.

Признаться, с такой точки зрения о темных днях Фостену думать не приходилось.

Он вернулся в Рокнест через порталную дверь, соединяющую фактически заброшенный столичный особняк Мейнов с замком, и утром за завтраком с непроницаемым видом поставил старую шкатулку с новой щеткой возле тарелки Мэйри.

Супруга так удивилась, что пару секунд подбирала слова и наконец спросила:

– Ты воскресил щетку?

– Хозяин, я говорил вашей супруге, что вы маг с обширными знаниями и золотыми руками! – как-то очень несвоевременно принялся нахваливать его Вернон.

Он предпочел промолчать. Мэйри подняла крышку. Некоторое время она рассматривала щетку и наконец резюмировала:

– Она розовая.

– Она новая, – сухо пояснил Фостен.

Внезапно он поймал себя на том, что предвкушает, как супруга начнет язвить и втянет его в бессмысленный, но бесконечно бодрящий обмен колкостями, придающий остроту любой трапезе. Однако острить Мэйри оказалась не в настроении и, аккуратно опустив крышку, просто поблагодарила:

– Спасибо, Фостен.

– Пожалуйста, – отозвался он, почему-то испытывая нечто похожее на слабое разочарование.

– Запугал артефактора? – через паузу между глотками черного чая проронила она, не глядя в его сторону.

Вот оно! Фостен с трудом подавил улыбку, но не успел открыть рта, как Вернон, обычно всегда брюзжащий до обеда, потому что только после горячего позволял себе съесть шарик расслабляющего горького шоколада, завел любимую шарманку:

– Не понимаю я женщин...

– Не расстраивайтесь, Вернон, – перебила его Мэйри, – мы тоже не всегда себя понимаем.

– Пользуйтесь щеткой и радуйтесь! – не унимался он, словно не услышав шутку от хозяйки.

– Клянусь, я в восторге, – ответила она и снова обратилась к Фостену: – Я действительно благодарна. К слову, зеркало ты починил отменно. Оно больше не шалит.

– Господин Мейн не только внимательный и щедрый человек, но и прекрасный мастер, – продолжал дворецкий, не замечая, что уже вышел из берегов здравого смысла.

– Вернон, можно не сватать мне вашего хозяина, – со смешком заметила Мэйри и бросила на Фостена ироничный взгляд. – Мы уже женаты.

И спасибо темному лику двуединого, она была не в курсе, что зеркало по-прежнему шалило. Да не просто дурило, а выделявало натуральные фокусы. Он сам удивился.

Около десяти вечера, когда ничего не предвещало сюрпризов, на стене его спальни вспыхнул магический просвет. Раскол в пространстве вел аккуратно в покои жены и как бы тонко намекнул, что темному магу пора завязывать с починкой артефактов.

Мэйри сидела перед зеркалом и расчесывала влажные волосы розовой щеткой. Прядь за прядью, пристально всматриваясь в

отражение, но складывалось впечатление, будто смотрела мужу в глаза. Она на секунду прикусила нижнюю губу. Невинный, казалось бы, жест, но вид у нее сделался такой соблазнительный, что Фостен сглотнул.

Зазор резко потух. Наваждение схлынуло. Маг издевательски хмыкнул над самым собой. Похоже, самое время ему выбраться в столицу не по делам, а расслабиться с женщиной.

Он решил, что магическая ошибка — случайность. Сбоившие заговоренные зеркала не всегда засыпали сразу: бывало, питались остатками силы. Не зря же именно этот испорченный артефакт отправили на чердак. Ради уверенности, что можно не выставлять себя полным кретином и не гасить магию еще раз, после ужина, скрестив руки на груди, Фостен ждал и рассматривал стену. Ровно в десять вечера снова вспыхнуло святящееся окно, в точности повторяющее размеры зеркала в женских покоях.

— Ясно... — устало выдохнул он, наблюдая, как в просвете появилась жена, одетая в слои кружева.

Фостен собрался щелкнуть пальцами и погасить магию, но внезапно Мэйри поставила ногу на табурет и подняла подол, бесстыдно явив подвязки... Он уронил челюсть. В смысле, руку. Но челюсть тоже.

Медленно и соблазнительно жена принялась стягивать чулок. Отстегнула крючки. Тонкие пальцы забрались под шелковый край, заскользили по стройному бедру, собрали нежный покров на колене, спустились ниже к икре. Нога была обнажена. Мэйри бросила в зеркало знакомо насмешливый взгляд и театральным жестом уронила чулок на пол. Окно в ее комнату погасло.

От удивления Фостен изогнул бровь. Она знала, что за ней наблюдает фиктивный муж? В таком случае, темный лик двуединого им помощи!

На следующий день леди Мейн вела себя как ни в чем не бывало. Раздавала указания, следила за уборкой, ругалась на Хэллавина, дескать, тот не в состоянии правильно вести дела... Вечером, соблазнительно выгнув поясицу, она стояла перед зеркалом с одной обнаженной ногой и снимала второй чулок. Фостен не нашел в себе моральных сил отдать приказ слугам и вернуть испорченное магическое зеркало на чердак.

Седмица выдалась адская: его вызывали в столицу, заваливали письмами и требовали темной магии. Но каждый вечер ровно в десять часов его жена развязывала на халате очередную ленточку, а потом с милой улыбкой смыкала зеркальные створки. Фостен ловил себя на том, что переставал дышать, наблюдая за ее тонкими пальцами, распутывающими очередную завязку.

К концу седмицы, когда халат Мэйри был уже развязан, а нервы Фостена походили на натянутые скрипичные струны, его вызвали в монастырский приют. Кто-то заразил спальни скверной. Стены чернели, а дети болели. Служители светлого лика двуединого две декады боролись с гиблым колдовством молитвами, пока по настоянию королевского советника, опекающего сирот, не вызвали единственного в королевстве темного мага. Скандал уже обещался стать громким.

К особняку Мейнов возвращались в карете советника. Хэллавин беспрерывно зудел, что поездку в храм можно засчитать за седмицу темного служения.

– Ты вообще о чем? – буркнул маг, одарив приспешника выразительным взглядом.

– Ваша супруга мне тут посоветовала, что надо не просто копать в бумажках, а совершать большие дела, тогда можно засчитать год темного служения за два.

– Да неужели? – недобро улыбнулся Фостен. – Она из своего опыта тебе посоветовала?

– Вы можете сколько угодно злиться, но у меня за эту седмицу магия почти год убрала, – внезапно признался секретарь и продемонстрировал запястье с точками. Одна действительно побледнела и грозилась в ближайшее время истаять.

– А я-то думаю, откуда у тебя такое рвение к служению, – съязвил маг.

– И если вам интересное мое мнение...

– Ты знаешь, что не интересно.

– Но я все равно его выскажу. Леди Мейн отлично управляется с замком. Впервые вижу, чтобы слуги заглядывали хозяйке в рот.

Почему это прозвучало так горячо?

– Черт... – сцедил Фостен.

– Вы только что выругались в точности, как ваша супруга, – заметил секретарь. – Кстати, вы в курсе, что она попросила выписать

«Вестник» и теперь каждое утро его изучает? Подумывает вложить деньги в магический металл. Говорит, что это выгоднее, чем покупать булавки и наряды. Очень эксцентричная женщина.

— И эта женщина сведет меня с ума, — потерев переносицу, пробормотал Фостен.

Он действительно слегка ехал крышей. Четвертую ночь подряд ему, как озабоченному отроку, снились неприличные сны! В них он срывал с жены проклятушие кружевные тряпки и занимался безудержным развратом. Лучше бы мучился от привычных кошмаров, у них нет шанса воплотиться в реальности... Но завязки-то на халате закончились! Сегодня Мэйри должна снять кружевную хламиду.

Ровно в десять вечера изящным движением она действительно скинула халат. Покров мягко соскользнул с плеч и опустился к ногам. Под ним оказалась шелковая непрозрачная сорочка на тонких лямках, открывающая ложбинку в соблазнительном декольте. Внизу угадывались очертания совершенно обнаженного тела.

Заканчивая представление для взрослых, Мэйри вновь мило улыбнулась и закрыла створки. Зеркальный коридор потемнел, светилась по контуру тонкая мерцающая линия. Фостен не шелохнулся. От плотского желания сводило мышцы, в паху ныло.

Вряд ли, ввязавшись в игру и дразня фиктивного мужа, она понимала, что Фостен не замечал в ней юную светловолосую девушку, навязанную дедом. Он видел женщину, попавшую в его жизнь напрямиком из другого мира. Только ее: холеную чужеземку с темными блестящими волосами, пронзительными, острыми глазами и дерзким большим ртом.

Завтра супруга скинет последний слой одежды, и Фостен не будет учтивым. К темному лику здравый смысл! Только кретин проигнорирует второе откровенное приглашение войти в супружескую спальню. Третьего может и не случиться, а окончательным кретином он себя все-таки не считал.

И снова в десять часов, когда они уже пережили бесконечный суетливый день и растянувшийся до неприличия ужин, полный предвкушения темный маг стоял посреди своей спальни. Он жаждал и вождедел!

Вспыхнул зеркальный коридор... В нем появился запущенный замковый чердак. Ярко горел шар магического светильника. Видимо,

чтобы хозяин замка четче разглядел непотребный бардак: сундуки с истлевшими шмотками, мебель, накрытую пыльными чехлами, прислоненные к стене потемневшие картины, свисающие клоки паутины. И никакой сексапильной женщины, скидывающей сорочку.

Фостен буквально почувствовал, как его щелкнули по носу.

– Черт! – сквозь зубы сцедил он дурацкое ругательство и, издевательски фыркнув, растер лицо ладонями. – Кретин!

Не пытаясь подавить ухмылку, он достал из ящика комода папку с соглашением, подписанным Мэйри. Темный маг планировал внимательно изучить, о чем именно они с супругой договорились почти месяц назад...

ГЛАВА 8. Цена в базарный день

Вообще, я допускала мысль, что окно в мою комнату, вспыхнувшее на стене мужниной спальни, – случайный магический сбой, однако за зеркалом проследила. В десять вечера на гладком зеркальном полотне на долю секунды высветился полупрозрачный магический символ, похожий на китайский иероглиф, и моментально исчез. Ничего больше разглядеть не удалось, а вечером позже появился не только знак. В глубине мелькнула едва различимая тень.

Муж стоял перед экраном и следил за мной, подтверждая дурацкое утверждение, что многие случайности вовсе не случайны. Я прикусила губу, стараясь сдержать ругательства, и на следующий день, обнаружив ту же тень по другую сторону экрана, устроила шоу для взрослых парней.

Неделю я ждала, что муж поступит как порядочный человек и придет погасить взбесившуюся магию, но он смотрел. Каждый день. Хотелось верить, что, обнаружив в «прямом эфире» захламленный чердак, он догадается, куда именно его послали.

Возможно, Фостен спутал направление или заблудился, когда шел к черту, но добрался он именно до моей спальни. Выйдя из ванной комнаты, я обнаружила мужа разглядывающим высокое напольное зеркало, которым слуги заменили испорченное магией трюмо.

– Фостен?

Он повернулся. Выглядел муж настораживающе: на губах застыла полуулыбка, взгляд был тяжелым и оценивающим. В последнюю неделю мы фактически не встречались. Днем Фостен на пару с секретарем, казалось, исчезал из замка, а возможно действительно исчезал, а вечером наблюдал за мной через зеркало.

– Как ты здесь очутился? – спросила я.

– Ты по-прежнему не запираешься, – пояснил он.

– И?

– И очень плохо изображаешь удивление, Мэйри, – хмыкнул Фостен.

– Странно. Я правда удивлена, – заметила я. – Не ожидала тебя обнаружить здесь на ночь глядя.

– Неужели? – Внезапно он начал приближаться, заставив меня попятиться, чтобы сохранить видимость неуклонно тающей дистанции, но не прятаться же в ванной. – Догадываешься, чем я занимался последние пару часов?

Возможно, принимал холодный душ.

– Напивался? Ты выглядишь, мягко говоря, не в себе.

– Я внимательно читал наше с тобой соглашение.

– Любопытный, конечно, выбор книги на ночь, – отозвалась я. – Пришел рассказать, насколько было интересно?

– Пришел забрать штраф, – промурлыкал он.

– За что? – пробормотала я.

– За соблазнение.

– Прости?!

– Не надо, не извиняйся, Мэйри, – усмехнулся он, встав от меня в полушаге. — Темный лик не даст соврать, мне демонски понравилось.

Стало очевидно: муж воспринимал мой демарш перед зеркалом как приглашение с видом победителя войти в супружескую спальню. И вошел.

Фостен двигался стремительно: одна рука легла на мой затылок, вторая сжала талию. Он склонился и накрыл мои губы требовательным поцелуем. Я настолько растерялась, что ненадолго замерла и забыла возмутиться. Язык умело скользнул по моим сжатым губам, вынудив приоткрыть рот. В коленях появилась слабость.

Хотелось запутать пальцы в его волосах, растрепать небрежно собранные пряди, закрыть глаза и забыться. Всего на секунду – Фостен всегда привлекал меня, как мужчина, но продлить поцелуй до невозвратной точки было полным безумием. Внутри закономерно вспыхнул протест.

С негодованием я оттолкнула мужа, на автомате занесла руку, готовая отвесить пощечину, но он сжал мое запястье и с понимающей усмешкой, глядя в глаза, покачал головой.

– Господи, ты правда не в своем уме? – воскликнула я. – Опять темной магии перебрал?

– Мэйри, не строй из себя недотрогу, – он продолжал усмехаться, совершенно не задетый вспышкой ярости, – мы взрослые люди. Не находишь? Всю седмицу ты развязывала милые бантики на халате. Поверь, я умею понимать намеки...

По-моему, вообще не умеешь. Как было не разглядеть откровенный намек, что тебя посылают в... космос?

– Какие бантики? – угрожающе процедила я.

Фостен выпустил мою руку и, указав на зеркало, напомнил:

– Каждый вечер ты раздевалась перед зеркалом.

Поздравляю, муж, ты попался! Я позволила себе многозначительную паузу и с ироничной интонацией сообщила:

– Фостен, я каждый день раздеваюсь перед зеркалом. И одеваюсь. Говорят, для того зеркала и созданы, чтобы смотреть в них и видеть себя. Но у меня вопрос: как вышло, что ты тоже смотрел на мои бантики? Дай-ка подумать... – Для вида я постучала указательным пальчиком себе по подбородку, словно действительно погрузилась в глубокие размышления. – Похоже, господин Мейн, ты не погасил магию в зеркале и следил за мной? Я права?

– Мэйри... – Он мягко усмехнулся.

– Да?

– Хорошо, что ты не играешь на сцене. Актриса из тебя никудышная.

– А из тебя, господин Мейн, вышел отличный шпион. Не испытываешь неловкости?

– Я должен?

– Что ж, для меня не новость, что совестью ты не обременен. Выходит, дорогой супруг, оштрафовать надо вас. За поцелуй. Именно так написано в соглашении, верно?

– Не поспоришь, леди Мейн.

С понимающей улыбкой он протянул руку, мягко погладил меня по щеке костяшками пальцев, ласково заправил за ухо прядь волос.

– Но что я думаю...

С этими словами Фостен подался ко мне. Его ладони обняли мое лицо, взгляд стал пронизывающим. Склонившись, он прошептал:

– Глупо мелочиться. Начисли сразу два штрафа.

Не давая времени на протест, он приник ко мне с очередным дразнящим, умелым поцелуем. Я была готова растаять, отдать все, что он хотел, получить все, что хотелось мне. Здесь и сейчас. Однако всего месяц назад Фостен, не задумываясь, указал на выход из его спальни. Возможно, он об этом подзабыл, зато я хорошо запомнила.

Отказываясь идти на поводу у влечения, я вывернулась и занесла дрожащую руку, уверенная, что, как и в первый раз, Фостен остановит пощечину. Но он не стал. Смотрел пристально и внимательно. Ждал. На его горле сократился кадык.

Я уронила руку и кивнула:

– Ты знаешь, где выход.

Он тихо хмыкнул, словно сделав какой-то только ему понятный вывод.

– Добрых снов, госпожа Мейн.

Широким шагом муж действительно покинул спальню. Я следила за ним, почти не дыша. Губы пекло, внутри горело. Дверь в покои закрылась. Очень тихо. Комната погрузилась в безмолвие. Пытаясь поставить Фостена на место, я попала в собственную ловушку и испытывала острое разочарование. Не стоило играть с огнем и рассчитывать, что ни за что не обожжешься.

И сны мне снились отнюдь не добрые. В них я позволила мужу сорвать с себя кружевное белье и опрокинуть на кровать. Проснулась в середине ночи, разгоряченная и возбужденная. Перевернувшись на другой бок, я долго лежала, смотрела сквозь темноту на дверь спальни и мысленно ругала темного мага, пробудившего нескромные фантазии.

Утром я выглядела не краше дражайшей свекрови из чайника и представляла собой яркое доказательство, что бессмысленно ложиться спать при любой странной ситуации, как когда-то советовала подруга по универу. Выспаться все равно не удастся. Умных мыслей, как разобраться в случившемся хаосе, тоже не появится.

Раиса, подавшая завтрак в покои, старалась двигаться тихо, словно боялась, что я начну биться электрическими разрядами. Один раз, правда, звонко уронила чайную ложку, но тут же принялась извиняться и сбежала. Вернулась с чайничком, налила ядрено пахнущий отвар в чашку и подвинула мне.

Когда я оторвала взгляд от страницы утреннего «Вестника» и вопросительно посмотрела на зеленовато-коричневый травяной отвар, она пояснила:

– Хозяин Мейн спрашивал, почему ты не пришла к завтраку. Я сказала, что ты захворала. Он посоветовал принести снадобье для хорошего самочувствия. Тобольд заварил.

– Нормально я себя чувствую, – буркнула я и, демонстрируя обратное, потерла ноющий затылок. – Как самочувствие у самого господина Мейна?

– Расчудесное! Очень энергичный! – принялась уверять Раиса.

– Подлец, – недовольно поморщилась я.

Вот у кого совесть крепко спит по ночам, не тревожа сознание.

– Все ясно! Обожди, хозяйка! – вдруг объявила Раи и рванула прочь из гостиной.

Вернулась через некоторое время с новым подносом, на нем стоял маленький заварочный чайник и чистая чашка.

– От головной боли, – пояснила горничная, пытаясь впихнуть мне ненужное лекарство. – Господин дворецкий лично намешал из собственных запасов.

– У меня не болит голова, – буркнула я.

– То есть вы вчера с господином Мейном вино не пили? Вернон сказал, что хозяин не поскромничал.

Я одарила ее выразительным взглядом. В нашем замке ничего не утаишь, буквально офисная жизнь на минималках.

– Не надо слов! Сейчас все будет! – Раиса всплеснула руками и стремительно понеслась к дверям.

Вернулась с очередным чайником. На столе уже закончилось место и ставить посуду было некуда. Отваров, принесенных сердобольной помощницей, хватило бы на аптекарский киоск.

Однако Раиса притащила не отвар, а густой черный кофе. Она шустро налила полную чашку и передала мне:

– Вэлла специально для тебя сварила. Говорит, что это снадобье мигом снимет хандру.

– Кофе? – усомнилась я, разглядывая темный, как деготь, напиток.

– Выпей! – скомандовала горничная. – Вэлла сказала, что поможет.

На споры сил не нашлось. От небольшого глотка у меня перехватило дыхание. Кофе эту ядреную смесь можно было назвать только отчасти. Просто крепкий алкоголь разбавили кофе с духовитым кардамоном. Видимо, чтобы от запаха глаза не сразу вылезали из орбит.

– А новая повариха знает толк, как с утра подлечить настроение, – выдохнув, хохотнула я.

– Тогда выпей до дна! – обрадовалась Раи. – За хорошее настроение!

– Отличный тост, – отставляя чашку, согласилась я. – Передай мое почтение Вэлле. Обязательно в следующий раз попрошу ее фирменный кофе.

Пока переживающие слуги не вылечили меня от еще какой-нибудь коллективно придуманной хвори, я сбежала в библиотеку проверять письма. Иначе так накидаешься лекарством от уныния, что придется пить отвар от головной боли и шлифовать снадобьем от плохого самочувствия. Вся утренняя аптечка пойдет в расход!

С недавних пор библиотека перешла в мое полное распоряжение. Вместе с ворохом счетов, почтовой шкатулкой и толстой книгой расходов. Признаюсь: обидно! Я-то собиралась в библиотеке читать книги и наслаждаться беззаботной жизнью, но Хэллавин принял неосторожный совет творить большое зло так близко к сердцу, что принялся от души помогать хозяину. Вчера хвастался, что умудрился скосить срок служения на целый год. С делами мне помогала разбираться леди Артисс, терпеливо отвечающая в письмах на многочисленные вопросы по управлению большим хозяйством.

В тихое помещение, пахнущее чернилами и книжной пылью, я вошла, не ожидая никакого подвоха, и наткнулась на Фостена. Я планировала избегать мужа если не ближайшие три года, то до осени точно, но он стоял рядом с рабочим столом и перебирал письма из открытой почтовой шкатулки. Выбритый, аккуратно причесанный и одетый явно для выезда.

– Очки забыла! – воскликнула я, когда он повернул ко мне голову, и резко развернулась к нему спиной. Сделала пару шагов и встала.

Боже! Какие еще очки? Даже в прошлой жизни они мне были не нужны, а Ивонна на зрение и вовсе не жаловалась.

Потерев переносицу, я выдохнула и снова повернулась к мужу. На мои нелепые метания он вопросительно выгнул бровь.

– Что ты хотел? – сухо спросила у него.

– Горничная не побоялась солгать, что ты себя плохо чувствуешь, – с иронией заметил муж, откладывая пачку писем на стол.

– Я планировала тебя избегать, – честно призналась ему.

– Долго? – хмыкнул он.

– Постоянно.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Показалось, что за прошедшую ночь Фостен как будто стал еще привлекательнее.

– Какие у тебя сегодня планы, Мэйри? – спросил он. – Я собираюсь в город. Составишь мне компанию?

– У меня куча дел! – изрядно приврала я.

– Хэллавин ими займется, – спокойно отмел он единственный повод никуда не ездить, раз с самочувствием у меня полный порядок. – Прогуляемся, поговорим. Экипаж уже ждет.

Обсудить вчерашнее недоразумение нам действительно стоило. Лучше подальше от замка, где нас никто не услышит. Уверена, для остальных жителей Рокнеста личная жизнь темного колдуна и его молодой супруги сродни реалити-шоу в прямом эфире. Всегда есть на что посмотреть, а потом со вкусом перетереть на кухне под чашечку фирменного кофе от Вэллы.

– Мне надо переодеться, – сдалась я.

Через полчаса Фостен подал мне руку и помог забраться в наемный экипаж, приехавший за нами из города. Салон, отделанный синей тканью, оказался узок и тесен, хотя со стороны карета выглядела вместительной. Едва муж уселся, как мы прижались боками, бедрами и коленями, и у меня возникло ощущение, будто впихнулись на заднее сиденье двухдверной малолитражки, куда люди нормальной комплекции помещались, лишь сложившись компактным бубликом.

Возница тронулся, карета дернулась. Позади остались Вернон с Раисой, провожавшие нас с такими переживающими минами, словно муж собирался завести меня в лес и забыть между елок. Горничная еще и платочком помахала. Спасибо, не утерла себе скорбную слезу.

После крепостного моста, протянутого через глубокую расщелину, поплыли зеленеющие, цветущие окрестности, заметно преобразившиеся с моей последней и единственной поездки в соседней город. Постепенно свет потускнел, солнце исчезло – мы въехали в густой реликтовый лес с высокими деревьями, переплетенные кроны которых не пропускали к покрытой папоротниками земле живительные лучи. Вокруг царил тишина, разбавленная лишь стуком экипажа.

– *Мария*, – мягко, без малейшего акцента произнес он мое настоящее имя, не пытаясь его переименовать на местный манер, и от

этого вдруг засосало под ложечкой.

– Ты решил называть меня нормальным именем? – съехидничала я.

– Оно тебе идет, – пояснил он. – Ты уже придумала компенсацию?

– Хорошо, что ты заговорил о вчерашнем недоразумении, – обрадовалась я. – Мы можем сделать вид, будто ничего не произошло и жить дальше.

– Но я не собираюсь делать вид, что ничего не произошло, – заметил Фостен.

Я повернула голову и обнаружила, что муж смотрит на меня прямым, изучающим взглядом.

– Тогда тебе следует извиниться за вчерашний вечер, – дружелюбно предложила я. – И со своей стороны я тоже извинюсь перед тобой. Не хотела вводить тебя в заблуждение. В мыслях не держала.

– Очень жаль. – Уголки рта мужа дернулись, на губах появилась полуулыбка, на щеке наметилась маленькая складочка.

– Мой поступок был неуместен, Фостен, – признала я ошибку, но посыпать голову пеплом в одиночку не собиралась и напомнила: – Впрочем, ты тоже поступил неуместно.

– Абсолютно неуместно, Мария, – согласился он. – Если тебя это успокоит, я действительно не знал, что артефакт сбоит, пока не обнаружил зеркальный коридор.

– Тебе следовало погасить магию сразу, едва ты обнаружил связь! – отрезала я. – Именно так обязан поступить порядочный человек.

– Не поспоришь. – Фостен вдруг нагнулся к моему уху, заставив замереть от ощущения, что его дыхание щекочет кожу. – Но думал, мы выяснили, что я *не* порядочный человек, а ты в тот момент уже эротично снимала перед зеркалом чулки и развязывала милые бантики.

Он отодвинулся. Некоторое время мы разглядывали друг друга. На лице Фостена играла искушающая улыбка. Очевидно, он достаточно впечатлился томным раздеванием, чтобы подготовиться к долгой осаде супружеской спальни.

Готова ли я рисковать будущим и, будем честны, сердцем, ради мужчины, который видел нормальную семейную жизнь только в кошмарах? Не готова! Совершенно. *Так ведь?*

Внезапно колесо кареты наскочило на кочку и меня швырнуло на мужа. Хотелось бы сказать, что я красиво прикинула щекой к его широкой груди и немедленно решила, как разобраться в чудовищном бардаке, в который нас обоих втянула, но реальность была прозаична. Со всего маха я вмазалась лбом в бритый подбородок Фостена и отпрянула к стенке кареты. Удивительно, как у нас у обоих из глаз не посыпались искры.

– Ты в порядке? – скривившись, уточнил муж.

– В полном, – поморщилась я, потирая ушибленное место.

Спасибо, милосердное провидение, что вовремя настучало по голове и не дало возникнуть предательским мыслям, способным сбить меня с пути в светлое будущее. Я узрела знак и буду держать круговую оборону!

В общем, побитый темный маг и я, узревшая во всем этом знаки, еще некоторое время истерично тряслись в карете, словно та катилась по ребристой стиральной доске. Наконец за окном лесные таинственные сумерки вновь сменились мозаичным тенями, а потом и ярким солнечным светом. Болтанка закончилась. Видимо, подсознательно стараясь поскорее минуть реликтовый лес, возница разогнался и придержал лошадей, стоило из чащи выбраться.

За окном проплыли городские предместья. Карета въехала в раскрытые ворота, и я с любопытством выглянула в окошко. На принаряженных улицах жизнь без преувеличений была ключом. Ветер трепал висящие на углах домов королевские стяги и флаги с уже знакомым символом, качал разноцветные бумажные гирлянды, протянутые между фонарными столбами. В прошлый приезд каменные улицы не в пример сегодняшнему дню выглядели сонными, спокойными и не особенно оживленными. На площади, мимо которой мы проезжали, стояли торговые палатки и собралась толпа. Шла бойкая торговля, шумел народ.

– Праздничная ярмарка? – заинтересовалась я.

– Базарный день, – коротко пояснил Фостен и, придержав пальцем занавеску, посмотрел в окно. – Раз в месяц съезжаются торговцы. Не знал, что он сегодня.

Городок действительно бурлил. Очевидно, на базар собрались жители всех окрестных поселений. Возможно, из соседних городков тоже приехало немало народу. Поглазеть захотелось страшно, но

извозчик проехал мимо веселья, пропетлял по улицам и остановился напротив презентабельного двухэтажного особняка с приметной ярко-синей дверью.

Когда мы вышли из кареты, я с интересом посмотрела на бронзовую табличку, на которой вычурным шрифтом было выбито «Мастер Версейн». И ничего больше, словно само имя говорило абсолютно все о хозяине.

– Версейн один из лучших мастеров, работающих с магическим металлом, – пояснил Фостен прежде, чем взяться за дверной молоток. – Но он весьма эксцентричен. Пять лет назад закрыл ателье в столице, поселился в глухой провинции и заставил всех клиентов приезжать сюда. К нему записываются за четыре месяца.

– У тебя очередь подошла? – с иронией уточнила я.

Едва мы оказались в доме, стало ясно, что о визите темного колдуна мастер узнал за несколько часов до нашего отъезда из замка. Быть точнее: ранним утром, о чем Версейн немедленно поведал, встречая нас так, словно полжизни ждал, когда лично познакомиться с Фостеном Мейном.

– Господин Мейн, огромная честь и неожиданность видеть вас с молодой супругой в моем скромном доме! Был безмерно рад вашему утреннему письму. Специально для вас освободил день. Да и как можно не освободить?

Он почему-то вопросительно посмотрел на меня, словно ждал ответа на риторический вопрос. Я только понимающе улыбнулась. Судя по всему, в лучших традициях магического мира отказать темному колдуну не посмел даже эксцентричный артефактор.

Версейн был удивительно, просто кричаще некрасив: крупные черты лица, правый уголок рта словно застыл в улыбке, а левый опущен, глаза широко расставлены. В этой своей некрасивости он казался почти привлекательным. Только усилием воли я не позволяла себе его рассматривать и оглядывала гостиную. У меня возникало нелепое ощущение, будто в помещении работал кондиционер.

Воздух действительно был прохладным, витал аромат пионов, хотя вазы с цветами в комнате попросту не было. Зато в углу на длинной подставке, напоминающей высокий напольный канделябр, фиолетовым цветом пульсировали три магические сферы размером

чуть больше теннисного мяча. Видимо, они являлись источником свежести и цветочного запаха.

Между тем мастер предложил нам присесть в кресла, стоящие вокруг круглого стола, присел сам. Помощник начал расставлять на крышке стола плоские деревянные ящички и раскрывать крышки.

Фостен отчего-то забыл упомянуть, что артефактор, сбежавший из большого города, не просто мастер удобных безделушек, а ювелир. Украшения были всевозможные: простые и сложные, с драгоценными камнями и без них. Я всегда плохо разбиралась в драгоценностях и относилась к ним прохладно.

– Господин Мейн, я подготовил изделия, как вы и просили. Какие украшения предпочитает ваша супруга?

На мне скрестились три мужских взгляда. Помощник, стоящий за креслом мастера, тоже посмотрел с выжидательным интересом.

– Мне нравятся простые украшения, – проговорила я, начиная понимать, что Фостен решил продемонстрировать мне хваленую щедрость, о которой так сильно кручинилась третья по счету леди Мейн, и перво-наперво привез к ювелиру.

Не удивлюсь, если следующей остановкой в сегодняшней поездке станет лучший в городе салон с женской одеждой, а потом какая-нибудь мастерская с интерьерными мелочами. Чтобы рядышком с чайником в шкафу гостиной выстроились статуэтки, и на стене появились выбранные мной картины. Поражать щедростью жену, так в самую печень.

Обведя ювелирную экспозицию быстрым взглядом, я указала на футляр с двумя тонкими простыми кольцами из серебристого металла.

– Мне нравятся эти кольца.

– Неожиданный выбор! – воскликнул мастер. – Обычно леди предпочитают сложные украшения. Я всегда говорил, что красота простых вещей сильно недооценена.

Я посмотрела на Фостена и предложила:

– Давайте примерим, господин Мейн? В моем мире эти кольца считаются обручальными. Их надевают во время свадьбы в знак долгой и крепкой семейной жизни.

На провокацию он не поддался.

– Почему бы вам не выбрать браслет с драгоценными камнями, леди Мейн? – спросил он. – Вы планировали вложиться в магический

металл, и браслет станет отличным вложением.

– Он подстраивается под нужный размер, – вставил ювелир. – Одна из моих лучших работ!

– Обручальные кольца мне нравятся больше. Можно сделать гравировку «пока смерть не разлучит нас», – с иронией предложила я. – У нас эта фраза является частью брачной клятвы.

Уверена, мастер не понимал, что именно мы обсуждаем и о каких свадебных традициях идет речь, но наблюдал за разговором с большим интересом.

– Или кольцо, – невозмутимо указал Фостен. – Оно подойдет к твоим глазам.

Я посмотрела на кольцо с прозрачными сапфирами и с иронией прокомментировала:

– К *моим* глазам оно не подойдет, да и надевать его некуда.

– Мы возьмем кольцо с браслетом, – решив до конца продемонстрировать щедрость, обратился к ювелиру муж. – Отправьте их в замок Рокнест.

– Вы необыкновенно щедры, господин Мейн, – скромно улыбнулась я.

Выбор украшений, стоивших, как крыло самолета, занял поразительно мало времени. Мы вышли из особняка на ветреную улицу. Молча забравшись в карету, я расправила юбку и жизнерадостным тоном спросила у Фостена, когда тот пристроился рядом:

– Теперь в салон женской одежды или в интерьерную мастерскую?

У него сделался такой странный вид, что стало ясно: я попала в точку.

– Куда ты хочешь сначала? – спросил он.

– Хочу посмотреть на городской базар, – объявила я.

– Обычно благородные леди предпочитают закрытые салоны, – внезапно включив знакомую иронию, прокомментировал муж.

– Фостен, я жена колдуна. В глазах местных мне никогда не стать приличной леди.

Без споров он велел извозчику остановиться как можно ближе к рыночной площади и приказал трогаться. Из кареты он вышел первым, подал мне с улыбкой руку, а потом естественным и как будто

небрежным жестом уложил мои пальцы себе на локоть. Сопротивляться и не подумала – понятия не имею, как без мобильного телефона разыскивать его на базаре, потеряйся мы в людской сутолоке.

Темного мага местные узнавали моментально, сворачивали с пути, а в спины нам летели возбужденно-испуганные шепотки, на которые Фостен не обращал ровным счетом никакого внимания. Но стоило оказаться в базарной толчее, как народ перестал оборачиваться или отходить с пути. Тишком осенять себя знаками двуединого тоже прекратили. До нас ровным счетом никому, кроме торговцев, не было дела. Только эти крикливые люди энергично зазывали хорошо одетого господина посмотреть на товары и порадовать юную жену.

Сначала мы попали в гончарный ряд. Вокруг стояли глиняные горшки и кувшины всевозможных размеров: от огромных до самых крошечных, а на палках с крючками висели гроздьями расписные свистульки и все время звякали от ветра.

– Может, переселим маму в домик побольше? – предложила я, указав на вместительную емкость высотой мне до макушки, с орнаментом по пузатому боку и с широким горлом. – Она будет нам благодарна. Вон сколько места! Просторнейшая урна для захоронения с уникальной росписью.

– Это кувшин для сквашивания овощей, – поведал Фостен.

– Думаешь, наша матушка решит, что мы ее хотим замариновать и не полезет в бочку? Тогда подарим Тобольду.

– Он по осени один такой выкинул, – заметил муж, и я бросила на него недовольный взгляд. – Но если тебе нужен горшок в человеческий рост, то я не против. В него, полагаю, легко замуроваться...

Он многозначительно примолк.

– Как вы нехорошо сказали, господин Мейн, – проворчала я. – Все желание тратить деньги отбили!

Вскоре глиняная посуда сменилась одеждой, грубоватой и неброской, с неяркими вышивками и неприметными расцветками. На овальные болванки были надеты чепцы с большими воланами, а на деревянных плечиках ветер трепал ночные сорочки из плотного полотна.

Различались рубахи только размером и длиной шнурка, по всей вероятности, наглухо стягивающего ворот. Но было у них одно несомненное достоинство: эти изделия народного промысла выглядели

фантастически пуританскими и способными убить любые желания, кроме желания дуэтом помолиться на ночь.

– Возьму эту ночную сорочку. – Я показала Фостену на развевающийся на ветру балахон, у которого свисали длинные рукава, трепетали завязки на манжетах, и вид, прямо сказать, был весьма непрезентабельный.

– Ты уверена, что это не монашеская ряса? – с большой долей скепсиса уточнил муж.

– Еще скажи, что саван.

– Не удивлюсь. Мы сейчас в рядах анвиршей. – Он неопределенно обвел рукой, видимо, намекая на поглядывающих на нас с большим подозрением кротких людей. – Они отреклись от магии во имя светлого лика двуединого.

– Сразу видно, что люди знают толк в непритязательных вещах.

Размер подбирали методом прикладывания ночнушки к спине.

– Что скажешь? – глянула я через плечо на Фостена.

Муж стоял с таким видом, словно сам вид сероватого балахона из неокрашенного хлопка вызывал у него чувство глубокой скорби.

– Не по размеру, – не щадя чувств верующих, в смысле, анвиршей, сшивших замечательный балахон, прокомментировал Фостен.

– Модный оверсайз, – отрезала я.

Народ вокруг посмотрел на меня с большим подозрением, словно возле них громко выругались матом. Фостен посмотрел вопросительно.

– Безразмерное облачение, которое точно нигде не будет жать, – от души похвалила я ночную сорочку.

– Госпожа, возьмите еще ночной чепец, – предложила тихим голосом женщина и указала на чепец с грандиозным воланом, который на сквозняке наверняка начнет махать туда-сюда, как опахало. – Чепец нужен, чтобы ночью ни одна недостойная замужней женщины мысль не проникла в сны.

А я-то все думала, для чего женщины надевают чепчики. Оказывается, чтобы похабщина не снилась!

– Давайте, – согласилась я, мигом представив себя в страшненьком оверсайзе с наглухо завязанным воротом и с воланистым чепцом на голове.

Да тут не только муж от красоты божественной сбежит! Пройдешься в таком наряде со свечкой по замку, воскресшая свекровь поймет, что с таким жутким привидением соревноваться бессмысленно, перекрестится со страху и отправится на покой в большой глиняный горшок. Только успеи заткнуть крышкой широкое горлышко!

После покупки ночного комплекта у меня внезапно случился приступ шопоголизма, хотя ничем подобным я никогда не страдала. Люди с квартирами в ипотеке вообще редко грешат неконтролируемой расточительностью. В общем, опыт для меня был новый.

Фостен следовал за мной, неся в руке завязанные узелочком в льняной отрез покупки. Возле палатки с симпатичными мелочами толпились женщины. Торговец надрывался, привлекая покупательниц и обещая самые качественные на всю провинцию товары. С любопытством я подобралась к прилавку и повертела в руках гребень из розового кварца с длинными частыми зубцами.

– Проклят, – раздался над ухом спокойный голос Фостена. – На облысение.

Я немедленно опустила вещицу и показала расческу из зеленого оникса.

– Заговорен, – резюмировал муж.

– Есть разница? – не поняла я.

– Принципиальная, – с самым серьезным видом уверил он. – Один проклят на облысение, другой заговорен, чтобы менять цвет волос.

– Из блондинки в брюнетку? – оживилась я.

– Из нормального цвета в зеленый, – ответил Фостен, не замечая, что дамы энергично прислушиваются к нашему перешептыванию, шустро возвращают заколки в ящички и отходят от прилавка.

В общем, толпа постепенно рассасывалась и места становилось все больше.

– Уважаемый! – возмутилась я, потрясывая расческой в сторону бородатого торговца. – Обычные расчески у вас есть? Чтобы не облысеть и не позеленеть?

– Наговариваешь, леди, на хороший товар! – возмутился торговец и, выхватив у меня из руки расческу, пару раз провел по длинной бороде. – Видела?

– Фостен, ты надо мной подшутил? – сквозь зубы возмутилась я.

– Было людно, – хмыкнул он. Клянусь, чуть не взяла с прилавка острую булавку и не ткнула ему прямо в лоб.

Гребенку для Раисы все-таки купила, а еще коробку с мармеладом для дворецкого, чайную ложечку в полированном ящичке для секретаря, лопатку для жарки Тобольду, скалку для кухарки. И плетеную корзинку, куда весь скарб пришлось сложить. Фостен взял ее молча. Полагаю он познал дзен, а еще известную истину: чем бы благоверная не тешилась, лишь бы не серчала.

Некоторое время мы прогуливались между рядами. Фостен между делом рассказал, что символ, повсеместно украшающий городок, принадлежит древнему ордену светлого лица двуединого. Считается, будто этот знак ордена защищает от всех темных чар, сглаза и проклятий. Но судя по тому, что темный маг всея королевства Рейванд спокойно прогуливался по городскому базару, никто от первородного зла художественной загогулиной не защитился.

На углу, где один торговый ряд внезапно раздваивался и рогатинами разлетался в две стороны, стоял торговец живыми картинами. На двух десятках холстов разных размеров был изображен полдень. На одних – ясный и солнечный, на других – смурной и пасмурный.

– Господа, художник – потрясающего магического таланта мастер! Его картины точно отражают, что происходит в том месте, где их писали, – с важным видом принялся нахваливать торговец, стоило притормозить и с интересом посмотреть на необычную экспозицию.

Казалось, я смотрела не на полотна с написанными пейзажами, а на мультик в телевизоре. Нарисованный дождь вполне реалистично выбивал огромные пузыри в нарисованных лужах и по нарисованной широкими мазками реке. Или под ярким солнцем ветер волной приминал густую траву на любовно выписанном лугу. Из окошка чьего-то чердака на деревянный пол падали косые лучи, и в них свободно плавала пыль, вспыхивающая светящимися блесками.

На картине с кустом и худым, как будто заморенным, воробьем этот несчастный крылатый заморыш внезапно вспорхнул с ветки и улетел. В прямом смысле этого слова. Ветка шаталась и мелькала белыми ягодками, похожими на круглые пластиковые шарики, а я ждала, когда воробей выскочит из угла рамы. Не выскочил.

– Фостен! – Я повернулась к мужу.

– Дурная затея, – моментально вышел он из образа подкаблучника.

– Подождите, господин! – Торговец почти подпрыгнул, осознав, что клиент намерен уйти и, значительно подняв вверх указательный палец, призвал нас: – Прислушайтесь!

Рядом споткнулся и, выронив булку, с чувством выругался мужичок.

– Слышите? – спросил продавец, театрально приложив к уху ладонь.

В соседнем ряду с грохотом что-то упало. Надеюсь, не прилавок.

– Да просто скажи, что мы должны услышать, – рассердился Фостен.

– Птички на картинах поют, – расплылся в улыбке торговец.

Колдун тяжело вздохнул и сцедил сквозь зубы ругательство. Не напрягай я слух, чтобы различить предполагаемое пение птиц и шелест дождя, никогда не расслышала бы, как муж в сердцах чертыхается.

– Фостен! – Повернулась я к нему. – Мы обязаны купить тебе подарок. Ты сегодня столько всего мне подарил, несправедливо оставлять тебя ни с чем.

– Ты оставишь меня с деньгами, и я смирюсь с несправедливостью, – отказался тот.

– Картины прекрасны, – настаивала я.

– Ты понятия не имеешь, что произойдет, к примеру, завтра утром в том месте, где их рисовали.

– С вашего позволения, господин, завтра утром на этих картинах произойдет утро, – вставил торговец и моментально сник, когда Фостен одарил его поистине тяжелым взглядом, заставляющим неметь.

– По-моему, идеальный подарок для человека, который любит подсматривать в живые зеркала, – хмыкнула я. – Будешь любоваться природой и успокаиваться. Посмотри, тут есть с морским берегом. Говорят, шум прибоя очищает мысли и помогает заснуть. Или я могу тебе уступить чепчик.

– Этой мазни не будет в моей спальне! – включил Фостен грозного хозяина большого замка, женатого пять раз, а так и не уразумевшего, что не стоит бросать вызов женщине.

– Прекрасно, я подарю тебе картину и повешу у себя, – с улыбкой предложила я.

– Интересная логика.

– Ты ведь подарил мне украшения, которые выбрал для себя, – развела я руками.

Мы переглянулись.

– Ты победила: бери картину, – усмехнулся он. – Но, Мария...

– Что?

– Потом не жалуйся.

На этом жизнеутверждающем и позитивном напутствии я выбрала пару картин. На одной был изображен коряжистый лес, на второй тот самый морской прибой. Ей-богу, если прислушаться, можно было слышать успокоительный шелест волны. Я собиралась повесить подарок мужу напротив своей кровати и медитировать, слушая в тишине благородный, наполненный внутренней силой шум большой воды.

Торговались мы с ушлым продавцом так, словно от скидки зависело благополучие наших будущих внуков. После яростного спора он вручил мне три картины по цене двух. Разошлись полностью довольные сделкой. В смысле, я и торговец. Фостен дышал раздражением, ведь тащить приобретенную оптом живопись пришлось именно ему.

– В карету, – сцедил он, крепко удерживая завернутые в бумагу полотна, и решительно зашагал по проходу между рядами.

Я старалась не отставать от него, что выходило абы как, учитывая, какую скорость Фостен набрал. Видимо, он опасался оказаться одаренным за собственный счет очередной магической невидалью. Я случайно кого-то задела корзинкой, повернулась и замерла, увидев знакомое лицо. Посреди пахучего, многоголосого базара полузабытым призраком из чужого прошлого появился Соьер Райт. Он был одет в черное, как ворон – предвестник бед.

Мысленно чертыхнувшись, я опустила голову и заторопилась за Фостеном, кажется, от раздражения чуток подзабывшим, что дражайшую супругу ни в коем случае нельзя терять на базаре.

Тут-то дорогу мне и заступил остроглазый темноволосый парень, похожий на цыгана.

– Госпожа...

– Да я сама тебе погадаю, – бросила я и быстро оглянулась через плечо, чтобы проверить явно поехавшего крышей влюбленного учителя, но он исчез.

Вместо Сойера возле прилавка стоял незнакомый молодой мужчина в черных одеждах.

– Обозналась, что ли? – удивилась я, чувствуя, как внутри отлегло.

– Леди, купите лошадь!

– Чего? – плохо понимая, что от меня хотят, я удивленно посмотрела на чернявого цыгана.

– Лошадь продаю, – широко и белозубо улыбнулся он. – Почти за бесценок.

– Какую еще лошадь?

Внезапно меня натуральным образом кто-то боднул между лопаток. За спиной обнаружилась самая настоящая лошадь! Вороная, длинноногая, с неухоженной гривой, спутанным хвостом и темно-кариими глазами, похожими на переспелые вишни. На шее болталась завязанная на узел веревка.

Живых лошадей я видела разве что в детстве, но приближаться к ним строго-настрого запрещала бабушка, а в телевизоре лошади не были такими... могучими и угрожающе страшными. Я невольно попятилась, вспомнив, что они лягаются.

– Лучше во всем Рейванде не найдешь, леди. – Парень похлопал лошадь по холке, та недовольно застригла ушами. – Бери!

– В следующий раз, – пробормотала я и попыталась обойти цыгана по дуге. Уточню: по такой дуге, чтобы держаться подальше от пахучего и высокого животного, способного зашибить насмерть одним ударом копыта.

Неожиданно та сделала пару мелких шажков, словно стараясь перегородить мне путь.

– Ты серьезно? – буркнула я, как всегда очень резко устав бояться.

– Тебе нужна лошадь, леди! – заявил парень. – А ты нужна этой лошади. Запряжешь в коляску, будешь по дорогам нестись. Ветер не догонит! И всего-то двадцать варьятов.

Я и в своем-то старом мире понятия не имела, сколько стоили лошади, и в принципе никогда ими не интересовалась, но на автомате бросила:

– Пятнадцать.

– По рукам, леди! – радостно воскликнул цыган.

– В смысле, по рукам? – Я изумленно моргнула.

– Ты назвала свою цену, я согласился, – пояснил он. – Давай деньги, забирай лошадь. Ты ее выбрала.

– Я?!

Все еще чужая лошадь смотрела на меня таким взглядом, словно хотела сжевать вместе с сеном. Люди оглядывались к нам с любопытством и начинали шушукаться.

– Что здесь происходит? – раздался спокойный голос Фостена.

Высокий, плечистый маг с белыми, как снег, волосами, был обязан производить самое грозное впечатление. Но он зажимал под мышками дурацкие картины, которые стремились разъехаться в разные стороны.

– Господин, иди мимо! Леди уже забрала вороную, – забранился цыган.

– Мария, ты решила купить это создание? – тихо и как-то очень проникновенно спросил Фостен.

В голове всплыло воспоминание о породистых лошадях, дорогой карете и личном кучере у внезапно воскресшей Вайолет.

– Я думаю, что нам следует возродить конюшню, а то пока возрождаются только твои жены, – проворчала я. – Лошадь плохая?

– Хорошая. – Муж перевел насмешливый взгляд с животного на меня. – Эти создания в принципе хороши во всем. Завтра она вернется к хозяину. Так ведь?

– Что ты наговариваешь, плохой человек? – возмутился цыган. – Я продал лошадь, лошадь осталась у тебя!

Фостен усмехнулся. Цыган как-то быстро стух. Лошадь фыркнула. Я не представляла, кто в здравом уме посмеет унести из замка колдуна хотя бы камушек, но в голове заперла конюшню на амбарный замок.

– Ясно, – на выдохе резюмировал муж, словно считав желание забрать вороную, и спросил: – Ты готова нести за нее ответственность?

– Тебя послушать, мы динозавра покупаем, а не лошадь, – проворчала я.

В Рокнест мы возвращались с корзинкой подарков, тремя картинами и кобылой, привязанной к карете.

После приезда в замок она была освобождена от веревки, поселена в конюшне и накормлена. Живые полотна развесили в строгом соответствии с моим представлением о фэншуйе. Правило это

заклучалось в принципе: куда душенька захотела. В смысле, в спальню, в столовую и в коридор мужской половины. В нем как раз отмыли от угольных крестов двери и явно не хватало художественного изыска.

Маленьким сувенирам обрадовались все. Хэллавин тоже обрадовался, просто вида не подал. С постным видом, словно сделал огромное одолжение, он припрятал футляр с ложечкой в карман узкого черного сюртука, который носил как форму темного приспешника в вечном трауре, и напомнил, что заказанный в столице сервиз застрял где-то по дороге.

– Не благодарите, Хэлл, – улыбнулась ему.

День закончился незаметно. Спустившись к ужину в обычное время, я обнаружила, что в общих залах погасили почти все огни. Гостиная утопала в полумраке, разбавленном одним тусклым магическим шаром. Свет проходил сквозь резные грани стеклянного колпака, и по стенам разлеталась узорчатая тень.

В столовой меня и вовсе ждал сюрприз: накрытый на двоих ужин. Еду уже разложили по тарелкам, видимо, чтобы никто из слуг не мешал и не портил интимную обстановку. На столе горели свечи в двух канделябрах. Ровные, как нарисованные, пики вытягивались вверх, излучали теплый свет, но не справлялись с наступающей темнотой. Однако хрустальные бокалы искрились, а начищенные столовые приборы поблескивали.

В удивлении я замерла посреди комнаты и резко обернулась, когда за спиной раздались шаги. В раскрытые двери входил Фостен. Он выглядел ошеломительно. Хотя бы тем, что был одет, как мужчина из моей прошлой жизни. Узкие брюки, костюмный жилет и белая рубашка с закатанными рукавами, открывающая красивые крепкие запястья, подчеркивали это странное впечатление. И только длинные платиновые волосы, аккуратно расчесанные и заколотые на затылке, давали понять, что он человек из другого времени и из другого мира.

– Мы что-то празднуем? – спросила я неожиданно севшим голосом и тихонечко прочистила горло. – Полагаю, покупку лошади.

– Я не настолько отчаялся, – хмыкнул он и, подойдя небрежным жестом положил мне на поясницу ладонь, отчего тело словно прошло электрическим разрядом. – Просто хочу поужинать вдвоем. Ты не против?

– Неприлично отказываться от ужина при свечах с собственным мужем, – прокомментировала я, закутываясь в ехидство, как в доспех.

Если Фостен продолжит в таком же духе, то сердце у меня не просто дрогнет, а сбивчиво заколотится, как при тахикардии. Мы все знаем, насколько опасно для жизни учащенное сердцебиение!

Он вел себя безупречно: помог мне сесть и пододвинул тяжелый стул, предложил вина и наполнил бокал.

– Давай подогрею, – произнес Фостен и потянулся к тарелке, невольно прижавшись грудью к моему плечу. Его пальцы прикоснулись к волнистому фарфоровому краю, потек темный дымок, потом от еды пошел горячий аромат.

Фостен меня провоцировал и прекрасно осознавал, что я это понимаю. В голове уже пронеслось столько знойных мыслей, такие разнообразные финалы этого ужина, что следовало прямо сейчас надеть целомудренный чепчик анвиршей, чтобы достойно пережить эту трапезу... По крайней мере, не воображая, будто мужчина во главе стола сидит без рубашки.

Где-то на второй трети бокала вина и на половине стейка средней прожарки (благовослови, боже, книгу рецептов, научившую Тобольда готовить) у нас с мужем завязалась беседа. Возможно, от мерцания свечей, от вкусной еды и хмельного напитка, а может быть, из-за мужчины, слушавшего меня с искренним интересом, я расслабилась и рассказала о детстве. О родителях, которые рано поженились и быстро развелись, о вырастившей меня бабушке, об ее огороде рассказала. Зачем-то.

Вряд ли Фостен понял, что такое «огород», и не повел бровью на рассказ о священной картошке, которую следовало окучивать, но заметил, что все деревья, высаженные под окнами библиотеки, имеют сакральное значение. Я вспомнила, как напала на елку, и поерзала на стуле.

Потом речь зашла об учебе. Я призналась, что отучилась на отельера, потому что в другое место просто не смогла поступить. Пошла туда, куда взяли.

– А ты? Где учился ты? – спросила у него.

Оказалось, что Фостен сначала обучался в семье, потом поступил в магическую академию, а на четвертом курсе ушел.

– Выперли? – весело уточнила я.

– В юности у меня был скверный характер.

– С твоей юности мало что изменилось, – не посчитала я нужным проглотить ехидный комментарий.

– Ты была замужем? – внезапно спросил он, заставив меня на мгновение замереть с недонесенным до рта бокалом вина. – Я никогда не спрашивал, но в другом мире, Мария, у тебя был муж? Дети? Ты говорила, что оставила целую жизнь. Как много людей ты оставила в той жизни?

– Ни мужа, ни детей. – Я покачала головой и прихлебнула сладкое вино.

– Любовник? – Фостен бросил на меня быстрый взгляд. – Мне не следует об этом спрашивать?

– Не следует, – согласилась с ним. – Я была замужем за работой и ипотекой. Даже кошку не могла завести.

– Ипотека – это служение расчетному дому, которое длится тридцать лет? – переспросил Фостен и пояснил: – Хэллавин рассказал. Что ты попросила у расчетного дома, когда заключала сделку?

– Квартиру, – с ироничной улыбкой ответила я. – В многоэтажном доме, но в хорошем районе.

– И все? – удивился он. – За тридцать лет служения?

– Звучит странно?

– Тебя обманули.

Сама от себя не ожидая, я искренне рассмеялась.

– Точно! Ужасная сделка! – успокоившись, прокомментировала я. – А что до тебя, Фостен? Думаешь когда-нибудь завести настоящую, а не фиктивную семью?

– Нет, – коротко ответил он.

Я запретила себе обращать внимание на то, как внутри неприятно царапнуло.

– Почему?

– Хочу, чтобы восхитительная женщина из другого мира осталась моей последней супругой.

Мы встретились глазами. Он едва заметно улыбался. Уголки губ изгибались, глаза казались почти темными. Усмехнувшись, я подняла бокал и предложила тост:

– За красивую ложь, Фостен. Она помогает уходить от прямых вопросов, скажи?

Бокалы встретились, раздался тихий хрустальный звон. Я пригубила вино, но на этот раз оно показалось вязким.

После ужина Фостен предложил проводить меня до спальни. Каждый раз, когда он желал спокойной ночи, случалось ровно наоборот, но было в этом жесте нечто волнующее. Мы шли по коридору с нарочно притушенными огнями. Я мысленно гадала, попытается ли он меня красиво соблазнить или по правилу первых трех свиданий хотя бы поцеловать.

На пороге покоев Фостен мягко взял мою руку. Думала, он галантно прижмется губами к костяшкам пальцев, но он мягко поцеловал центр ладони. Невинный и одновременно развратный поцелуй. Странно, что я не расплавилась и не растеклась перед ним лужей.

– Добрых снов, – проговорил Фостен, смыкая мои пальцы в кулак, чтобы, видимо, хранила это касание до завтрашнего утра.

– И вам, господин Мейн, – выдохнула я.

Он сунул руки в карманы этих своих брюк, делающих его похожим на сексапильного мужчину из моего мира, и вознамерился уйти.

– Фостен, ты ведь знаешь, что именно я хочу услышать, – быстро проговорила я. – Ты мог солгать, что между нами будет все серьезно, и свободно войти в супружескую спальню.

– Знаю, – усмехнулся он.

– Почему ты этого не сделал?

– Я никогда не вру в отношениях, – проговорил он. – Но я терпелив и умею ждать.

– Чего именно?

– В конечном итоге ты сама захочешь открыть двери своей спальни без всяких условий, – заявил он с такой потрясающей воображение самоуверенностью, что мне стало смешно.

– Вряд ли, Фостен.

– И тебе понравится, Мария. Но пока тебе нравится обманываться, – с полуулыбкой проговорил он и, вытащив одну руку из кармана, аккуратно заправил мне за ухо завиток волос. – Счастливой ночи.

После его ухода в голову лезли такие мысли, что, ей-богу, впору надевать целомудренный чепчик анвиршей! Я ограничилась

непорочной сорочкой и покрепче завязала шнурок на воротах. Хотела успокоиться картиной, но на той наступила ночь и было не видно ни зги. В общем, не морской прибой, а черный прямоугольник со звуковым эффектом. Но волны шуршали дремотно, заснула под их умиротворяющий шелест...

Внезапно под окном заорали сочным матом. Я подскочила на кровати и диковато огляделась вокруг, спросонья не сразу сообразив, что вообще-то нахожусь в уединенном замке, в другом мире, а не в своей квартире на третьем этаже. Орать под окном здесь точно никто не будет. Спальню заливал серый свет прозрачного, только-только народившегося утра.

Не веря собственным ушам, я ошарашенно посмотрела на картину, висящую на стене напротив кровати. На песчаном берегу, омытом теплой морской волной, валялся истоптанный, заскорузлый ботинок! Тихое утро вздрагивало от красочного мата, сменившего успокоительный шелест волны.

– Да ладно... – пробормотала я, упав обратно на подушку.

Люди в картине продолжали скандалить, понятия не имея, что кто-то на другом конце королевства слышит их душевные разборки. Странно, как от образных выражений, не стесненных предрассудками, не вывалился из стены гвоздик, и картина не рухнула на пол.

– Ну все... – рывкнула я и, соскочив с кровати, схватила с кресла шаль.

Платок завесил дурацкую матерящуюся мазню с ботинком, заслонившим вообще весь приличный вид на морской берег, словно этот чертов ботинок уронили прямо напротив камеры. Голоса резко смолкли.

С чувством выполненного долга, я рухнула обратно в кровать. Только сунула руку под подушку и закрыла глаза, как в предрассветной тишине запели. Гнусавым фальцетом! Хриплый голос не заставил себя ждать. Теперь эти двое тянули печальную песню о том, как прекрасно и тихо утро на морском берегу.

– Да вы издеваетесь! – рывкнула я и наступила тишина. – Спасибо, черт вас возьми!

В картине заскреблась губная гармошка. Визгливый скрежет царапал не только нервную систему, но и чувство прекрасного. И

почему я решила, что живую картину достаточно прикрыть, как клетку с попугаями, чтобы все живое в ней замолчало?

Тихо сатанея, я сняла источник шума со стены, вытащила в коридор и прислонила лицом к стене. Каменная кладка гасила визгливую мелодию.

– Ох, двуединый помоги! – вдруг вскрикнула рядом Раиса, едва не доведя меня до инфаркта.

Вздрогнув, я резко обернулась. Горничная в длинной ночной сорочке стояла посреди коридора и, прикрыв глаза, тихо молилась.

– Раиса, смерти моей хочешь? – рявкнула я, срывая раздражение на неудачно возникшей в коридоре девушке.

– Хозяйка, ты? Ты во что обряжена? Я решила, что по замку призрак утопленницы бродит! – воскликнула та.

– Утопла она, видимо, в ванне, – проворчала я.

– Господин Вернон клялся, что по ночам из мертвого озера утопленницы выходят. Правда, их никто ни разу не видел. – Раиса широко зевнула и снова осенила себя знаком двуединого. – А ты почему не спишь?

– Телевизор выключаю, – буркнула я и с мрачным видом вернулась к себе.

Второй раз утро началось еще хуже. Не успел народ проснуться, как выяснилось, что у нас действительно украли лошадь!

ГЛАВА 9. Трудности укрощения единорогов и строптивых мужей

Все еще не веря собственным глазам, я стояла в конюшне. В окошко нахально лез солнечный свет. Косые лучи озаряли пустое стойло, бережно вычищенное Фрейсом накануне. Лошадь исчезла. В голове не укладывалось, что кто-то рискнул обворовать темного мага!

– Да быть не может, – наверное, в десятый раз нервно хохотнула я, глянув на расстроенного слугу.

Вчера Фрейс так обрадовался появлению вороной, словно кобылу купили лично для него. Оказалось, новый слуга испытывал благоговейный трепет перед благородными животными, умел за ними ухаживать и немедленно в цыганском товаре разглядел породу, чем отчего-то страшно развеселил Фостена. Не обращая внимания на ухмылку хозяина, он расхваливал лошадь, охал и утверждал, что ее можно отправлять на королевские скачки, обойдет всех.

– А что на это сказал господин Мейн? – спросила я, как отреагировал ограбленный темный маг.

– Сказал, что не удивлен, – буркнул Фрейс.

С мрачным видом я отправилась к мужу, чтобы попросить его использовать магию и все-таки отыскать лошадь, но тот с утра пораньше проявил страшное коварство и очередной раз исчез из замка по каким-то чрезвычайно важным делам. У нас тут лошадь нагло угнали, а он даже не обеспокоился!

Зато в гостиной женских покоев на столе обнаружился оставленный им сундучок с украшениями, переданными от вчерашнего ювелира.

В страшном возбуждении Раиса воскликнула:

– Господин Мейн сказал тебе отдать!

– А куда он делся?

– Не знаю, – растерялась она.

Без особого интереса я раскрыла застежку и подняла крышку. Внутри лежали футляры с украшениями. Их было больше, чем выбрал при мне Фостен. Венчала ювелирные богатства, настоящей ценности которых я не особенно понимала, маленькая коробочка для колец.

Доставала ее осторожно, не веря собственным глазам. Аккуратно отомкнула крышку. На черном бархате поблескивали длинные серьги.

– Какая красота! – восхищенно протянула Раиса.

С громким щелчком, заставившим ее подпрыгнуть, я закрыла коробочку, опустила ее обратно и устремилась к дверям покоев.

– Ты куда? – удивилась горничная. – Не примеришь?

– Надо кое с кем поговорить, – бросила ей на ходу.

Очевидно, существовала причина, почему привлекательный мужчина предпочитал выглядеть в глазах людей черным вдовцом, изводившим молоденьких жен, и отрицал ценность семейного очага. Черт возьми, мне хотелось знать правду!

В кабинет Фостена без приглашения было врываться некрасиво. Я честно постучалась, удостоверилась, что он пуст, и вошла. В этой комнате, несмотря на светлое утро, как всегда, царил полумрак. При моем появлении в глухих шкафах, изрезанных светящимися символами-иероглифами, что-то заскреблось и зашелестело.

Чайник с Луизой Мейн на подоконнике пытался согреть пузатый бочок под тусклыми солнечными лучами, с трудом проникающими сквозь невидимую завесу магии. Протянув руку, я осторожно сняла нелепую крышечку и быстренько отстранилась, ожидая, что сейчас Луиза, как мультяшный джин, вырвется из лампы потоком густого дыма. Однако она не появилась.

– Светлого утра, мама, – поздоровалась я, пытаюсь выкурить ее из домика.

Не вышло. Возникло подозрение, что ее сын втихую давно вернул мамушку к благородному батюшке на тот свет.

– Госпожа Мейн, нам надо поговорить. – Я постучала костяшкой пальца по чайнику. Посудина явно была полной, а не пустой.

Свекровь, по всей видимости, сильно обиделась, что ее пытались выселить из замка и заставить посмотреть прекрасный мир в компании третьей невестки. Разговаривать со мной она наотрез отказывалась.

– Луиза, простите, что пыталась вас выселить, – вздохнула я. – С моей стороны это было не особенно красиво. Но я хочу поговорить о вашем сыне.

Секундой позже из горлышка чайника повалил густой дым: вытягивался столбом к оконному откосу и, переливаясь через край, кучерявыми ручейками стекал по стене на пол. Поморщившись, я

помахала рукой перед носом. Видимо, без спецэффектов призраки появляться не умели.

Постепенно из дымных клубов выплелась фигура свекрови. Скрестив руки на груди, Луиза смотрела на меня сверху вниз с откровенным презрением и поджимала губы. Невольно я скопировала ее позу.

– Что?

– Никчемная чужеземка! – провыла она. – Бесполезная...

– Стоп! – выставила я ладонь, действительно заставив ее примолкнуть. – Мама, давайте не больше одного оскорбления за раз, иначе мы не поговорим. Вы наверняка знаете, почему Фостен снова хочет стать вдовцом.

– Опять?! – Призрак комично прижал полупрозрачные руки к раззявленному провалу рта. – Он всегда был плохим мальчишкой!

– Это не причина, – покачала я головой. – Хорошие мальчики в вашем мире вряд ли выживут.

В любимой манере она резко выгнулась и приблизила ко мне страшное лицо, как со старинной посмертной фотографии.

– Королевский род Мейнов проклят безумной Милдрет, – прошипела Луиза. – Идиотка хотела отучить своих распутных отпрысков от блуда, но поразила все родовое древо. Мужчины из рода Мейн заводят наследников только с женщиной, которой поставили брачную метку. Мой сын – самый сильный из темных Мейнов! Он может остановить демона и разрушить мир, любит женщин и превращает их в прах...

– Подождите, мама, с вашими образными выражениями! – перебила я, пытаясь поймать колючую, как морской еж, мысль. – Хотите сказать, дети у Мейнов появляются только в законном браке, а Фостен ни в коем случае не хочет передавать темный дар?

– Ты видела его, – проскрежетала она. – Он прекрасное чудовище!

– И решил прервать род, потому что прекрасным это чудовище кажется только его покойной маменьке-ведьме, – резюмировала я. – Благодарю, госпожа Мейн, за интересную беседу.

За крышкой пришлось тянуться прямо через тело призрака. Ощущения были странными: рука вдруг стала черно-белой, как в старом кино, словно тело мятежной души не пропускало цвета.

– Невоспитанная чужеземка! – страшно возмутился призрак, что его бесцеремонно пронзили насквозь.

– Тут уж вы правы, мама: колхозница во мне всегда просыпается неожиданно, – согласилась я и опустила крышку на горлышко чайника.

Луиза мигом исчезла, только носик выплюнул тонкую струйку дыма.

Из кабинета я выходила в большой задумчивости, из которой меня вывела скалка, зажатая в мощной руке взбешенной Вэллы. Размахивая страшным поварским оружием, она едва не наскочила на меня в холле. Седые волосы торчали из-под подвязанной косынки, грудь тяжело вздымалась, в глазах горела жажда кого-нибудь зашибить (главное, чтобы не меня).

– Вэлла, бог с вами, что случилось? Опустите скалку, пока все живы! – воскликнула я, натуральным образом отшатываясь от женщины, способной отправить меня в нокаут одним щелком по лбу. А у нее выточенная из целого полена скалка, которая, по словам торговца кухонной утварью, прослужит еще внукам кухарки! Да ни один мужик не выживет, не то что хрупкая леди.

– Где это чудовище? – рывкнула она, грозно оглядываясь по сторонам.

– Сама хотела бы знать! – с жаром поддакнула я единственному человеку, разделившему мое возмущение из-за исчезнувшего не вовремя хозяина.

У него лошадь своровали, жена в моральном кризисе, но он посмел свалить. Он что, только к отправке рода Мейнов в небытие относится серьезно, а в остальном – трава не расти, чайник не кипятиться?!

– Мясо из кухни своровал! Понимаете? – рыкнула Вэлла. – Паршивец! Все кастрюли перевернул, а из пасти не выпустил!

– Подождите, Вэлла, – растерялась я. – Зачем господину Мейну воровать мясо?

Она моргнула, перестав трясти скалкой у меня перед носом, и уточнила:

– А?

Стало ясно, что мы говорим о разных чудовищах, и помимо страшного мага, способного дурным настроением ввергнуть замок в долгую арктическую ночь, в Рокнесте завелась другая бабайка.

– Кого вы ловили? – уточнила я.

– Да кота! Черный как демон! – всплеснула она руками, а заодно и скалкой, само собой, возле моего лица. – Или кошку? Уж не рассмотрела, так гонялась.

– Какой еще кот? – искренне удивилась я. – У нас не было ни кота, ни кошки. Кроме лошади вообще никого не заводили. И лошади у нас теперь тоже нет...

– Так вот же он! – перебила меня Вэлла, ткнув скалкой куда-то мне за плечо.

На фоне прояснившегося, но порядком побледневшего и состарившегося портрета Ивонны сидел большой черный кот. Уши стояли торчком, кончик длинного хвоста ходил туда-сюда. И вид этот кот (или кошка) имел такой царственный, что впору кланяться. Как будто и не устроил нахальный грабеж на кухне.

– Ну держись, паршивец! – процедила кухарка и вполне решительно отодвинула меня с дороги.

Почувяв опасность, животное мгновенно подорвалась и рванула в сторону женской половины.

– Куда мясо выплюнул? – завопила Вэлла, бросаясь ему вдогонку.

В отличие от грузной женщины, тяжело преодолевшей пару ступенек, по лестнице хвостатый вор взлетел черной молнией. Кухарка остановилась и перевела дыхание, понимая, что проиграла.

– Вэлла, пощадите животное, – вздохнула я. – Если он спрятался, мы его все равно не найдем.

– Его надо поймать и вышвырнуть прочь! – заворчала она, бочком, неловко спускаясь ко мне. – Изгадит весь замок!

– Вы разве не знаете? Если кот решил завестись, все равно заведется, – попыталась я успокоить разбушевавшуюся воительницу, хотя не понимала, откуда в уединенном замке появился кот. С другой стороны, у нас то коты возникают, то хозяин сам собой выпиливается, когда очень нужен. – Пойдемте на кухню. Вашего фирменного кофе хочется.

В кухне страсти по коту уже улеглись. Слуги сметали рассыпанную по полу муку и черепки глиняной посуды. Тобольд стоял на фоне окна и с трагичным видом капал в рюмочку какие-то капельки из крошечного пузырька. На громоздкой плите с дырчатыми конфорками кипела кастрюля литров на десять, а вокруг разливался

густой знакомый с детства запах бульона на мясе с мозговыми косточками. Бабуля такой варила на борщ. Кажется, я могла ощутить фантомный аромат наваристого, духовитого первого.

– Госпожа Мейн, моя кухня в руинах! – Тобольд с трагичным видом хлопнул капель, скорчил уморительную мину и выдохнул в рукав. – Этот зверь уронил поварскую книгу великого Клода!

– Испортилась? – не оценила я величину проблемы.

– Упала в муку! – воскликнул повар, на что Вэлла угрожающе хлопнула скалкой по ладони. – Пока я спасал книгу, кот своровал кусок отборной говядины!

– Да, я слышала эту страшную историю, – согласилась я. – Что готовите?

– Пока бульон варим, – вздохнул он.

Я задумчиво осмотрела корзинку с корнеплодами, щедро присыпанными мукой, заметила откатившуюся под стол картофелину. На полке лежал кочан капусты.

– Борща хочется, – вздохнула я.

– А как же кофей? – растерялась Вэлла.

– Да бог с ним, с кофе. Сейчас борща наварим. – Я сняла с крючка свободный поварской фартук и, слегка попутавшись в завязках, накинула на себя. – Очень душевной гармонии помогает. Пока сваришь, психовать перехочется.

– Да что такое этот твой борщ, сердечная? – охнула Вэлла. – Что за странная еда?

– Иноземная, – пояснила я и полезла за капустой в корзине, стоящей под столом. – Один раз попробуйте и еще захочется.

Когда вылезала, ударилась затылком о толстую деревянную крышку и ойкнула. Тобольд молча проверил на свет бутылочку с «валокордином», отмерил себе еще пятнадцать капель и одним махом проглотил. Видимо, за упокой отъехавшей крыши у хозяйской жены.

– Леди Мейн, вы будете сами готовить? – Он рванул ко мне, когда я пристроила кочан на разделочный стол и проверила острый поварской тесак. – Осторожно, вы поранитесь!

– Да бросьте, Тобольд, – отмахнулась от него. – Знаете, как моя бабуля говорила? Без борща жизнь не та. Она меня еще в школе учила готовить...

Я шустренько заткнулась, осознав, что сильно разговорила и посмотрела на повара. У него натуральным образом зашевелились усы и отчетливо дернулось веко.

– В смысле, моя матушка леди Артисс, – исправилась я.

– Она тоже умеет готовить иномирные блюда? – тихо спросил он, видимо, пытаясь оценить экзотичность воспитания аристократических девиц в современном магическом мире.

– Сейчас модно проходить поварские курсы, – на ходу сочинила я. – Всех девушек перед свадьбой отправляют.

– Зачем?

– Для общего развития.

Веко у Тобольда дернулось второй раз. Он потер глаз и пробормотал:

– Двуетиный нам помощи.

Готовить мне всегда нравилось. Жаль, времени никогда не хватало. За чисткой, резкой и шинковкой голова пустела, мысли очищались и думалось чудесно. По большей части о муже и его принципах.

Незаметно Вэлла выставила из кухни любопытствующих служанок. Сама тоже ушла, прихватив священную скалку, а Тобольд принимал самое живое участие в процессе, придирчиво не пропуская ни одного шага. Следил, как коршун. Видимо, боялся, что хозяйка перепортит кучу продуктов. Заодно выпрашивал, чему еще на курсах учили. Сама от себя не ожидая, я выдала половину известного мне меню. Название «селедка под шубой» повар очень долго переваривал, а потом спросил, зачем селедку прикрывают шубой и какой именно мех подчеркивает селедочный вкус.

– Я вам дам рецепт, господин Тобольд, но вы мне ответите на вопрос, – покосилась я на него. – Вы живете в замке давно и знаете Фостена дольше меня. Что с ним делает темная магия?

– В другого человека превращает, леди Мейн, – с интересом заглядывая в бурлящую кастрюлю, ответил он и, вытянув губы, снял с ложечки пробу. – Магия пьянит, а потом он мучается кошмарами. Не знаю, какого уж рода эти кошмары, но настроение у хозяина делается демонское! Лучше держаться подальше. Седмицу пар спускает и по женщинам...

Тобольд осекся и бросил на меня затравленный взгляд.

– И много у господина Мейна женщин? – вкрадчиво уточнила я и поймала себя на том, что до побелевших костяшек сжимаю пальцы на деревянной ручке ножа.

Повар тоже меня на этом поймал. Он опасливо покосился на тесак в руках, очевидно, раздраженной женщины и надул щеки, пытаясь придумать достойный ответ, который не довел бы его до монастыря. И до возвращения на службу корабельным коком тоже не довел бы, если этот ответ не понравится.

– Хэлл не позволяет ему пуститься во все тяжкие! Они всегда вместе, когда господин уходит из замка. Приспешник блюдет честь и достоинство королевского внука, как свои.

– Конечно, – многозначительно кивнула я и с раздражением тукнула ножом по картофелине.

И этот блюститель хозяйской чести появился под финал готовки, когда я успела себя убедить, что не ревную мужа к неизвестным бабам, во множестве обитающим за пределами Рокнеста.

Хэллавин вошел в кухню с оголодавшим видом и со словами, что от гуляющих по коридору запахов готов проглотить язык. При виде меня в подвязанном фартуке, перепачканном свекольными пятнами, он замер.

– Доброго дня, Хэлл. Господин Мейн уже вернулся? – как будто небрежно бросила я.

– Не знаю, – пробормотал он. – Я уезжал в соседний город. Попросил мадам Вайри найти управляющего. Хозяин Мейн согласился, что вам непременно нужен помощник.

– Почему вы сегодня не блюдете своего хозяина? – тихо спросила я и выразительно, как в триллерах (или комедиях?), уткнула острие тесака в деревянную разделочную доску.

Повар с секретарем одновременно вздрогнули и сглотнули.

– Некоторые магические дела приспешников не требуют, – быстро проговорил Хэллавин.

– А как же его честь и достоинство? – отчитала я. – Хотите сказать, что он во все тяжкие, а вы тут спокойно отдыхаете? Какая безответственность, господин Хэллавин!

Стянув с себя фартук, я с чувством швырнула его на столешницу. Тут Тобольд возмутился, дескать, нельзя оставлять шедевр кулинарного искусства без присмотра, а он понятия не имеет, что с

ним надо делать. Пришлось дать инструкции. Пока бывший кок шевелил усами и делал вид, что ничего не понимает (или действительно не понимал, зачем дать первому блюду настояться) Хэллавин попытался сбежать.

– Стоять! – рявкнула я, заставив его резко вернуться в исходную позицию сильно сожалеющего слуги. – Сейчас вы мне покажете, где в этом замке тайная дверь, через которую ваш хозяин уходит на все... тяжкие.

Мужчины напряженно переглянулись.

– Зачем? – тихо спросил Хэлл.

– Встречу с хлебом и солью, – сцедила я.

Очевидно, за самую страшную тайну Рокнеста им грозило наказание от хозяина, но они оказались заперты в замке именно с хозяйкой. И пусть магией я не обладала, но личное присутствие взбешенной женщины довлело, а слуги всегда умели расставлять приоритеты.

Через некоторое время мы с Хэллавином стояли на мужской половине возле единственной помеченной крестом двери. Остальные метки отмыли, но я решила, что в этой комнате Фостен хранит колдовские артефакты, и попросила крест не трогать. Пусть народ знает, куда из праздного любопытства не следует соваться. Оказалось, что была недалеко от истины.

– Здесь? – удивленно уточнила я, почти уверенная, что секретарь пытается меня облапошить.

Мне-то казалось, что магический проход надежно спрятан где-нибудь рядом с усыпальницей или в одном из многочисленных чуланов в нежилой части замка.

С видом человека, которому уже точно хуже не сделается, Хэлл нажал на ручку и потянул дверь на себя. Она поддалась легко, даже не скрипнув.

– Вы так запросто ее открываете, – поежилась я.

– Но она ведь не заперта.

За волшебной дверью скрывалась запущенная гостиная с мебелью, накрытой потемневшими чехлами. Портьеры на окнах были распахнуты, спускались к полу пыльные фалды тонкого тюля. Серый свет, с трудом проникающий через грязные стекла, добавлял комнате щемящей беспризорности.

– Где эта комната находится? – спросила я.

– В столичном особняке господина Мейна, – пояснил Хэллавин. – В нем много лет никто не живет.

– Хотите сказать, у нас есть прямое сообщение со столицей? – проговорила я и буркнула под нос: – Тогда какого черта мы добирались до замка три дня на каретах?

Хэллавин одарил меня снисходительным взглядом. Ответ был очевиден: Фостен пытался продемонстрировать новой супруге, в какую глухомань она с радостью переселяется, и надеялся подточить решимость сделать его очень счастливым.

– Идите, Хэлл, я здесь разберусь, – отослала я секретаря.

– Подумываете сбежать из Рокнеста?

– Не питайте напрасных надежд, – хмыкнула я. – Мы с вами надолго.

Желательно, навсегда. Но у вечности постоянно всплывают неприятные нюансы.

– Это хорошо, – ровным голосом ответил на иронию секретарь. – Вы мне по-прежнему должны сервиз.

На этом он действительно развернулся и, со стороны похожий на большую черную птицу, пошагал по коридору.

Оставшись одна, некоторое время я не решалась войти, но переступила порог. В нос ударил запах заброшенного помещения: влажности, пыли и ветоши. В коридор он не проникал, точно его останавливала невидимая завеса. И тишина в особняке царила особенная, как будто неживая.

В смешанных чувствах я прошла по комнате, остановилась напротив семейного портрета, висящего над черной пастью большого камина. От картины веяло таким всепоглощающим одиночеством, что бежали мурашки.

Видеть мужа юным темноволосым и кареглазым юношей казалось странным. В первый момент я едва не перепутала его с Мейном-старшим, настолько похожими они стали сейчас. Одинаковая белая шевелюра, льдисто-прозрачные глаза, холодный взгляд. Темная магия словно постепенно обесцвечивала колдуна. Кожа у парня на портрете казалась смуглой, но, возможно, со мной играло злую шутку слабое освещение.

Было глупо врать самой себе. Мужчину, к которому не испытывают чувств, не ревнуют, его не ждут, не лезут за ним в магические двери, чтобы в сердцах высказать, как сильно он безразличен. Безусловно, не злятся, когда он не желает изменять жизненным принципам. Но влюбленные женщины такие непоследовательные... совсем как я сейчас.

– Такой ты видишь семью, Фостен? – проговорила я громко.

– Детство у меня было безрадостным, – внезапно ответил он, заставив меня подскочить на месте и резко развернуться.

Он стоял в дверях гостиной, буравил меня фирменным тяжелым взглядом и выглядел ужасно, просто отвратительно измотанным. Волосы, собранные на затылке, рассыпались. Губы крепко сжаты. Рукав кожаной куртки оказался разодранным.

– Я не слышала, как ты вернулся.

– В доме приглушены звуки, – бросил он.

– И я знаю, что мне не следовало сюда заходить, – немедленно произнесла я и бессильным жестом махнула на магический проход. – Но у нас украли лошадь, завелся кот, а ты исчез и не появлялся!

– Ты волновалась?

– По большей части я бесилась.

– Очень на тебя похоже, – кривовато усмехнулся Фостен.

Он сорвался с места, в несколько шагов преодолел разделяющее нас расстояние и, внезапно обняв меня, уткнулся носом в изгиб моей шеи. По спине побежали мурашки. Я опешила от всего: от тесных объятий, от ощущения близости и от того, как жадно он втянул запах моей кожи.

– Что ты... – пролепетала я.

– Помолчи, – перебил он. – Просто позволь так постоять. Темный лик не даст соврать, как сильно я хотел тебя видеть.

– Что-то случилось? – через паузу спросила я.

– Да, – отозвался он, отстраняясь, и обнял мое лицо теплыми ладонями: – Случилось. Я женился на тебе.

– К счастью или к несчастью? – осторожно уточнила я.

– Хотел бы я знать, – усмехнулся он.

Я не пыталась избежать его пристального взгляда или опустить голову. Фостен поглаживал большими пальцами мои скулы, словно раздумывая, как далеко ему позволят зайти. Момент для поцелуя

действительно был идеальным! Но он склонился и, прикрыв глаза, прижался горячим лбом к моему лбу. В общем, зря задержала дыхание.

– Я демонски устал... – в его голосе действительно слышалась усталость всех колдунов большого магического мира.

– Есть хочешь? – вырвалось у меня. – Я варила борщ, будешь?

Муж отодвинулся и выгнул бровь, словно хотел отвесить ироничную шутку. Возможно, не одну. Колкость явно крутилась у него на языке, и мысленно я уже расчехлила язвительность.

– Да, я голодный, – внезапно по-простому ответил он.

– Тогда идем, – кивнула я. – Накормлю. Обещаю, тебе понравится.

Когда мы выбрались из заброшенного особняка в замковый коридор, на меня нахлынуло странное ощущение, что мы вернулись домой. В воздухе витал ставший знакомым аромат темной магии. Она отдавала ладаном и восковыми свечами. Не то чтобы сильно, но вполне отчетливо. На стене шуршала живая картина. Фостен прикрыл дверь и вдруг спросил, посмотрев над моим плечом:

– Ты сказала, что в замке завелась кошка?

Словно соглашаясь с ним, живая картина вдруг громко мяукнула. В недоумении я обернулась и обнаружила большого черного кота, сидящего в царственной позе на высоком тонконогом столике. Вообще-то, столик выделили под магический светильник. Сейчас бронзовая подставка, похожая на подсвечник, оказалась сдвинутой нахальным вором-захватчиком на самый край круглой крышки.

– Откуда он здесь? – не поняла я.

Воришка наблюдал за нами с таким недовольством, словно не он утащил кусок мяса у нашего повара, а наоборот: утащил Тобольд и оставил котика голодным.

– Она, – поправил Фостен, – это самка.

Затем он бросил резкое незнакомое слово. На дверной ручке сверкнула буквенная вязь, по периметру двери вспыхнул алый контур. Замок щелкнул, надежно перекрыв проход в столичный особняк.

Видимо, магия кошке не понравилась. Она резко спрыгнула, шатнув столик, и припустила по коридору. Бронзовая подставка закачалась и грохотом сверзилась на пол. Хорошо, что именно эта лампа была неубиваемая. Роняли ее основание с завидной регулярностью. Недавно из него начала вырастать не сфера, похожая на переспелый одуванчик – дунь и разлетится фрагментами, – а

грибная шляпка. И теперь горящая лампа напоминала радиоактивный мухомор.

– Паршивка, – проворчала я и вернула лампу на место.

– Так и собираешься называть это создание? – спросил Фостен.

– Зачем мне давать имя приبلудной кошке?

– Послушай доброго совета: дай ей имя, чтобы она тебя слушалась. Она уже все равно завелась в замке. – Муж устало усмехнулся. – Так что, накормишь этим... Как ты сказала?

– Борщом, – улыбнулась я и кивнула как раз в ту сторону, куда умотала внезапно возникшая в замке черная бестия.

Когда мы вошли в кухню, застали возле плиты Вернона. Он держал маленькую расписную плошечку и, вытянув губы трубочкой, пытался втянуть из ложки борщ. И мы накрыли его на месте дегустации! При нашем появлении дворецкий самым жестоким образом подавился, всосав капустную стружку, что называется, не в то горло. Вытаращившись, он отставил плошку и прижал ко рту сжатый кулак.

– Похлопать? – любезно предложила я.

– Я в полном порядке, – просипел он. – Благодарю за заботу. Хозяин, с возвращением! Я сейчас распоряжусь, чтобы накрыли в столовой. Леди Мейн сегодня приготовила для вас уникальное кушанье...

– Вернон, мы справимся, – спокойно перебил Фостен, стягивая разодранную куртку.

Дворецкий кашлянул и в некоторой растерянности проследил, как хозяин помыл руки в глубокой каменной раковине, а хозяйка размешала поварешкой гущу в кастрюле и налила большую тарелку. Когда я с глиняным горшком сметаны вернулась из холодильной кладовой, Вернона уже не было, разодранная куртка исчезла вместе с ним, а дверь в кухню была плотно закрыта.

Фостен сидел за длинным столом, за которым обычно обедали слуги, и с большим сомнением ложкой перемешивал в тарелке борщ. По всей видимости, капустно-свекольное варево красного цвета не вызывало в нем никакого доверия.

– Со сметаной, – с трудом сдерживая ухмылку, я водрузила горшок на стол и положила в тарелку мужа целую ложку.

Густую пасту из коровьего молока сметаной можно было назвать только отчасти. Тобольд ее использовал для приготовления соусов, но для борща вполне подходило. Однако Фостен смотрел на белый островок в вящем ужасе.

Я подвинула ему тарелку с нарезанным хлебом и скомандовала:

– Надо размешать.

– И в твоём мире это едят? – недоверчиво спросил Фостен, подозревая, что где-то его накололи.

Возможно, подумал, будто на самом деле хваленый борщ у меня не вышел, и вообще я стряпала по вдохновению и собственному представлению о прекрасном. Теперь пыталась накормить его, как подопытного кролика, тем, что наварилося.

– Ты просто попробуй, потом добавки попросишь.

– Ты ведь уже готовила это блюдо? – Он не желал подвергать себя напрасному риску.

– Да, – кивнула я.

– Сколько раз?

– Постоянно! – отрезала я. – В моём мире все любят борщ.

Муж посмотрел на меня очень странным взглядом, словно пытался запомнить такой: молодой, недовольной и растрепанной. Прощался, что ли?

– Ешь, – скомандовала я.

Нахмурившись, он размешал сметану и сунул в рот ложку. На секунду замер. В лице отразилось искреннее удивление.

– Кто тебя учил готовить?

– Бабуля, – подсказала я и с трудом подавила улыбку, когда он начал бодренько есть в прикуску с хлебом.

Пока Фостен жевал, не отвлекаясь на светские беседы, со стороны холодильной кладовой грациозной поступью вышла кошка. Она сощурилась, громко мяукнула, словно привлекая внимание, и одним гибким движением запрыгнула на каменный подоконник.

– Ощущение, что она следит за нами, – вздохнула я.

– Не за нами, – поправил Фостен. – За тобой.

– Откуда только появилась в замке? – буркнула я. – Иди, зефирка, сметаны дам.

С непередаваемым отвращением на морде, словно ей предложили отведать дешёвый корм из непойми чего с запахом курицы, она

отвернулась к окну.

– Ты когда-нибудь хотела завести кошку? – любопытствовал Фостен.

– Когда-нибудь, наверное, и хотела. А сейчас очень хочу обратно нашу лошадь! Я собралась коляской управлять, но у нас теперь ни коляски, ни лошади, – проворчала я. – Вообще, было неловко поднимать эту тему, учитывая, что на тебя больно смотреть, но у вас из замка украли лошадь, господин темный маг. Не удивляет, что кто-то решился? Темная магия не жаждет мщения?

– У меня никто не решится ничего украсть, – убежденно и абсолютно спокойно ответил Фостен. – Лошадь когда-нибудь вернется, но пока у тебя кошка.

Незаметно он почти расправился с порцией, и я спросила:

– Как тебе борщ?

– Сытно, – хмыкнул он, откидываясь на спинку стула. – Еда простолюдинов всегда питательная.

– Подлить еще варева простолюдинов? – поинтересовалась я.

– Буду благодарен, – невозмутимо согласился Фостен вновь приложиться к сытной еде простых смертных из другого мира.

Во вторую тарелку он со знанием дела добавил сметану и начал неторопливо есть.

– Фостен, если я задам личный вопрос, ты ответишь честно?

– Вероятнее всего, нет, – предупредил он.

– Я все равно спрошу, – не сдавалась я. – После колдовства ты всегда страдаешь ночными кошмарами?

Фостен на секунду замер. Он явно не ожидал подобного вопроса.

– Ты устроила допрос моим слугам?

– И нашей дорогой матушке, – добавила я.

– Темных магов всегда мучают откаты, – признался он. – Я переживаю то, что случилось бы с человеком останься у него проклятье. В общем-то, обычное дело, но порой видения бывают выматывающими.

Я посмотрела на волосы цвета платины, выжженные темной магией. Прозрачно-льדיстые глаза мужа почти всегда казались ледяными, в лучшем случае – насмешливыми. И их тоже изменила магия. Дар выжег из глаз тепло.

– Ты похож на отца, – вырвалось у меня.

– Все колдуны рано или поздно становятся похожи, – отозвался он и нахально заявил: – Ты можешь прийти ко мне в покои и помочь избавиться от кошмаров.

– Смотреть ужасы веселее вдвоем? – хмыкнула я.

– В том-то и дело, что вдвоем веселее их не смотреть.

Обычно откровенные намеки меня никак не задевали, но тут просто бросило в жар. Засуетившись, я решительно изобразила щедрость и предложила подлить ему борща. С улыбкой Фостен заявил, что уже готов расстегнуть пуговицу на поясе брюк, и поблагодарил за еду.

– До вечера, – устало улыбнулся он прежде, чем мы разошлись каждый на свою половину замка.

Остаток дня я могла думать только о семейном вечере и готовилась к нему, как к последней битве за женское счастье. Впервые с момента пробуждения в новом мире с интересом перебрала одежду в гардеробной, выбрала платье с откровенным вырезом и отправила Раи хорошенько его отутюжить. Полчаса пролежала в горячей ванне, пока от духоты не поплыло перед глазами, а в ушах не зазвенело. Замотав волосы в полотенце, я намазала на лицо маску из черной глины и почти невообразимо красивая вышла из ванной комнаты...

Посреди спальни, между кроватью и высоким напольным зеркалом, стояла низкорослая черная лошадь с крученным острым рогом посередине лба. Глаза у нее горели алым цветом, как у демона из страшного мультика.

От страха я емко выругалась и, отскочив назад, впечаталась лопатками в закрытую дверь ванной комнаты. Оживший мультик зло заржал, явив пасть с острыми клыками. Второе ругательство вырвалось само собой.

Посланица из ада раздувала ноздри. Складывалось впечатление, что она принюхивается к откормленной жертве и прикидывает, как заглотить ее с головы, если на волосах намотана махровая башня.

– Хорошая лошадка... – пробормотала я, пытаюсь трясущейся рукой нащупать ручку двери.

Открыть мне ее не удалось. Черное чудо-юдо опустило башку, выставило острый рог и, как бодучий бык, выразительно ударило копытом по паркету. Сознание помутилось. Я рванула к кровати и вскочила на нее, высоко задрав полы халата. Никогда в жизни не

скакала с такой скоростью и остервенением! В себя пришла, когда, тяжело дыша, заперла спальню на ключ.

Из гостиной я выскочила, как ошпаренная, едва не сбив с ног Раису с отглаженным платьем в руках.

– Не заходи в покои! – рывкнула я, захлопывая за собой дверь. – У нас хтонь из ада!

– Светлый лик помощи, – пролепетала она, осенив себя божьим знаком. – Луиза опять хулиганит?

– Хуже! Рогатая лошадь! – воскликнула я. – Беги за колдуном. Я буду держать дверь.

– Да как же я к твоему мужу и в спальню... – внезапно заупрямилась она.

– Ладно, ты держи дверь, а я за колдуном!

Раиса бросила мне в спину что-то о разукрашенной физиономии, но я уже не слышала. Дорогу на мужскую половину замка преодолела с такой скоростью, что в боку закололо. Без стука ворвалась в мужнину спальню и застала его, не подозревающего, что в замке возник адский демон, в самом расслабленном состоянии. Одетый в одни штаны он преспокойно тер мокрые волосы полотенцем и при моем вторжении замер.

– Я пришла... – выдохнула я на последнем дыхании.

– Все же решилась спасти меня от кошмаров? – через паузу протянул он.

– Нет, – выпалила я. – Ты спаси меня от кошмара! Не подумай, что я свихнулась... Хотя я, похоже, действительно свихнулась. Но в моей спальне рогатая, клыкастая лошадь!

На лице Фостена расцвела кривоватая улыбка.

– Серьезно?

– Ты мне не веришь, – заключила я.

– Верю, – кивнул он. – Но скажи, Мария, что у тебя на лице?

– В каком смысле? – взбеленилась я, не понимая, почему он не подорвался и на скорости супермена в синем трико не полетел избавлять замок от адского демона. – В моей спальне плотоядная лошадь с рогом промеж глаз! У меня на лице ужас!

– Почему он черного цвета? – невозмутимо поинтересовался муж.

– Чего? – Я выразительно моргнула и немедленно вспомнила, что прискакала в его покои как была: в гриме страшилки из фильма

ужасов. В смысле, обмазанная черной глиной и со скособоченной башней из полотенца на голове, неведомым образом не слетевшей во время проворного бега по лестницам.

Выругавшись сквозь зубы, я стянула полотенце с волос и повозила им по лицу.

– Воспользуешься моей ванной? – любезно предложил он.

– Я воспользуюсь своей ванной, когда ты вернешь демона в ад. Ну или откуда он выскребся? – проворчала я, вытирая махровым уголком щеку. – Не замок, ей-богу, а аномальная зона! Я еще от нашей маменьки до конца не очухалась, а тут лошадь подвезли.

– Не отбрыкивайся от собственных подвигов, – хмыкнул Фостен, заматывая влажные волосы в пучок.

– Намекаешь, что я его вызвала? – процедила я сквозь зубы.

– Ни в коем случае, – отозвался он с такой ироничной интонацией, что дурак бы догадался: не намекает, а говорит прямо.

Пока он натягивал рубашку, я пыталась избавиться от косметической маски. Оттерла, сколько смогла. Смотреться в зеркало было боязно. Какое счастье, что никого не встретила по дороге, пока неслась по замку! Пришлось бы отпаивать народ фирменным кофе нашей кухарки.

– Идем. – Фостен любезно открыл мне дверь. – Посмотрим на этого демона. Никогда не видел их в истинной ипостаси.

Раиса с самым суровым видом, насколько тот мог быть суров у кудрявой рыжеволосой болтушки, стояла под дверью и широко зевала в кулак. Сразу видно, человек преисполнен важностью миссии. Едва челюсть от старания не свернула. Поприветствовав хозяина замка вполне сносным книксеном, по крайней мере, уже не заваливаясь в бок во время аккуратного приседания, она отрапортовала:

– Я держала дверь! Ни одна лошадь не вышла, ни одна не зашла.

– Какой серьезный подход, – бросив на меня насмешливый взгляд, похвалил Фостен.

Он отодвинул девушку с дороги и смело, как к себе домой (впрочем, он и был у себя дома), вошел в женскую гостиную.

– В спальне! – пояснила я и бросилась отпирать дверь.

Понятно, что рядом с колдуном бояться уже было решительно нечего, но только-только найденное в мужниной спальне самообладание заново потерялось, и руки предательски затряслись.

Сунуть ключ в замочную скважину не удалось ни с первого, ни со второго раза.

– Не суетись, – тихо проговорил Фостен и накрыл мои влажные пальцы теплой ладонью.

Он помог попасть ключом в дырку и три раза провернуть. Уносясь в панике, я не заметила, что заперла спальню с адской коняшкой на все обороты.

Муж аккуратно раскрыл створки... Однорогая черная лошадь исчезла.

– В смысле? – оторопела я и, войдя в спальню, недоверчиво огляделась вокруг.

От демона не осталось ничего: никаких следов тривиальной потусторонней жизнедеятельности. В воздухе больше не пахло конским потом, хотя воняла-то лошадь из-под всадника апокалипсиса так, словно весь апокалипсис проскакала буйным галопом.

В большом сомнении я посмотрела на приоткрытое окошко, за которым тихо и мирно смеркалось. Прохладные вечерние сумерки перерождались в раннюю сизую темноту. Начинали зудеть комары и только магическая пугалка, представляющая собой маленький куб с витиеватыми иероглифами на каждой грани, не позволял писклям проникать в комнату. Ни одной черной рогатой лошади вместе с комарами на уровне второго этажа не кружило.

– Клянусь, вот прямо на этом месте стояла черная лошадь! – В огромной растерянности я посмотрела на Фостена, скрестившего руки на груди. – Рог закрученный, глаза горят, как у демона. Она же не могла выйти в окно?

– Ты так думаешь? – иронично переспросил муж.

– Лошадь в окно не поместится, – тихонечко пояснила я.

– Однозначно, – хмыкнул он.

Между тем из-под кровати высунулась черная кошка и настороженно посмотрела в нашу сторону. Кончик длинного хвоста недовольно похлопал по прикроватному светлому коврику.

– Как ты назвала эту тварь? – Фостен запнулся под моим выразительным взглядом. – Извините, леди Мейн, как вы называли вашу нечисть?

– Какую еще нечисть? – мрачно переспросила я, чувствуя себя совершенно по-идиотски.

Муж кивнул в сторону хвостатой чертовки.

– Ах, ты про кошку? – цыкнула я.

– Зефирка, – тихо подсказала Раиса, следившая за нами с неослабевающим интересом.

Весь день она радовалась, что в женских покоях теперь живет кошечка Зефира, а потом черная тварина расцарапала на самом видном месте шелковые тканевые обои и восторга у горничной поубавилось. Именно ей пришлось кисточкой и клейкой массой полчаса приводить дорогие ткани в порядок. Вышло не ахти, но и Раи не реставратор.

Фостен на мгновение прикрыл глаза, словно кошачья кличка вызвала в нем физическую боль.

– Ладно, обойдемся без имени, – пробормотал он себе под нос и бросил какое-то резкое слово, похожее на то, что говорил перед дверью в столичный особняк, когда запирали ее с помощью магии.

Через секунду глаза у кошки полыхнули алым пламенем. Черное тело плавно перетекло в другую форму, и я тоже едва не перетекла. На пол. На моем светлом коврике топталась лошадь с одним рогом. Глаза смотрели нехорошо, но адским огнем больше не горели. Зато витой острый рог топорщился выразительно. Не иначе как от ужаса я представила, что на нем висит кривоватый новогодний фонарик, склеенный из цветной бумаги.

– И впрямь, тварь... – невольно вырвалось у меня.

Секундой позже страшная коняшка превратилась в ту самую вороную, купленную на рынке у цыгана.

– Нет, теперь лошадь! – охнула я.

Случилась новая метаморфоза, и демон принял вид знакомой гибкой кошки с черными, как смоль, глазами.

– И снова кошка...

Тело хвостатой воровки словно потекло, готовое вернуть истинный демонический облик.

– Только не в лошадь! – охнула я.

– В единорога, – поправил Фостен.

Передумав превращаться в рогатую кобылу, Зефирка... Да что там Зефирка? Целая Зефирина, если судить по ее истинному облику! В общем, кошка нахально потянулась, вцепившись когтями в ковер, выставила хвост трубой и с независимым видом пошла в сторону окна.

– Стоять! – рывкнула я, и она действительно плюхнулась на пол. – Фостен, хочешь сказать, что оно... единорог? Господи боже! В моем мире единороги – милые создания. Они радугой плюются и золотые искры из рога пускают, а не вот это все.

– В вашем мире есть единороги? – искренне заинтересовался Фостен.

– Ага, – у меня вырвался смешок, – в сказках. Завтра же едем в город и возвращаем этого демона обратно цыгану!

Откровенно говоря, глядя на кошку, которая вовсе не кошка, а рогатая злобная тварь, я чувствовала себя мужиком из бородатого анекдота. Он ходил с медведем по птичьему рынку и разыскивал мошенника, год назад продавшего ему хомячка.

– Если единорог никуда не ушел сам, то ты его уже ничем не выкуришь, дорогая. – Муж выглядел на удивление невозмутимым, словно у нас появилась милая зайка, а не зубастый, рогатый демон. – Поздравляю, ты стала хозяйкой единорога. Она тебя выбрала.

– Фостен, ты ведь с самого начала знал, кто это, – догадалась я. – Верно? Ты же колдун. Наверняка увидел лошадь на рынке и сразу понял, так?

Он развел руками, и у меня дернулось веко.

– Ты серьезно? – тихо и грозно уточнила я. – Скажи ты мне, что наша лошадь по ночам будет отращивать рог и клыки, разве я бы тебя не послушала? Кем надо быть, чтобы притащить в дом неведомую хтонь?

– Мужем женщины из другого мира, которая ровным счетом ничего не смыслит в мире этом, – невозмутимо ответил он на претензию.

– Ты что же... – Я поперхнулась словами. – Ты впустил в наш замок очередную нечисть, чтобы меня повоспитывать? Фостен, ты в своем уме?!

– Я предупреждал...

– Клянусь, я тебя сейчас чем-нибудь ударю! – взбесилась я.

– Только сама не поранься, – усмехнулся он.

– К черту нежности! – уперев руки в бока, сседила я. – Пожалуй, просто сейчас стану вдовой!

На его лице расцвела ленивая, ужасно сексуальная улыбка:

– Уверен, тебе пойдет черный цвет траурного платья.

Не найдя чем парировать, я натуральным образом рыкнула, вызвав в муже новый приступ веселья.

Недокошка между тем решила смыться через гостиную, но в дверях вдруг подскочила. По хребтине прошла судорога, взлохматившая шерсть драконьим гребнем, видно, хотела превратиться в единорога, но не стала.

– Кажется, мне надо выпить, – потерла я переносицу, представив, как Зефира заберется на диван, перекинется лошадью и переломает антикварную мебель.

Неожиданно в гостиной раздался громкий всхлип. Поглощенные волшебными превращениями адской твари мы совершенно забыли о Раисе, а та никуда не делась и не бросилась наутек, увидев в комнате вместо черной кошки рогатую бабайку. Она сидела на стуле и размазывала по лицу слезы.

– Испугалась? – по-доброму спросила я.

– Хозяйка... – Раи подняла на меня заплаканные глаза. – Ты когда-нибудь слышала такое? Говорят, если невинная девица увидит живого единорога, то помрет одинокой.

– Чушь, – спокойно опроверг Фостен. – Нечисть не приносит несчастий.

– Правда? – с надеждой спросила она.

Одновременно мы посмотрели на зевающую в дверях спальни Зефиру. Клыков в пасти было больше, чем у нормальной кошки.

– Единороги всем приносят счастье и любовь, – уверенно соврала я.

– Впервые о таком слышу, – тихонечко заметил муж.

– В моем мире – приносят! – состроив ему страшные глаза, поднажала я.

– Как скажешь, – отозвался он.

– Всем! – припечатала я.

Ладно, давайте быть честными: в сказках моего мира добрые, благородные создания тянулись к невинным девицам и чистым душам. Учитывая, что в прошлой жизни радостью взрослых отношений я не пренебрегала, а в этой вдруг оказалась душой, подселенной в чужое тело, то ничего доброго и благородного ко мне даже теоретически не могло прибиться. Только демоническая кошко-лошадь. Просто ходячий зоопарк в одном животном. И чему я удивлялась?

– Господин Мейн, простите меня великодушно, но в таких вопросах к вам доверия больше, чем к хозяйке. – Раиса прижала кулачки к груди и громко шмыгнула носом. – Так приносят или нет?

Фостен тоскливо посмотрел на меня, и я едва заметно покачала головой. Дескать, темный маг, наскреби в себе крупницы совести и соври красиво!

– Замок теперь будет купаться в счастье, дитя, – с натугой проговорил он. – Столько счастья, что не захлебнуться бы.

– И я буду купаться в счастье? – Она передумала страдать и вскочила со стула. – И замуж выйду?

– Когда-нибудь непременно, – предположил Фостен.

– За кого?

Горничная расширила глаза от предвкушения, словно темный маг способен подсмотреть в будущее. Но он одарил девчонку фирменным тяжелым взглядом, надолго лишаящим любопытства, и заставил чуток съежиться.

– Дитя, принеси варейского вина, – приказал колдун. – Хотя ты же дитя... Попроси Вернона принести. И каких-нибудь закусок. Нам с леди Мейн теперь обоим очень надо выпить.

Окрыленная радостными перспективами Раиса вприпрыжку выскочила из покоев. Уверена, уже через полчаса по замку разнесется светлая весть, что теперь все жители благословлены черным единорогом и скоро утопнут в счастье. Интересно, в этот раз как много человек сбежит на поиски спасательного круга? Хотелось верить, что в Рокнесте остались люди со стальными канатами вместо нервов.

Я подхватила не ожидающую подвоха Зефиру под мышку и крепче сжала, чтобы та не вырывалась. Очевидно, на руки демоническое создание вообще никогда не брали. Не иначе как от шока, оно не попыталось вырваться, только изумленно мяукнуло и прижало уши.

Фостен следил за мной с искренним интересом.

– Стесняюсь спросить, что ты хочешь сделать?

– Не стесняйся, – посоветовала я. – Ты можешь заставить ее оставаться кошкой?

– Это будет дорого стоить, – протянул он.

– Очень плохой ответ. Я тебе говорила, что стыдно зарабатывать на семье, – покачала я головой и с самым серьезным видом сунула

кошку ему. – Держите, господин темный маг.

Он забрал животину исключительно по инерции. Теперь обалдевших было двое: inferнальная хтонь и оплошавший маг. Вытаращенная кошка просто висела у него на руках и не смела пошевелиться.

– Раз тебе нравится воспитывать женщин странными методами, Фостен, то потренируйся на самке единорога, а я пока переварю сегодняшний день. – Я выразительно кивнула на дверь, требуя покинуть женские покои. – Хорошего вечера, дорогой муж.

– Мария...

– Я все еще зла и не оставила мысль стать вдовой, – предупредила его.

Он кашлянул. Кошка жалобно мяукнула, словно умоляя не отдавать ее колдуну. Я была непреклонна и категорично покачала головой.

Фостен, по всей видимости, умел прочувствовать тонкий момент, когда следует отступить. Перехватив Зефиру поудобнее, он пожелал мне хорошего вечера и удалился. Далеко, правда, не ушел. В коридоре что-то гроыхнуло. Муж сочно выругался. Возможно, кошка превратилась в единорожку и отдала ему ногу.

Из злорадства я и не подумала проверить, что за катастрофа у них случилась и не надо ли дорогому супругу срочно нести костыли. Притворившись глухой, отправилась смывать остатки косметической маски и по мере сил превращать запутанные, подсохшие лохмы в расчесанные волосы.

Пока я приводила себя в порядок, в гостиной с подносом в руках возник Вернон. Он подозрительно оглядывался по сторонам, видимо, недоумевая, почему в женских покоях безлюдно.

– Господин Мейн просил принести любимого вина и закусок, – пояснил дворецкий. – Я принес.

Помимо прочего, на подносе красовалась изящная фарфоровая вазочка. Из тонкого горлышка топорщился бархатистый цветок.

– Поставьте на стол, – попросила я.

– А хозяин?

– У вашего хозяина, Вернон, появилась подходящая ему по характеру компания, – не удержалась и высказалась я. – Два демона точно найдут общий язык.

Вернон скуксился. Махровый цветочек в вазочке тоже вдруг перестал топорщиться: перегнулся через фарфоровый край и повесил бархатистую голову, словно хотел этой самой головой побиться о поднос. В принципе, я его хорошо понимала. Мне тоже хотелось побиться обо что-нибудь головой, а заодно ударить мужа подносом.

Утром на другой половине кровати рядом со мной обнаружился огромный черный дог. Он самым нахальным образом лежал, дышал и смотрел очень плотоядно.

– Пошла на пол! – подскочив, рывкнула я.

Зефира проворно соскочила с постели и трубно гавкнула.

– Кошкой ты мне нравилась больше, – проворчала я.

Через секунду в мою сторону шурилась кошка, большая и хищная. Не знаю, исходя из чего inferнальная хтонь выбирала обличье, но она превратилась в черную пуму.

– Лучше собакой, – покачала я головой и тут же добавила: – Маленькой!

В итоге, когда в спальню заглянула Раиса, ее встретила заливистым лаем крошечная вытаращенная собачка, перебирающая тоненькими лапками.

– Светлый лик помощи! – охнула горничная, прижав руки к сердцу. – Это что за образина?

– Благородный единорог, счастье в замок несущий, – вздохнула я. – Сегодня он в костюме собаки.

Благородный единорог в облике ручной собачки оказался брехлив, визглив и дюже злобен. Пришлось запереть его в покоях, чтобы не распугивал звонким лаем замковых призраков, а заодно слуг.

По дороге на завтрак я придумала десяток ехидных комментариев об умении моего супруга воспитывать нечисть, но все ироничные слова сами собой вылетели из головы. От удивления. За столом в компании Фостена и его секретаря попивала кофе хозяйка агентства по найму прислуги мадам Вайри. Рядом с ней на соседнем стуле с непроницаемым видом сидел Сойер Райт.

При моем появлении бывший возлюбленный Ивонны, как полагалось воспитанному мужчине в обществе аристократов, поднялся со своего места (единственный из присутствующих, остальные манерами не страдали). Губы едва заметно дернулись в почти невидимой, несмелой улыбке. В ярко-синих глазах вспыхнула робкая

радость, но тут же сменилась непониманием, почему возлюбленная осталась холодна, как ледяная глыба.

– Светлого утра, леди Мейн, – ответил Фостен, когда я поприветствовала неожиданное собрание.

Вернон отодвинул для меня стул. Усевшись на привычное место по правую руку от мужа, я вежливо улыбнулась.

– Не ожидала с утра увидеть гостей.

– Мы с официальным визитом, – довольно проговорила мадам Вайри. – Мне удалось найти вам управляющего в замок.

Кажется, вчера Хэллавин что-то говорил о помощнике, но я была очень занята ревностью и не придавала его словам особого значения.

– Познакомься с господином Райтом, – кивнул Фостен.

– Не стоит, – ответила я. – Мы знакомы. Сойер был репетитором моего младшего брата. Как ваши дела?

После моего заявления повисла театральная пауза. Все с большим удивлением посмотрели на Сойера, и тот нервно поерзал на стуле. Не растерялась только мадам Вайри и, ничуть не сконфузившись, быстро проговорила:

– Тем более господин Райт прекрасно подойдет на должность управляющего! – Она с улыбкой посмотрела на Фостена. – Вашей супруге будет проще со знакомым человеком. Вы так не считаете?

– Я так не считаю, – ответила я вместо мужа.

Едва заметно усмехнувшись, Фостен перевел взгляд на Сойера и с грубоватой прямолинейностью спросил:

– Почему вы не упомянули, что служили в доме моего тестя, господин Райт?

– Посчитал неуместным, – не задумываясь, ответил Сойер, словно заранее приготовился к неприятным вопросам. С другой стороны, человек, ловко крутивший роман с хозяйской дочерью под носом у ее родителей, наверняка давно поднаторел в искусстве вранья.

– И что вас заставило изменить преподаванию и приехать в нашу глушь? – вкрадчиво поинтересовался Фостен.

– Слышал, что в замок набирают людей и хорошо платят, – невозмутимо отпарировал Сойер. – Я готов приступить к работе немедленно. Ваш секретарь может ввести меня в курс дел.

– Полагаю, для начала вам следует осмотреться в замке, – проговорил Фостен. – В последнее время к нам приходило много

людей, но не все захотели остаться. Знаете, в доме с темной магией бывает...

– Шумно? – с любопытством встряла мадам.

– Странно, – поправила я.

– Поверьте, меня вовсе не пугают странности, – глухо проговорил Сойер, прожигая меня обиженным взглядом.

– Вы просто с ними не сталкивались, – хмыкнула я.

– Кстати, заметила, что вы поменяли картину в холле, – на редкость не вовремя попыталась мадам переключиться на безопасную тему. – Решили избавиться от современной живописи и вернуться к классике? Портрет очень гармонично вписался в обстановку. Он такой... монументальный!

Обстановку нашего холла составляла аскетичная пустота и крюк от люстры, торчащий из потолка. Нелепо огромный портрет действительно гармонично в нее вписался.

– Дело в том, что это та же самая картина, – жизнерадостно объяснила я. – Но в нашем замке действительно происходит очень много странностей.

Подтверждая мое справедливое замечание, в живой картине на стене ни с того ни с сего страшным кличем хохотнула болотная выпь. Прозвучало, надо сказать, к месту.

– Так покажите мне ваш странный замок, Ивонна! – с яростью выпалил Сойер.

– Конечно, – улыбнулась я одними губами и поднялась из-за стола, посчитав, что любопытную мадам муж с успехом выставит самостоятельно. – Идемте, господин управляющий, посмотрите наши интерьеры.

Он опешил от внезапно приглашения, покосился на Фостена и, замявшись, с неожиданной неуверенностью проговорил:

– Если ваш супруг будет не против.

– Буду не против, – со знакомой иронией согласился тот.

Выходя из столовой, я спиной ощущала напряжение, исходящее от следующего за мной Сойера. Очевидно, не такого приема он ожидал, приехав черт знает куда за любимой женщиной.

– Как хорошо, что все решилось! – звучал в столовой музыкальный голос мадам. – Господину Райту действительно стоит провести в Рокнесте пару дней и хорошенько осмотреться.

Сколько неуместного оптимизма! Я планировала избавиться от бывшего возлюбленного Ивонны за пару минут, едва она уберется восвояси, и выставить его из замка через магическую дверь обратно в столицу.

Надо отдать должное Сойеру, его терпения хватило в молчании дойти до библиотеки. Я плотно закрыла за нами дверь и окинула неожиданного гостя холодным взглядом. Он стоял в нескольких шагах, рассматривал меня с тревогой, словно пытался отыскать знакомые черты, но никак не находил. И это его пугало.

– Сойер, как тебе пришло в голову сюда заявиться? – холодно спросила я. – Когда я уехала из того деревенского дома в бог знает какой дыре, ты не осознал, что пора успокоиться?

– Ты забыла, Ивонна, наши обещания, но я напому, – проговорил он. – Я клялся, что никогда тебя не оставлю.

– Послушай, Сойер, просто живи дальше, – сухо посоветовала я. – Не знаю, на что ты рассчитывал. Уезжай и больше никогда не появляйся. Если поторопишься, то успеешь запрыгнуть в карету к мадам, которая тебя привезла. Не придется вызывать извозчика.

– Ивонна...

– Твой приезд нелеп и неуместен! – перебила я.

– Все жены этого страшного человека сгинули! Я не могу тебя оставить, не могу допустить, чтобы он погубил тебя!

– Сойер, давай будем честными, – я усмехнулась, – ту склянку с ядом в мои руки вложил вовсе не Фостен Мейн. Это был именно ты. Вопрос на сто очков: кто из вас пытался меня погубить?

Он дернулся, как от пощечины. На бледном лице вспыхнули красные пятна, синие глаза стали совсем безумными. Внезапно он кинулся вперед, стремительно преодолел разделяющее нас расстояние и сжал мои плечи.

– Он уже изменил тебя! – словно в горячке проговорил Сойер. – Теперь я это точно вижу: ты больше не моя Ивонна. Ты почти не похожа на свой портрет в холле...

– Господин Райт, – раздался ледяной голос Фостена, заставивший меня вздрогнуть.

Мы обернулись. Муж стоял в дверях библиотеки. Лицо казалось непроницаемой маской, холодной и бездушной. Вокруг фигуры клубилась темная дымка магии.

– Самое время отпустить плечи моей жены и отойти от нее шагов на десять, – проговорил он. – Если, конечно, вы не желаете лишиться рук.

ФОСТЕН МЕЙН

Королевского звездочета заразили проклятием кликушества. Вместо гороскопа на месяц он накарябал прямо на стене дворцового коридора издевательское пророчество. Предрек Меркурий в каком-то Раке, три года дождей, четыре – засухи и смерть венценосному хозяину от дурной погоды. В цветистых выражениях. К служителям светлого лика обращаться с бедой поостерегся, прибежал к королевскому советнику со слезной просьбой вызвать темного мага.

Старинному приятелю Фостен никогда не отказывал, приехал во дворец с самого утра и меньше всего ожидал, что советник заговорит о Марии.

– Как поживает новая леди Мейн? – спросил он, пока дворцовым коридором они шли к башне звездочета.

– Завела домашнего питомца, – хмыкнул Фостен, с улыбкой припомнив, с какой решимостью Мария покупала себе демонического единорога. – Пока не знаю: сбежал или остался в замке.

Противиться было бесполезно. Она уже согласилась его забрать и оставалась слабая надежда, что рогатую заразу, умеющую принимать облик любых зверей, отпугнет сильная магия Рокнеста.

– О твоей супруге ходят странные слухи, – вдруг вымолвил советник. – Говорят, что перед самой свадьбой она преставилась, но потом воскресла. Святой брат, ее отпевавший, клянется, что в ней поселился демон.

– Что за ересь? – Фостен резко повернул голову.

– Вот и я так сказал: неужто темный маг не почувствует демона? – кривовато усмехнулся советник. – Его величество подумывает найти новую девицу...

Внутри Фостена словно распрямилась тугая пружина, его едва не подкинуло от злости. Он схватил приятеля за пиджак и с такой силой рванул на себя, что затрещали нитки.

– Да что с тобой? – воскликнул советник, расставив руки, словно боялся этих рук лишиться.

– Не смейте приближаться к моей жене! – процедил он. – Передай моему деду, пусть попробует ее тронуть, останется без темного мага.

Прокляну всех к черту!

– К кому?

– К темному лику двуединого! Камня на камне здесь не оставлю, – сседи он, с толчком отпуская советника.

Тот пошатнулся, но выстоял. С широкой улыбкой отряхнул пиджак, сорвав рубиновую пуговицу, покрутил ее в руке и спрятал в карман, как мелкую монету.

– Думал, что развеселю тебя сплетнями, но кто же знал, как жизнь повернется...

– Как? – процедил Фостен, сожалея только о том, что не наградил сплетника тычком в зубы.

– Что ты прикипишь к своей жене, – хмыкнул советник и толкнул дверь в башню звездочета, открыв взору длинную винтовую лестницу в обсерваторию и личные покои.

Проклятье оказалось тяжелое: дряхлое старческое тело покидало с трудом, вгрызалось в него и не отпускало. Под самый конец старик вцепился в рукав куртки Фостена с неожиданной силой, надорвав ногтями, как когтями, плотную дубленую кожу. Заставил его склониться и прошипел на ухо демоническим голосом:

– В твой дом скоро придут и захотят забрать чужую душу.

Для кого-то пророчество прозвучало бы полной тарабарщиной, но не для Фостена, женатого на женщине из другого мира. И как же рад он был увидеть ее посреди захламленной гостиной давным-давно заброшенного особняка Мейнов в столице! И оказался столь же зол, застав ее в объятиях явившегося в замок нахального юнца.

Сойер Райт стоял непозволительно близко к его жене, заглядывал в глаза и страстно тискал плечи. Фостен крайне вежливо попросил его убрать руки. Буквально проявил чудеса дипломатии! Однако тот оказался смельчаком на грани идиотизма: с ожесточенной миной схватил Марию за локоть и толкнул себе за спину, словно прикрыв от темного колдуна.

– И что ты сделаешь? – сседи он.

Фостен искренне пожалел, что на самом деле не способен убивать взглядом. Крайне практичный навык, когда от злости печет в груди. Но природа, к сожалению, не одарила.

– Сойер, не глупи! – сседила Мария, отходя на два шага, но лучше бы на три.

– Объясни, мальчик, что я сейчас увидел? – Фостен сделал вид, что его не задело, как по-свойски она обращается к незваному гостю. – Я решил, что тебя прислал Дейвид Артисс, но страсти здесь кипят не детские.

В свете последних дворцовых новостей Фостен посчитал, что тесть отправил шпиона проследить, насколько сплетни верны. Не творит ли их дочь злодейства в паре с мужем, как натуральная одержимая ведьма, и не вынашивает ли планы захватить полмира? Он ошибся.

– Ты женился на моей женщине, колдун! – процедил отчаянный мальчик с потемневшими от собственного бесстрашия глазами.

– Да неужели? – осклабился Фостен, чувствуя, как в груди выстрелило и нехорошо свело. – И большая у вас случилась любовь?

– Да когда бы я успела? – с возмущением встряла Мария. – *Меня* с этим человеком ничего не связывает!

Испытывать ревность к глупому юнцу смешно. Даже нелепо. Фостен никогда не считал себя собственником, с уверенностью заявлял, что все имеют право на прошлое, но отчего-то не мог унять злость. Возможно, потому что кое-какое прошлое его жены осталось вовсе не в другом мире и внезапно постучалось в двери.

– И ты будешь не против, если я его усыплю, как безродного демона, моя дорогая супруга? – тихо спросил Фостен.

– Да ради всего святого, Фостен! – Она начала злиться. – Этот парень слегка с приветом, но за глупость не проклинаят.

– Неужели? – протянул он.

– Особенно насмерть! Просто будь любезен: отведи его к магической двери и забудем об этой идиотской истории, – резковато проговорила она и вдруг добавила: – Пожалуйста.

Ему казалось, что в библиотеке, сердито скрестив руки на груди, стояла темноволосая, остроглазая женщина с красивыми губами, вопиюще неуместная в магическом мире, а потому неимоверно притягательная.

– Заставишь меня колдовать? – вкрадчиво спросил Фостен у Сойера.

Неожиданно мальчик нехорошо усмехнулся, бросил выразительный взгляд на Марию и молча зашагал к дверям библиотеки. В этот момент Фостен пожалел, что действительно не

держит ни конюшню, ни кучера. Отвезти бы этого... господина Райта в горы и оставить там, как приبلудного кота. Но пришлось выставить через портал.

Супруга не оставляла их ни на мгновение. С мрачной миной следовала по пятам, словно опасалась, что где-то в замковом коридоре парень поляжет от темной магии и отправится не в столицу, а напрямик в мертвое озеро. Не зря же это демонское озеро так называют: в прошлом Мейны не всегда были милостивы к неожиданным гостям.

– Останься здесь, – сухо бросил Фостен, не позволяя жене войти следом.

– Будь с ним милосердным! – успела потребовать она прежде, чем перед ее носом захлопнулась дверь.

В захлавленной гостиной заброшенного особняка, похожей на кладбище старой мебели, Фостен остался с парнем один на один. Стены в доме пропитались ядом смертельных заклятий, отпугивающих не только любопытные взгляды прохожих, но и само разрушение.

– Она просила быть с тобой милосердным, – проговорил Фостен в глухой тишине.

– Я слышал, – спокойно согласился Сойер.

– Тебе повезло. Я уважаю просьбы моей жены. – Секундой позже он выбросил руку, схватил парня за горло, и тот вцепился в его запястье, пытаясь ослабить давление. – Ты лишишься только воспоминаний о ней. Никаких любовных мук. Считаешь, что это милосердно?

Из-под пальцев Фостена потекла магия, под кожей парня проявились вены, словно татуировщик обрисовал их черными чернилами. Секунда, вторая. И кровеносный узор вспыхнул синим цветом. Кожа побелела. Защитная метка, поставленная где-то на теле парня, поглотила заклятие.

– Ты ведь не думал, что я приду в твой дом безоружным? – Сойер Райт растянул губы в безумной улыбке.

Откровенно говоря, Фостен вообще не думал о том, что в замок может заявиться кто-то с защитной меткой и предъявить права на его супругу.

– Когда-нибудь метка переполнится и потухнет. – Он усмехнулся и отпустил парня. Пусть тот и хорохорился, но воздух втянул в легкие

судорожно.

– Я поставлю новую, – прохрипел мальчик. – Оказалось, что служители светлого лика никогда не отказывают в помощи. Главное, назвать твоё имя.

– И когда-нибудь у тебя закончится место для меток, – не удержался Фостен. – Кстати, служители предупредили, что заклятие отравляет кровь? По-моему, лишится парочки воспоминаний о первой любви гораздо гуманнее. Иди, парень, и притворись, что у тебя потеря памяти.

– Я уйду, колдун, – тихо согласился Сойер, – но ты храни *мою* Ивонну. Бережно и с большой заботой. Для меня.

Этот симпатичный мальчик наверняка нравился девицам. Он был лет на десять моложе Фостена, прекрасно подходил возрастом его супруге и вряд ли превращался в теряющее человеческое лицо чудовище. И его не проклясть! Не за глупость – за дерзость. За нее ведь проклинали?

Фостен не отказал себе в удовольствии выставить юнца из особняка тычком в спину под проливной дождь, накрывший столицу. Незванный гость проскакал по изъеденным временем ступеням в заброшенный буйный сад. Беззвучно сама собой захлопнулась дверь в особняк, обдав хозяина потоком влажного сквозняка и запахом мокрой листвы.

Мария ждала его в коридоре, сердитая и насупленная. Скрестила руки на груди, оперлась спиной о стену. Фостен запер портал и молча посмотрел на жену.

– Сойер был любовником Ивонны, – тихо произнесла она. – Когда стало известно о скорой женитьбе, эти дети придумали идиотский план. Ивонна фактически отравила себя, чтобы впасть в кому... в смысле, в летаргический сон и думала, что ее откачают. Никто не учел, что она много месяцев морила себя голодом. Тело не выдержало.

– И появилась ты, – подсказал Фостен, не отрывая от нее взгляда.

– И появилась я, – согласилась она. – Перед нашей свадьбой он пытался меня похитить. Я сбежала и только чудом добралась до часовни вовремя.

– Ты опоздала.

– Ну извините, я не особо ориентируюсь в местности. – Она развела руками. – Я пытаюсь сказать, что *меня* с Сойером Райтом

ничего не связывает.

- Знаю, – согласился Фостен, сделав к ней шаг.
  - Я не ожидала, что он действительно заявится в наш замок!
  - Это было заметно, – отозвался он, шагая еще разок.
  - Он догадался, что Ивонны нет.
  - Наплевать, – уронил Фостен.
  - Это все, что ты можешь сказать? – проворчала она.
  - Нет.
  - Тогда говори.
  - У вас греховные губы, леди Мария Мейн.
- Он взял ее за подбородок и приник к приоткрытым губам.

ГЛАВА 10. Битва зла с добром

Я сдалась без колебаний, ни на мгновение не задумавшись, что стоит его оттолкнуть. Фостен, казалось, был из тех мужчин, которые редко целуются и просто берут свое, но он целовался со вкусом, давая почувствовать каждое движение губ и языка. Неторопливая, умелая ласка будоражила. Цепляясь за плечи мужа, я запрокинула голову, чтобы было удобнее.

– У тебя есть выбор... – вымолвил он, когда мы отстранились.

– А мне нужно выбирать? – Я ласково провела ладонью по его шершавой щеке.

Не дожидаясь второго приглашения, он подхватил меня на руки. Единственный раз, когда мужчина взял меня на руки и попытался донести до кровати, закончился полным провалом. Мы вместе с грохотом свалились, не добравшись до постели. Фостен был в прекрасной физической форме и нес легко, словно не ощущая моего веса.

Во время колдовства любой жест и движение заставляли его напрягать каждый мускул, словно он ворочал неподъемные камни. Видимо, нести женщину оказалось куда как проще.

В предвкушении я крепче прижалась к его груди, губами игриво провела по линии скулы, оставила влажный поцелуй на шее. Он замер посреди коридора и хрипло пробормотал:

– Замри, иначе не дойдем.

– Боишься уронить? – хмыкнула я ему на ухо и слегка прикусила мочку.

Фостен вздрогнул всем телом. В потемневших глазах таилось столько обещаний, что дыхание перехватало. Хотелось, чтобы он выполнил каждое.

– Боюсь остаться в коридоре.

– Мне нравится твоя фантазия, – согласилась я.

– Мне тоже, – он сглотнул, – но сюда заходят слуги.

Ему не пришлось изворачиваться, чтобы повернуть ручку. Дверь спальни открылась сама собой и тихо сомкнулась у него за спиной.

Свет, струящийся в комнату через окно, начал бледнеть, разрастались тени. В середине дня в тихой комнате стремительно созревала ночь.

– Не надо темноты, – прошептала я, желая пережить каждый острый момент в ярком свете и не упустить ни секунды. – Никогда не стеснялась света.

Послушные тени вернулись в углы, оставив после себя полупрозрачную дымку. Свет, сдержанный магией, хлынул сквозь окна.

– Тогда я тоже хочу тебя видеть, – предложил он.

– В таком случае, самое время меня опустить, – улыбнулась я.

Едва мои ноги коснулись ковра, я легонько толкнула Фостена в кресло. Принимая правила игры, он сел. Руки расслабленно легли на подлокотники. Тяжелым взглядом он следил из-под полуприкрытых век, как в солнечных лучах, дразня, одну за другой я расстегиваю жемчужные пуговицы на платье. Сначала на вороте, потом на груди. Пояс, затягивающий талию, распутался сам собой, видимо, не без помощи магии. К концу этого действия я мысленно проклинала дурацкие пуговицы, которые, казалось, никогда не закончатся. Платье с шелестом упало к ногам, тонкая сорочка подчеркивала изгибы тела. Она тоже отправилась на пол.

От вожделения в потемневших глазах мужа кружилась голова. Послушными руками я медленно развязала завязку на поясе и взялась за чулок.

– Оставь мне, – последовал тихий приказ.

Фостен протянул раскрытую ладонь. Не разрывая зрительного контакта, я приблизилась, вложила в его руку пальцы и грациозно опустила ему на колени. Мы оказались лицом к лицу, губы к губам. Я чувствовала, каким твердым он был в паху. От этого восхитительного ощущения сильнее заныло внизу живота.

– Фостен, ты должен знать. На самом деле я понятия не имею, осталась Ивонна девицей или нет. Могу только предполагать.

Он раскрыл мои пальцы и поцеловал в центр ладони. Мягко и так сладко, что я невольно заерзала у него на коленях.

– Это неважно, но я буду бережным, – ответил он прежде, чем наши губы вновь встретились.

Красиво укладывать женщину на кровать, по-моему, целое искусство. Фостен владел им в совершенстве.

Он избавился от рубашки, растрепав пучок. Убрал с лица упавшие волосы.

– Замри, – скомандовала ему, желая в полной мере насладиться прекрасным видом рельефного торса, волновавшего смелые фантазии с первого мгновения, когда он предстал передо мной на портрете.

Фостен усмехнулся и действительно замер. С огромным удовольствием я прижалась губами к его груди, огладила живот и не заметила, как оказалась откинутой на подушки. С мучительной медлительностью, словно специально дразня, он снимал с меня чулки, отвлекаясь на то, чтобы поцеловать колено или оставить горячий след на нежной коже. Каждое прикосновение вызывало волну лихорадочной дрожи.

К тому времени, как мы оба оказались полностью обнажены, тело горело, в голове не осталось мыслей. Уже не хотелось, чтобы муж был бережным и деликатным. Однако Фостен двигался мягко и остановился, позволяя мне привыкнуть к заполненности внутри.

Никакой знакомой боли, вызывающей единственное желание – прекратить начатое, я не ощутила. Напротив, накатила волна удовольствия, из груди вырвался судорожный вздох. Похоже, Ивонна действительно была влюблена, раз под носом родителей зашла так далеко, что подарила невинность, несмотря на строгие правила отцовского дома.

И когда стало очевидным, что можно не осторожничать, Фостен перестал себя сдерживать. Тишина комнаты наполнилась нашими стонами. Я плавилась в умелых руках, хватала пересохшими губами раскаленный воздух. Бог мой, наверное, стоило попасть в другой мир, чтобы оказаться рядом с этим мужчиной, знающим, как заставить женщину почувствовать себя желанной и испытать наслаждение.

Когда мы достигли пика и пытались отдышаться, я вдруг осознала, что высокое ложе с измятыми простынями, ставшее брачным, окружал туман. Солнечный свет пронзал завесу косыми лучами. Создавалось впечатление, словно мы в заповедном месте, укрытые ото всех туманным покровом. Полное уединение от суетливого замка.

Фостен прикрыл глаза. Расслабленный и умиротворенный. На груди осталась испарина, волосы были растрепаны. Кончиками пальцев я мягко очертила контур его плеча, провела по ребрам,

скользнула рукой по крепкому животу. Не открывая глаз, он перехватил мою руку и ловко притянул к себе. От него пахло чистым мужским ароматом.

– Жена, лежи тихо.

– Пощады колдунам? – поддразнила я.

Губы мужа дрогнули от улыбки.

– Растягиваю удовольствие.

Я прижалась к его теплomu боку и смежила веки. Недавно он заявил, что войдет в мои покои без условий, сомнений и торга. Фостен был самоуверен и не подозревал, что мы сдадимся вместе, а он попросит меня войти в спальню к нему. И мы оба выиграем.

К ночи мы все-таки решили выбраться из мужских покоев для тихого набега на кухню. Платье, провалявшись на полу небрежным комом, напрочь измялось. Волосы спутались, и на моем фоне Фостен явно выглядел лощеным аристократом. Весьма аристократично и высокомерно он скомандовал мне стоять и не шевелиться, заодно поднять руки, а сам беспрепятственно принялся оглаживать платье горячими ладонями. Дымок из-под них шел весьма выразительный, как будто на мне, как на вешалке, отпаривали одежду. Впрочем, ощущения были похожие.

– Поджаришь, – пробормотала я.

– Но бережно...

Он обвил мою талию руками. Пар уже не шел, но заранее стало горячо.

– И не соблазнишь, – вполне серьезно предупредила я. – Есть хочется больше.

– Согласен. – Из голоса Фостена внезапно исчезли соблазняющие интонации, а руки утратили мягкость. Платье он отряхнул весьма небрежно, словно выбил из него пыль вместе со складками, кое-где приласкав так, что захотелось отряхнуть его в ответ.

В коридоре под дверью обнаружилась большая черная пума. Просочиться в спальню к колдуну нечисть не могла ни в каком виде и никому не позволила. Видимо, весь день охраняла покои от вторжения жителей замка.

– Пропусти, – сухо приказал Фостен.

Она мазнула по нему безразличным взглядом, в высшей степени нахально зевнула и грациозно поднялась. Мгновением позже возле

моих ног скакала маленькая лупоглазая собачка с тонким хвостиком и крошечным витым рогом промеж восторженно торчащих ушей.

– Что это? – тихо спросил колдун.

– Рогатая собачка, – развеселилась я, подхватывая звонкое, как колокольчик, рогатое чудо-юдо. Собачка принялась восторженно лизать мой подбородок, словно мы не виделись сто лет, и бедняга страшно соскучилась.

– Темный лик, помоги, – неодобрительно покачал неприбранной головой Фостен. – Единорожина, разве можно так подлизываться? Даже мне стыдно за твой демонический вид.

Зефира резко повернула голову и сварливо зарычала, продемонстрировав клыки.

До хозяйственного крыла собачка доехала на руках, дерзко огрызаясь на колдуна, когда тот пытался приобнять меня за плечи или хотя бы положить ладонь на талию. В пустой кухне, где слуги успели до блеска отмыть все поверхности, на обеденном столе стояли прикрытые колпаками тарелки и большое блюдо.

– Они так намекнули, что не стоит никого будить? – фыркнула я, выпуская рвущуюся из рук собаку.

В полете та превратилась в кошку, мягко приземлилась на плитки и с гордым видом двинула в сторону миски. Рог по-прежнему важно торчал из лба. Плошки с кошачьим ужином стояли возле стены. Зефира воткнулась острием рога в стенную облицовку и яростно зашипела. Вокруг ушастой башки закружились звездочки, как в мультиках, когда герой обо что-то ударялся макушкой. Думала, что сейчас от досады превратится в единорога, но кошке не хотелось терять время. Рог исчез, и она беспрепятственно принялась с чавканьем есть.

Между тем внучатый племянник короля – да просто монаршая кровь! – проигнорировал приготовленный поваром ужин и пожелал подкрепиться едой простого иномирного народа. Однако вместо борща в холодильной кладовой я обнаружила пустую кастрюлю с поварешкой внутри и с надкушенным куском хлеба на дне, которым, похоже, с особой тщательностью до блеска обтерли стенки.

– Это не намек никого не будить, а извинения, что борща не осталось, – вернувшись, указала я на накрытый стол.

Мы решили быть непривередливыми. Ели то, что Тобольд настряпал: идеально прожаренный стейк, крошечные картофелины, порезанные овощи с какой-то совершенно неземной заправкой (не устану повторять: благослови двуединый книгу с рецептами). В общем, быть непривередливым сегодняшним вечером оказалось очень приятно, сытно и вкусно.

– Но ты ведь наваришь этого своего простонародного кушанья из свеклы и капусты? – спросил Фостен.

– Это тебе дорого обойдется, – заметила я.

– Разве не ты говорила, что нельзя зарабатывать на семье? – возмутился он, и я с ухмылкой пожала плечами.

На некоторое время в кухне воцарилось задумчивое молчание. Фостен насадил на вилочные зубцы кусок мяса с кровью, внимательно посмотрел его на свет, перевел взгляд на меня и уронил:

– Сколько?

– Ты умеешь управлять коляской? – деловито поинтересовалась я.

– Мне кажется, ты начала очень издавна, – верно заметил он. – Я умею управлять коляской, но почему ты спросила?

– Научи.

– Чтобы ты ездила сама? – уточнил он таким тоном, словно посчитал меня чуток безумной, и, отложив приборы, скрестил руки на груди.

По всему было видно, что господин темный маг приготовился к долгой осаде.

– Откуда столько скепсиса в голосе? – фыркнула я, указав в него вилок. – Мы с Зефирой прекрасно поладим! Я буду аккуратным водителем.

– Кем?

Я потрясла вилок, пытаюсь вспомнить, как называют человека, управляющего каретой. Как часто бывает, когда нужно немедленно сказать какое-нибудь слово, оно напрочь выпало из памяти, оставив бесящее ощущение, что сейчас точно вспомнится! Однако в черной дыре, образовавшейся в голове, вообще никаких слов не водилось.

– В смысле, кучером, – нашла я. – Извозчиком! Управленцем! Короче, ты понял, что я пытаюсь сказать. Научишь?

– Ты умеешь ездить верхом? – уточнил он.

– Зачем мне ездить верхом? Я собираюсь запрягать лошадь и ездить в коляске.

– Совершенно исключено, – отказался Фостен.

– Почему? – обиделась я.

– Не хочу стать вдовцом по-настоящему, – сухо отозвался он.

– Тогда найму наставника.

– Я сделаю вдовой его супругу, – спокойно объявил темный маг, по утру открывший в себе чакру ревности. – А ты сделаешь его детей сиротами.

– Я найму холостого и бездетного наставника.

Вновь возникло глубокомысленное молчание, разбавленное лишь басовитым мяуканьем кошки. Она доела свой ужин и очень хотела попробовать нашего.

Внезапно Фостен показал мне три пальца: мизинец, безымянный и средний. Я их пересчитала, пытаюсь понять скральный смысл этого жеста. Смысл не улавливался

– Ты так изящно пытаешься меня послать? – уточнила я. – И явно не в женский будуар.

– Три, – ничего толком не объяснив, показал Фостен.

– Я вижу. Три пальца. И? – согласилась я, и он одарил меня выразительным взглядом. – Мне нужна помощь зала. Намекни хотя бы, что ты пытаешься сказать.

– Три кастрюли свекольной похлебки, и я тебя научу управлять лошадью в упряжи.

– Боже, Фостен, – я не сдержала смеха, – меня впервые шантажируют, чтобы заставить готовить борщ!

Целую неделю господин Мейн покупал коляску. Когда ее привезли под скорбные стенания Хэллавина, что он-то только во сне видит черный брутальный сервиз, заказанный по каталогу, еще на неделю зарядили дожди. В непогоду Фостен наотрез отказался проводить уроки «вождения», но природа за эти серые сумрачные дни окончательно расцвела. Лесистые горы, обступающие Рокнест полукольцом, полностью зазеленели, и издалека казалось, будто склоны покрылись мягким ковром.

В замке между тем завелся потусторонний гость. Слуги утверждали, что по коридорам летает очередной пробудившийся призрак кого-то из предков Мейнов: перевешивает картины, срывает

шторы и просто шастает по гостиным, чтобы попугать народ. Фостен заявил, что по ночам хулиганит единорог, и тем самым попытался прекратить разговоры.

– Единорог умеет превращаться в человека? – поинтересовалась я.

– Нет, – не поднимая взгляда от свежего «Вестника», буквально утащенного у меня из-под носа, ответил муж.

– В таком случае, вызовем охотников за привидениями?

– Кого? – не понял он, наконец потрудившись поднять голову и посмотреть на меня, правда, как на идиотку.

Казалось, он представлял охотников за привидениями не смелыми ребятами с какими-нибудь магическими мешками, куда усаживают нечисть, а бородатым ансамблем песни и пляски, устроившим в нашей гостиной горячее шоу. Признаться, у меня в воображении они рисовались именно так: мускулистыми заводными бородачами, выкрикивающими в воздух сексуально-резковатые слова на латинском языке. Практически горячими братьями из старого сериала о сверхъестественном.

– Раз ты не хочешь видеть в замке охотников, может, выпустим нашу маменьку из чайника? – с самым невинным видом предложила я и прихлебнула чай. – Пусть патрулирует территории. Найдет новичка и научит хорошим манерам.

– Оставим маму в покое.

– Пригласим профессионального мага? – невозмутимо выдвинула я новый план.

– Тебе одного мага мало? – Фостен с раздраженным видом сложил «Вестник» и одарил меня весьма недружелюбным взглядом.

– Тогда, дорогой муж, вам стоит лично заняться ловлей неопознанного призрака, пока он не распугал из замка толковых слуг, – отрезала я.

По этому случаю три дня ночевали отдельно. Занимался ли Фостен ловлей потусторонней хтони или же просто пытался меня воспитывать в своей своеобразной манере, когда назло бабушке морозят уши, история и дворецкий Вернон умалчивали. В конечном итоге мы решили, что призраком больше, призраком меньше, в замке все равно живет целый бестиарий, и успокоились.

Две недели спустя после обещания Фостена научить меня управлять двухместной повозкой, погода наладилась. Ветер обдул

дороги, яркое солнце, к концу мая ставшее по-настоящему горячим, иссушило лужи. После завтрака мы собрались на первый урок.

За дни вынужденного ожидания я успела прочитать самоучитель по управлению лошадью, запряженной в повозку. Стала очень умной и начитанной, знала, как правильно держать вожжи. В теории. До практики мы же ни разу не добрались! Еще я прочитала, что лошадку следует непременно натренировать прежде, чем лихо рассекать по окрестным проселочным дорогам.

– У тебя не лошадь, а единорог, – пояснил Фостен и указал на брехливую собачку, сидящую у меня на руках. – Для нее не проблема идти в упряжи. Отпускай.

– Ага, – с готовностью согласилась я и поставила демона на засыпанный сухой соломой пол конюшни. – Зефирка, превращайся в лошадь!

Бах! Перед нами стояла черная корова и смотрела большими печальными глазами. От неожиданности Фрейс, взявшийся запрячь благородного демона в повозку, издевательски фыркнул.

– Думаешь, не запрягу в таком виде? – сцедила я, уперев руки в бока, и величественно кивнула слуге: – Фрейс, наденьте на корову седло!

– На эту? – уточнил он.

– А вы здесь видите верблюда?

Не успела договорить, как перед нами, заставив отшатнуться в разные стороны, появилась высоченная одногорбая верблюдница черного цвета. Она индифферентно перемалывала между зубов жвачку и нехорошо косилась, словно собиралась ее плюнуть в любого, кто окажется в радиусе поражения.

– Ну спасибо, что не слоном! – возмутилась я.

– Не подавай ей идеи, – сквозь зубы попросил Фостен.

– Ты же была лошадью! – решительно продолжала подавать я идеи, но уже правильные. – Обычной нормальной лошадью! Что за ослиное упрямство?

Вжух! Перед нами появилась ослица, оглаживающая себя хвостом по бокам. Один раз она стеганула по мне, будто специально старалась дотянуться.

– Черт тебя возьми, хватит хвостом махать! – возмутилась я. – У нас даже мух нет!

Фостен следил за провальными переговорами с издевательской ухмылкой, не очень широкой, чтобы меня не обидеть, но заметной. Покачивая головой, он высказал несколько резких слов на незнакомом языке. Я считала этот язык магическим, специально придуманным для заклинаний.

По телу ослицы пронеслась знакомая волна, и секундой позже перед нами стояла вороная кобыла. Вовсе не тонконогая красавица, какой мы впервые увидели единорога на рынке у цыгана, а крепкая и коренастая, рабоче-крестьянской породы (если, конечно, такая порода существовала).

– Дождалась, что на тебя наорали? – проворчала я, обращаясь к норовистой парнокопытной демонице.

Не обращая внимания, что Зефирка недовольно застригла ушами и упреждающе затопталась на месте, Фостен быстро привязал к черной гриве красную плетеную ленточку. Видимо, поводок, не позволяющий менять обличье. Внезапно из черных ноздрей у кобылы вышел пар, как у дракона.

– Прекрати пускать пар, иначе в чайник переименую! – возмутилась я. – В прошлый раз с веревкой ходила и ничего, а тут на ленту огрызается.

Муж следил, как я отчитываю подшефного единорога, с издевательской улыбкой.

– Запрягай, – приказал он слуге и ободряюще похлопал лошадь по гладкому боку.

Через час мы выезжали из замковых ворот. Двуколка, коляска с двумя большими колесами, мягко преодолевала неровности. Мы плавно покачивались на сиденье, пока переезжали крепостной мост. Фостен довез нас до прямого участка дороги и передал вожжи. У меня от волнения тряслись руки.

– Готова?

Черт возьми, я получила водительские права в старом мире и прочитала самоучитель по управлению повозкой! Конечно, готова!

– С богом! – пробормотала под нос, чувствуя себя на пороге исполнения самого большого желания.

– Ты неправильно держишь вожжи, – мрачным голосом проговорил муж и с особой тщательностью прочитал лекцию, как следовало держать их правильно. – Трогайся.

– Трогайся! – громко повторила я, приказывая Зефире шагать.

– Темный лик нам помощи, – внезапно обратился Фостен к высшему руководству.

А потом начался форменный ад! В смысле, форменные сто метров ада, потому как дальше он уехать мне не позволил. Не успела повозка сдвинуться с места, а кобыла переместиться хоть на корпус вперед, со стороны достопочтенного мужа посыпались комментарии.

– Что ты дергаешь? – искренне критиковал он. – Зачем тянешь? Не гони!

В какой-то момент мы подпрыгнули на кочке и со стороны Фостена немедленно донеслось недовольное:

– Обязательно на стиральную доску выезжать?

Когда пришло время поворачивать и лошадь, и коляску в обратном направлении, я уже покрылась испариной и вцепилась в вожжи так, словно ничего ценнее в собственных руках не держала.

– Ну все... – пробормотала я и рывкнула единорогу: – Стоп!

Зефира немедленно встала, даже не пришлось ничего делать с этими чертовыми вожжами. Полагаю, наш спортивный комментатор на минималках достал и демоницу.

– Хорошо, теперь я поеду... – начал Фостен.

– Слезай! – дернула я подбородком. – Ты возвращаешься в замок пешочком. Подышишь свежим воздухом, поучишься постигать дзен.

– Что такое дзен?

– То, чего нам обоим сейчас не хватает! – отрезала я. – Мы с Зефирой как-нибудь сами тихонечко доедем.

– Я буду молчать, – пообещал он, стараясь сдержать смех.

– Ты будешь молча идти, – не дрогнула я.

– Обещаю, больше никаких советов!

– Советы?! – задохнулась я от возмущения. – Знаешь, где я видела твои советы?

– Уточни, – зачем-то откомментировал он риторический вопрос.

– В гробу и в белых тапочках! Борщ за уроки вождения? Ха-ха три раза! Вообще ни ложки не заслужил! Слезай!

Он действительно соскочил с коляски, а мы с единорогом прекрасно развернулись и добрались до замка. Управлять демонической кобылой особо не пришлось: прекрасно докатила двуколку без моих приказов и послушно встала напротив главного

входа, где нашего возвращения дожидалась целая компания слуг. Наверное, сделали ставки: приедем обратно на коляске или на своих двоих.

– А господин Мейн? – испугался дворецкий.

– Решил прогуляться и подумать о вечном, – передавая вожжи Фрейсу, сухо бросила я.

Чувствуя себя страшно сердитой, я поднялась в женские покои. На отмытом до блеска полу, свернувшись клубочком, как рыжий котенок, без сознания лежала Раиса. Меня бросило в жар.

– Бог мой, Раи! – Я рванула к горничной и, присев рядом, заглянула в лицо.

На коже с посеревшими веснушками в разные стороны расползлся черный хаотичный рисунок, словно нанесенный ручкой с тонким гелевым стержнем. Никогда ничего подобного не видела!

К тому времени, как наказанный пешей прогулкой муж появился в замке, мы перенесли Раису в ее спальню и уложили на узкую кровать. Всполошенные слуги заглядывали в комнату сквозь дверной проем, остановившись на пороге. Фостен вошел под испуганные шепотки, бросил насмешливый взгляд на знак двуединого, висящий на стене в изголовье кровати. Он остановился, уперев руки в бока, и посмотрел на бессознательную девушку сверху вниз.

– Когда я вернулась, она уже лежала на полу без сознания, – в растерянности пояснила я. – Ты ведь сможешь ей помочь?

– Наверное, схватила за какой-нибудь артефакт, – предположил Вернон.

– Разве я не просила убрать опасные артефакты? – ошетинилась я.

– Госпожа Мейн, что вы на меня срываетесь? Может, этот ребенок залез, куда не следует, – проворчал дворецкий. – Ваша горничная любопытна...

– Выйди, – тихо перебил нас Фостен.

Кашлянув, Вернон бочком продвинулся к выходу, за ним поспешно последовал Хэллавин. Именно он перенес девушку на кровать. Сам вызвался – приказывать не пришлось.

– Мария, ты тоже, – добавил муж, стягивая с себя куртку.

– Можно мне остаться?

Он повернул голову и окатил меня холодным взглядом:

– Нет.

– Фостен, я за нее в ответе!

– Зрелище будет неприятным, – добавил он мягче.

Я тихо выскользнула в коридор и плотно закрыла за собой дверь. Шикнула на слуг, чтобы отправлялись на первый этаж и не отвлекали хозяина неуместными перешептываниями. Лица у жителей замка были такие, будто Раиса уже померла. Невольно вспомнилось, как пару месяцев назад я проснулась на отпевании, а вокруг траурного ложа со скорбными минами стояли люди.

Момент, когда Фостен начал колдовать, оказалось не пропустить: несмотря на солнечный день, уже знакомо начал меркнуть свет. Витражное окно, от которого по полу рассыпалась разноцветная тень, потускнело до монохрома. Казалось, тьма растворила цвет на стекле, а теперь стремилась выскользнуть из замка и погасить красочный мир. Температура воздуха ощутимо понизилась.

Из-под двери комнатенки потек заметный невооруженным взглядом черный дымок. Подсознательно люди опасались темной магии и посторонились, стараясь избежать столкновения. На стенах, как в фильме ужасов, затрещали ночные светильники. Народ сдался и по очереди начал сбегать из женских покоев. Остались только мы с дворецким и секретарем.

Внезапно черный дым, заползавший щупальцами на стены и клубившийся под ногами, резко втянулся обратно через щель в комнату. Раздался пронзительный женский вскрик. Наступила глухая тишина. Мы встревоженно переглядывались.

Дверь в спальню открылась. Фостен вышел и, не глядя ни на кого, молча направился по коридору к выходу. Плечи были напряжены. От каждого его шага разлетались клоки черного дыма, словно под ногами плавился паркет. Правда, выжженных следов не оставалось.

– Фостен! – позвала я.

Тот помедлил и, не обернувшись, чужим голосом произнес:

– Твоя служанка будет жить, Мария.

Он вышел. Сумерки и холод остались с нами.

– Похоже, в замке снова наступили темные дни, – с поистине философским спокойствием резюмировал Вернон.

Из спальни донесся слабый девичий стон, и я нырнула в приоткрытую дверь. Раиса спала на спине, руки безвольно лежали вдоль тела. В лице ни кровинки, веснушки оставались посеревшими, а

в рыжих кудрях росчерком выделялась седая прядь. Проклятье словно высосало из хохотушки краски, как пыталось погасить все вокруг себя, но черные линии магической паутины исчезли.

Стянув со спинки кровати большую вязаную шаль с кисточками, я аккуратно накрыла ею девушку, дала распоряжения Вернону, чтобы за спящей присмотрели и принесли теплое одеяло, а сама спросила у секретаря:

– Куда мог направиться господин Мейн?

– В последний раз он закрывался в библиотеке, – нахмурившись, принялся припоминать тот, словно последний раз случился не в прошлом месяце, а десять лет назад.

– Благодарю.

– Погодите, леди Мейн! – Он остановил меня, не дав переступить через порог. – Вы хотите к нему пойти?

– Хэлл, ваш хозяин был не в форме, когда выходил из этой комнаты. Возможно, ему нужна помощь.

Секретарь как-то странно кашлянул, что-то промычал и вдруг с самой серьезной миной покрутил возле моего лица сложенными щепоткой пальцами, изобразив божественный круг двуединого.

– Вы серьезно? – Я уперла руки в бока и глянула на него, как на юродивого.

– Леди Мейн, я от всей души желаю, чтобы вы оставались в добром здравии.

– Знаю, потому что до вас по-прежнему не добрался фарфоровый сервиз, – проворчала я.

– Вообще-то, я искренне вам симпатизирую, но вы совершенно правы. – Хэллавин никогда не стеснялся признаваться в меркантильности.

– Тогда уж повесьте мне на шею знак двуединого, – проворчала я. – Чтобы наверняка сохранить здоровье.

Хэлл присмотрелся к медному разомкнутому кольцу, висящему на стене, и покачал головой:

– Болезной нужнее.

Не удержавшись, я все-таки возвела глаза к потолку, внезапно обнаружила возле светильника черный след, будто что-то взорвалось, и быстро вышла из комнаты. Слуги подтвердили, что хозяин направился

прямиком в библиотечную башню и был жуть какой странный. Между слов так и звучало «страшный».

В замке между тем становилось все темнее и холоднее. Пока я поднималась по винтовой лестнице одна за другой с хлопками перегорали настенные лампы. Бледные магические шарики разлетались мелкими мушками, а дневной свет все туже проходил через окна, затянутые невидимой глазу заслонкой.

Перед высокими двустворчатыми дверьми я занесла кулак, чтобы постучаться, но помедлила и коротко выдохнула. Вдруг раздался щелчок, бронзовая ручка опустилась сама собой, словно на нее нажали изнутри. Одна створка бесшумно приоткрылась.

– Я слышу, как ты дышишь, – прозвучал в настороженной тишине знакомый и одновременно чужой голос Фостена.

Посчитав, что отпертый замок – это практически любезное приглашение зайти, я открыла дверь пошире и перешагнула через порог. На долю секунды во мне вспыхнуло ощущение, что я вхожу в клетку с диким зверем. Даже тряхнула головой, чтобы избавиться от этого неприятного чувства. Удивительно, но помогло.

– Не закрывай дверь, Мария, – раздался быстрый приказ, когда я по привычке хотела ее прикрыть.

– Как скажешь, – спокойно согласилась с мужем.

– Открой шире.

Створки пришлось открыть нараспашку, словно мы приглашали на огонек всех желающих, но вряд ли кто-то сейчас решится сунуться в дальнюю башню. Я осмотрелась вокруг. Библиотека утопала в полумраке, свет практически не проникал сквозь окна, но обстановка оказалась нетронутой. Шкафы, книги, мебель – все было целым и стояло на своих местах. Новая почтовая шкатулка, заменившая разбитую в прошлый раз, по-прежнему занимала край стола. На крышке пульсировал алый камень.

Фостен стоял на ступеньках, ведущих к галерее, и смотрел на меня из-под полуопущенных ресниц. Рука в кармане, шнуровка на груди рубашки распушена. Казалось, будто он в порядке, но впечатление было ошибочно.

– Из замка снова исчезли свет и тепло, – тихо проговорила я.

– Полагаешь, мне надо лучше себя контролировать?

– Полагаю, чувствуешь ты себя паршиво, – не поддалась я на провокацию. – Как ты, Фостен?

Он кривовато усмехнулся.

– Пытаюсь быть вам добрым мужем, леди Мейн, поэтому уединился в библиотеке, – с колким сарказмом ответил он. – Если вы убедились, что я не poleg с сердечным приступом, то позвольте мне и дальше изображать паршивое благородство в идиотском одиночестве. Поверьте, оно дается мне с большим трудом.

– Чем я могу помочь тебе? – вымолвила я.

– Мария, я очень плохо владею собой, – хрипловато проговорил он, не выпуская меня из поля зрения. – И мне стоит больших усилий не оставить тебя в нашей чудесной библиотеке. У тебя пять секунд, чтобы быстро выйти в открытую дверь.

Он спустился на одну ступеньку. Движения выглядели плавными, как у хищника, готового наброситься на жертву. Глаза казались шальными, зрачки почти черными. Очевидно, в нем говорила темная магия.

– Раз, – уронил он и неторопливо, явно сдерживаясь, преодолел еще одну ступеньку.

Я сделала шаг к лестнице, сужая разделяющее нас расстояние. Кровь разогналась по венам и стучала в ушах. Кажется, из нас двоих сердечный приступ грозил именно мне.

– Дверь в другом направлении, Мария, – проговорил он хрипловато и сошел еще на одну ступень. – Два.

– Знаю, – ответила ему.

– Три, – вымолвил он, оказавшись у подножья лестницы, и двинулся ко мне.

– Ты забыл, что должен считать, – напомнила я.

– Четыре...

Не сводя с меня глаз, Фостен остановился в полушаге. От него исходил жар. Холодный воздух вокруг нас словно начинал стремительно нагреваться и закипать.

– Пять, – хрипловато уронил он, видимо, не осознавая, что совершенно меня не пугал. – Беги.

Я подалась вперед и прижалась приоткрытыми губами к его сухим горячим, как от лихорадки, губам. В тишине с грохотом захлопнулась библиотечная дверь, щелкнул запертый замок.

Фостен целовал меня глубокими влажными поцелуями. Руки требовательно забрались под одежду, большая ладонь уверенно, хозяйски сжала грудь. В его ласках не было суеты, но и никакой напускной, нарочитой сдержанности. От понимания, что я заперта в библиотеке с мужчиной, который не будет нежен, почему-то предательски слабели колени.

– Разденься, – прозвучал хриловатый приказ. – Как раздевалась тогда перед зеркалом.

Тяжело дыша от опаляющих поцелуев, я посмотрела в лицо любимого мужа. Его глаза оказались полностью черными. Черты лица заострились. Между сведенными бровями залегла глубокая складка. Он предстал передо мной тем самым сексуальным темным магом, вид которого с самого первого дня отзывался внутри острым, ярким желанием.

– Ты в первом ряду, колдун, – прошептала я, кончиком пальца проведя по его шершавому подбородку.

От возбуждения перехватывало дыхание. Я отошла и, словно встав на театральную сцену, расстегнула короткий небесно-голубой пиджак для дорожных прогулок. Одежда полетела на пол. Следом упала верхняя юбка. Я осталась в узких кожаных брюках и тонюсенькой блузке с мелкими пуговичками. С насмешкой прикусив нижнюю губу, начала их расстегивать одну за другой. Медленно. Ведь эта игра нас обоих лишала рассудка – лишнего ингредиента в плотской любви.

До конца маленького шоу Фостен не дождался. В три шага он оказался рядом, нетерпеливым движением подхватил меня на руки, заставив обнять его ногами за пояс. Он целовал меня, пока нес к письменному столу, напрочь проигнорировав кресло. Потом одним широким движением с грохотом смел на пол все, что занимало место на столешнице.

Последняя трезвая мысль, которая посетила меня прежде, чем я судорожно не без помощи мужа начала избавляться от неудобных для изящного раздевания кожаных порток, что мне еще ни разу не приходилось заниматься любовью, лежа на столе.

Фостен толком и не разделся, разве что успел сбросить рубашку, открыв вожащенное красивое тело. Он брал меня без разговоров, томных ласк и колебаний, не пытаясь строить из себя джентльмена. Я

никогда не была ханжой, не стеснялась и в чувственной страсти не отказывалась ни от чего, что мне предлагали. Плохо понимая, где нахожусь, царапала мужу плечи, выгибала спину и совершенно не осознавала, насколько мы громко себя ведем.

К кульминации мы пришли практически одновременно. В пик удовольствия, совершенно собой не владея, я укусила Фостена в плечо. После сладострастной волны чуток потрясывало. Он придерживал меня под лопатки и, уткнувшись в изгиб шеи, тяжело дышал. Волосы были в полном беспорядке. Полагаю, у меня тоже. Я не шевелилась, гадая, кого сейчас увижу перед собой: ироничного мужа или резкого, опьяненного темной магией колдуна.

Он пробормотал какое-то слово на незнакомом языке. Может, выругался. Опершись ладонью о крышку стола, Фостен приподнялся. Темная магия отступила, в глазах появилась осознанность. По-прежнему оставаясь тесно прижатыми и слитыми, мы пристально смотрели друг на друга. Фостен усмехнулся и попытался опустить голову.

– Боже, что? – Я обняла ладонями его лицо и не позволила отвернуться.

– Я женился на сумасшедшей, – вымолвил он.

– Знаю. – Мне стало смешно. – Я с большим приветом, да?

– Так и есть, – хмыкнул он и оставил горячий поцелуй у меня на ключице. – С приветом из другого мира. Спасибо, что ты появилась в моей жизни.

– Пожалуйста, – хмыкнула я и поморщилась, когда он помог мне спуститься на пол.

Вокруг валялись бумаги, рассыпался письменный набор. Большая хрустальная чернильница перевернулась. Густые черные чернила заливали паркет, и в луже лежали вывалившиеся из шкатулки письма. Хрупкий камень на крышке оказался расколот. В общем, магический кризис очередной почтовый артефакт не пережил.

Зато в камине горел огонь, а воздух как будто стал немножко светлее и теплее.

– Он ведь зажегся только у нас? – осторожно уточнила я, натягивая юбку от дорожного костюма.

– Наверняка, – невозмутимо ответил Фостен и щелкнул пальцами. Весело танцующие языки пламени постепенно втянулись в

обгоревшие поленья и, потрескивая, потухли.

Как выяснилось позже, пламя вспыхнуло одновременно во всех каминах замка, даже в тех, где не было дров. И в один момент оно погасло. Громче всех возмущался Тобольд. В самый разгар готовки дырчатые конфорки на плите, словно по указке дирижера, выплюнули в воздух длинные пики бесконтрольного огня и потухли намертво, оставив всех жителей без горячего ужина.

О кухонной катастрофе мы узнали от невозмутимого Вернона, когда он принес в мужскую спальню холодные закуски вместо нормальной еды. Дворецкий вошел, деликатно постучавшись, и бросил выразительный взгляд на весело горящий камин.

– Горит? – уточнил он, словно ему было крайне необходимо подтверждение необычному зрелищу.

– Почему бы ему не гореть? – удивился Фостен.

И тут у Вернона случился звездный час, вернее, звездная минута. На одном дыхании он рассказал о проблеме с каминами, впадшем в коматозное состояние кухонном очаге и перегоревших по всему замку магических лампах. Под конец у него закончился кислород. Он выставил палец в немой просьбе глотнуть воздуха, вздохнул и договорил:

– А в ваших покоях, леди Мейн, мы расставили свечи.

– Благодарю, – кивнула я. – Скажите, Раиса уже проснулась?

– Горничная еще не пробуждалась, – сухо проинформировал дворецкий и снял колпак с пристроенного на стол круглого блюда с холодным мясным пирогом. – Очаг не зажигается. Придется ужинать тем, что темный лик послал.

– Вы о Вэлле? – пошутила я.

– Не удивлюсь, если эта женщина со скалкой окажется реинкарнацией темного лика, – пафосно объявил он. – Приятного вечера.

Прежде чем Вернон вышел, я попросила его обязательно дать мне знать, когда Раи очнется.

– Спасибо, что помог ей, – поблагодарила я мужа.

– В моем замке от проклятий не умирают, – отозвался он, примеряясь столовыми приборами к куску пирога. – Но, полагаю, этому дитя стоит объяснить, что опасно брать в руки артефакты. Я видел след на ее ладони. Она укололась проклятой вещью. Возможно,

искала артефакты, чтобы что-то продать и поранилась, – невозмутимо предположил Фостен совершенно чудовищную, на мой взгляд, вещь.

– Ты обвиняешь мою помощницу в воровстве? – опешила я.

– На мужской половине слуги убираются под присмотром Вернона. Кабинет он приводит в порядок лично, – напомнил Фостен.

Действительно дворецкий изредка ходил по кабинету и подмахивал по дверцам шкафов серым веничком из перьев неопознанной птицы, но даже с посредственной уборкой пыль на поверхностях не накапливалась. Видимо, комната была заговорена какими-то особенными заклятиями, не позволяющими превратить брутальное логово злого колдуна в неопрятную избушку на курьих ножках.

– Хорошо, возможно, она забралась в кабинет из любопытства, – добавил он.

– Благодарю за доверие, – с сарказмом прокомментировала я.

– В любом случае, Мария, разберись со своей служанкой, – голосом, не терпящим возражений, приказал Фостен.

– Ты же не намекаешь, что я должна выслать ее из замка? – тихо спросила я.

– Разве я намекаю? – невозмутимо уточнил он. – Я вполне определенно об этом говорю. Как только она достаточно окрепнет, пусть собирает вещи.

– Так...

Аппетит пропал напрочь. Отложив приборы, я вытерла рот салфеткой, хотя не съела ни кусочка, и поднялась. Темно-синий мужской халат из гардероба мужа был мне безнадежно велик. Пришлось подтянуть пояс, чтобы не потерять по дороге. Фостен наблюдал за моими сборами в заинтересованном молчании и не пытался остановить.

– Приятного ужина, дорогой супруг, – пожелала я.

– Куда ты? – наконец уточнил он и невозмутим прихлебнул вино.

– Займусь воспитанием сознательности в слугах.

Лампы в коридорах действительно почти не горели, оставшиеся целенькими едва-едва теплились. Пару раз я споткнулась о длинный подол и перемахнула через последнюю ступеньку, не углядев ее в потемках гулкого холла.

Окрестности Рокнеста давно погрузились в темноту, окна ослепли, и в них отражались свечи, расставленные по моим покоям. Я переоделась в ночную сорочку и кружевной халат. Хотела расчесаться и возле шкатулки с магической щеткой обнаружила длинную булавку из черненного серебра с острием и петелькой на головке.

Ничего похожего в своих украшениях, в смысле, в украшениях Ивонны Артисс, привезенных в замок, мне не встречалось. Нахмурившись, я взяла булавку в руки и посмотрела на свет. К пустому ушку, по всей видимости, когда-то были прикреплены подвески, но они растерялись. Металл тревожно покалывал пальцы.

– Леди Мейн, – позвала меня из гостиной супруга Фрейса, которая присматривала за Раи.

– Что случилось, Этония? – выглянула я из спальни.

– Вы просили сказать, когда ваша помощница придет в себя. Раиса очнулась, – пояснила она и заметила у меня булавку. – Нашла булавку на полу в коридоре и принесла сюда. Подвески, правда, отыскать не удалось.

Ощущая внутри глухое беспокойство, я поблагодарила горничную за внимательность и задумчиво посмотрела на острое жало булавки. Таким легко не только проколоть одежду, но и пораниться.

Комната Раисы утопала в полумраке. Горела одна свеча в подсвечнике, и света она давала немного. Бледная, осунувшаяся горничная, прикрытая плотным стеганым одеялом, полулежала на подушке. При моем появлении она попыталась выпрямиться.

– Лежи, – махнула я рукой. – Не вставай.

– Этония сказала, что я чуть не умерла, а господин Мейн меня вылечил, – быстро проговорила Раи, рассматривая меня лихорадочно блестящими глазами.

– Он спас тебя, – согласилась я и посмотрела на Этонию, стоящую в дверях.

Та сразу сориентировалась и, изобразив вежливый книксен, оставила нас с девушкой одних. Дверь тихо закрылась.

– Он злится? – забеспокоилась Раиса. – В замке опять нет света...

– Раи, ты должна мне рассказать, что случилось, – попросила я, стараясь говорить спокойным голосом. – Только не ври. Как ты получила проклятье? Ты брала в кабинете господина Мейна какие-то артефакты?

– Нет! – От волнения Раиса схватила меня за руку ледяными пальцами и затараторила: – Я никогда не приближалась к его кабинету! Ни разочка! Ты же знаешь, я даже к почтовой шкатулке не прикасаюсь. Светлым ликом клянусь!

– Тогда что случилось?

– Я почти ничего не помню, – призналась она. – Помню, вышла из покоев...

– И?

– Там был человек, – неуверенно произнесла Раи, видимо, пытаюсь воскресить в памяти события сегодняшнего дня.

– Кто-то из слуг? – уточнила я.

– Не помню лица, – жалобно прошептала она. – Но я точно его знаю!

Внезапно на стене, добавив жути, мигнули светильники. На мгновение комнату залило ярким светом, и снова пространство наполнила темнота, едва-едва разбавленная нестройным свечным огоньком.

– Хозяйка, не подумай, что я свихнулась, – серьезно проговорила Раи. – Мне кажется, он чем-то меня уколол, а потом я потеряла сознание.

– Булавкой?

Раи покачала головой, давая понять, что не может вспомнить. Пришлось прекратить допрос, посоветовать ей хорошенько отдохнуть и, прихватив булавку, отправиться к ненаглядному мужу. Пусть разбирается, что за странные вещи творятся в замке, а не набрасывается с обвинениями на мою горничную.

Ощущение, что за мной кто-то следует в коридоре и буквально дышит в затылок появилось внезапно. Уверенная, что увижу кого-то из слуг, я обернулась через плечо. Едва тлевшие огоньки в стенных светильниках разом очнулись и вспыхнули. Мужчина в черном, с лицом, закрытым темным платком, показался до нелепости гротескным, словно выбрался в Рокнест прямоком из второсортного комикса. Разве что затасканной шляпы с широкими полями не хватало. Однако я узнала его по ярко-синим совершенно безумным глазам.

– Сойер?

Не произнося ни слова, он швырнул в мою сторону горсть сверкающего песка. Блестки переливались в медленно гаснущем свете

магических ламп. Инстинктивно, спасая глаза, я прикрылась рукой, и отшатнулась к стене. Еще не осознала, что не чувствую ног, а уже осела на пол. Хотела крикнуть и позвать на помощь, но из горла вырвался едва слышный сип.

В голове билась совершенно идиотская мысль, что сумасшедший снова пришел меня спасать. Насильно. И кажется, я ничем не могу ему помешать: тело не слушалось, голос пропал. В голове стоял непрерывный звон. Секундой позже, по-прежнему испытывая страшное недоумение, нежели страх, я потеряла сознание...

Возвращаться в реальный мир оказалось чудовищно тяжело. Голова трещала, как в тяжелом похмелье, во рту стояла сухость. Лежать было холодно, ужасно твердо и неудобно, словно я прикорнула на парковой скамейке. Рядом мобильный телефон на одной ноте выл заунывные шаманские песнопения. Сглотнув, я ощутила, как сильно дерет горло...

Острая мысль, что ни телефона, ни скамейки, ни — тем более! — похмелья со мной не может случиться даже теоретически, прошла насквозь. Я открыла глаза. Над головой шелестели от ветра кроны гигантских деревьев. В просвете серело предрассветное небо и кружила большая черная птица. Меня уложили на большой плоский камень, до смешного похожий на алтарь, а возможно, им и являющийся. По краям стояли оплавленные свечи. Большая часть давно погасла и остыла, только некоторые едва-едва теплились. Огоньки окунались в расплавленный воск и истерично трепетали от порывов холодного воздуха.

Повернув голову, я обнаружила рядом с валуном пастора в длинном черном одеянии. Именно он пару месяцев назад со всей страстью отпевал почившую Ивонну Артисс, а потом талантливо изображал глубокий обморок, закатившись под кровать. Похоже, самопровозглашенный экзорцист появился здесь, чтобы взять реванш в борьбе с адским демоном, один раз уложившим его на лопатки.

— Она очнулась! — воскликнул Сойер и вдруг появился в поле зрения.

Он по-прежнему был одет в черное. Платок, видимо, защитивший его от вырубившей меня пыльцы, болтался на шее.

— Не подходи, сын мой. — Пастор выставил руку, не позволяя ему приблизиться. — Мы не знаем точно: исчезла демоница или по-

прежнему оскверняет чистое тело этой женщины.

Мгновением позже он сунул мне под нос зачитанный томик со знаком двуединого бога. Инстинктивно я отодвинулась. В правом глазу выстрелило от острой боли.

– Изыди! – провыл святой отец.

Хотелось схватить книгу и все-таки огреть прилипчивого святошу.

– Святой отец, ради обоих ликов двуединого, вы меня пугаете, – чужим и скрипучим, как несмазанные шестерни, голосом прокряхтела я.

– Она полностью освободилась! – резюмировал он.

– Во славу двуединого! – прозвучал еще один мужской голос.

Оказалось, что, стараясь держаться подальше от лесного алтаря, за сеансом экзорцизма следил смутно знакомый здоровяк. Не сразу в больной голове возникло воспоминание о кузене Сойера, домчавшем меня на венчание в семейную часовню Артиссов.

– Ивонна, любовь моя! – воскликнул Сойер. – Ты меня узнаешь?

Я осторожно кивнула, лихорадочно пытаюсь сообразить, как далеко от замка меня умудрились утащить. Почему Фостен не торопился меня спасти от спасателей и не бросился в погоню? У него, между прочим, жена исчезла! Сердечко не екает?!

– Какое счастье, ты снова со мной! – радостно воскликнул он и, сметя свечи на землю, сгреб меня в охапку. – Мы всю ночь читали молитвы и жгли магические свечи. Демон никак не хотел покидать твое тело и постоянно кричал какие-то странные слова.

Надеюсь, странными словами была отборная брань, и я всеобъемлюще выразила все, что думаю насчет похищения чужих жен.

– Подожди, Сойер... – пробормотала я, пытаюсь отстраниться.

– Что случилось? – Он обнял мое лицо ладонями и с тревогой посмотрел в глаза. – Что?

– Мне холодно.

– Сейчас! – забормотал он и принялся сдирать с себя куртку. – Я тебя накрою! Ивонна, моя милая Ивонна, я так боялся, что больше никогда тебя не увижу!

Куртка легла мне на плечи. Я спустила ноги с камня, неловко посбивав остатки свечей, и тут обнаружила, что обута только в одну домашнюю туфлю. Вторая оказалась потерянной напрочь. Каждый раз,

когда это влюбленное недоразумение меня похищало, я оставалась только в одной туфле. Ей-богу, нелепая традиция.

– Эй, влюбленные! – Кузен Сойера что-то рассматривал в небе. – Нам надо уходить.

– Идите со святым отцом вперед. Мы вас догоним! – велел он и обратился ко мне. – Я знаю, сейчас ты плохо себя чувствуешь, но здесь нельзя оставаться надолго. Мы рядом с замком колдуна.

– Рядом с замком? – насторожилась я.

– Видимо, ты не помнишь, какая беда случилась, – с надрывом прошептал он. – Проклятая демоница завладела твоим телом и обвенчалась с черным колдуном. Это был страшный ужас! Я так старался тебя вернуть! Она завела себе единорога, и он умеет оборачиваться любым животным. Я хотел его умертвить, чтобы забрать тебя из замка...

Внезапно он примолк, выдохнул и быстро проговорил:

– Нам повезло этой ночью увезти тебя. Демоницу пришлось изгонять, пока она не очнулась и не позвала своего зверя. Здесь, на древнем алтаре возле замка. Воды мертвого озера поглотили черную душу. Больше она никем не завладеет.

Сойер замер и вдруг начал медленно приближать ко мне вытянутые уточкой губы, явно собираясь поцеловать. Не придумав ничего лучше, я притворно чихнула прямо ему в лицо. Он вздрогнул и отодвинулся.

– Прошу прощения, – тихо проскрипела я и нарочно шмыгнула носом.

– Ты совсем заледенела, да? – пробормотал он. – Сможешь идти?

Мы оба посмотрели на мою босую ногу. Кожа казалась мертвенно-бледной.

– Я тебя понесу! – предложил Сойер и попытался поднять меня с алтаря, чтобы прижать к груди и донести, по всей видимости, до кареты или повозки как невесту.

Замерев в согнутом положении, он все-таки выпрямился. Видимо, вспомнил, как в прошлое похищение, в смысле, во время спасения от слабосилия пару раз уронил. Побег с женщиной на руках по пересеченной гористой местности был заранее обречен на провал.

Сойер решительно повернулся спиной, присел на одно колено и скомандовал:

– Забирайся!

Вихрастый затылок похитителя напрашивался на удар, но ничего тяжелее перегоревших свечей под рукой не нашлось. Да и момент для побега казался не особо удачным: здоровяк с пастором не успели убраться подальше. Худосочный священник загребал ботинками пожухлые, опавшие еще по осени листья, цеплялся длинными одеждами за ветки, спотыкался на каменистой дорожке и в целом выглядел клиентом гостеприимно широкой спины кузена Сойера.

– Хорошо. Залезаю... – сдалась я, призывая саму себя не торопиться и не делать резких телодвижений.

– Не бойся! – подбодрил он. – Я ни за что тебя не уроню! Больше – никогда!

– А ты меня ронял? – решила я подыграть.

– Кхм... – Он замялся и, подозреваю, в душе порадовался, что некоторые неловкие моменты напрочь исчезли из памяти любимой Ивонны.

Соскользнув с камня, я встала голой пяткой на острый камушек, мысленно выругалась и неуклюже навалилась грудью на спину Сойера. Он решительно подхватил меня под колени, попытался выпрямиться... и начал молча заваливаться вперед. Мы неуклонно приближались к земле, грозясь воткнуться в мокрую прошлогоднюю листву головами. Пожалуй, подобный позор мужчина мог унести только с собой в могилу. Желательно, чтобы в эту могилу он не тащил на закорках меня.

– Сойер, давай я как-нибудь сама, – пробормотала я.

– Нет, я справлюсь, – настырно просипел он и с натугой встал на ноги.

Нас бодро повело назад. Сойер с размаху усадил меня обратно на камень. Я охнула, чувствительно припечатав филей.

– Прости, – пробормотал парень.

Пока мы ковырялись и пытались стартовать, здоровяк со священником-экзорцистом скрылись за деревьями. В конечном итоге Сойер все-таки поволок меня в известном только ему направлении, подозреваю, все-таки к повозке.

– Никто не верил, что тобой завладел демон, – говорил он. – Только святой отец. Он-то сразу понял, что в ту ночь вместо тебя пробудилась черная душа, и согласился мне помочь. Наверное,

Бростен со служителем уже добрались до дороги и ждут нас. Надо прибавить ходу!

В голове мгновенно возник хитрый план, как остаться в одиночестве и дать деру.

– Сходи к кузену и попроси у него сапоги. Обутая я дойду сама...

Сойер резко остановился.

– Откуда ты знаешь, что Бростен приходится мне кузенком? – тихо спросил он.

Да боже ты мой! У меня не язык, а помело!

– На самом деле я помню все, что происходило, когда она владела моим телом, – придумала я на ходу и мысленно взмолилась, чтобы Фостен уже вспомнил, что умеет считать, и наконец недосчитался в замке одной единственной жены.

– Тогда назови меня так, как называла ночью, когда мы стали принадлежать друг другу, – потребовал Сойер.

Я молчала, понимая, что мы приехали. Во всех смыслах этого слова.

– Не знаешь? – тихо спросил он, обернувшись через плечо.

Осталось только ударить, так сильно, как получится. Мы расцепились и отпрянули друг от друга в разные стороны. Ноги запутались в длинном подоле, удержать равновесие не удалось. Я свалилась на засыпанную листьями тропинку. Недолго думая, схватила острый камень и швырнула в сторону Сойера. С коротким вскриком тот прикрыл лицо руками и согнулся.

Пока он пытался прийти в себя, я кое-как собрала кружевной подол, поднялась и рванула в сторону, не обращая внимания на боль в разутой ноге. Дороги не разбирала, бежала почти вслепую. Главное, убежать и спрятаться.

– Стой, проклятая! – заорал Сойер.

Я неслась, что было духу. Длинные одежды цеплялись за кусты и мешали движению. Обутый преследователь нагнал меня быстро и толкнул в плечо. Инстинктивно я схватила его за руку, стараясь остановить падение, но ловкостью этим ужасным утром мы с Сойером оказались обделены. Под горку покатались вместе. Перед глазами мелькали стволы деревьев, во рту закрипел песок. Кусок отодранного кружева остался висеть на колючем кустарнике.

Судорожно вцепившись в ветку, я остановила бешеное кувыркание практически на краю каменистого обрыва. Кое-как выпрямилась, скривилась от боли в разбитом колене.

Внизу плескалась черная вода мертвого озера. На другой стороне утопал в туманной дымке замок. Мой дом был совсем рядом, буквально рукой подать. Можно добраться вплавь, только плавать я не умела.

Сойер поднялся и двинулся в мою сторону. По лицу из раны текла кровь, в глазах не осталось ни проблеска сознания. Я лихорадочно соображала, куда бежать, но понимала, что оказалась в ловушке.

– Замри, Сойер! – выпалила я, выставив расцарапанную грязную ладонь. – Тебе надо принять правду: Ивонны больше нет! Она не проснулась в ту ночь. Я тоже не хотела оказаться в вашем мире, в ее теле! Понимаешь?

Он судорожно стиснул мои плечи:

– Ты уйдешь, и она вернется!

– Она не вернется, Сойер, – тихо произнесла я, стараясь говорить ровным, спокойным голосом, лишь бы не провоцировать безумца. – Ивонна ушла к двуединому. Осталась только я. Не стоило давать ей тот яд.

– Я не виноват, – проскулил он. – Слышишь? Не виноват, что она ушла. Я так сильно ее любил! Ивонна должна была очнуться...

Яростный холодный ветер взорвал притихший лес. Зло зашумели кроны, в воздухе закружили сорванные листья. Свет начал меркнуть. Казалось, Фостен возник из этой безумной круговерти. Возле его ног с рычанием припадал на передние лапы огромный черный дог с горящими алыми глазами.

– Отпусти мою женщину, – пробирающим до мурашек низким голосом приказал колдун. – Обещаю быть милосердным, но отпусти ее.

Губы Сойера растянулись в жутковатой ухмылке.

– Как скажешь, – едва слышно ответил он и с силой толкнул меня к краю обрыва.

С визгом я отлетела назад и нелепо взмахнула руками, надеясь за что-нибудь схватиться. За спиной разверзалась пустота. От удара о воду из легких выбило воздух и потемнело в глазах. Тело сковало

острым холодом. Мертвое озеро безжалостно потянуло меня на глубину.

ФОСТЕН МЕЙН

Дверь за собой Мария закрыла подчеркнуто тихо, чтобы Фостен не сомневался, как сильно ей хотелось этой дверью хлопнуть. Он остался с холодным ужином, зажженным камином и в уверенности, что не пройдет и часа, как жена вернется. Даже *громко* молчать ей было не по нутру.

Недавно Мария сказала, что за глупость не проклиняют. Она пришла из другого мира и не понимала очевидную вещь: там, где живет и властвует магия, за глупость и жадность часто умирают. В том числе от проклятий. Однажды Фостен не успеет и замок будут ждать чьи-нибудь похороны. Безусловно, Рокнест стерпит темные дни, а кладбище над озером мертвых, на котором всегда хоронили слуг, гостеприимно ко всем, но лучше бы избежать лишних жертв.

Фостен во многом уступал супруге и поддавался на манипуляции, а уж манипулировать она умела блестяще, сразу виден опыт, но не в этот раз. Служанка должна уйти. Следует наказать одну горничную, чтобы другие не путали родовой замок Мейнов ни с рынком, ни со здравницей на берегу (как там жена писала в объявлении?) *спокойного* озера. Хозяин замка сказал бы *покойного*. Именно покойников озерная глубина видела и поглощала немало.

Он налил в бокал вина и сделал глоток. Вино Вернон подал сладкое и терпкое. Женское.

Через час Мария не пришла. Фостен велел дворецкому принести варейского. Спросил, как там поживает на своей половине дражайшая леди Мейн, оказалось, что тот не в курсе.

– Заглянуть?

– Не надо, – отказался он.

Отец Фостена никогда не давал супруге спуска, а уж характер у Луизы Мейн был поистине ведьмовской: не у каждого хватит сил выдержать и остаться в здравом уме. Однажды родители разделили замок пополам и много лет встречались исключительно на нейтральной территории... Зато теперь мать не желала уходить на тот свет. Видимо, чтобы не сталкиваться с дражайшим супругом. В преисподней, похоже, нейтральных территорий не существовало.

У его жены тоже не существовало ни нейтральных территорий, ни мужской половины, ни женской. Весь замок принадлежал ей. В ванной комнате Фостена появились розовые банки с женскими мыльными пастами и зубной порошок со вкусом какого-то цветка. Сладкого и вонючего. Челюсть сводило! Он по ошибке пару дней назад почистил зубы, до вечера мучился от ощущения, что, как баран, сжевал букет. Самое смешное, ему это нравилось. Не жевать букет, а то, что присутствие Марии ощущалось везде.

Вернон принес варейского вина, сказал, что служанка очнулась. Об этом в кухне рассказала супруга Фрейса, незаменимого разнорабочего, неведомыми магическими тропами пришедшего в замок. Фостен верил, что женщина этого трудолюбивого парня никогда не прикрывает дверь тихо и выразительно.

– Леди Мейн? – спросил колдун у дворецкого.

– Опекает болезную. Передать, что вы о ней спрашивали?

– Не беспокойте ее, – отказался Фостен. – Леди Мейн проходит стадии принятия.

– Чего проходит? – наивно уточнил Вернон.

– Понятия не имею, – буркнул он. – Она сама так любит говорить.

Никогда! Все хорошо слышали? Никогда темный маг не пойдет на поводу у женщины, когда вопрос принципиален! Ее горничная должна уехать. Менять решение он не собирается, как и реагировать на молчаливый протест.

– Вы что, поссорились? – уточнил дворецкий, справедливо заработав выразительный взгляд, как бы тонко намекнувший, что не следует лезть в процесс воспитания строптивой супруги, и быстро ретировался.

Варейское не пошло. Вернее, сначала пошло не в то горло, потом в принципе пить расхотелось. Жена тоже не шла. К полуночи Фостен улегся в кровать, не потрудившись хотя бы откинуть покрывало, и вдруг поймал себя на неприятном ощущении, что в постели слишком много свободного места...

Наверное, к лучшему, что супруга осталась в женских покоях. С ночными кошмарами темного мага, избавившего от проклятия неаккуратного глупого ребенка, никто не готов справляться. Иногда и он сам.

Фостен прикрыл глаза на минуту, но провалился в магический морок. Он больше не был взрослым темным магом, а превратился в горничную восемнадцати лет и с усердием тер влажной тряпичей каменный подоконник в гостиной хозяйки Марии.

Он напевал под нос простенький мотивчик, этакая глупая песенка, под которую у летних костров танцевали сельские девчонки. В том селе на другом конце королевства остались мать с младшими сестрами, и он искренне радовался, что на прошлой седмице отправил им шесть варьятов.

Себе он тоже немного оставил и запер в дорожный сундук под кроватью. Деньги надо копить, монетку к монетке. Хозяйка Мария называла это «подушкой безопасности». Она вообще говорила много странных слов из другого мира. У Раисы же в селе отложенные деньги называли «заначкой на черный день». Но с тех пор, как девушка приехала в замок колдуна, черных дней никогда не случалось ни у матушки с сестрами, ни у нее. Разве что в замке исчезал свет и становилось холодно, когда хозяин гневался.

Господин Мейн был суровый и строгий, умел припечатать взглядом так, что мурашки бежали и сердце екало. Она его побаивалась. Однако человеком-то черный колдун оказался совсем неплохим, гораздо лучше деревенского служителя светлого лика. Тот выгнал ее из храма, когда Рая чуток прикорнула на проповеди. Задремала всего на секундочку, а он ее выставил! Но кто бы не заснул, если он говорил нудным голосом долго-долго? Все в храме, как замороженные темным ликом двуединого, начинали прятать зевки в кулак.

Внезапно в пустом коридоре прозвучали тихие шаги. Нахмурившись, Фостен в лице девчонки обернулся. Хозяева уехали кататься на коляске. Запрягли волшебную лошадь, которая вовсе не лошадь, а настоящий всамделишный единорог из страшных детских сказок, и уехали. Сердце заколотилось в груди испуганно и заполошно. Слуги в людской говорили, что в замке появился новый призрак и теперь безобразничает. Фостен осенил себя святым кругом светлого лика двуединого и прочитал короткую молитву. По спине побежала капля холодного пота.

— Свят, свят, свят! Уходи беспокойный! — прошептал он и скрестил тоненькие пальцы. У них в селе скрещенные пальцы — известное

средство, отпугивающее злых духов.

Глубокий вздох, и он развернулся. В дверном проеме был виден жидкий солнечный свет, кое-как подползающий из разноцветного узкого оконца в самом конце коридора. Никого не было: ни живого, ни мертвого.

К темному лику уборку! Лучше пересидеть в кухне рядом с Вэллой и дожждаться хозяйку. Она такая – ух! – ее даже призраки боятся. Фостен бросился к двери, быстро перебирая ногами, выскочил из гостиной и врезался в человека. Тот схватил его за руку. Держал крепко, стискивал пальцами запястье до синяков.

– Господин учитель? – пролепетал Фостен испуганным девичьим голосом.

В замке откуда-то взялся учитель из большого богатого особняка бывших хозяев Артиссов. В том доме он нравился Рае. Всегда одетый с иголки, причесанный на пробор. В руках носил книжку или черный блокнот – сразу видно, что очень умный. А какие у него были глаза! Синие-синие, как летнее небо.

Недавно его выставили из Рокнеста. Он приехал к хозяйке Марии. Раи подозревала, что у той до свадьбы с учителем случился роман. Видимо, очень жаркий. Она тогда передавала записочки! И хозяйева страшно между собой поругались: надолго закрылись в покоях на мужской половине, чтобы никто не слышал, и скандалили. До самой ночи не выходили. Она боялась, что господин Мейн жену-то заколдует, но дворецкий сказал, что переживать не надо: пусть ругаются и скандалят. Так семья крепче.

Сейчас учитель выглядел совсем по-другому. Одетый был в черное и пыльное, исхудал и давно не брился. Волосы отросли и торчали в разные стороны. И взгляд! Какой страшный у него сделался взгляд. Страшнее, чем у хозяина Мейна, когда тот сильно гневался.

– И надо тебе было нарисоваться... – процедил нежданный гость сквозь зубы.

В его руках блеснуло что-то острое, а потом в маленькую женскую ладонь, сейчас принадлежащую Фостену, вонзилось жало. Боль была неимоверная, хуже, чем в тот раз, когда на берегу речки Раю укусил шершень. С обидой и недоумением колдун смотрел на обидчика глазами горничной. Боль нарастала, перекрывала дыхание,

разносилась по телу с кровавым током. И наступила милосердная темнота...

Фостен проснулся резко и сел на кровати, не сразу осознавая, где находится. Рубашка промокла насквозь, волосы стали влажными. Отголоски чужой боли все еще пульсировали внутри. Тяжело дыша, он растер лицо ладонями, пытаясь вернуть ясность рассудка.

Скверна, которой Соьер Райт наградил горничную, случайно оказавшуюся у него на пути, не подтачивала по капле изнутри, а убивала почти сразу. Пара часов боли и наступала смерть. Именно поэтому Фостену не пришлось переживать все то, что случилось бы с девчонкой, окажись проклятье коварнее.

– Твою ж мать... – сцедил Фостен и соскочил с кровати.

Очевидно, что безумец, вооружившись черной магией, явился не для того, чтобы убить служанку. Он пришел за Марией.

В длинном коридоре по дороге к женской половине замка темный маг резко остановился. В тусклом свете с трудом отмирающих ото сна и едва-едва тлеющих ламп переливался каменный пол. Фостен присел и прикоснулся к мерцающей пылице. Растер между пальцами. В его замке кто-то рассыпал дурманный магический порошок. У стены валялась длинная острая булавка. Стоило ее поднять, как руку от ладони до плеча прострелило фантомной болью, испытанной в видении...

Фостен не помнил, как добрался до покоев жены. Он ворвался в спальню, пахнущую остывшим свечным воском и едва уловимыми духами супруги. Кровать оказалась пуста и аккуратно застелена. Он поднял на уши прислугу, заставил обыскивать комнаты, но уже знал – Марии в Рокнесте нет.

У темного мага никогда ничего не крали – ни один псих по собственному желанию не залезал в его замок. В голову не приходило, что на двери, арки и проходы следует ставить защиту. Зачем? Его именем пугали непослушных детей и грозили преступникам... Сегодня у воплощения зла в королевстве Рейванд похитили самое дорогое – единственную женщину, которую он любил.

– Где этот чертов единорог?! – рявкнул Фостен.

– Хозяин, так это... – Фрейс замялся. – В конюшне. Вычистил, отвел в стойло, накормил. Все, как и должно.

Колдун лично днем вплеl в гриву лошади магический поводок, чтобы единорог прекратил превращаться в мелкую визгливую собачонку, лающую до звона в ушах и грызущую ножки диванов... Он прикрыл глаза, набрал полную грудь воздуха, медленно выдохнул, а потом громко витиевато выругался бранными словами. На двух языках.

На улице тихо нарождался рассвет. Звезды таяли, небо светлело. От озера начинал подниматься мертвенно холодный туман и постепенно заползать на крепостную стену. Приказав слугам оставаться во дворе, Фостен вошел в конюшню. В дальнем стойле билось магическое существо. Похоже, единорог сразу почувствовал опасность, но в облики лошади оказался бессильным защитить приветившую его женщину.

Фостен открыл дверцу стойла. Лошадь бешено заржала, глаза горели алым демоническим светом.

– Зеф...

Он запнулся. Придумала же жена имя для единорога! Язык не поворачивался так называть исчадие ада и всей преисподней.

От холки до крупа кобылы прошла судорога. Тварь пыталась превратиться в хищного зверя и кинуться за хозяйкой замка. Или на хозяина, чтобы от злости перегрызть ему глотку.

– Зефира, – чувствуя себя полным идиотом, проговорил он на мертвом магическом языке, – я расплету поводок.

Лошадь затопталась, выпустила из ноздрей струйки дыма, но замерла. Фостен быстро развязал плетеную ленту, отшвырнул ее в угол стойла. Животное дернулось в сторону и в ярости перетекло в истинный облик. Единорог тряхнул головой, словно избавился от тяжелого хомута.

За Фостеном следовал сам, не пытаясь насадить на острый винтовой рог, но, по всей видимости, жаждал. От раздражения едва не цапнул колдуна чуть ниже спины. Тот буквально почувствовал, как щелкнули клыки и поясицу обдало горячим дыханием.

– Уймись, – тихо отсоветовал Фостен ссориться.

Наверняка, когда все закончится, тварь превратится в кошку и мстительно напрудит ему в ботинки.

Единорога в истинном облике, вызывающем оторопь, в замке видели единицы. Все, кроме взлохмаченного угрюмого Хэлавина,

шарахнулись в сторону. Зефира презрительно фыркнула и лязгнула клыками, словно обругала жителей за похищение хозяйки.

Прислонив ладонь к горячему боку создания, Фостен приказал на магическом языке:

– Стань моими глазами.

Единорог сорвался с места, перешел в галоп и прыгнул, словно преодолевал невидимое препятствие. Черное гладкое тело перетекло, меняя форму. В воздух взмыла огромная орлица. Слуги вокруг тихо ахнули.

Перед глазами у Фостена сначала мелькнула крепостная стена, но резко появился мощный двор и деревянные постройки.

– Черт, – ссудил он сквозь зубы любимое ругательство жены, и раскрыл ладони, позволяя себе погрузиться в сознание птицы.

Орлица уже поймала воздушный поток и величественно плыла в небе на сильных крыльях. Остался внизу старый замок, длинным рукавом тянулся мост через глубокую расщелину. Горы замерли в ожидании, когда поднимется солнце и придет время полного пробуждения. Тихо дремало мертвое озеро, покрытое жидкой пеной тумана. Скалистые обрывы с отвесными стенами, вылезавшими из воды, сменялись обрывками пологого каменистого берега. Сквозь лесистый массив петляла дорога.

Сначала орлица увидела брошенную повозку с запряженной лошадей, уныло жующей траву. Недалеко отсюда когда-то давно служители светлого лика проводили ритуалы экзорцизма. На алтаре из древнего камня они избавляли одержимых от демонов. Рядом с родовым замком темных Мейнов, в насмешку над ними. В пику. Иногда святошам удавалось спасти несчастных людей, но чаще те с камнем, привязанным к ногам, летели с обрыва на дно мертвого озера. Испокон века черная вода с радостью поглощала и демонов, и светлые души, и затухающие человеческие жизни.

Птица сделала круг. Сквозь верхушки деревьев показался просвет, а в нем – камень-алтарь с женщиной в белых одеяниях. Возле нее стояли трое. Магическое создание мгновенно узнало хозяйку, хотело ринуться вниз, но люди не причиняли женщине вреда. Пока еще.

– Возвращайся, – мысленно приказал Фостен и сам вернулся в сознание.

Не обращая внимания на то, что слуги опасно оттринули подальше, он размял шею до хруста в позвонках, повел напряженными плечами. Внутри жгло от ярости.

Однажды Фостену сказали, что нельзя недооценивать слабых людей. Совет он не принял. Спустя много лет несчастный безумец, казавшийся слабым противником, похитил у него женщину и решил вернуть дух любовницы, давно зацелованной двуединым.

– Принеси узду, – хриплым голосом приказал темный маг Фрейсу.

Сделав круг над замком, орлица спикировала вниз. Она менялась в полете, и на выщербленную старую брусчатку вместо птицы встала ворона кобыла. Высокая, сильная, стремительная.

Накинуть узду было недолго. Фостен легко оказался на гладкой лошадиной спине, сжал коленями бока. Ворона протанцевала и рванула в сторону ворот. Она преодолевала дорогу скачками: входила в пространство и выныривала через три корпуса. Добраться до старой извилистой дороги много времени не заняло.

Рядом с брошенной повозкой обнаружили двое: служитель светлого лика и крепкий парень. Приказывать не пришлось, ворона остановилась сама. Фостен спрыгнул на землю. Кобыла мгновенно сменила личину, превратившись в огромную черную собаку. Тряхнула головой, избавляясь от конской узды. В их мире таких зверей не было: с брылями, мощными лапами и широкой грудной клеткой. Когда зверь басовито лаял, становилось не по себе.

Завидев колдуна, парень без слов рванул в кусты. Заклятье метнулось за ним черной смазанной линией. Раздался треск, громкий мат и вопль боли. Что ж, с переломанными коленями далеко убежать не получится.

Служитель светлого лика оцепенел, трясся и в ужасе следил, как к нему приближается маг с рычащим зверем у ноги. Когда Фостен подошел на расстоянии трех шагов, пастор выставил вперед томик с заветом двуединого. Руки дрожали, книга ходила ходуном. Отвернув голову, он зажмурился и завопил тонким голосом:

– Замри, демонская сила! Во имя двуединого!

Фостен остановился. Его всегда смешило, что служители светлого лика носили черные одежды, словно заигрывали с ликом темным.

Белый, как кипенное полотно, пастор приоткрыл один глаз и испуганно посмотрел на колдуна.

– Во имя...

Он захлебнулся словами, когда Фостен спокойно вытащил из слабых рук томик, с усмешкой присмотрелся к полустертому разомкнутому кольцу двуединого на обложке и отбросил книгу в повозку.

– Где она? – тихо спросил темный маг.

– Кто? – словно теряя голос, прохрипел слуга.

– Моя жена.

Трясущимся указательным пальцем тот ткнул в нужную сторону и вдруг принялся осенять себя божественными кругами. Наворачивал возле физиономии с такой страстью, что рука мелькала.

– Мы ее пробудили! – закаркал он. – Слышишь, колдун? Чистая дева вернулась! Ты опоздал...

– Святой брат, – перебил Фостен.

– Это я, – пролепетал тот.

– Молись. – Он сделал шаг, заставив слугу съежиться, и склонился к его уху. – Молись рьяно обоим ликам, потому что я тебя хорошо запомнил.

Зефира трубно твякнула. Басовитый громоподобный звук эхом вознесся к макушкам деревьев. Пастор закатил глаза и в глубоком обмороке кулем свалился под ноги темного мага.

В тишине из кустов доносились стоны раненного похитителя. К нему Фостен тоже планировал вернуться. Потом, когда будет в ясном рассудке, чтобы красиво проклясть.

Он кинулся сквозь заросли на почти невидимую тропинку, засыпанную старыми пожухлыми листьями. Из-за деревьев донесся испуганный женский визг и перед глазами встала кровавая пелена.

Фостен с пригорка увидел психа Райта с Марией. Она стояла в изорванном грязном одеянии, израненная и испуганная. Соьер с силой стискивал ее хрупкие плечи, что-то нервно бормотал в лицо.

Сила бурлила в крови Фостена, набирала мощь, жгла пальцы. Он приказал похитителю отпустить его женщину и, кажется, пообещал быть милосердным. Стереть напрочь сознание – это ведь милосердно, верно? Но с безумной улыбкой Соьер столкнул Марию с обрыва.

– Думаешь, ты всесильный, колдун?! – захохотал он.

Чистая, ничем не сдержанная ярость затопила рассудок. Магия выплеснулась вовне. Соьер все еще смеялся, когда одежда на нем

вспыхнула магическим пламенем, уничтожающим и плоть, и любые защитные печати.

Секундой позже Фостен нырнул с обрыва в мертвое озеро. Мария билась на глубине, пыталась бороться с ледяной водой, путалась в одеждах. Теряла силы и последние капли воздуха. Казалось, от ее фигуры разлеталась размытая белая акварель.

Фостен схватил жену за руку и рванул к себе. Не осознавая, что фактически могла потопить их обоих, она продолжала бороться за жизнь: рвалась, старалась от него оттолкнуться. Даже на поверхности, с хрипами глотая воздух, она все еще, как котенок, пыталась забраться повыше.

– Дыши! – рявкнул он. – Я с тобой!

– Господи, Фостен, – задыхаясь, просипела она, – я не умею плавать. Вообще не умею!

Мария смотрела на него испуганными карими глазами женщины из другого мира. Потемневшие волосы облепили голову. На длинных черных ресницах дрожали капли воды. Борясь с мертвым озером, она словно отвоевала у магии частичку прежней себя.

Вокруг клубился туман. Они болтались, как поплавки. Жена цеплялась за плечи Фостена.

– Послушай... – вдруг простучала она зубами. – У тебя глаза поменяли цвет. Они теперь карие.

– Неужели? – отозвался он.

По каменистому пологому берегу, басовито лая, металась большая черная собака. Зефира припадала на передние лапы у кромки воды, но войти в мертвое озеро опасалась и недоумевала, почему хозяйка все еще плавает.

– Давай выбираться, – скомандовал Фостен.

Когда ноги достали до илистого дна, он выпустил жену из рук. Всего на мгновение, но Мария за что-то зацепилась и ушла с головой. Фостен мгновенно поднял ее на поверхность.

– Ты обалдел, Фостен Мейн?! – наконец она пришла в себя и закономерно впала в ярость. – Как можно было проспять похищение жены? У тебя самый крепкий сон в королевстве? Вообще совесть ни за что не мучает?

Она его толкнула и попыталась двинуться к берегу сама. Тут же, подняв фонтан брызг, нырнула, вынырнула, громко выругалась на

своем иномирном языке. С кружевных изорванных тряпок, облепивших тело, ручьем текла вода.

– Да ради всех святых! – расставив руки и подняв голову к небу, рявкнула она. – Я сегодня выберусь из этого озера?

Внезапно примолкнув, жена схватила Фостена за мокрый рукав.

– Фостен, там что... человек горит?

– Не смотри. – Он быстро развернул Марию к себе лицом и, крепко прижав, положил ладонь на затылок. – Не надо туда смотреть.

ГЛАВА 11. Леди Мария Мейн

Я помнила печально-меланхолические картинки из интернета, на которых полуобморочная девица, прильнув к шее лошади, тихо ехала по дороге в лучах восходящего солнца. И длинное платье красиво спадало ярким шлейфом почти до земли. В реальности я не смогла взгромоздиться на Зефиру, и она превратилась в пони. Но я с него съезжала. В общем, дорога обратно оказалась адской. Единственное, что радовало – рассвет в горах действительно был живописный, как на картинках из интернета.

Слуги встретили нас гробовым молчанием и скорбными минами, словно хозяин привез не живую, а помершую жену.

– Он вернул вас из мертвых? – тихо спросил Вернон, когда, едва держась на ногах, я неловко скатилась с Зефиры.

– И я стала вампиром. Не подставляйте яремную вену, – проворчала в ответ.

– Вы язвите, как и всегда, – заключил он. – Воскрешенные язвить не способны. Поздравляю, вы живы.

– Спасибо, доктор, за точный диагноз, – фыркнула я.

А потом очень долго стояла перед зеркалом и смотрела на темноволосую, темноглазую женщину с юным лицом Ивонны Артисс. Она почти не походила на свой портрет в холле, но до смешного напоминала меня из прошлой жизни. Мертвое озеро точно выбило из тела крупинки прежней владелицы, оставив лишь ее черты. Завораживающее зрелище.

В довесок ледяное озеро наградило меня злосчастной простудой, словно забрав плату за преобразование. Болела я с огоньком и задором. Оказалось, что хваленной магией, просто поведив над больным руками, от бронхита не вылечишься. Фостен едва ли не силой среди ночи притащил в замок личного доктора короля, а потом внимательно следил за осмотром и придирался к каждому слову. Он словно боялся, что врач попытается назначить меня в смертники.

– Господин Мейн, могу я попросить вас об услуге? – прохрипела я с постели, внезапно обнаружив потерянный на дне мертвого озера голос.

- Конечно, леди Мейн, – мягко вымолвил он.
- Выйдите, пожалуйста.
- Куда? – с теплой улыбкой уточнил Фостен.
- Вон.

Улыбка погасла, мина у мужа сделалась чрезвычайно недовольная. Подтверждая свои слова, я указала подбородком на двустворчатые двери спальни. Как будто страшно оскорбившись, отправленный в ссылку муж действительно вышел в гостиную. Створку, правда, закрыл неплотно, чтобы лучше слышать.

– Благодарю, леди Мейн, – улыбнулся доктор, когда мы остались одни. – Продолжим?

Пообещав приехать через пару дней, врач оставил батарею высоких флаконов со вспыхивающими в глубине настоек магическими искрами и попрощался. Фостен вернулся часа через полтора, когда я уже нахлебалась жаропонижающего (к слову, жутко горькой дряни) и забылась сном. Он забрался в кровать и, обняв меня рукой, крепко прижал к себе.

- Ты тоже заболеешь, – сипло запротестовала я.
- Нет. – Он поцеловал меня в затылок. – Спи крепко.

О похищении мы почти не говорили. Фостен рассказывал о событиях той ночи скупое, а я не спрашивала, почему Соьер Райт превратился в живой факел, что случилось с его кузеном и фанатичным пастором. Разве что искренне поблагодарила мужа за спасение.

Пока я валялась в кровати и под чутким присмотром Раисы принимала снадобья, в замке установили сигнализацию. Понятно, что Фостен называл ее «защитными заклетьями», но вопили эти заклятья похлеще любой охранной системы. Мороз шел по коже, волосы шевелились и было страшно кашлянуть.

Пару раз Зефира с интересом непуганого магического зверя совала нос к амулетам, и хваленая навороченная защита поднимала на уши весь замок. Все живое в округе, пожалуй, тоже пугалось и впадало в прострацию. Наверное, и мертвое. Думала, поседею, когда на весь замок взвизгнуло и сами собой заперлись двери.

Любопытную, но мстительную животину Фостен наказал... Получил в ответ пару испорченных мужских ботинок, сжеванный редкий артефакт и единорога в конюшне, неспособного менять

истинное обличие. По этому поводу Зефира была крайне раздражена и подпускала к себе только Мейса, которого считала личной прислугой.

Новость о моей болезни неведомым образом докатилась до особняка Артиссов. Мать Ивонны страшно переполошилась и предложила немедленно прислать семейного лекаря. Фостен мягко намекнул, что не стоит заставлять ни в чем не повинного эскулапа три дня трястись в карете. Даже мое письмо не убедило леди Артисс, что я в темпе рейвандского вальса иду на поправку. Видимо, она помнила о короткой жизни предыдущих жен колдуна и представляла всевозможные ужасы. Через неделю, когда болезнь совсем отступила, в замок пришло категоричное послание, что в ближайшее время леди планирует лично навестить дочь.

– Пусть приезжает, если ей не сидится в столице, – с легкостью согласился Фостен, спокойно прихлебывая утренний кофе. – У нас чистый горный воздух.

Муж тоже незаметно менялся. Его волосы перестали быть цвета платины, сейчас они скорее напоминали перец с солью. И с каждым днем «перца» в шевелюре становилось больше.

– Еще у нас единорог в конюшне, ледяное озеро и мама в чайнике, – напомнила я и помахала раскрытым письмом перед лицом, намекая на подправленную внешность: – Как ты это себе представляешь?

– Скажете родителям правду, – индифферентно предложил Хэллавин с другой стороны обеденного стола.

– Что меня похитили?

– Что вы чуть не утопили в мертвом озере, – отозвался он и поднял палец, призывая к вниманию: – Я искренне переживал.

– Я помню про сервиз, Хэллавин, – проворчала я, расслышав тонкий намек на недополученный фарфор.

– Безмерно рад, – сухо отозвался он.

– Фостен... – обратилась я к мужу, – может быть, сейчас самое время сказать, что леди Мейн не пережила болезнь?

За столом повисло неприятное молчание. Муж буравил меня пристальным взглядом. Секретарь перестал жевать и одобрил:

– По-моему, неплохая идея.

– Нет, – резковато ответил Фостен нам обоим.

– Думаешь, что рановато объявлять меня покойницей? Его величество найдет тебе леди Мейн номер шесть? – удивилась я резкому отказу. – Если ты поскорбишь от души... Ты же будешь безутешно горевать?

Он с таким раздражением опустил чашку на блюдце, что кофе выплеснулся через край и фарфор испуганно звякнул. Я прикусила язык.

– Мы женаты, Мария, – высказался Фостен.

– Я не забыла, дорогой супруг, – чопорно кивнула ему.

– И это не изменится. – Он отшвырнул на стол салфетку и поднялся. – Напиши леди Мейн, что на следующей седмице мы сами нанесем визит.

– Но я больше не похожа на их дочь, – запротестовала я. – Разница будет очевидна даже тем, кто почти не знал Ивонну.

– Им придется принять реальность, – сухо бросил он. – Я не собираюсь становиться вдовцом при живой супруге.

– Раньше вас это не смущало, – внезапно заметил Хэлл.

– Раньше ты не был таким разговорчивым, – отбрил Фостен.

– Леди Мейн говорит, что в нашем замке свобода слова, – с умным видом парировал секретарь.

– Кажется, что-то такое припоминаю... – пробормотала я, понимая, что еще чуть-чуть у нас грянут очередные темные дни. Если так дальше пойдет, закончатся запасы свечей и придется открывать собственный свечной заводик.

Понятия не имею, как муж с полной свободой не высказался бранными словами и не выпустил из ушей пар. Он вышел из столовой, всем своим видом демонстрируя, насколько сердит. Мы с секретарем остались вдвоем. В тишине из живой картины донесся жутковатый смех болотной выпи. Эта чертова птица никогда не появлялась на полотне, но каждый раз хохотом подчеркивала странность ситуации.

– Хозяин прав: глупая идея, – передумал Хэллавин.

– Господин секретарь, вы носите обувь на пару размеров больше? – уточнила я.

– Нет, конечно, – удивился он. – С чего вы так решили?

– Вы так лихо переобуваетесь в полете, что я только диву даюсь.

Мы обменялись красноречивыми взглядами. Закончить завтрак в молчании нам не дали. Тишину мирного замка потревожил короткий

звуковой сигнал, означавший, что на пороге появился чужак. От неожиданности я подпрыгнула на стуле и выронила чашку.

– Леди Артисс? – пробормотала я, почти уверенная, что мать Ивонны неведомым образом переместилась из столицы. Стоит под дверью и ждет, когда ее гостеприимно примут, а у меня темные волосы, карие глаза и злой единорог в конюшне вместо лошади!

Однако Катарины Артисс в холле не обнаружилось, но Фрейс в компании незнакомого посыльного под чутким руководством Вернона вносил заколоченные ящики.

– Что это? – удивилась я.

– Сервиз доставили, – пояснил дворецкий.

– Уважаемый, – обратилась я к посыльному, – вы его везли через соседнее королевство?

Тот замер передо мной, как кролик перед удавом. Удивительно, как не покрутил возле лица святой знак двуединого бога.

Стало ясно, что ответа от бедняги не дожидаться, и я просто оставила его в покое. Сбежал он быстрее, чем успел получить чаевые за разгрузку. Зря Фостен посчитал, что темного мага в королевстве перестали бояться. Еще как боялись! Нажитую за многие годы репутацию просто так не просадишь.

Вскрывали ящики в кухне, расставив их на длинном обеденном столе. Хэллавин, казалось, был готов упасть в обморок от счастья.

– Не чаял уже! Думал, что проданся за просто так, – пробормотал он и вдохновенно призвал всех: – Принесите ломик, друзья!

Все взгляды сошлись на Мейсе, как на главном завхозе. Тот только развел руками, дескать, такого в замковых закромах не водится.

– Так вот же топорик! – нашелся Хэллавин и указал на висящий на крюке кухонный изящный топорик с красивой полированной ручкой и орнаментом на топорище.

У Тобольда едва не случилась остановка сердца. Он схватил кухонную утварь с крюка и прижал к груди.

– Не позволю! Этим топориком великий Клод Салазар перерубал косточки у курицы!

– Жлоб, – резюмировал секретарь, обиженный тем, что ему никак не дают встретиться с ненаглядным фарфором.

– Я купил его за большие деньги! – возмутился Тобольд. – Не хватало, чтобы ты его поцарапал!

Топорик у него все равно забрали, и наш бессменный шеф охал каждый раз, когда лезвие подлезало под очередную дощечку. Наконец крышки убрали. Все сгрудились вокруг стола. С интересом я раздвинула кучерявые стружки и обнаружила под ними не фарфоровые тарелки brutального черного цвета, а черепки от тарелок. Складывалось впечатление, что несчастные ящики не раз роняли и вместо сервиза в замок колдуна привезли фарфоровое крошево. Ей-богу, мир непуганых смельчаков!

— Ох, — тихо выдохнула Раиса, вместе с остальными наблюдавшая за раскопками из-под кудрявых тонких опилок вожденной секретарской собственности.

— Единорога на них нет, — проворчала Вэлла и осуждающее поцокала языком.

Не произнося ни слова, Хэллавин разбирал остатки красивого сервиза. Все испытывали страшную неловкость, в смущенном молчании переглядывались и топтались на месте.

В последнем ящике, видимо, пострадавшем меньше всего от варварской доставки, секретарь выкопал под стружками чудом не расколотую чашечку с тонким волнообразным краем. Со странным лицом непробиваемый приспешник, едва отринувший бессмысленную мизантропию, разглядывал вещицу. Он крутил ее в руках так и сяк, и казалось, что сейчас заплачет.

— Хэллавин, — начала я и кашлянула в кулак, стараясь прочистить горло, — давайте закажем другую посуду из другой мастерской. Я непременно свяжусь...

— Леди Мейн, — секретарь поднял на меня темные глаза, в них без преувеличений светились звезды, — у меня есть собственный фарфор! Видите, какая милая чашечка?

— Кхм... — Я замялась. — Согласна, чашка красивая. Очень мужская!

— И блюдечко! — с искренним восторгом объявил Хэлл и вытащил, возможно, единственное уцелевшее блюдце. — Как тебе моя чайная пара, Вернон?

— Нашел чему радоваться, — фыркнул тот, получил от меня чувствительный тычок локтем под ребра и растянул губы в фальшивой улыбке: — Да ты счастливеец, друг мой!

– Еще у меня есть чайничек! – едва не взвизгнул секретарь, хотя никогда не говорил фальцетом.

С победоносным видом он выудил кофейник и поднял повыше, чтобы все увидели. От чайника немедленно отвалился носик и со звоном бухнулся в стружки.

– Чайничка у меня больше нет, – пробормотал Хэллавин и продемонстрировал пухлую сахарницу. – И фарфоровая сахарница! Я буду в ней хранить запонки! Счастье-то какое!

– Двуетдиный нам помоги, – сама от себя не ожидая, пробормотала я себе под нос.

Сохранившиеся немногочисленные богатства чрезвычайно довольный Хэлл утащил к себе в комнату.

– Выбросите осколки, – распорядилась я. – А то увидит, когда придет в себя, и расстроится.

Неделей позже мы с Фостеном собрались в дом Артиссов. Я редко нервничала и всегда считала себя несгибаемым железным прутком. Никогда не испытывала ровным счетом никакого душевного трепета перед сложными переговорами и не тряслась перед начальством, когда выступала в роли гонца с дурными вестями. Но перед встречей с родителями Ивонны внутри поселилось непроходящее беспокойство и возникало абсурдное чувство, будто мне предстояло сдавать экзамен, а я не выучила ни одной темы. Оставалось импровизировать. Да пребудут со мной красноречие и актерское мастерство!

Раиса, как и положено личной горничной, отправлялась вместе с нами. Слуги уже вынесли через магическую дверь в столичный особняк дорожный сундук с вещами, а девушка замерла, не решаясь переступить порог.

– Не бойся, проходи, – натягивая перчатки, скомандовала я из неухоженной гостиной.

– Помоги мне светлый лик, – выдохнула горничная, осенила себя знаком двуетдиногo и, зажмурившись, сделала шаг.

Открыв глаза, Раиса осмотрелась, пробормотала, дескать спасибо двуетдиному, что руки-ноги на месте, и поправила на голове соломенную шляпку с шелковыми лентами. Потом суетливо спрятала седую кудрявую прядь, пятнавшую ярко-рыжую шевелюру.

– Добро пожаловать в столицу Рейванда, – хмыкнула я.

– Здесь даже воздух другой. – Она с удовольствием втянула носом пыльный, затхлый воздух, сморщилась и громко чихнула.

– Да, – с иронией согласилась я. – В Рокнесте пыли поменьше.

– Прости, хозяйка, – смутилась Раи.

Мы миновали густой одичалый сад. К крыше нанятого экипажа уже успели привязать дорожный сундук, и муж дожидался меня в просторном салоне. Карету специально выбирали тяжелую и большую, чтобы у Артиссов создавалось впечатление, будто дорога по просторам Рейванда заняла не один день.

Едва мы тронулись, как вдруг понеслось звонкое залиvistое тьяканье мелкой собачонки, внезапно переросшее в басовитый лай собаки большой. В дурных предчувствиях я отодвинула занавеску и посмотрела в окно. По мостовой, не отставая от кареты ни на шаг, неся огромный черный дог.

– Единорог? – невозмутимо уточнил Фостен и на мой вопросительный взгляд пояснил: – Когда-то она должна была снова поменять обличие.

Он приказал кучеру остановиться. Едва я открыла дверцу, как Зефира, уселась на мостовую, вывалила язык и принялась отбивать дробь длинным хвостом.

– Запрыгивай, – вздохнула я.

Мгновением позже в салон, точно ловкая белка, заскочила мелкая пучеглазая собачка. Она сиганула ровнехонько мне в руки и с восторгом попыталась облизать щеку.

– Надо вернуть ее в замок, – отодвигая внезапно любвеобильную зверушку, поморщилась я.

– Поехали уже, – цыкнул Фостен.

– Давай мне, хозяйка, – осторожно предложила Раиса и зачем-то опасно покосилась на моего грозного мужа.

Зефира переключалась к горничной, устроилась на коленях и загозила. Фостен высказал что-то резкое на том самом необычном языке. Собачонка мигом утомилась.

По дороге к особняку я приступила к заранее задуманному плану: непременно купить для Артиссов приятных подарков. Так сказать, настроить родственников на позитив! Еще в замке муж отреагировал на мое предложение скептически изогнутой бровью.

– В моем мире с пустыми руками в гости не ходят, – пояснила я.

Сначала мы докатили до какого-то особенного винного погребка за варейским десятилетней выдержки для главы семьи. Второй раз остановились напротив магазинчика с канцелярскими принадлежностями, в витрине которого стоял красивый глобус.

– Сколько брату Ивонны лет? – с большим скептицизмом уточнил Фостен на мое предложение этот самый глобус и прикупить.

– Четырнадцать? – Я посмотрела на Раису, прося подсказки, но та только покачала головой. – Может, пятнадцать...

– В пятнадцать ему вовсе не глобус надо покупать, – хмыкнул Фостен.

– А что тогда? – проворчала я.

Он усмехнулся и кивнул:

– Давайте возьмем вашему брату глобус, леди Мейн.

Когда мы с большим красивым глобусом вернулись в карету, Раиса выглядела так, словно ее прожевали и выплюнули. Рядом на сиденье Зефира вдохновенно грызла соломенную шляпку.

– Было проще отдать, чем объяснить, почему ее нельзя жрать, – пояснила Раиса, но тут же испуганно покосилась на колдуна и быстро поправила: – Нельзя есть! Конечно, я именно так и сказала.

– Не переживай, дитя, – великодушно успокоил ее тот, аккуратно расстегивая пуговицы на пиджаке, чтобы было удобнее сидеть. – Ты называешь вещи своими именами.

Потом я поняла, что леди Артисс осталась обделенная подарками, и велела кучеру завернуть в какую-нибудь милую цветочную лавку. Цветы Фостен отправился выбирать лично, потому как горничная со слезами на глазах попросила меня остаться в карете. Прожорливая собачонка уже догрызла ее шляпку, и Раи опасалась, что примется за нее саму.

В карету муж притащил цветочный хаос. В большой корзине вперемешку теснились садовые, оранжерейные и полевые цветы. Из центра цветочного взрыва торчали круглые колючие головки, покрытые паутиной и увенчанные лиловыми соцветиями. Видимо, Фостен указал пальцем во все, что было не прибито к ведрам, а потом для полноты композиции попросил под забором выдрать и зачихнуть репейник.

– Не нравится? – деловито поинтересовался он, устроившись на сиденье.

– Очень красиво, – улыбнулась я, чуток отодвигаясь, а то в лицо тыкалась бархатистая головка нечто, похожего на фиолетовую астру, но подозрительно пахнущего ладаном.

– Я рад.

– В первый раз сам покупал цветы? – не удержалась я.

Внезапно Зефира громко чихнула и самопроизвольно превратилась в огромного дога, погребшего под собой испуганно пискнувшую горничную. Секундой позже чихнула еще раз, снова стала мелкой собачкой и, обалдев от резкой смены ипостаси, перестала шевелиться.

– Раи, ты в порядке? – попыталась я выглянуть из-за цветочного безобразия.

– Да, хозяйка, – загробным голосом промычала служанка. – Хорошо, что Зефира не превратилась в лошадь. Я бы не выжила.

– Мы бы тоже, – прокомментировал Фостен с самым непроницаемым видом, буквально кричащим о том, что покупка цветов тещам до хорошего никогда не доводила.

– Как понимаю, про шоколад говорить уже поздно, – пробормотала я на выдохе.

Фостен выразительно кашлянул в воцарившейся тишине. К особняку Артиссов мы приехали без шоколада, с корзиной цветов, помятой горничной и великолепным глобусом, мечтой любого школьника.

Дверь в просторный холл открыл дворецкий. Артиссы встречали нас полным составом: глава семьи, взволнованная мать и хмурый долговязый отрок, застегнутый на все пуговицы. При нашем появлении с лица Катарины Артисс медленно сошла улыбка. Смятенный взгляд перебегал от меня к Фостену, руки нервно мяти носовой платок. Очевидно, она пыталась узнать в незнакомке родную дочь и не понимала, почему ее светловолосая девочка мастью подозрительно напоминала мужа-колдуна.

В гробовой тишине было слышно, как Зефира пытается вырваться из рук горничной.

– Отец, матушка, здравствуйте, – чинно кивнула я, больше не стесняясь называть их родителями, и за каким-то чертом слегка поклонилась.

Для глобуса мой вежливый жест оказался смертельным приговором. Миниатюрный земной шар сорвался с подставки, с грохотом упал на пол и покатился под ноги оцепеневшим Артиссам. Недолго думая, под испуганное оханье горничной Зефира рванула следом. В прыжке превратившись в огромного дога, она толкнула Фостена и бросилась за мячиком с леденящим кровь басовитым гавканьем. Из корзины посыпались цветы.

– Стоять! – сседила муж.

От его негромкого приказа по стойке смирно встали все. Возможно, и внешний мир. Цветы зависли в воздухе, с них сыпались лепестки. Зефира заскользила по мраморному полу когтистыми лапами, обратилась мелкой собачонкой и уселась на плотненький зад в позе вышколенного домашнего питомца. Глобус докатился до сына Артиссов и остановился, уткнувшись ему в ботинки.

– Это тебе подарок, – зачем-то пояснила я в звенящей тишине.

Последовала странная пауза. Замершие в полете цветы плюхнулись на пол.

– Эзра, поблагодари сестру, – сседила леди Артисс.

– Спасибо, сестрица, – послушался отрок.

– Кто это? – Она указала на Зефиру, и та визгливо тявкнула, растопырив внезапно огромные уши.

– Единорог, – призналась я. – Свадебный подарок от мужа.

Тот тихо хмыкнул.

– Очень мило с его стороны, – согласилась хозяйка дома, продемонстрировав просто нечеловеческую выдержку и идеальное воспитание.

Наконец все отмерли. Фостен поприветствовал тестя, а леди Артисс вручил корзинку с цветами. Выразительно посмотрев на цветущий репей, она передала подношение слугам и приказала расставить цветы по вазам. Когда мы двинулись в гостиную, я тихо пробормотала мужу:

– Не отдавай вино. Вряд ли я переживу этот день на трезвую голову.

Прихлебывая черный чай, я ждала, кто первым задаст вопрос, почему дочь перестала походить на собственный портрет. Светская беседа не клеилась. Темы погоды, горного воздуха и красот замка Рокнест закончились с молниеносной скоростью. В возникшей паузе

глава семьи сломался. Пронзив меня тяжелым взглядом, он все-таки рубанул:

– Ивонна, что ты с собой сделала?

– Дорогой... – Леди Артисс многозначительно подняла брови. – Наша дочь боролась с тяжелой болезнью!

– Не знаю такой болезни, которая меняет человека до неузнаваемости, – справедливо заметил он.

– Ваша дочь искупалась в озере, – невозмутимо пояснил Фостен и изящно прихлебнул чай.

– Озеро настолько грязное? – буркнул Артисс, намекнув, что я не превратилась из солнечной блондинки в яркую брюнетку, а просто сильно запахла.

– Магическое, – ответила я.

– То есть отмыться она не сможет? – вновь обратился отец Ивонны к зятю, проигнорировав мое присутствие.

– Исключено, – согласился тот.

– Ивонна, ты же не умеешь плавать! – охнула леди Артисс.

– Поэтому купались мы вместе, – хмыкнул Фостен.

Через некоторое время мужчины уединились в кабинете, а я поднялась в старую комнату Ивонны. К этому времени Раиса успела разобрать скудный багаж, развесить одежду на плечики и понеслась в людскую здороваться со старыми приятельницами. О своих планах она выпалила, когда мы столкнулись в дверях.

В девичью спальню, где провела первые дни после появления в новом мире, я входила со странным чувством. Не как домой, а скорее как в гостиничный номер. Ровном счетом ни одной вещи здесь не принадлежало мне. Все было чужим.

Зефира, обратившись кошкой, сидела на подоконнике возле раскрытого окна и внимательно наблюдала за птицами в саду. Внезапно она сорвалась с места, скакнула вперед и обратилась большой черной вороной. Что характерно, птичий щебет мгновенно затих.

Скинув дорожный пиджак, я остановилась напротив волшебного трюмо. На зеркальном полотне мгновенно начали распускаться нарисованные цветы, как на мониторе компьютера. С ума сойти, но еще два месяца назад я не представляла своей жизни без техники или мобильного телефона! Это все осталось в другой жизни. Сейчас было

смешно вспоминать, как сильно в первую ночь меня потрясло, что новый мир живет не только по законам физики, но и магии.

Недавно Фостен объяснил, что артефакты слушаются, если им четко отдавать приказы и не пытаться с ними заигрывать. Колдовство подчиняется сильным.

– Покажи портрет, – сурово приказала зеркалу.

Артефакт послушно продемонстрировал портрет... Вместо раздетого Фостена, сексапильно накидывающего на крепкие плечи белую рубашку, появились мы двое. И на этой картине мы вовсе не разговаривали мило за утренним кофе, а вдохновенно предавались разврату на письменном столе. От неожиданности у меня отвисла челюсть.

– Ты у себя? – раздался мелодичный голос леди Мейн.

– Исчезни! – рявкнула я зеркалу.

Вместо парочки возникла ангелоподобная блондинка, в которой я узнала себя до купания в мертвом озере. С самым беспутным видом, подняв подол кружевной сорочки, я задирала ногу на пуфик и стягивала белый чулок! На крыльях зеркального столика красовалось изображение Фостена. Он прятал руки в карманах и, по всей видимости, пристально следил за этим самым раздеванием. Мина у мужа была красноречивой, во взгляде горело желание.

– Сменись, паразитка! – рыкнула я.

– Прости? Ивонна, ты мне? – опешила в дверях хозяйка дома.

– Нет-нет! – С нервной улыбкой я отчаянно постучала костяшкой пальца по столику, и пошлые картинки сменились портретом Ивонны, по-прежнему стоящим в нашем холле. – У меня тут зеркало... отражать не хочет.

– Может, мне зайти попозже? – Леди Артисс обескураженно указала в сторону двери.

– Не стоит.

– Тогда я подожду тебя в гостиной, – окончательно запуталась она.

– Не стоит уходить, я почти справилась с кризисом! – Я приглашающе махнула рукой и рявкнула в сторону изображения: – Зеркало!

Не помогло. Портрет Ивонны остался с нами. С другой стороны, лучше портрет, чем картинки для взрослых.

Леди Артисс встала рядышком, с улыбкой посмотрела на изображение дочери и вымолвила:

– Ты всегда любила это зеркало, но оно никогда не слушалось.

– Ничего не изменилось, – отозвалась я. – Оно по-прежнему игнорирует приказы.

Катарина повернулась ко мне и ласково погладила по щеке теплой сухой ладонью.

– Ты в порядке, дитя мое?

– Да, – с мягкой улыбкой кивнула я. – В полном порядке.

– Муж хорошо о тебе заботится?

– Куда ж он денется, – фыркнула я. – Мы с Фостеном заключили соглашение о вечной дружбе и заботе.

Она хмыкнула, видимо, не приняв мои слова за чистую монету.

– Выходит, ты счастлива?

– Абсолютно.

– А Ивонна? – тихо спросила леди Артисс, заглядывая мне в глаза. – Она в порядке?

Я почувствовала, как начинаю медленно меняться в лице. Мать Ивонны отошла и присела на краешек кровати, оправила длинную юбку.

– Как давно вы догадались? – справившись с первой оторопью, нашла я в себе силы заговорить. Невозможно импровизировать, когда человек заявляет, что главная моя тайна давно раскрыта.

– О том, что вместо моей дочери в ту ночь проснулась незнакомка? – подсказала леди Артисс. – Довольно быстро. Когда у вас с мужем появятся дети, ты непременно поймешь, что материнское сердце редко обманывается. Вы с Ивонной поменялись местами?

Я сглотнула и вдруг поняла, что не смогу рассказать правду об Ивонне. Язык не повернется объявить матери о смерти родной дочери. Оставалось молча кивнуть.

– Она счастлива там, откуда ты пришла?

– Да, – улыбнулась я, чувствуя, что поперек горла встал ком. – Уверена, Ивонна счастлива. У меня была хорошая жизнь.

– Расскажи мне все. – Она похлопала ладонью по покрывалу, предлагая мне присесть. – Я хочу знать о том, где раньше жила моя дочь...

– Дочь? – удивилась я.

– Неужели ты думаешь, что когда-нибудь перестанешь быть мне дочерью? – Леди Артисс мелко заморгала, стараясь сдержать слезы, и отвернулась. Она быстро промокнула глаза платком и снова вернула на лицо улыбку.

Присев рядом, я крепко ее обняла. Некоторое время мы провели в молчании. Справившись с чувствами, леди отстранилась и предложила:

– Начинай.

– Я не знаю, с чего начать, – растерянно призналась я.

– Что ж... – Она хмыкнула. – Вряд ли тебя зовут Ивонна, так ведь?

Разговор вышел долгим. Казалось, у Катарины не иссякнут вопросы, и остановило ее лишь эффектное появление Зефиры. Большая ворона уселась на подоконник, а на пол спрыгнула гибкая черная кошка, походя выбросив в разные стороны перья. Со странным выражением леди Артисс следила, как те разлетелись по идеально чистому паркету.

– Зефира, ты поросенок, – заругалась я.

Не останавливаясь, кошка перетекла в форму миниатюрной свинки с мелким закрученным рогом, весело встопорщенным на макушке.

– Не в прямом смысле слова, – сухо откомментировала я.

Зефира немедленно превратилась в мелкую пучеглазую собачонку и от собственного звонкого чиха подскочила на месте. Из пасти в воздух внезапно вылетело и закружилось легкое белое перышко, явно принадлежавшее какой-то счастливо сожранной птичке.

– Это кошмар, – дипломатично заметила леди.

– Кошмар, когда она в единорога посреди комнаты превращается, – со смешком вымолвила я. – А это просто баловство.

– В кого она еще превращается?

– Лучше не озвучивать, чтобы не подавать ей идей, – заговорщицки прошептала я.

К счастью, самопрезентацию единорога во всех освоенных ею ипостасях прервал деликатный стук в дверь. Экономка сказала, что уже накрыли обед, и леди Артисс отправила меня пригласить мужчин к столу.

Спустившись на первый этаж, я прошла по глухому коридору и хотела постучаться в кабинет. Из-за неплотно прикрытой двери звучал басовито-раскатистый голос господина Артисса. По всей видимости, они обсудили важные вопросы, а теперь перешли к архиважной, просто животрепещущей теме: воспитанию послушных жен.

– Как вы ей все спускаете с рук? – возмущался Дейвид Артисс.

– Я открыл для себя способ сохранить мир в замке, – отозвался Фостен. Легко представлялась ироничная полуулыбка на его губах. – Главное, чтобы жена не заставляла меня искать дзен, а сама не проходила стадии принятия.

Последовало глубокомысленное молчание. Я занесла кулак, чтобы постучаться, но отец Ивонны вдруг спросил:

– Что такое дзен?

– Это, друг мой, когда возвращаешься в замок пешком по разбитой дороге и думаешь, как докатился до такой жизни, – поделился наученный опытом муж с еще неопытным коллегой.

Они снова примолкли, я опять собралась постучаться, но из-за двери раздалось:

– А стадии принятия?

– Сам бы хотел знать, – признался Фостен.

Тут я решила, что пора прервать душевную мужскую беседу. Иначе господин Артисс действительно начнет делиться методами воспитания послушной жены, а Фостен внезапно решит, что идеи-то неплохи и попытается провести эксперимент. Избежать темных дней не удастся, и он отправится искать дзен.

– Господа, – постучавшись, я заглянула в кабинет со знакомой строгой обстановкой, – мама просит вас идти к столу. Обед накрыт.

За обедом я спросила Катарину о фарфоровой мастерской, сбывающей товар по каталогам. Хозяйка дома немедленно предложила завтра отвезти меня в смотровую комнату и объявила, что новый сервиз станет подарком на грядущие именины. Я сама родилась зимой и не интересовалась, когда у Ивонны день рождения. Пришлось изобразить вежливую улыбку и признаться, что фарфор для мужниного секретаря.

– Фостен давно планировал его отблагодарить за годы верной службы.

Глядя на темного мага, изогнувшего обе брови, дурак бы догадался, что он впервые слышит об инициативе и ничего подобного не планировал. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Но у меня щемило сердце, стоило вспомнить, с каким обожанием Хэллавин разглядывал чудом уцелевшую чашечку.

На следующий день возле ворот особняка Фостена дожидалась карета из дворца. Он был вынужден уехать, и в мастерскую мы отправились вдвоем с леди Артисс. Нас встречал сам хозяин мастерской. Завел к себе в кабинет, рассадил по креслам с цветочной обивкой и принялся собирать сплетни. В смысле, вести светские беседы, но точно пытался выяснить, как поживает замужем за колдуном та самая полоумная Ивонна, вернувшаяся с того света. Я с любопытством разглядывала фарфоровые тарелки, стоящие на подставках в стеклянных витринах, и по большей части помалкивала.

— Я помню вашу дочь совсем крошкой, леди Артисс, — ударился в воспоминания хозяин мастерской. — Золотоволосый светлый дух...

Тут возникла странная пауза. Он смотрел на меня и, видимо, пытался понять, куда тот самый дух сбежал. Лицо леди Артисс слегка вытянулось. Она явно хотела нервно поерзать в кресле, но воспитание не позволяло совершить дерзкую эскападу против этикета.

— Видимо, с возрастом она пошла в вашего мужа, — добавил хозяин мастерской.

— Недавно я покрасила волосы, — нашла я и, продемонстрировав прядь, заработала два непонимающих взгляда. — Магические гребенки. Видите? Расчесываешься и волосы меняют оттенок. Главное, с цветом не прогадать, иначе можно покраситься в зеленый...

Осознав, что в тот день на базаре Фостен просто-напросто надо мной подшутил, я примолкла, выпустила из пальцев темный локон, которым с энтузиазмом трясла, и кашлянула в кулак.

— Юные женщины всегда чутко следят за модами, — фальшиво хохотнул хозяин мастерской. — Не знал, что косметическая артефакторика достигла таких высот!

Ага, просто бороздит просторы бескрайнего космоса, как когда-нибудь начнут бороздить корабли в моем прежнем мире.

— Кто-то же должен был придумать, как поменять оттенок волос, — пробормотала я, мысленно обругала мужа нехорошим словом. — Очень практичная вещь.

– Давайте посмотрим фарфор? – нашлась леди Артисс.

Мы вышли в смотровой зал, некоторое время прохаживались между шкафами с сервизами, пока наконец не добрались до стола с аккуратно расставленными черными тарелками.

– Наш фарфор известен на все королевство своим отменным качеством. Все сервизы мы доставляем сами! – энергично жестикулируя, соловьем пел хозяин. – Отвозим в самые дальние уголки Рейванда.

– Значит, сами доставляете? – медленно уточнила я.

– Не поверите, но недавно мы отвозили сервиз в замок Рокнест! Это место принадлежит... – Он примолк и начал медленно краснеть. Сначала пятна появились на щеках, потом перетекли на шею.

– Верно, – вкрадчиво согласилась я, – замок принадлежит моему мужу. Другими словами, вы точно знали, кто приобрел сервиз?

Хозяин нервно покосился на леди Артисс, совершенно не понимающую, что происходит. Однако внутренним чутьем аристократки она уже догадалась, что дочь намерена устроить совершенно не аристократический скандал. Впрочем, кричать и колотить тарелки я не планировала.

– Вам понравился наш фарфор? – со слабой надеждой уточнил хозяин.

– Не оценили, – со стальными интонациями ответила я. – Вы задержали доставку на два месяца, а сервиз пришел битый.

– Как битый? – пробормотал он.

– Целиком. Одни осколки, – сухо пояснила я. – Сервиз предназначался для одного хорошего человека, искренне влюбленного в чашечки, а тут такая неприятность.

– Леди Артисс, нам очень жаль! – выдохнул он.

– Леди Мейн, – веско поправила я.

– От этого еще жальче! – уверил тот. – Мы просто... подарим вам новый черный сервиз! Как вам такая идея?

– Светлый лик с вами! – воскликнула Катарина, явно считающая, что дочь пытается ограбить честного лавочника, хотя ни одна из нас не стеснена в средствах. – Мы не можем принять столь щедрый дар!

– Да отчего же не можем? – удивилась я. – Мы и не принимаем в дар. Мы заменяем испорченный в процессе перевозки товар. Так ведь, господин?

Тот, видимо, не нашел в себе моральных сил поддакнуть искренне и только с несчастным видом кивнул.

– Благодарю, – я мило улыбнулась, – с вами очень приятно иметь дело.

– Все для клиентов! – выдавил он, наверняка мысленно добавив, в каком гробу видел в клиентах жену темного мага. – Может, вам еще что-то приглянулось? В качестве компенсации за моральные терзания. Вазочка?

Не то чтобы я терзалась, но кто откажется от бесплатного фарфора? Даже если матушка Ивонны начнет делать вид, что вообще со мной не знакома. Судя по ее потрясенному лицу, леди уже приготовилась приподнять подол и под благовидным предлогом сбежать в карету.

Обведя смотровой зал орлиным взором, я заметила в витрине за стеклом белый пузатенький горшок с изящной крышечкой и черным орнаментом на горлышке.

– Это же погребальная урна! – воскликнул торговец в таком ужасе, словно боялся, что урну выбрали лично для него. Счет парень! Никто не знает, какие кровожадные мысли родятся в голове жены колдуна. Иногда и сама жена колдуна.

– Отлично, – улыбнулась я. – Моей свекрови очень тесно в чайнике.

– В каком смысле? – не понял торговец.

– Не поверите, но в прямом, – фыркнула я и посмотрела на изящную вазочку с тонким горлышком. В такую как раз отлично влезет подаренный Фостеном цветущий репейник. – Мама, вам нравится ваза?

– Симпатичная вещица, – дипломатично согласилась она.

– И вазочку, пожалуй, мы тоже возьмем, – указала я.

– Дарю все! – воскликнул торговец. – Леди Мейн, это огромная честь украсить ваш замок нашим фарфором!

А если честь не покажется огромной, то внезапно в смотровой зал может нагрянуть мой муж и полюбоваться тарелками...

– Да бросьте, господин. За горшок и вазу я заплачу, – улыбнулась я. – Это же подарки моим матушкам. Пришлите счет в замок Рокнест.

– Может, лучше так заберете? – жалобно попросил он.

– Конечно, заберем, раз вы настаиваете, – вздохнула я.

– Завтра все доставим в особняк к леди Артисс! – пообещал он.

– Нет, знаете, с вашей службой доставки мы уже столкнулись, – быстро проговорила я и кивнула в сторону витрины: – Пакуйте и грузите в карету.

– Сейчас? – охнул он.

– Что вам мешает?

– Если подумать, то ничего...

– Хорошо, что вы подумали. Мы заберем с собой. И стружек побольше положите, чтобы не как в первый раз.

– Засыпем доверху! – испуганно уверил он. – Хотите разноцветными опилками? Целый ящик с собой дадим.

– Не надо нам лишнего, – слегка испугалась я такой ретивости.

– Надо! Все для лучших клиентов. Где мы еще таких найдем?

Сервиз паковали под моим чутким присмотром, боясь сделать лишнее движение. Каждую вещь пересыпали кудрявыми стружками, а вазочку вручили леди Мейн в специальной узкой коробке. Ящики аккуратно поставили на пол между сиденьями кареты. Полагаю, дорогой экипаж никогда не использовали, как грузовик.

Когда мы тронулись, хозяин фарфоровой мастерской со счастливой улыбкой помахал рукой. Видимо, был невероятно рад, что жена колдуна осталась довольна и не обещала вернуться.

Катарина сидела с таким лицом, будто проглотила кол. Внезапно у нее вырвался смех. Она прикрыла ладонью рот, выдохнула, стараясь сдержаться, но вдруг расхохоталась. Смеялась до слез, махала перед разбурянным лицом содранной с головы шляпкой, а успокоиться не могла.

– Все в порядке? – ошеломленно спросила я.

– Как вспомню физиономию этого дельца, когда ты заявила, что заберешь сервиз, раз он настаивает, так сдержаться не могу! Светлый лик помощи! – Она перевела дыхание. – В прошлом месяце он отказал моей дорогой подруге леди Дайр поменять треснувшие чашки. Сказал, что она их сама скорее всего испортила. Его все ненавидят за склочный характер, но выстраиваются в очередь. Он поставщик фарфора в королевский дворец. И тут появляется моя дочь...

Леди Артисс вновь захохотала.

– Все-таки быть замужем за темным магом на удивление практично, – протянула я.

– Да не то слово! – утирая слезы от смеха, согласилась она.

Когда карета подъехала к особняку Артиссов, перед раскрытыми воротами неожиданно обнаружился Фостен. Возле его ноги спокойно сидел большой черный дог. Рядом с колдуном Зефира не безобразничала и вела себя, как идеально выдрессированный домашний питомец, а не дикий демонический единорог, меняющий облик при каждом чихе.

В ярком летнем солнце муж выглядел ошеломительно. Темно-синий камзол подчеркивал фигуру, темные волосы волной лежали на плечах. В них осталась только одна светлая прядь, и она ему шла.

Вряд ли теперь в этом красивом, уверенном в себе мужчине, от которого сердце сбивалось с размеренного ритма, кто-то узнал бы самого страшного колдуна королевства Рейванд. Не знаю, что стерло с его лица следы темного дара. Возможно, мертвое озеро одарило нас обоих, но мне нравилось думать, что изменения начались с того самого момента, когда мы впервые заговорили в холле Артиссов.

Экипаж остановился. Бросив какую-то команду собаке, видимо, чтобы она не сходила с места, Фостен приблизился к краю тротуара. Слуга открыл дверцу, и муж с сексапильной полуулыбкой на губах подал мне раскрытую ладонь.

– Добрый день, леди Мейн.

– И вам, дорогой супруг. – Опершись на его твердую руку, я легко выбралась из высокой кареты.

Потом он помог спуститься со ступеньки теще. Катарина не побоялась ни сжать его ладонь, ни посмотреть в глаза. Очевидно, для Артиссов Фостен перестал представлять сосредоточие зла, способное одним взглядом проклясть род до седьмого колена, и семья осознала, что с манерами у колдуна получше, чем у их дочери.

– Выгуливал Зефиру, потому что другие отказались? – Я кивнула на собаку, и та трубно тявкнула.

Она отчаянно колотила хвостом по брусчатке, но после приказа мага не смела сорваться с места. Иначе устроит непотребный бедлам и, возможно, на радостях от встречи кого-нибудь (меня) опрокинет наземь.

– Хотел прогуляться с вами, леди Мейн, но ваш единорог увязался следом, – ответил Фостен и кивнул на ящики в карете: – Смотрю, поездка в мастерскую прошла удачно.

– И это не стоило тебе ни варьята, – хмыкнула я.

Катарина вновь прыснула в кулак и, быстро извинившись, помахала рукой:

– Прогуляйтесь. Погода сегодня чудесная.

Загнать Зефиру в дом не удалось. Мы с Фостеном неторопливо шагали по мощеному тротуару, а она трусила рядом и отчаянно строила вид, что вовсе не обращает внимания ни на кареты, ни на прохожих. Потом ходить она подустала, под изумленное оханье окружающих превратилась в мелкую собачонку и попросилась на руки. Пришлось с сожалением отпустить локоть мужа и подхватить ее под мышку.

– Как прошла поездка во дворец? – спросила я Фостена.

– Не так весело, как твоя в мастерскую фарфора.

– То есть ни одной бесплатной тарелки ты не отжал?

– Его величество жаждет лично познакомиться с моей супругой. Гневался, что я приехал один. Грозился нанести визит в замок, – поделился он.

– Я никого в жизни нигде не принимала! Особенно монарших особ! У нас даже фарфорового сервиза своего нет! – воскликнула я и Зефира в моих руках твякнула тоже исключительно обеспокоенно. – Только секретарский!

– Я сказал, что замок не готов к приему королевской свиты, – признался Фостен.

– Ты послал его величество? – опешила я. – У нас неприятности?

– Попросил его приехать, когда мы закончим ремонт, – мягко поправил он.

– У нас будет ремонт?! – Теперь я действительно испугалась. – Точно! Мы по уши в неприятностях.

– Ты хочешь отремонтировать Рокнест? – невозмутимо уточнил муж, определенно потешаясь над тем, как я всполошилась.

– Нет! Меня все устраивает.

– И меня, – отозвался он.

– Господи, отлегло, – проворчала я, понимая, что невозможно закончить ремонт, который никто не планирует заводить в доме. – Не пугай так больше. У твоей жены слабая нервная система.

– Нервная система у моей жены железная, – парировал он. – И ты это не раз демонстрировала. Хочешь выпить кофе?

Фостен указал на заведение с вычурной вывеской, сквозь большие окна которого просматривался уютный зал. При виде собачонки в моих руках официант насторожился. Муж что-то ему тихо сказал и сунул в руку монету. Нас немедленно проводили в сад на заднем дворе, где были расставлены круглые столики. От деревьев вокруг танцевали мозаичные тени, в самом центре тихо бормотал маленький фонтан. Струи вспыхивали от солнечных лучей разноцветными искрами. Если бы не это довольное милое напоминание о магии, сложилось бы впечатление, что кофейня находится в моем мире. Уж больно привычными казались интерьеры.

Других посетителей, кроме нас, в середине дня не было. Мы уселись за столик в тени. Зефира немедленно вырвалась из рук, превратилась в птицу и, едва не задев крылом макушку опешившего официанта, взгромоздилась на цветущую ветку. Сверху посыпались мелкие белые лепестки, усеяв, как снегом, круглую столешницу, широкие плечи Фостена и мои колени.

– Ваша собачка... – пробормотал ошарашенный официант.

– Что? – любезно уточнила я.

– Сейчас улетит. – Он в шоке смотрел на птицу и явно боялся, что она залает. Зефира супротив ожиданиям каркнула.

– Улетит, когда мы собрались есть? – хмыкнула я. – Даже не питаем напрасных надежд.

Воздушное пирожное, которое мне принесли, я проглотила практически не жуя. Не думала, что настолько соскучилась по десертам. С недавних пор в замке готовили отменно, но Тобольд еще не добрался до раздела с десертами в поварской книге. Из сладкого имелась только пастила, которую делала Вэлла в огромном количестве, а заказанный из города шоколад каждый раз бесследно исчезал в комнате Вернона.

– Ты знаешь, я придумала один проект... – начала я.

– Я согласен, – спокойно перебил Фостен.

– Не спросишь, на что я собралась тратить твои деньги и магию? – скептически уточнила я. – На уникальный продукт, если тебе интересно. На гребенки для покраски волос.

– Их еще не придумали? – хмыкнул муж.

– Придумали, – кивнула я. – Ты и придумал, мой идейный вдохновитель.

– Единственное, что волнует идейного вдохновителя: выстоит ли замок?

– Гарантий дать не могу, но постараюсь не оставить наших детей без наследства... – Я немедленно поняла, что именно ляпнула, и тут же вымолвила: – Ох, извини, Фостен. Глупость сморозила!

– За что ты извиняешься? – хмыкнул он.

– Для меня не секрет, что ты никогда не хотел детей. Я смогу с этим жить.

– Я не смогу, – вдруг ответил он, и у меня в груди едва не взорвалось сердце. – Ты не моя мать, Мария, а я не мой отец. Мы будем отличными родителями и научим нашего ребенка справляться с темным даром. Согласна?

– Полностью, – почти зачарованно ответила я и проследила, как Фостен с невозмутимым видом положил на стол между тарелками с десертами маленькую коробочку. – Что это?

– Открой, – кивнул он.

Под крышкой с эмблемой эксцентричного ювелира Версейна, заставившего весь полусвет приезжать из столицы в глухую провинцию, лежало узкое обручальное кольцо из тускло светящегося серебристого металла. Судя по размеру, из пары именно оно было мужским.

– Когда ты купил кольца? – спросила я с улыбкой.

– Когда ты отказалась выбирать у ювелира украшения, – признался он.

– А где второе?

Фостен выдержал многозначительную паузу и почему-то посмотрел на пустую тарелку из-под пирожного, стоящую передо мной. Внезапно вспомнилось, как он о чем-то тихо переговаривался с официантом, и я воскликнула:

– Фостен Мейн, ты что, спрятал кольцо в пирожное, а я его проглотила?!

Впервые на моей памяти муж рассмеялся открыто и красиво, в голос.

– Что, весело? – искренне возмутилась я. – У меня в животе кольцо стоимостью с лошадь!

– Какая же ты забавная, – выдохнул он и протянул тонкое колечко на раскрытой ладони. – Я не знаю, как в твоём мире принято дарить

кольца, и не помню, на какой палец его следует надеть.

– На безымянный, – подсказала я и, стараясь сдержать смех, протянула руку. – Хорошо, что я его не проглотила, было бы обидно.

Кольцо легко скользнуло на палец, а потом резко сузилось до нужного размера.

Муж не сводил с меня пристального взгляда. В его темных глазах читалось столько слов и эмоций, что невольно вспоминалось, какими холодными и колкими эти глаза были в самом начале.

– Спасибо, – вдруг произнес Фостен.

– За то, что приняла кольцо? – пошутила я.

– Спасибо, что ворвалась в мою жизнь и отказалась из нее уходить, леди Мария Мейн. Ты навсегда изменила мой мир.

ЭПИЛОГ. С приветом из другого мира

Спустя шесть лет...

Все было готово! Натертый паркет в бальной зале, превращенной в зал демонстрационный, блестел. Рядами стояли мягкие стулья. В окна светило прозрачное зимнее солнце и вид на горы открывался божественно прекрасный. На возвышении стояла квадратная емкость, уже наполненная водой, тазик с бельем, на столике – разноцветные бутылочки с моющими щелочами. Горничная в последний раз проходилась мягкой тряпочкой по полированным стенкам емкости. Не дай двуединый, останется хоть крошечный отпечаток!

Уже шесть лет я гордо несла в магический мир цивилизацию. Гребни для окраски волос, шапочки для густоты локонов, музыкальные шкатулки, поющие голосами оперных див, и еще десяток незаменимых в жизни любой женщины хозяйственных артефактов. Очень легко фонтанировать «уникальными» идеями, когда уже все придумано и изобретено до меня в другом мире. Главное – это найти команду талантливых артефакторов... Уговорить оперных певиц записать песню на магический диск, много раз перекрасить добровольцам из замка волосы, после этого догнать и уломать хоть кого-нибудь надеть шапочку для роста волос, слегка похожую на детский чепчик.

Сегодня мы наконец представляли «стиральную бочку»! Пыталась назвать магическую стиральную машину хоть «агрегатом», но никто не выговаривал иномирное слово. Как с феном. Так и называют «сушилками для волос».

Над новым артефактом работали почти два года, у нас сын быстрее научился первым темным заклятиям. Теперь мы полностью готовы. Вечером все обязано пройти идеально! Двуединый нам помощи.

На пороге предвестником беды вырос Хэллавин в черном костюме.

– Нет! Ты не скажешь, что пришел с дурными вестями! – Я указала в него пальцем. – Только не сегодня.

– У меня отличная новость, – покачал он головой.

– Серьезно? – удивилась я. – Какая?

– Ваш супруг уже в курсе, что на демонстрацию заявится его величество, а все остальные приглашения придется отменить. Раиса уже пишет извинительные письма и рассылает купоны на бесплатные артефакты.

Я почувствовала, как меняюсь в лице.

– Во дворце королю, что ли, не сидится? На улице адские морозы!

– В столице, в отличие от Рокнеста, зима исключительно мягкая, – напомнил Хэллавин о том, что мне и так известно.

Каждый день за отвратной столичной погодой я следила из окна в восстановленном особняке Мейнов. Снегопады сменялись потеплением и в стекла стучали холодные дожди, а мостовые превращались в снежную кашу. Сад выглядел унылым. Три года назад мы превратили дом в контору со смотровыми залами, но до старого сада руки толком не дошли.

– Откуда король узнал о демонстрации? Мы отправили приглашения только самым важным клиенткам, – забранилась я. – Они все домохозяйки!

– У вас в замке шпион, – объявил Хэллавин.

– Кто этот подлец?

– Полагаю, ваш муж. – Он развел руками. – Призовите его к ответу.

– Так и сделаю! – цыкнула я, направляясь в сторону открытых дверей бальной залы. – Сейчас призову. И потом еще пару раз призову! Чтобы неповадно было! И почему вы идете за мной? Совсем работы нет? Подкинуть?

– Что вы на меня злитесь, леди Мейн? – индифферентно отозвался он, не сбиваясь с шага. – Я просто гонец с дурными вестями.

Когда в особняке закончился ремонт, у секретаря исчезли все точки на запястье. Хозяин-колдун, видимо, был настолько благодарен, что приспешник взял восстановление старого дома на себя, что служение внезапно закончилось.

Хэлл растерялся, пару дней собирал вещи, но не придумал, куда перевезти коллекцию любимых фарфоровых сервизов, и остался. Одним прекрасным утречком перебирая бумажки в моей новой приемной, он угрюмо буркнул, что согласен за достойное жалование помогать в захватывающем начинании...

Седмицу мы спорили, какое жалование Хэллавин посчитает достойным, а я – не грабительским. Каждый по-прежнему оставался при своем мнении. Я считала, что слишком много плачу. Он настаивал, что ему недоплачивают за адскую службу на жену колдуна, умеющую рывкнуть так, что смолкал вечно твякающий... – кхм, – единорог.

Кстати, сейчас на крытом манеже, построенным специально для зимних тренировок, Зефира в облике пони терпела урок верховой езды у Артемки, в смысле, у Артемия Мейна. Фостен решил, что пять лет – самый возраст для мальчика, чтобы учиться держаться в седле.

Впервые две бабушки, Катарина и Луиза, нянчившие внука, перестали грызться между собой и сплотились против единого врага, буквально воплощения зла во всем Рейванде. Муж отнесся к их заговору флегматично. Ко мне с жалобами они идти побоялись, просто излучали молчаливое осуждение.

Фостен был в своем кабинете и пребывал в безобразно отличном настроении. Не выказывая ни капли беспокойства из-за появления венценосного родственника, он читал какую-то бумаженцию и явно веселился.

Рядом мялся новый темный приспешник зла, совсем молоденький парень, только-только переступивший через совершеннолетие. Сделку на четверть века служения он заключил ради сестры, медленно угасавшей от неизлечимой болезни. С полгода назад перевез в замок всю семью и заявил, что в жизни так хорошо не жил, как сейчас. Ему нравилось все, кроме разговоров, как скосить пару ипотечных лет.

При моем появлении Фостен поднял взгляд от листочка. В глазах плясали веселые черти. Муж ничуть не изменился за последние шесть лет, разве что напоминанием о событиях шестилетней давности осталась седая прядь. Но ведь никому не докажешь, что муж не посидел от счастливой семейной жизни, а как раз наоборот! Мы любили друг друга в любой момент, даже во время жарких споров. Сердце замирало, когда он на меня смотрел.

– Судя по вашему грозному виду, леди Мейн, вы уже в курсе, – резюмировал Фостен.

– Напиши деду, что сегодня отвратительное время для приема гостей! – потребовала я.

– Его величество сегодня приезжает? – Он изобразил фальшивое удивление.

– Не делай вид, что ты не в курсе. Ты сам рассказал ему о демонстрации! – проворчала я. – Скажи, что у нас случились темные дни. Света нет, магии нет, тепла нет, демонстрации тоже нет.

– И мы готовимся вымереть, как драконы на заре времен, – поддакнул Хэллавин за моей спиной. – Отличный план.

– Тогда он привезет с собой всю свиту, – предрек Фостен. – Ты не любишь придворных.

– Король захочет, чтобы его свита тоже вымерла? – скептически уточнила я.

– Он захочет их повоспитывать и получится неловко, как два года назад, – напомнил муж о первом визите.

– Хозяин прав: плохой план, – привычно переобулся Хэлл.

В Рокнест пару лет назад его величество нагрянул без предупреждения. В один прекрасный день в магическую дверь настойчиво постучались. Мы обалдели и зачем-то открыли, а в коридор вошел король. Следом потянулся хвост из придворных, охранников, слуг и королевского лекаря прихватить не забыли. Его величество заявил, что хочет познакомиться с сыном темного мага, а заодно посмотреть, что за монументальный ремонт мы затеяли, если тот никак не закончится... Из вредности прожил почти седмицу. Без душевной боли и содрогания я не могла вспоминать те дни бесконечного хаоса.

– Просто покажи королю эту стиральную бочку и попроси Тобольда сварить борщ, – предложил Фостен. – Король уедет довольным и даст денег на другие начинания.

– Думаешь?

– Уверен.

– Встречать будем вместе. И надень праздничный камзол, пусть видит, что мы тут при параде, – приободрилась я. – Пойду Тобольду дам распоряжения.

– К слову, о Тобольде. Сначала ты должна увидеть это... – С ироничной улыбкой Фостен протянул мне ту самую бумажку, которую держал в руках.

Я пробежала глазами по строчкам и почувствовала, как брови поползли на лоб. Корявым почерком Тобольда была написана петиция! Он собрал подписи с жителей замка. Целых пять штук. В одной закорючке я узнала росчерк Вернона.

Народ требовал, чтобы хозяин почаще ссорился с супругой! Когда она, в смысле я, психует, то приходит на кухню и начинает готовить иномирные блюда. В прошлый раз я умудрилась пообещать наварить солянки. Уже три декады прошло, ни одной ссоры не случилось, а все ждут. Тобольд четыре раза выбрасывал специально заказанные продукты. Вэлла, страшная женщина, его живьем скоро съест, а леди Мейн на кухне не появляется. Какое безобразие и бессмысленное разбазаривание хозяйских денег!

Клод Салазар по-прежнему оставался кумиром нашего повара, но в последние годы у него еще завелся полезный блокнотик, куда он записывал рецепты. Каждый раз, когда Тобольд нацеплял на нос новенькие очки для чтения и водил по строчкам пальцем, пытаюсь разобраться в собственных каракулях, я вспоминала покойную бабулю, точно так же собиравшую рецепты с тетрадочку.

– Они написали петицию? – Я потрясла бумажкой. – Откуда Тобольд вообще это слово знает?

– Точно не от меня, – ухмыльнулся Фостен.

– И не от меня, – замотал головой приспешник. – Я вообще его впервые слышу.

– Я тоже ни при чем, – протянул Хэлл из-за моей спины.

– То есть хотите сказать, это я его надоумила? – с вызовом уточнила у мужчин, получила дружное и многозначительное молчание в ответ. – Ладно, я ему сейчас расскажу о петициях!

Но оказалось достаточно рассказать про короля, чтобы у Тобольда подкосились колени. Вэлла подхватила нашего шефа под локоть и опалила меня укоризненным взглядом. Кухарки, строгоющие мелкие бутерброды для приема гостей и насаживающие на шпажки канапе, пришли в трепет. А Вернон, засунувший в рот кусок ветчины, ею и подавился.

Пришлось крепким вдохновляющим словом приводить всех чувство, потребовать десять литров борща и фрикадельки в томатном соусе, чтобы поразить короля незнакомыми блюдами. Может, так удивится, что в следующий раз не останется на обед.

Потом я вспомнила, что в замке не осталось ни одного полного сервиза.

– Потому что к фарфору надо относиться бережно, – презрительно фыркнул Вернон. – Давно пора запретить Луизе ночевать в наших

сервизах. А то взяла манеру спать то в супнице, то в чайниках, как будто у нее своей погребальной урны нет. Поседею скоро!

Откровенно сказать, Вернон давно пользовался красящими гребенками и шапочками для роста волос. Он избавился от залысины и носил густую шевелюру цвета «черного единорога», подстриженную «под горшок». В последний раз он, похоже, переборщил с расчесыванием и черный начал отдавать зеленцой, как Зефира, съевшая что-то не особо съедобное.

– Луиза в ней чувствует себя мертвой, – пояснила я, отчего в замке начался беспредел.

– Она уже мертва, – заметил Хэллавин.

– Не обижайте маму! Она прекрасная бабушка и не подписывает никаких петиций! – Я возмущенно потрясла бумажкой.

Вернон опять подавился. Теперь, видимо, воздухом. Тобольд попытался спрятаться за большой кастрюлей, стоящей на очаге. Кухарки прыснули в кулаки, а Вэлла только тяжело вздохнула. Мне кажется, все шесть лет она гадала, какого темного лика поселилась в замке с этими чок... с нами.

– Кстати, о сервизах! – Я повернулась к секретарю и окинула его выразительным взглядом.

– Нет! – отрезал он. – Свой сервиз не дам.

– В аренду, – предложила я.

– Ни за какие деньги!

– Сколько? – настаивала я.

– Три варьята, – немедленно выставил он цену.

– Двуетиный с вами! Тарелки без золотой каемки! – возмутилась я.

– Из тонкого фарфора благородного черного цвета! – с достоинством парировал секретарь. – В эту цену включены риски остаться без комплекта. Не дай двуетиный потрескаться хоть одной!

В семь вечера, когда замок Рокнест обступила непроглядная темнота, всем семейством мы торжественно выстроились перед раскрытой магической дверью. Фостен в камзоле стоял в центре нашей приветственной композиции. Я держала за плечи Артемку, чтобы тот не крутился. Сын зажимал под мышкой Зефиру в образе мелкой собачонки. Когда она пыталась вертеться и тявкать, молча стискивал ей бока, и та послушно обмякала, теряя надежду вырваться.

Маменьки замерли по другую руку от хозяина замка. В смысле, замерла взволнованная Катарина, по случаю приезда короля надевшая вечернее платье и семейные рубины в тон. Погребальную урну с Луизой, прикрытой крышечкой, а потому просто недовольно булькающей в воцарившейся тишине, кое-как удерживал Хэллавин. В черных одеждах он напоминал тень, так что белый горшок на его фоне выглядел заметным. Ни за что не пропустишь. Мы, конечно, пытались оставить свекровь в гостиной, но она пригрозила явиться на демонстрацию и перепугать истеричных придворных.

В глубине особняка Мейнов началось неясное движение. Слабым утешением незапланированному появлению родственника было то, что к замку ему придется пройти через гостиную, превращенную в склад и обычно закрытую на ключ.

Наконец его величество в черном плаще, видимо, призванном сохранять инкогнито для верных подданных, появился в дверном проеме. Несмотря на преклонный возраст, он сохранял величественную осанку. Невольно я отметила, что волосы без следа седины у него покрашены цветом «идеальная блондинка».

– Ваше величество, рады приветствовать вас в замке Рокнест, – проговорил Фостен, и между слов я услышала, *насколько* мы все рады и фонтанируем счастьем от появления высокородного родственника.

Мы все согнулись в поклоне, кто насколько смог, учитывая тьявкующего единорога, вес погребальной урны и общую нервную обстановку. Но королю понравилось. Царственным жестом он разрешил нам выпрямиться.

– Мальчик, как ты вырос, – улыбнулся король, глядя на Артемку сверху вниз. – Уже выучил первые заклятия?

– Да, ваше величество, – отозвался тот, как его полдня учила бабуля Катарина.

Вторая бабуля пыталась научить ругательствам, поэтому во время урока ее пришлось закрыть крышкой в горшке и унести в гостиную.

– А это у тебя кто? – Король указал на Зефиру.

– Единорог, – без тени сомнения, что надо говорить только правду, заявило чадо.

– Твой? – улыбнулся король, решив, будто чадо все-таки сочиняет.

– Мамин.

– Неужели?

– Она страшнее папы. Ее все боятся.

Возникла странная пауза.

– А это? – Король обратил взор в сторону Хэллавина.

– Моя мать решила вас поприветствовать лично, – не пытаясь скрыть иронию, пояснил Фостен.

Его величество изобразил тонкую улыбку и кивнул оцепеневшему секретарю.

– Приветствую дорогую родственницу.

– Она в погребальной урне, – подсказал Фостен.

– Вы приволокли прах? – совершенно по-простому изумился король.

– Дух, – поправил его внучатый племянник, и крышечка на горшке подпрыгнула.

Стало ясно, что с приветствиями пора закругляться. Окоченевшие придворные в черных плащах уже толпились на складе и грозились перевернуть деревянные стеллажи. Мы все дружно двинулись в сторону бальной залы. Хэллавин с погребальной урной тоже шел, поэтому казалось, что по коридору двигается похоронная процессия. Если бы Луиза не сидела в горшке, а следила за нами со стороны, то была бы под большим впечатлением.

Королевскую свиту я всегда воспринимала большим курятником. Где бы они ни появлялись, обязательно начинали кудахтать. В бальной зале стоял такой гомон, словно они сто лет не виделись и наконец встретились.

Фостен сидел рядом с венценосным дедом в первом ряду. Я вместе с Раисой заняла место на возвышении рядом с магической стиральной машиной. У стеночки мялось трио тех самых талантливых артефакторов, едва не впавших в прострацию от факта, что всамделишный король прошел мимо на расстоянии вытянутой руки.

Звучала музыка. Бродячая труппа из бородатых лесорубов давно сбрила бороды, бродить перестала и выступала теперь только в самых приличных местах. Играть парни научились весьма слаженно и перестали скидывать одежки при любом удобном, а иногда не особо удобном случае.

Наконец все расселись. Броуновское движение прекратилось. Взоры обратились к сцене.

– Я сейчас упаду в обморок, – сквозь зубы в тишине пробормотала Раиса, одетая в скромное синее платье с вышитой эмблемой нашей мануфактуры «С приветом из другого мира».

– Не время, – едва слышно отозвалась я и с улыбкой начала рассказывать о стиральной машине.

Разливаясь соловьем, я пыталась на пальцах объяснить принцип действия этой машинки. Раиса по ходу пьесы забрасывала в воду бельишко, наливала из бутылочки щелок.

– Закрываем крышкой, – объявила я.

– Могу я вам помочь? – внезапно вызвался король поучаствовать в демонстрации.

Да что тебе не только во дворце-то не сидится, но даже на стуле?! Я слышала, что по зиме подагра обострилась. Совсем не мучает?

– Конечно, ваше величество, – с улыбкой ответила я, и Раиса подвинулась.

– Нет, я точно сейчас упаду в обморок, – тихонечко пожаловалась она.

– Все еще не время, – тихо отсоветовала я.

Личные стражи между тем помогли королю взгромоздиться на сцену. Я следила за ним в дурном предчувствии стиральной катастрофы. С деятельным видом он сунул нос внутрь машинки, потрогал указательным пальцем надувшуюся пузырями рубашку на поверхности и лично опустил крышку.

– И? – не понял он, почему чудо артефакт ничего не стирает.

– Теперь вы должны озвучить команду, – подсказала я. – Скажите ей «стирай».

– Стирай! – величественно приказал король.

Стиральная бочка в лучших традициях всех магических штук из замка Рокнест не дернулась.

– Крутись! – сседила я.

– Я? – изумился король.

– Да стиралка! – рявкнула я и тут же извинилась: – Простите, ваше величество. Попробуйте сказать «крутись».

Тот последовал совету. Машинка молчала, и это был неизбежный провал. Артефакторы влипли в стенку, припечатанные моим гневным взглядом, и кажется все дружно собирались стечь в спасительный обморок вместе с Раисой.

– Стирай! – рявкнул его величество. – Тебе король приказывает!

И стиральная бочка ожила! Внутри загудело, она слегка затряслась, и сразу стало ясно, что белье внутри хорошенько вертят, крутят и взбалтывают.

– Самое главное, – обратилась я к аудитории и снова повернулась к королю, – в процессе стирки...

С самым заинтересованным видом он поднял крышку.

– ...не поднимайте крышку, – на автомате договорила я.

Мгновением позже вверх ударил фонтан мыльной воды. Мы отпрыгнули в разные стороны. Белье подлетело в воздух. Словно в замедленной съемке, я следила за тем, как белая рубашка в красивом полете расправляет рукава, растягивается в разные стороны. Через секунду эффект заторможенного времени закончился. Мокрая тряпка, не в силах бороться с земным притяжением, плюхнулась вниз и покрыла покрашенную голову стоящего в луже короля. Стиральная бочка встряхнулась и замочла.

На зал опустилась звенящая тишина. Король расставил руки, не понимая, что произошло. По дороговому вышитому камзолу стекала вода. Люди боялись пошевелиться. В глубоком безмолвии раздался громкий, почти неприличный смешок. Я бросила возмущенный взгляд на мужа. Опустив голову, он прикрыл лицо ладонью. Плечи тряслись. Мой благоверный давился хохотом!

Его величество резко стянул с лица мокрую тряпку, сжал ее в кулаке...

– Как видите, господа, – громко проговорила я и указала рукой на короля, – стиральная бочка не только стирает белье, но и развешивает! Во славу магического прогресса! Во славу нашего доброго короля!

Музыканты в едином порыве заиграли какой-то торжественный мотив. Придворные поднялись со своих мест и принялись аплодировать королю. Фостен переводил дыхание. Ни от кого не укрылось, что до нас с Раисой не добралась ни одна капля мыльной воды. Заботливый муж как-то ловко поставил невидимую преграду с помощью магии и фонтан ударил в прозрачную стенку.

Пока промокший во славу прогресса и по собственной глупос... любознательности король срывал овалы подданных, я нашла взглядом талантливых артефакторов и дернула подбородком, приказывая им

смываться. Те бочком начали продвигаться к выходу и успели спрятаться в коридоре, пока зал рукоплескал.

– Теперь-то мне можно в обморок? – пискнула Раи.

– Рано! – сседила я. – Выводи на сцену Артемку! Цветок нашей жизни сейчас всех умилит.

Она рванула за нашим с Фостеном сыном. Жестом призвав толпу примолкнуть, я объявила, что сейчас юный маг Артемий Мейн продемонстрирует, с какой легкостью современная магия справляется с маленькими (будем честны: чудовищными) неловкостями.

Артемка не подвел. Светловолосый птенчик с карими глазами отца запрыгнул на сцену и в два счета отправил в сторону прадеда волну горячего воздуха. Волна слегка распушила его величеству волосы. Рубашка, зажатая в королевском кулаке, тоже высохла и чуток задымилось. Народу зашло. Не знаю, как королю. Похоже, он впервые в жизни потерял дар речи и не мог высказать претензий.

Громогласный провал его величество заел борщом, запил варейским и в середине ночи кое-как отправился во дворец. Свита, к счастью, не растерялась в огромном замке и тоже хвостом уплыла следом за постиранным вместо белья монархом.

– Думаешь, он нас теперь лишит замка? – тихо спросила я у Фостена, когда, проверив сладко спящего сына, мы вышли из детских покоев.

– Постесняется. После такого позора он даст тебе денег на новое изобретение. Придворные-то притворятся, что этого позора не помнят, но супруга темного мага – вряд ли.

– Он купит мое молчание? – хмыкнула я.

– И щедро оплатит, – кивнул Фостен, крепко прижимая меня к груди. – Давай отдыхать. Сегодня был долгий день.

– Люблю тебя, – пробормотала я, наслаждаясь его знакомым запахом.

– Я тоже тебя люблю, – ответил муж.

КОНЕЦ